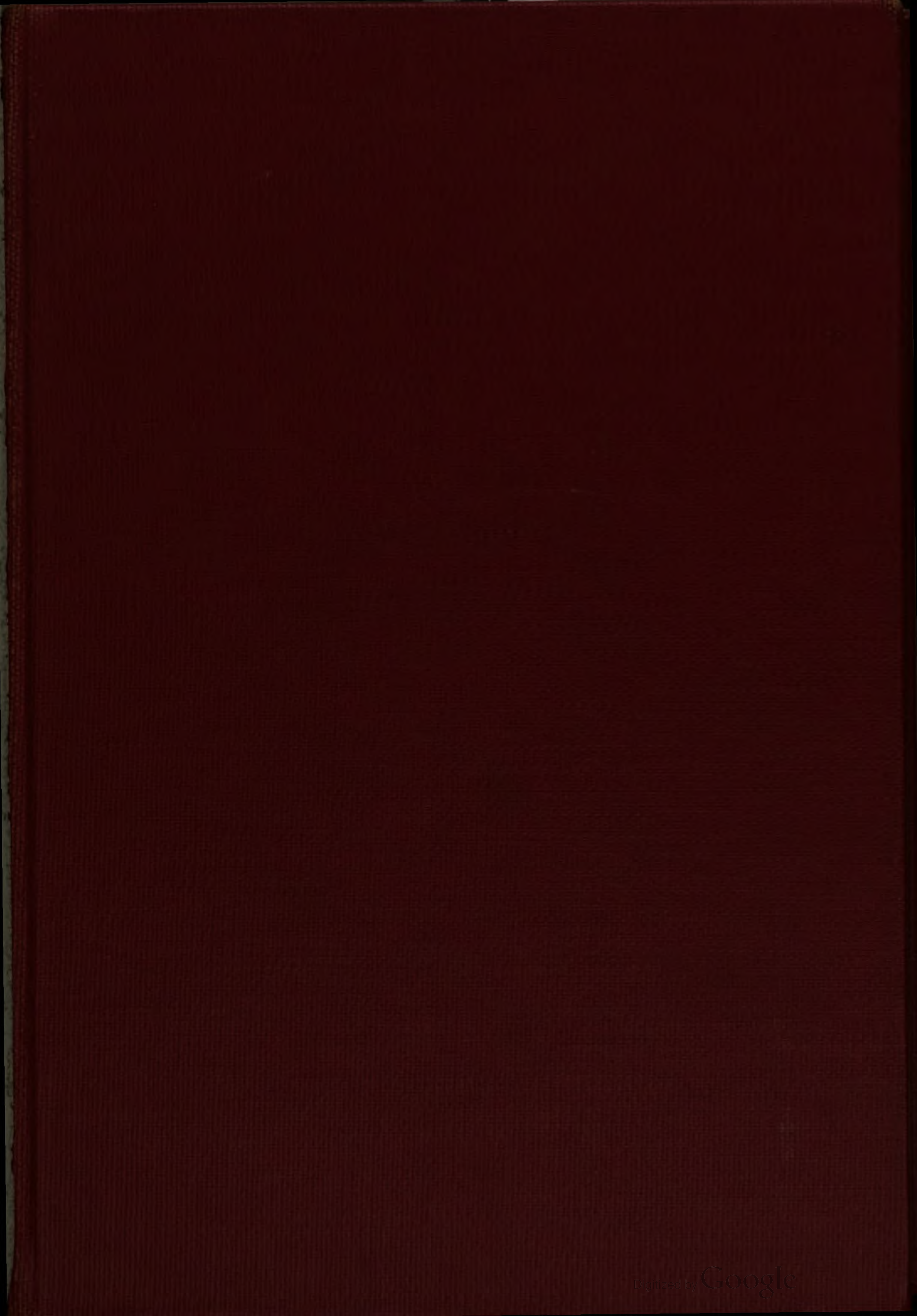
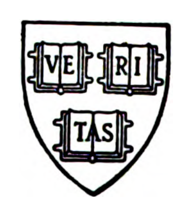

VE RI
TAS

ВѢСТНИ

№ 3.

1900 г.

Digitized by Google

См. на оборот.

ОБРАЗЦЫ РАБОТЪ
ФАБРИКИ
Ж. И. Бучкина.
С.-Петербургъ
34 САДОВАЯ ул. 34.
№ 17.
№ 3. с.
№ 25.
№ 9.
№ 21.
№ 11.
№ 23.
№ 4. с.
№ 22.
№ 8.

См. на оборотѣ.

ВѢСТНИКЪ
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

Ежемѣсячный журналъ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

ФЕВРАЛЬ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. Пороховщикова Вассейная 3—5.
1900.

Стр.

I. **За всемірное владычество.** (Истор. повѣсть). *Д. Л. Мордовцева.* 1

II. **Четыре проекта Сперанскаго.** *Н. Коркунова.* (*Окончаніе*). 30

III. **Очерки захолустной жизни.** *І. І. Ясинскаго.* 65

IV. **Эволюція собственности.** (Историческій переходъ отъ коллективныхъ формъ землевладѣнія къ частной собственности). *М. Ковалевскаго.* 85

V. **Даръ слезъ.** Историч. романъ. *В. Свѣтлова.* (*Продолженіе*). 125

VI. **На рубежѣ XIX вѣка.** *** (*Продолженіе*). 148

VII. **Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ;** его масонская и государственная дѣятельность. *А. Суровцева.* 176

VIII. **Переписка графа І. А. Каподистрія.** *А. Ф. Шидловскаго.* (*Продолженіе*). 199

IX. **Пройдоха.** (Воспоминанія именитаго купца стараго времени). *В. Никитина.* (*Продолженіе*). 225

X. **Странички прошлаго.**—I. Деревенскій Грозный старыхъ временъ.—*В. Грибовскаго.*—II. Былъ ли царевичъ Димитрій больной мальчикъ?—*А. Мерцалова.*—III.—Справка о заливѣ Делагоа.—*С. Л.*—Романическая женитьба Генриха Австрійскаго. 231

XI. **Изъ области археологіи.** 241

XII. **Критика и библіографія.** 251

Приложеніе:

Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ Европы.

1) **Исторія польскаго народа.** *В. Смоленскаго.*

Сборникъ иностранныхъ историч. романовъ.

2) **Торжество силы.** Истор. романъ *Поля Адамъ.*

Prions nous tous continuellement
pour notre vie et notre mort,
à la grande gloire de Dieu,
qui est le rétablissement de l'ordre
et de la vérité parmi les
hommes.

A Edling

(Къ пер. графа І. А. Каподистрія).

ЗА ВСЕМІРНОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

I.

Молодой понтійскій царевичъ Митридатъ съ огромною свитой охотился въ сосѣднихъ съ Пафлагоніею горахъ своей родины.

Оставшись ребенкомъ послѣ смерти отца, послѣдняго царя Понта, Митридата IV, юный Митридатъ рано понялъ, что онъ—не любимецъ матери, которая всю свою нѣжность перенесла на младшаго сына. Можетъ быть, вдовствующая царица Понта имѣла основаніе предпочесть младшаго сына старшему. Своевольный, необузданный нравъ маленькаго Митридата, съ самаго ранняго дѣтства выказывавшаго непреоборимое упрямство—будущую желѣзную волю воинственныя, безпокойныя игры, несвойственныя дѣтскому возрасту; проявленіе дерзости по отношенію къ матери и нескрываемаго презрѣнія къ избалованному и изнѣженному младшему брату; видимое, какъ казалось царицѣ—пристрастное обожаніе, оказываемое царедворцами юному Митридату, и холодность двора къ ея любимцу,—все это не могло не охладить въ царицѣ къ старшему сыну сердца матери, а впослѣдствіи—и ожесточить его.

Все это взвѣшивалъ юный Митридатъ своимъ наблюдательнымъ, рано возмужавшимъ умомъ и потому старался держаться вдали отъ двора и большую часть времени проводить на охотѣ и среди военныхъ упражненій, закалявшихъ его бога-

тырскій организмъ. Но отдаленіе отъ двора Митридата послужило лишь къ тому, что весь дворъ, по крайней мѣрѣ особенно вліятельные и наиболѣе достойные царедворцы послѣдовали за юнымъ царевичемъ въ это добровольное изгнаніе.

Дворъ понтійскихъ царей представлялъ рѣдкое въ то время явленіе. Приближенные послѣдняго царя, Митридата IV, являли собою смѣсь всѣхъ національностей:—тутъ были и образованные греки и римляне, армяне и иверы, персы и сирійцы, египтяне и даже скиѳы, потому что многочисленный флотъ понтійскихъ царей имѣлъ торговыя сношенія со всѣми побережьями Понта Евксинскаго и посѣщалъ для тѣхъ же цѣлей греческія колоніи Босфора Киммерійскаго—Херсонесъ, Пантикапею и цвѣтущую Фанагорію.

Даровитый юный царевичъ, окруженный представителями всѣхъ этихъ національностей, рано усвоилъ ихъ языки и свободно владѣлъ 25-ю говорами какъ культурныхъ народовъ, такъ и мѣстныхъ племенъ-варваровъ.

Исполинъ ростомъ, сложенія и силы Геркулеса, молодой Митридатъ возбуждалъ удивленіе во всѣхъ его окружавшихъ, граничившее съ поклоненіемъ.

Къ довершенію всего, молодой царевичъ подъ руководствомъ образованныхъ учителей изъ грековъ и римлянъ получилъ солидное воспитаніе и основательно изучилъ исторію Греціи и Рима, Египта и Персіи, а равно ознакомился съ историческими судьбами народовъ Востока, ранѣе Понта совершавшихъ свою государственную миссію.

И вотъ, какъ сказано въ началѣ этого повѣствованія, мы застаемъ будущаго царя Понта и опаснаго соперника Рима на охотѣ въ горахъ своей родины.

На этотъ разъ охота была особенно удачна. Дикія козы, фазаны, гуси, горныя курочки, каменные бараны, олени—все это свозилось и сносилось массами къ ставкѣ молодого царевича, разбитой на пологомъ берегу живописной горной рѣчки. Около палатокъ прислужники разводили костры, чтобы жарить на нихъ барановъ, козъ, оленей и разную дичь.

Митридатъ, окруженный охотниками изъ свиты, весело возвращался въ свою ставку, гдѣ, подъ руководствомъ главнаго повара, ближайшіе его прислужники снимали шкуры съ оленей и козъ и очищали дичь отъ перьевъ.

Подходя къ своей палаткѣ, Митридатъ замѣтилъ, что его виночерпій ѣстъ какую-то ощипленную сырую птицу.

— Ты что это, Мосхинъ, пожираешь сырьемъ, точно скиѳъ-савроматъ?—спросилъ царевичъ съ удивленіемъ.

— Утку, господинъ,—отвѣчалъ виночерпій, продолжая ѣсть.

Свита Митридата тоже обступила пожирающаго сырье Мосхина, думая—не сошелъ ли онъ съ ума или не слишкомъ ли ужъ начерпался царскаго вина, которымъ онъ распоряжался по должности.

— Какую утку, да при томъ сырую?—еще съ большимъ удивленіемъ спросилъ Митридатъ.

— Понтійскую, господинъ, утку... Это особый родъ утокъ... Меня сейчасъ укусила въ ногу проклятая гадюка—ядовитая... Такъ это, господинъ, испытанное средство:—понтійская утка питается гадюками, и если кого укуситъ этотъ гадъ, то, пока ядъ не заразилъ кровь, надо тотчасъ ѣсть мясо вотъ этой утки, какъ лучшее противоядіе,—отвѣчалъ виночерпій.

Всѣ отнеслись къ словамъ его, какъ къ мѣстному повѣрью; но бывшій въ свитѣ Митридата египтянинъ Радама сказалъ:

— Не изображайте, благородные мужи, вашими лицами знаки недовѣрія и презрѣнія. Наши жрецы давно похитили у матери-природы тайны ея ядовъ и противоядій. Чтобы сдѣлать тѣло человѣка неуязвимымъ ядами, они его или постепенно, ничтожными пріемами отравляютъ, или вводятъ въ кровь отравленнаго тотъ же ядъ, которымъ тѣло укушеннаго отравлено. Такъ и мясо понтійской утки, питающейся гадюками, по волѣ боговъ, управляющихъ вселенною, составляетъ противоядіе.

— О, я давно наблюдалъ за этими интересными понтійскими утками—anatidae ponticae—какъ онѣ питаются гадюками—viperae,—сказалъ римлянинъ, риторъ Гай Постумъ, бывшій учитель молодого Митридата.—Смертные иногда случайно похищаютъ у природы тайны, которыя безсмертные боги, не открывая людямъ, повѣдаютъ животнымъ, какъ въ данномъ случаѣ.

— Это, дорогой учитель, животныя дѣлаютъ это въ силу врожденнаго инстинкта,—замѣтилъ Митридатъ.

— Нѣтъ, царевичъ,—возразилъ Гай Постумъ:—не въ силу инстинкта, а сознательно, своимъ разумомъ, котораго смертные постигнуть не могутъ. Всмотрись въ жизнь хотя бы пчелъ, какъ онѣ дѣлаютъ себѣ запасъ меда на зиму. А

бѣлки, собирающія на зиму наилучшіе орѣхи? А животныя, звѣри и птицы, даже лягушки, предсказывающія перемѣны погоды?—Это—тайны вѣчныхъ боговъ.

Случай съ уткой глубоко поразилъ впечатлительнаго молодого царевича.

— Такъ ядъ ядомъ побѣждается?—задумчиво проговорилъ Митридатъ.

— Да, царевичъ:—similia similibus,—сказалъ риторъ-философъ:—и при томъ—сильнѣйшее всегда побѣждается слабѣйшимъ.

— Такъ и слабый Понтъ побѣдитъ всемогущій Римъ?—улыбнулся Митридатъ.

— Да, царевичъ:—я тебѣ давно говорилъ, что продажный Римъ будетъ побѣжденъ Понтомъ.

— За то, что онъ изгналъ тебя, оптимата, въ угоду пролетаріямъ?—окончательно разсмѣялся будущій царь Понта.

Между тѣмъ, рабы, большею частью изъ скиѳовъ и гетовъ, успѣли разостлать на лужайкѣ ковры, принести для пиршества мѣха съ виномъ—бурдюки, кратеры, рога горныхъ барановъ, оправленные въ золото и серебро—для питья, разставили на коврахъ блюда для кушаній, и виночерпій Мосхипъ, наѣвшійся понтійской утки до отвалу, доложилъ, что все готово для пира:—дичь хорошо прожарилась на вертелахъ, и рѣзаное мясо дикихъ козъ и барановъ, тоже поджаренное на желѣзныхъ прутьяхъ—нынѣшній шашлыкъ—издаетъ ароматическій запахъ.

Въ это время на горной тропѣ, ведущей къ стану Митридата, послышался конскій топотъ.

— Кого боги посылаютъ намъ?—удивился Митридатъ.

— А можетъ быть—фуріи или парки—многозначительно замѣтилъ виночерпій:—твои всѣ съ тобой, царевичъ.

— А не лѣсной ли это богъ-панъ стучитъ козьими копытами, возмущенный тѣмъ, что мы опустошаемъ его лѣса—истребляемъ дичь,—улыбнулся Постумъ:—запахъ жареной дичи достигъ до его волосатаго носа.

Но въ это время на тропѣ показался всадникъ, который и выѣхалъ на лужайку. Его тотчасъ узнали, когда онъ сходилъ съ коня, передавая его рабамъ.

— А! Благородный Сервилій!—воскликнулъ Митридатъ:—какіе боги вѣтровъ—Эолъ, Эвръ, Нотъ или Аквилонъ—принесли твой корабль изъ Рима? Что новаго въ этомъ продажномъ гнѣздѣ шершней? Цѣлъ ли Капитолій? Не обруши-

лась ли Тарпейская скала? Живы ли гуси капитолійскіе? Форумъ еще не проданъ никому?

Прибывшій былъ статный римлянинъ, изъ сословія всадниковъ, во время господства Марія и пролетаріевъ покинувшій Римъ и поступившій въ качествѣ недовольнаго Римомъ ко двору понтійскихъ царей.

— Ты, царевичъ, задаешь мнѣ разомъ столько вопросовъ, что я не знаю, на который изъ нихъ и отвѣчать,—сказалъ прибывшій, здороваясь съ Митридатомъ... Да хранятъ тебя боги Понта, Египта и даже скиѳовъ, только не ослѣпшіе боги Рима.

— А! нашъ Перунъ и Сварогъ,—весело замѣтилъ любимый оруженосецъ Митридата, великанъ скиѳъ, по имени Яръ.

— Садись рядомъ со мной, благородный римлянинъ,— привѣтливо сказалъ Митридатъ.—Я радъ тебя видѣть.

Всѣ усѣлись по-восточному, поджавъ ноги.

— Наполни, мой вѣрный Мосхинъ, благороднымъ фалернскимъ всѣ кратеры и рога,—обратился Митридатъ къ виночерпію. Совершимъ возліянія Бахусу-Діонису, побѣдоносному богу, за счастливое возвращеніе мужественнаго Сервилія.

Рога и кратеры были налиты, блюда наполнены испускавшими ароматы, раздражавшіе аппетитъ проголодавшихся охотниковъ, жареными кусками мяса и дичи.

— Да пошлютъ безсмертные боги здоровье и славу царевичу Митридату!—возгласилъ Сервилій, осушая громадный турій рогъ.

— Слава царевичу Митридату, надеждѣ Понта!—подхватили присутствующіе.

Начался пиръ, напоминавшій пиры героевъ Гомера.

— Ты спрашивалъ, царевичъ, что новаго въ Римѣ,— заговорилъ Сервилій, обгладывая вкусный бокъ молодой, жирной козы. Владыкою Рима по-прежнему остается этотъ горный вепрь,—грязный и пьяный Марій. Съ тѣхъ поръ, какъ въ его тріумфѣ шествовалъ Югурта въ золотыхъ цѣпяхъ и въ царскомъ одѣяніи, все преклоняется передъ выскочкой, который когда-то у себя на родинѣ, въ горной деревушкѣ, пасъ единственную козу своей матери. Югурта не выдержалъ холодной и сырой тюрьмы послѣ знойной Нумидіи и умеръ, какъ левъ его родины, въ этой „ледяной банѣ", какъ онъ называлъ мѣсто своего заточенія, проклиная продажный Римъ. А Марій торжествуетъ: съ нимъ неразлучны его громадная золотая кратера, изъ которой онъ совершаетъ жертвенныя

возліянія своему любимому божеству Бахусу—и эта страшная фурія, сирійская Сивилла, которая предсказала, что онъ семь разъ будетъ владыкою міра—консуломъ Рима.

—Она не изъ Сиріи, а изъ моего Египта,—поправилъ Сервилія Радама:—она воспитывалась въ храмѣ великой Изиды, а потомъ случайно попала въ плѣнъ къ сирійскимъ пиратамъ и продана въ Римъ, гдѣ и поступила рабыней въ домъ знаменитыхъ Юліевъ.

— Да вѣдь Марій и женатъ на дѣвицѣ изъ дома благородныхъ Юліевъ,—пояснилъ Гай Постумъ... Ея рабыней и было предсказано Марію его величіе.

—А Ливій Друзъ?—спросилъ Митридатъ.

— О, этому не сдобровать!—гнѣвно сказалъ Сервилій:—онъ пошелъ по слѣдамъ Гракховъ. Одна надежда у оптиматовъ на Суллу. Теперь, готовясь къ борьбѣ съ Маріемъ, онъ находится въ Кампаніи для сбора войскъ. И надо отдать ему справедливость—боги одарили его и энергіей, и умѣньемъ привлекать войска. Возвращаясь изъ Рима сюда, я проѣхалъ въ Кампанію и былъ въ Неаполѣ. Около этого города у него есть роскошная вилла рядомъ съ богатѣйшею виллой молодого Лукулла, его любимца. Такъ, чтобъ привлечь къ себѣ сердца воиновъ, они да еще другъ Лукулла, богатый юноша Крассъ, щедро угощаютъ воиновъ, цѣлыми когортами и легіонами, почти каждый день, а центуріоновъ и легатовъ на своихъ виллахъ закармливаютъ устрицами изъ озеръ Баіи и жирными муренами, откармливаемыми въ громадныхъ писцинахъ тѣлами рабовъ.

— Тѣлами рабовъ!—воскликнулъ добродушный скиѳъ Яръ:—рыбъ кормятъ людьми! У насъ рыбу ѣдятъ люди, а у нихъ—рыбы людей... Насъ называютъ варварами, а сами—хужс свиней:—ѣдятъ людей въ рыбѣ.

Въ то время, когда пирующіе заняты были разговоромъ, къ виночерпію незамѣтно подошелъ одинъ изъ рабовъ и отозвалъ его въ сторону.

Приблизившись къ палаткѣ царевича, Мосхинъ увидѣлъ тамъ молодого армянина, состоявшаго въ свитѣ царицы, матери Митридата.

— Ты что, Арменъ?—спросилъ его виночерпій.

— Меня прислалъ господинъ мой, благородный Тиридатъ, предупредить царевича, что царица замыслила недоброе,—отвѣчалъ тихо Арменъ.—Намъ грозитъ бѣда.

— Я давно это подозрѣвалъ,—мрачно прошепталъ Мосхинъ.—Убійство, отрава?

— Хуже... На праздникъ Посейдона рѣшено арестовать царевича и его свиту по обвиненію ихъ, будто-бы, въ заговорѣ на жизнь царицы.

— А!—такъ Посейдонъ самъ приметъ ее въ холодное свое царство,—злобно сказалъ Мосхинъ.—Тѣмъ лучше... Боги, значитъ, судили Митридату занять тронъ отца раньше, чѣмъ онъ ожидалъ... Понтійскій скорпіонъ самъ себя ужалилъ смертельно и своего любимца... Жди же приказаній царевича.

И виночерпій отошелъ къ пирующимъ.

II.

Мать Митридата была родомъ изъ Пергама. Отецъ ея, Атталъ III, въ изступленіи безумнаго деспотизма, умертвилъ свою мать и многихъ родственниковъ, а потомъ завѣщалъ свое царство Риму.

Дочь наслѣдовала это безуміе отца, хотя оно и не проявлялось въ такой, какъ у отца, дикой формѣ. Въ Пергамѣ, какъ извѣстно, процвѣтала скульптура. Знаменитый, находящійся въ музеѣ Капитолія, въ Римѣ, „умирающій гладіаторъ-галлъ“ (gallo morente), доселѣ привлекающій путешественниковъ всего міра, принадлежитъ пергамской школѣ.

Эта дивная статуя вдохновила Байрона и вызвала этотъ геніальный стихъ великаго поэта:

Боецъ лежитъ, смертельно пораженъ,
Опершись на слабѣющія руки;
Не жить ему, но мужественно онъ
Выноситъ боль своей предсмертной муки.
И падаетъ изъ раны тяжело,
По каплѣ, такъ какъ дождь передъ грозою,
Густая кровь, и блѣдное чело
Склоняется все ниже надъ землею...
Въ безуміи восторга своего
Толпа шумитъ, и въ изступленьи дикомъ,
Привѣтствуетъ соперника его
Безжалостнымъ безчеловѣчнымъ кликомъ.
Онъ слышалъ все, но кликамъ не внималъ;
Не думалъ онъ о жизни угасавшей,
И мутныхъ глазъ своихъ не обращалъ
Къ толпѣ, вокругъ безумно ликовавшей;
Нѣтъ, взоръ его былъ съ сердцемъ вмѣстѣ—тамъ,
У хижины, на берегу Дуная,
Гдѣ бѣгали безпечно по полямъ
Его малютки, весело играя;
И мать ихъ тамъ... Но гдѣ же ихъ отецъ?
Зарѣзанъ онъ для развлеченья Рима.
Возстаньте же, о готѳы, наконецъ!
Пусть будетъ месть грозна, неумолима!

Казалось бы, воспитанная при дворѣ отца, страстнаго любителя искусствъ, Атталія, мать Митридата, должна была также быть цѣнительницей искусствъ; но, вмѣстѣ съ безуміемъ отца, она унаслѣдовала ненависть къ скульптурѣ, къ статуямъ:—статуи казались ей непохороненными трупами, и она, при видѣ ихъ, содрогалась, какъ при видѣ мертвецовъ.

Другая ненормальность ея чувствъ была—непреодолимая нелюбовь къ старшему сыну, къ Митридату. Къ этому же чувству примѣшалась безумная любовь ея къ младшему сыну, изнѣженному Атталу, названному такъ въ честь дѣда, послѣдняго царя Пергама.

Эти-то ненормальныя чувства и толкали ее на преступленіе—на государственный переворотъ, на убійство или отравленіе старшаго сына и на поголовное истребленіе всѣхъ приверженцевъ Митридата.

Но кровавый замыселъ ея не укрылся отъ глазъ друга Митридата, молодого Тиридата, родственника дому царей Арменіи. Онъ-то и спѣшилъ увѣдомить своего друга о замыслѣ Атталіи и совѣтовалъ искать помощи у намѣстника Артаксаты, сѣверной столицы армянскаго царства.

Помощь Арменіи, однако, не понадобилась.

Насталъ день праздника Посейдона-Нептуна. Въ столицѣ Понта, въ Синопѣ, праздникъ этотъ совпадалъ съ днемъ лѣтняго солнцестоянія, когда богъ морей бываетъ наиболѣе благосклоненъ къ смертнымъ и обыкновенно бурный Понтъ Евксинскій дѣлается особенно спокойнымъ.

Съ утра все населеніе Синопа, точно море въ бурю, волновалось около храма бога морей, заливая собою весь морской берегъ. Храмъ Посейдона-Нептуна стоялъ на самомъ концѣ мыса, полукруглымъ рогомъ вдававшагося далеко въ море. Въ мраморномъ обширномъ углубленіи, въ видѣ исполинской раковины, на высокомъ бронзовомъ пьедесталѣ возвышалась гигантская статуя бога, изваянная изъ бѣлоснѣжнаго мрамора искуснѣйшими мастерами Пергама. Посейдонъ-Нептунъ изображенъ былъ плывущимъ по морю въ тупоносой ладьѣ, влекомой морскими конями съ развѣвающимися гривами и рыбьими хвостами. Посейдонъ стоялъ въ ладьѣ, держа въ одной рукѣ трезубецъ, въ другой — извивающагося огромнаго дельфина, и грозно всматривался въ морскую даль, какъ-бы отыскивая тамъ для себя жертвы, или же, напротивъ, грозя вѣтрамъ:—„вотъ я васъ!“..

У подножія статуи, въ огромныхъ бронзовыхъ и мрамор-

ныхъ сосудахъ, словно въ писцинахъ, плавали жертвенныя рыбы, отчасти предназначенныя для всесожженія на жертвенникѣ божества, отчасти же для жертвенной трапезы служителямъ бога морей. Вдоль берега уже пылали костры, на которыхъ, при помощи вертеловъ, жарились всевозможныя рыбы и октоподы—для всенароднаго пиршества въ честь празднуемаго бога.

Скоро изъ города потянулась процессія. Впереди, въ бѣлыхъ ризахъ, шли жрецы Посейдона и подъ звуки флейтъ оглашали воздухъ торжественнымъ гимномъ морю:

О, всемогущее,
Необозримое,
Въ гнѣвѣ—ужасное,
Смертью разящее,
Въ милости—доброе,
О, всемогущее!
Къ смертнымъ будь милостиво!

Голоса жрецовъ сливались съ нѣжными голосами молоденькихъ дѣвушекъ, дочерей знатнѣйшихъ особъ Синопа. Украшенныя розами, онѣ несли гирлянды цвѣтовъ для увѣнчанія ими изображенія божества.

Далѣе слѣдовала придворная знать съ царевичемъ Митридатомъ во главѣ. Царица же слѣдовала къ храму Посейдона изъ дворца, расположеннаго по другую сторону синопской гавани-залива, моремъ, на богато убранной двѣнадцативесельной ладьѣ. Съ нею находился и ея сынъ-любимецъ, изнѣженный Атталъ.

За придворною знатью шли воины — дворцовая стража царицы и ея тѣлохранители, въ тактъ ударяя копьями по щитамъ.

Когда процессія остановилась передъ ликомъ божества и служители храма стали возжигать благовонныя куренія, весь берегъ моря огласился могучимъ гимномъ жрецовъ, подхваченнымъ всенародною толпой, въ такихъ выраженіяхъ возносившей моленіе грозному богу морей:

Владыка бездонныхъ пучинъ,
Надежда и страхъ мореходовъ,
Всесильный и добрый Посейдонъ!
Къ тебѣ мы возносимъ молитвы,
Да правитъ трезубецъ твой мощный
Вѣтровъ благодатнымъ дыханьемъ,
Чтобъ крѣпкій корабль мореходный,
Равно и ладья рыболова
Спокойно морскія пучины
Во славу твою преплывали.
Внемли намъ, великій Посейдонъ!

— Но великій Посейдонъ, повидимому, не внемлетъ нашимъ моленіямъ,—тихо сказалъ Митридатъ стоявшимъ около Гаю Постуму и Тирадату, и многозначительно посмотрѣлъ на море.

Несмотря на ясный іюньскій день, море страшно бушевало. Западный вѣтеръ, перешедшій въ ураганъ, гналъ и вздымалъ бушующіе, съ сѣдыми гривами, валы съ неимовѣрною силой. Отъ храма Посейдона видно было, съ какими страшными усиліями билась въ кипящей и клокочущей разъяренной стихіи ладья царицы, державшая отъ дворца курсъ къ храму бога морей. Она то совсѣмъ, повидимому, исчезала въ волнахъ, то выносилась на сѣдыя ихъ гривы, точно легкая яичная скорлупа.

— Свирѣпый Эолъ, кажется, развязалъ всѣ свои мѣха и распустилъ вѣтры на всѣ четыре стороны, и они жестоко борются между собою—Нотусъ съ Евромъ, Аквилонъ съ Бореемъ и Афромъ,—говорилъ Постумъ, слѣдя глазами за погибающей ладьей.

Взоры всей многолюдной толпы съ тревогой наблюдали за борьбою утлой ладьи съ разсвирѣпѣвшею стихіей.

— Гнѣвенъ старикъ Эолъ,—съ злою улыбкою тихо сказалъ виночерпій Митридату. — Но болѣе могучіе боги — за тебя, царь...

— Царь?.. еще нѣтъ,—такъ же тихо отвѣтилъ Митридатъ.

Видя неминуемую гибель царской ладьи, хоръ жрецовъ съ особенной силой вновь огласилъ бушующій воздухъ гимномъ богу морей:

Владыка бездонныхъ пучинъ,
Надежда и страхъ мореходовъ,
Всесильный и добрый Посейдонъ...

Но хоръ жрецовъ уже не былъ поддержанъ сочувственнымъ голосомъ народа... Царица не была любима народомъ за свое высокомѣріе.

Новый бѣшеный валъ налетѣлъ на ладью—и она исчезла подъ водою.

Глухой гулъ испуга пронесся надъ толпою.

— О, Посейдонъ! — богъ немилостивый! — прошепталъ верховный жрецъ храма, поднимая руки къ статуѣ бога.

— Богъ не внялъ нашимъ моленіямъ,—говорили другіе жрецы, съ тревогой глядя на то мѣсто моря, гдѣ исчезла царская ладья.

— Царица молилась только богамъ Пергама, а не богамъ Понта—и вотъ...—замѣтилъ кто-то.

Митрадатъ и Мосхинъ переглянулись. Въ глазахъ виночерпія блеснули искры злорадства. Митридатъ понялъ своего любимца и улыбнулся.. только глазами...

Море продолжало бушевать. Но за сѣдыми гребнями волнъ виднѣлись нѣсколько головъ. То утопавшіе боролись со смертью. Но среди утопавшихъ никто не видѣлъ ни царицы, ни царевича.

— Лодки!—съ страшной силой крикнулъ верховный жрецъ, который только теперь опомнился.

Но что могли сдѣлать лодки въ этомъ адскомъ бушеваніи стихій!

Первыя двѣ, съ трудомъ спущенныя на воду, моментально были опрокинуты новымъ, точно съ цѣпи сорвавшимся порывомъ, и смѣльчаки, бросившіеся спасать царицу, теперь сами боролись со смертію.

Между тѣмъ, на мѣстѣ исчезнувшей царской ладьи виднѣлась теперь только одна голова—всѣ остальные гребцы пошли ко дну за своей царицей и царевичемъ.

Тотъ, кто остался на поверхности, отчаянно боролся съ волнами.

— Это Артосъ изъ Колхиды,—замѣчаетъ кто-то.

— Кормчій царской лодки... Лучшій Понта пловецъ... этого и Посейдонъ не утопитъ.

— Да, Артосъ плыветъ сюда... этотъ колхъ плаваетъ, какъ дельфинъ.

Тотъ, о комъ говорили, все болѣе и болѣе приближался къ берегу, къ мысу, на которомъ высился храмъ Посейдона и гдѣ въ безмолвномъ смущеніи стояли жрецы.

— Боги Пергама безсильны были спасти ее, а боги Понта отвернулись отъ нея за ея невѣріе,—сказалъ верховный жрецъ такъ громко, чтобъ всѣ слышали его.

Артосъ, наконецъ, у берега. Онъ выходитъ изъ воды и, поднявшись къ храму, падаетъ на колѣни передъ статуей бога морей.

— О, великій Посейдонъ!—ты не захотѣлъ сжалиться надъ царицей и ея сыномъ... Когда лодка, управляемая моею твердою рукой, уже преодолѣвала послѣднюю опасность—послѣдній грозный валъ бога Тритона,—ты, о грозный богъ!—я это видѣлъ—своимъ могучимъ трезубцемъ пробилъ бока и дно лодки—и она...

— Такъ ты видѣлъ самого бога!—вскричалъ верховный жрецъ.

— Видѣлъ... Онъ мгновенно показался изъ воды... Его кони страшно фыркали.

— А царица и царевичъ?

— Они при видѣ гнѣвнаго бога тотчас лишились чувствъ, и морская вода мгновенно наполнила ихъ внутренности.

— О, боги Пергама!—патетически воскликнулъ верховный жрецъ:—это ваша жертва!—это вы погубили мать нашего царя, Митридата Пятаго!... храните же его, боги Понта! На щиты новаго понтійскаго царя, Митридата Пятаго!—закончилъ онъ.

И тѣ, которые по условному знаку коварной Атталіи должны были броситься на ея сына, арестовать его, а, быть можетъ, и убить, теперь пали передъ нимъ на колѣни и преклонили щиты.

— На щиты! на щиты! царь Понта!—возглашали воины.

— На щиты! Митридатъ, царь Понта!—вторили имъ жрецы.

— На щиты, на щиты, на щиты!—волною прошло по всему берегу и заглушило ревъ моря.

Воины изъ щитовъ мгновенно сложили площадку у ногъ Митридата, а свита его, поддерживая своего молодого царя, поставила его на эту площадку изъ щитовъ, которую, вмѣстѣ съ стоявшимъ на ней Митридатомъ, и подняли на копьяхъ.

Исполинскій ростъ Митридата, казалось, еще выигралъ отъ такого положенія. Казалось, что надъ головами воиновъ высилась гигантская статуя бога войны.

Раздались оглушительныя привѣтствія подъ удары копьевъ о щиты.

— Да здравствуетъ Митридатъ, царь Понта!

А въ это время Мосхинъ виночерпій таинственно перешоптывался съ царскимъ кормчимъ Артосомъ, угощая его виномъ изъ громаднаго турьяго рога, чтобъ согрѣть прозябшаго въ морѣ и мокраго пловца-колха.

— Ты сказалъ имъ, будто Посейдонъ пробилъ трезубцемъ ладью,—говорилъ виночерпій.—А если она всплыветъ на поверхность и на ней не окажется знаковъ отъ мнимаго трезубца—а?

— Не всплыветъ,—чуть замѣтно улыбнулся Артосъ.—Ужъ она давно бы всплыла, еслибъ я не выбросилъ якорь,

и онъ, конечно, зубьями своими крѣпко уцѣпился за песокъ и водоросли... Я хорошо изучилъ тамъ дно моря... боги Колхиды помогли мнѣ.

— Значитъ, я правъ былъ, когда узналъ о коварномъ замыслѣ погубить Митридата въ праздникъ Посейдона,— сказалъ виночерпій;—я говорилъ тогда, что скорѣе Посейдонъ приметъ ее въ свое холодное царство, чѣмъ погибнетъ Митридатъ.

Такъ совершилось восшествіе Митридата на тронъ предковъ—черезъ трупы матери и брата, которые черезъ нѣсколько дней и были выброшены моремъ у самаго храма Посейдона.

III.

Вѣсть о гибели царицы Атталіи и царевича Аттала и о провозглашеніи царемъ Митридата быстро разнеслась по городу и достигла царскаго дворца.

Новый царь, несомый на щитахъ при помощи копьевъ, вступая во дворецъ, былъ радостно изумленъ представившимся ему зрѣлищемъ. Ему навстрѣчу шла молоденькая его жена, прелестная Дафна, съ лавровымъ вѣнкомъ въ рукахъ. Съ нею вмѣстѣ встрѣчали отца маленькія дѣти Митридата— два сына, Фарнакъ и Махаръ и малютка дочь—Клеопатра, любимица Митридата.

Дафна была родомъ изъ сосѣдней Понту страны—изъ Пафлагоніи, дочь царя этой страны. На пятнадцатомъ году ставъ женою старшаго сына понтійскаго царя Митридата IV—Митридата же, это юное существо не знало радостей жизни. У нея оставались только воспоминанія о золотыхъ дняхъ дѣтства, когда она вмѣстѣ съ сверстницами, дѣтьми знатнѣйшихъ граждань ея родного города, окруженная заботливымъ вниманіемъ нянюшекъ и наставницъ, рѣзвилась въ садахъ своего дворца, а впослѣдствіи, когда подросла, подражая легендарнымъ и нелегендарнымъ, а современнымъ ей амазонкамъ, мечтала сдѣлаться ихъ царицею и, подобно легендарной Ѳалестріи, привѣтствовавшей Александра Македонскаго, надѣялась встрѣтить другого, подобнаго ему героя...

И она встрѣтила его, носясь на своемъ скакунѣ на берегу рѣки Галиса... Увидѣвъ молодого исполина, красавца,

преслѣдовавшаго быстроногую лань, она вообразила, что то былъ самъ богъ, лучезарный Аполлонъ... Но то былъ—царевичъ Понта, Митридатъ... Митридатъ тоже замѣтилъ юную амазонку, и судьба Дафны была рѣшена: Дафна стала женою Митридата.

Такъ кончилось ея дѣтство, и съ нимъ отошли всѣ невинныя радости ея жизни. Атталія сразу не взлюбила юное прелестное существо потому только, что Дафна стала женою ея нелюбимаго сына. И съ тѣхъ поръ для Дафны настала жизнь затворницы. Она любила Митридата, видя въ немъ олицетвореніе миѳической старины. Вырвавшись изъ родного гнѣздышка, отказавшись добровольно отъ нѣжныхъ ласкъ матери, она всѣмъ существомъ прильнула къ мужу. Но она рѣдко его видѣла. Митридатъ тяготился ненавистнымъ ему дворцомъ матери, лицемѣріемъ всего окружающаго и по цѣлымъ мѣсяцамъ скитался въ горахъ съ немногими своими приверженцами, а Дафна плакала, скрывая свои слезы отъ невзлюбившей ее матери мужа...

И вдругъ Митридатъ возвращается къ ней на щитахъ и копьяхъ, при кликахъ народа, какъ побѣдитель...

— Скорѣй, скорѣй лавровый вѣнокъ побѣдителю!—рѣшила Дафна.

И вотъ она идетъ теперь съ этимъ вѣнкомъ на встрѣчу побѣдителю. Около нея—ея и его дѣти—теперь уже не сиротки...

Взявъ копье у одного изъ воиновъ, Дафна на концѣ этого копья подаетъ вѣнокъ мужу...

— Возьми его, царь побѣдитель,—говоритъ она:—ты побѣдилъ судьбу!

Потомъ она взяла на руки маленькую Клеопатру и протянула ее къ мужу.

— Возьми и ее, свою любимицу.

Клеопатра, весело улыбаясь, протянула къ отцу ручки, и Митридатъ, нагнувшись къ ней, взялъ ребенка на руки.

— Геркулесъ съ ребенкомъ на рукахъ!—сказалъ кто-то изъ приближенныхъ.

— Геркулесъ три года сидѣлъ за прялкой у Омфалы—отчего ему и своего ребенка не держать на рукахъ?—замѣтилъ Гай Постумъ.

Сойдя со щитовъ и поблагодаривъ воиновъ, Митридатъ, при кликахъ народа, съ Клеопатрою на рукахъ, рядомъ съ Дафной и мальчиками вошелъ во внутренность своего дворца,

гдѣ былъ встрѣченъ бывшимъ учителемъ своимъ, греческимъ мудрецомъ Фокіономъ.

— Привѣтъ мой царю съ челомъ, увѣнчаннымъ лаврами, кои сплетала рука царицы Дафны,—сказалъ онъ.—Въ этомъ я вижу великое знаменіе.

— Въ чемъ оно?—спросилъ удивленный Митридатъ.

— Въ томъ, что вѣнокъ сплетала сама Дафна,—отвѣчалъ Фокіонъ.—А кто Дафна?

— Моя жена—царица, благородный учитель.

— Но ты забылъ другую Дафну, о которой я тебѣ говорилъ, когда ты былъ юношей и питался духовною пищею изъ моихъ устъ.

— Кто же эта другая Дафна, учитель?—недоумѣвалъ Митридатъ.

— Дафна—дочь Пелея и Геи. А кто былъ сынъ Пелея?

Митридатъ засмѣялся.

— Ты меня экзаменуешь, добрый учитель, какъ когда-то, когда я былъ мальчикомъ.

— Не мѣшаетъ и мужей иногда экзаменовать, въ особенности же царей,—серьезно продолжалъ Фокіонъ.

— Ты правъ, дорогой учитель,—склонилъ голову Митридатъ.—Прости, что я забылъ твои мудрыя наставленія... Кто же былъ сынъ Пелея, благородный Фокіонъ?

— Ахиллъ, прижитый Пелеемъ отъ нимфы Фетиды:—значитъ, Дафна сестра Ахилла... Теперь слѣдуй мыслію дальше, что я тебѣ скажу... Мать Дафны—Гея—земля, величайшая изъ богинь, рождающая изъ своихъ нѣдръ все живущее, все живое, начиная отъ послѣдняго насѣкомаго и ничтожной травки и кончая человѣкомъ, и она же питаетъ своею грудью все живущее... Уразумѣлъ ты теперь всю глубину того, что услыхалъ отъ меня?

— Уразумѣлъ, дорогой учитель.

— Слушай же дальше... Дочь Пелея и Геи—Дафна—возбудила къ себѣ любовь Феба-Аполлона, который и сталъ ее преслѣдовать... Тогда цѣломудріе Дафны возмутилось, и она превратилась въ лавръ... Этотъ лавръ боги рукою Дафны возложили на твое чело.

Митридатъ и всѣ присутствующіе были поражены словами Фокіона. Имъ казалось, что они имѣютъ глубокій таинственный смыслъ... Пелей, Гея, Ахиллъ, Аполлонъ, Дафна... Но какое отношеніе имѣютъ они къ судьбѣ Митридата?—Какое въ нихъ знаменіе?

— О, дорогой учитель!—съ чувствомъ сказалъ Митридатъ, обнимая старика.—Твои слова смущаютъ меня... Но я до конца дней моихъ останусь твоимъ ученикомъ.

— Это—мудрыя слова въ устахъ царя,—проговорилъ Сервилій.—То же сказалъ когда-то Аристотелю, своему учителю, Александръ Македонскій.

— Но я не Александръ,—возразилъ Митридатъ.—Александръ восемнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ спасъ своего отца, Филиппа, при Херонеѣ и одержалъ надъ греками такую побѣду, какой міръ доселѣ не видѣлъ. А я въ сравненіи съ нимъ уже старецъ и до сихъ поръ одерживалъ побѣды только надъ дикими козами да фазанами.

— Это было не въ твоей волѣ,—сказалъ Фокіонъ.—Теперь—твоя воля.

— Вспомни, царь,—заговорилъ молчавшій доселѣ Гай Постумъ,—что и Ахиллъ находился въ твоемъ положеніи. Ты хоть воевалъ съ дикими козами, а онъ жилъ на островѣ Скиросѣ у царя Ликомеда и, въ женскомъ одѣяніи, росъ съ дочерьми, какъ его дѣвочка. Но потомъ что вышло изъ этой дѣвочки!

— Да и Геркулесъ у царицы Омфалы три года сидѣлъ за пряжкой,—улыбнулась Дафна, съ любовью глядя на мужа.

Въ это время вошелъ виночерпій, онъ же и церемоніймейстеръ—Мосхинъ въ сопровожденіи жреца изъ храма Юпитера Понтійскаго.

— Привѣтъ царю!—поклонился жрецъ.—Владыка вселенной, громовержецъ, ожидаетъ тебя въ святилищѣ своемъ, царь.

— Повинуюсь велѣніямъ божества,—наклонилъ голову Митридатъ:—идемъ благодарить боговъ за оказанную намъ милость и принять власть надъ страною отъ громовержца, отца боговъ и людей.

— И принести жертву великому Харону, дабы онъ не задерживалъ тѣней твоей матери и твоего брата на берегахъ мрачнаго Ахерона и огнепылающаго Флегетона по пути въ область Аида,—добавилъ Фокіонъ, который строго наблюдалъ за исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ.

При выходѣ изъ дворца, Митридата встрѣтили знатные отроки съ опахалами изъ страусовыхъ перьевъ и царскій оруженосецъ, великанъ скиѳъ Яръ, который держалъ копье, щитъ, лукъ и стрѣлы царя.

Впереди опахальщиковъ шли флейтисты, оглашая воздухъ

дикою, пронзительною восточною мелодіею, напоминавшей вой голодныхъ шакаловъ.

Въ храмѣ, передъ жертвенными алтарями уже стояли— бѣлый какъ горный снѣгъ быкъ и большой черный козелъ.

Въ углубленіи храма, на высокомъ пьедесталѣ, высилась гигантская статуя Зевса-Юпитера съ скипетромъ въ одной рукѣ и пучкомъ молній въ другомъ.

При приближеніи Митридата къ жертвеннымъ алтарямъ, верховный жрецъ подалъ ему жертвенный ножъ.

— Первая жертва великому Харону за тѣни матери твоей, царицы, и брата, царевича,—сказалъ жрецъ, подводя къ нему козла.

Митридатъ мгновенно вонзилъ ему ножъ въ горло, и когда служитель храма, положивъ зарѣзанное жертвенное животное, вмѣстѣ съ кожей и шерстью, на жертвенный треножникъ, хоръ жрецовъ огласилъ воздухъ мрачною мелодіей:

Сынъ Эреба и Ночи Харонъ,
Будь милостивъ къ тѣнямъ погибшихъ
Въ хладныхъ Посейдона глубяхъ:
Тѣни тѣ—Понта царицы и царскаго сына.
Ты не держи ихъ на мрачныхъ брегахъ Ахерона.
Прими нашу жертву—она
Какъ Ночь, что тебя породила—черна.
Пусть шествуютъ въ тайную область Аида,
Да судитъ ихъ Миносъ, сынъ грознаго Зевса и кроткой Европы.

Вслѣдъ затѣмъ заколотъ былъ и жертвенный быкъ, и когда, снявъ съ него шкуру и расчленивъ на части, чтобъ разложить на жертвенные треножники, служители храма подожгли подъ ними легко воспламеняющіяся дрова, изъ глубины храма спустились на главный алтарь громадный орелъ и такой же величины филинъ, чтобъ получить, конечно, жертвеннаго мяса, верховный жрецъ, указывая на нихъ Митридату, торжественно провозгласилъ:

— Этихъ птицъ, царь, посылаетъ къ тебѣ Зевсъ громовержецъ, отецъ боговъ и людей, въ поученіе тебѣ, дабы ты былъ мужественъ, какъ орелъ, царь крылатыхъ, и мудръ, какъ филинъ, царь ночи.

IV.

По восшествіи на престолъ, Митридатъ созвалъ совѣтъ изъ приближенныхъ, чтобъ обсудить предстоявшія ему государственныя дѣла. Конечно, на первомъ планѣ были военныя дѣла. Еще не будучи царемъ, Митридатъ мечталъ о

борьбѣ съ Римомъ. Отъ своихъ учителей, особенно отъ гр
ческаго мудреца Фокіона, онъ давно зналъ, какимъ путем
создалось величіе Рима:—оно покоилось на воинской мощ
народа—на желѣзѣ. Это желѣзо слѣпо шло за легіонным
орлами и покоряло весь міръ. Но было и еще нѣчто, без
чего желѣзо было бы безсильно и безъ чего крылья легіон
ныхъ орловъ опустились бы въ безсиліи. Это было то, чт
Римъ получилъ въ наслѣдіе отъ растоптанной имъ Эллады—
эллинскую культуру и мудрость. Оттого на самой вершин
своего могущества Римъ прибѣгалъ нерѣдко къ совѣтамъ
указаніямъ этой испытанной имъ мудрости, которая храни
лась не въ однихъ твореніяхъ такихъ свѣтилъ античнаг
міра, какъ Сократъ, Платонъ, Аристотель. Въ тяжкія ми
нуты своего существованія Римъ прибѣгалъ не къ философ
ской, а къ практической, къ политической мудрости растоп
танной и заклеванной его легіонными орлами Эллады.

Такъ, когда гордый Римъ потерпѣлъ отъ Ганнибал
безпримѣрное пораженіе при Каннахъ, гдѣ палъ и славны
полководецъ его, Эмилій Павелъ, державный Римъ не пости
дился искать мудрости у заклеванной его легіонными орлам
Эллады. Римъ обратился... къ Пиѳіи! А устами Пиѳіи го
ворила эллинская мудрость—жрецы Аполлона...

Поэтому, когда совѣтъ, созванный Митридатомъ, не мог
придти ни къ какому положительному рѣшенію, на сцен
выступила и тутъ мудрость Эллады.

— Царь Понта и доблестные его совѣтники!—обратилс
къ совѣту Фокіонъ,—послушайте моего старческаго голос

— Мы слушаемъ тебя, благородный, мудрый учитель,—
сказалъ Митридатъ,—говори,—твои совѣты всегда были п
лезны.

Старикъ обвелъ присутствующихъ грустнымъ взоромъ. Н
глазахъ его показались слезы, которыя онъ и смахнулъ др
жащей рукой.

— Вы знаете,—говорилъ онъ старчески разбитымъ г
лосомъ,—знаете, какъ унижена Римомъ ~~моя~~ священная р
дина—дорогая Эллада. Благородные сыны ея, лишившись
значенія, и достоянія, разсѣялись по всему міру, какъ бе
пріютные скитальцы, къ числу которыхъ принадлежу и я

— Нѣтъ!—горячо перебилъ его Митридатъ,—нѣтъ, д
рогой учитель!—мой дворецъ—твой дворецъ, мой хлѣбъ—
твой хлѣбъ!

— Благодарю, великій царь,—смиренно поклонился Ф

кіонъ.—Но загляните въ Италію, въ Римъ... тамъ благородные сыны Эллады изъ-за нужды, изъ-за куска хлѣба превратились въ жалкихъ скомороховъ, въ публичныхъ танцовщиковъ, въ наемниковъ и въ лучшихъ случаяхъ—въ торгашей, и только немногіе имѣютъ счастье предаваться художествамъ и наукамъ, каковое счастье выпало и на мою долю.

— Да,—сказали въ одинъ голосъ и Гай Постумъ и Сервилій,—благородный Фокіонъ говоритъ святую истину, и мы видѣли въ Римѣ и во всей Италіи то, что онъ видѣлъ.

— Да, боги свидѣтели — я видѣлъ все это, — сказалъ Фокіонъ и гордо поднялъ сѣдую голову.

Казалось, онъ сразу выросъ.

— Но мудрость Эллады не заклевана легіонными орлами Рима, не разсѣялась, какъ ея благородные сыны, не исчезла,—продолжалъ старикъ.—Она пріютилась въ Дельфахъ, при священномъ храмѣ Феба-Аполлона... Она — въ устахъ дельфійскаго оракула, и ее изрекаетъ въ священномъ экстазѣ Пиѳія... И гордый Римъ нерѣдко прибѣгаетъ къ мудрости Дельфъ, особенно въ трудныхъ обстоятельствахъ... О, великій повелитель Понта! — вѣрь мнѣ — духъ Эллады не умеръ... Надъ нею витаютъ тѣни великихъ мужей и вдохновляютъ тѣхъ, которые провидятъ судьбы народовъ и царствъ...

Старикъ говорилъ теперь съ юношескимъ жаромъ. Голосъ его окрѣпъ.

— Царь Понта! —обратился онъ прямо къ Митридату,—прибѣгни къ вѣщимъ мужамъ Эллады, къ мудрымъ жрецамъ дельфійскаго бога, которымъ вѣдомъ языкъ Феба-Аполлона, влагаемый божествомъ въ уста смертной — въ уста Пиѳіи. Отправь въ Дельфы посольство съ дарами, и пусть посолъ твой упроситъ оракула повѣдать будущую судьбу твою и твоего царства и наставить тебя—какія дѣянія ты долженъ совершить.

Митридатъ казался сильно взволнованнымъ. Грудь великана-царя видимо вздымалась, какъ будто легкимъ его не доставало воздуху.

— Боги вѣщаютъ твоими устами, о Фокіонъ!—воскликнулъ онъ.—Завтра же я снаряжу посольство въ священныя Дельфы и во главу посольства поставлю тебя, мой мудрый учитель.

Предложеніе Фокіона было единогласно принято, и на

утро слѣдующаго же дня въ гавани Синопа стоялъ корабль, готовый къ отплытію въ Фокиду.

Дельфы находились въ Фокидѣ, въ той части Беотіи, гдѣ виднѣлись священныя для эллиновъ горы—Парнасъ и Геликонъ. Въ этомъ мѣстечкѣ находился и знаменитѣйшій храмъ всей Эллады—храмъ Аполлона, въ которомъ хранились чуть-ли не всѣ сокровища Греціи. Въ Дельфахъ постоянно пребывали избираемые знатнѣйшими гражданами, пожизненно, пять „священныхъ“ мужей, которые завѣдывали управленіемъ храма и его сокровищами, а также избирали мудрѣйшихъ жрецовъ и Пиѳію. Тотъ, кто желалъ обратиться къ оракулу съ вопросомъ, долженъ былъ совершить омовеніе въ сосѣднемъ съ храмомъ источникѣ, потомъ провести ночь въ особомъ помѣщеніи, лежа на шкурахъ жертвенныхъ животныхъ и утромъ, затѣмъ, разсказать верховному жрецу видѣнный имъ ночью сонъ. Иногда вопрошающихъ помѣщали на ночь въ храмовое подземелье, гдѣ его устрашали страшныя видѣнія, и потомъ, по принесеніи имъ жертвы Аполлону, вводили въ помѣщеніе Пиѳіи. Пиѳія, обыкновенно избираемая изъ женщинъ самаго строгаго образа жизни, должна была, передъ прорицаніемъ, поститься и подвергалась со стороны верховнаго жреца разнымъ церемоніямъ, которыя, съ современной намъ точки зрѣнія, были ничѣмъ инымъ, какъ гипнотическими внушеніями, гдѣ Пиѳія играла роль „медіума“. Какъ египетскіе, такъ и греческіе жрецы были замѣчательными гипнотизерами.

Проводить посольство въ Дельфы явился на корабль самъ Митридатъ съ царедворцами, принеся предварительно жертву Посейдону въ его прибрежномъ храмѣ для умилостивленія бога, чтобы плаваніе въ предѣлахъ его стихіи было благополучное. Сверхъ этого Мидридатъ совершилъ возліяніе самому морю съ палубы корабля, а равно морскому богу Тритону, съ тѣмъ, чтобы онъ, во время бури, усмирялъ бушующія морскія волны звуками своей винтообразной раковины, замѣнявшей для морского бога современный рупоръ.

— Да сопутствуютъ тебѣ добрые боги, дорогой учитель,—сказалъ Митридатъ, обнимая на прощаніе стараго Фокіона.—Да будетъ милостивъ къ тебѣ владыка вѣтровъ, сынъ Эллина, Эолъ.

Фокіонъ былъ счастливъ, отправляясь на свою далекую родину, съ которою такъ давно разлучила его жестокая судьба. Старикъ не могъ скрыть этого и весело болталъ.

— Надѣюсь, что богъ вѣтровъ будетъ благосклоненъ къ намъ,—шутилъ онъ,—и не занесетъ нашъ корабль на островъ Эю, въ царство волшебницы Цирцеи, какъ занесъ царя Итаки, хитроумнаго Одиссея, и не обратитъ моихъ спутниковъ въ свиней, какъ она обратила спутниковъ царя Итаки. А если буря прибьетъ нашъ корабль къ острову Циклоповъ, то я поступлю съ великаномъ, какъ Одиссей съ Полифемомъ.

Всѣ разсмѣялись, а Сервилій, любившій пошутить, сказалъ Фокіону:

— Ну, мудрецъ, смотри—не попадись въ руки нимфы Калипсо, а то, чего добраго, и ты, подобно Одиссею, застрянешь тамъ на семь лѣтъ и не скоро попадешь въ Дельфы.

Сходя уже съ корабля, Митридатъ, подозвавъ къ себѣ кормчаго, колха Артоса, сказалъ:

— Я надѣюсь на тебя, Артосъ... Постарайся благополучно провести корабль по всѣмъ попутнымъ морямъ до Беотіи—и Понтомъ Евксинскимъ, и Пропонтидою, и моремъ Ахейскимъ.

— Будь увѣренъ, господинъ, что съ нами не случится того, что случилось на праздникъ Посейдона.—проговорилъ Артосъ, коварно улыбаясь.—Ручаюсь богами моей родины, прекрасной Колхиды, что не случится.

Эолъ, дѣйствительно, благопріятствовалъ плаванію Митридатова посольства. Корабль „Дафна", названный въ честь жены Митридата ея именемъ, благополучно проплылъ Понтомъ Евксинскимъ, Босфоромъ Ѳракійскимъ, Пропонтидой—нынѣ Мраморное море—и вступилъ въ Геллеспонтъ—нынѣ Дарданеллы.

— Здѣсь утонула бѣдная Гелла, — задумчиво глядя на оба берега узкаго пролива, отдѣлявшаго и отдѣляющаго Европу отъ Азіи,—сказалъ Фокіонъ.

— Какая Гелла?—спросилъ кормчій Артосъ.

— Ахъ, да—ты не грекъ, а варваръ, и потому не знаешь нашей исторіи, а имя Геллы, въ особенности же ея брата, Фрикса, не чуждо и вашей Колхидѣ,—отвѣчалъ Фокіонъ.

— Ну, исторія Колхиды мнѣ извѣстна,—возразилъ Артосъ,—а все же я ничего не слыхалъ отъ старыхъ людей ни о Геллѣ, ни о Фриксѣ.

— Такъ я разскажу тебѣ исторію Геллы и Фрикса,—заговорилъ Фокіонъ, котораго такъ восхищала поэтическая

исторія его родины.—Давно, очень давно въ нашей Ѳессаліи нѣкто Кретей основалъ городъ Іолкъ. Послѣ него долженъ былъ наслѣдовать престолъ Іолка его сынъ, Эзонъ; но хитрый родственникъ царскаго дома Кретея, Пеліасъ, успѣлъ похитить у него престолъ. Тогда Эзонъ и сынъ его Язонъ удалились изъ Іолка и проводили жизнь въ уединеніи, занимаясь обработываніямъ полей и виноградниковъ. Случилось такъ, что коварный Пеліасъ задумалъ принести жертву Посейдону и пригласилъ на это торжество гостей. Язонъ, узнавъ о праздникѣ въ Іолкѣ, захотѣлъ побывать тамъ. Но, подойдя къ ручью, черезъ который нужно было перейти, онъ увидѣлъ, что вода въ немъ сильно поднялась. Тутъ же онъ замѣтилъ хилую старушку, которой, видимо, тоже хотѣлось перебраться черезъ ручей, но она боялась. Тогда Язонъ сжалился надъ старушкой и перенесъ ее черезъ ручей вбродъ, но потерялъ въ водѣ одну сандалію съ ноги. Какъ, послѣ этого, идти на праздникъ въ одной сандаліи? Надо воротиться. Но старушка посовѣтовала ему идти смѣло—и тутъ же исчезла. Язонъ догадался, что это была богиня, принявшая образъ старушки. Вотъ и идетъ Язонъ на праздникъ Пеліаса. А Пеліасу было предсказано, чтобъ остерегался человѣка объ одной сандаліи,—что человѣкъ этотъ погубитъ его. Увидавъ Язона, Пеліасъ вспомнилъ предсказаніе, и чтобъ избавиться отъ опаснаго гостя, сказалъ ему:—„Язонъ, тебѣ по праву принадлежитъ престолъ, которымъ я завладѣлъ; но я уступлю его тебѣ только тогда, когда ты достанешь мнѣ золотое руно, которое находится въ Колхидѣ.

— Это у насъ, значитъ,—удивился Артосъ. — Что же это за золотое руно?

— А вотъ что:—въ Беотіи жилъ когда-то царь, у котораго было двое дѣтей—сынъ Фриксъ и дочь Гелла. Когда, послѣ смерти жены, царь женился вторично, то мачиха не взлюбила и пасынка и падчерицу, и задумала извести ихъ. Тогда Фриксъ взялъ у отца барана съ золотой шерстью и вмѣстѣ съ сестрой бѣжалъ къ вамъ въ Колхиду. Но когда они стали переправляться черезъ этотъ проливъ вплавь на своемъ баранѣ, то Гелла испугалась воды, упала съ барана въ воду и утонула. Съ тѣхъ поръ этотъ проливъ и называется моремъ Геллы—Геллеспонтъ.

— Э!—да это сказка,—презрительно замѣтилъ Артосъ.— Теперь я все понимаю.—У насъ, видишь ли, Фокіонъ, въ горахъ Колхиды очень много золота, и наши женщины до-

бываютъ его такимъ образомъ:—положатъ въ горный ручей или въ Фазисъ на дно баранью овчину, и тогда крупинки золота, несомыя водой, цѣпляются за шерсть и остаются въ ней [1]). Отсюда и ваша сказка о золотомъ рунѣ, о баранѣ съ золотой шерстью... Все это вздоръ, сказки, и вы, греки, большіе охотники до всякихъ сказокъ—о вашихъ богахъ, о богиняхъ и о всякой чепухѣ.

Фокіонъ обидѣлся за свою исторію и отвернулся отъ кормчаго.

— У васъ, варваровъ, все чепуха,—проворчалъ онъ.

Но когда „Дафна" поровнялась съ берегомъ, на которомъ когда-то стояла Троя, Фокіонъ велѣлъ Артосу привернуть корабль къ берегу.

— Зачѣмъ, благородный Фокіонъ?—спросилъ кормчій.

— Я хочу поклониться гробницамъ Ахилла и Патрокла,—отвѣчалъ Фокіонъ.

— А!—объ этихъ мужахъ я слышалъ,—сказалъ Артосъ.— Слѣпой грекъ, пѣвецъ, всѣ уши прожужжалъ намъ на площади, въ Синопѣ, постоянно распѣвая о „гнѣвѣ" этого Ахилла, и о какомъ-то Гекторѣ, объ Андромахѣ... какъ какой-то Парисъ укралъ у какого-то дурака Елену, и изъ-за этого, будто-бы, боги сходили на землю и дрались съ людьми... Такой вздоръ, что нашимъ богамъ тошно.

Фокіонъ только плюнулъ и молча сошелъ на берегъ.

Тамъ не одна слеза скатилась изъ старческихъ глазъ мечтателя на холодныя плиты гробницъ, побѣдителей поэтической, но несчастной Трои.

V.

Богъ вѣтровъ, однако, не все время былъ благосклоненъ къ пловцамъ. Въ Эгейскомъ морѣ „Дафна" выдержала ужасную бурю, и только благодаря опытности и искусству Артоса, испытавшаго въ своихъ плаваніяхъ и не такіе ураганы въ бурномъ Понтѣ Евксинскомъ, расходившійся Эолъ не потопилъ корабля Митридата.

---

[1]) Греческій историкъ Аппіанъ въ своемъ „Prooemium" говоритъ:— „Во многихъ изъ кавказскихъ рѣкъ находится золото въ видѣ маленькихъ зернышекъ. Туземцы кладутъ въ рѣки бараньи шкуры съ густой шерстью и собираютъ, такимъ образомъ, золотыя зерна, которыя въ нихъ остаются. Въ этомъ же родѣ, должно быть, было также и золотое руно Аэта". «Prooemium», 103.—Аппіанъ—грекъ изъ Александріи.

Остальной путь „Дафна“ совершила счастливо и вошла въ заливъ, приведшій ее къ Ѳермопиламъ, гдѣ путники и высадились на берегъ.

Отсюда они должны были совершить путь черезъ горы, для чего и наняли муловъ.

Пока корабельный хлѣбодаръ нанималъ муловъ въ ближайшемъ поселеніи, Фокіонъ и Артосъ пошли взглянуть на памятникъ, воздвигнутый Спартою на томъ мѣстѣ Ѳермопильскаго ущелья, гдѣ когда-то триста спартанцевъ, съ Леонидомъ во главѣ, выдержали страшный натискъ персидскаго войска Ксеркса и пали всѣ до одного, исключая Аристодема. Памятникъ изображалъ гранитнаго льва (Леонидъ) на такомъ же пьедесталѣ съ надписью о павшихъ здѣсь герояхъ.

Артосъ, хорошо усвоившій греческій языкъ на службѣ у понтійскихъ царей, прочелъ вслухъ:

Ο, ξεῖν' ἀγγέλλει Λακεδαιμονίοις, ὅτι τῇδε
Κείμεθα, τοῖς κεινῶν ῥήμασι πειθόμενοι.

— Вотъ это не сказка,—сказалъ онъ:—объ этой геройской битвѣ мнѣ говорили въ Синопѣ... Да, это не сказка... Тутъ сражались не боги, а люди, такіе же смертные, какъ я и ты, благородный Фокіонъ... А то Ахиллъ да Юнона тамъ, либо Паллада... А кто ихъ видѣлъ?

— Ну, ты этого не понимаешь, мой добрый колхъ,— улыбнулся Фокіонъ:—для тебя языкъ Аполлона и Музъ—не понятенъ.

— А развѣ они говорятъ?—Да и кто ихъ слышалъ?— Ты, къ примѣру, разговаривалъ съ ними, видѣлъ ихъ въ лицо?.. А то—вонъ тотъ слѣпой грекъ въ Синопѣ завываетъ: „муза, скажи мнѣ объ Одиссеѣ“ тамъ, а то — „пропой, богиня, объ гнѣвѣ Ахилла...“ И что жъ? — пѣла ему богиня?.. Все это греческія выдумки... для дѣтей,—твердилъ свое упрямый колхъ.

Фокіонъ только пожалъ плечами.

Когда они воротились къ кораблю, то мулы были уже наняты. Оставалось только навьючить ихъ дорожнымъ багажомъ и отправляться въ путь, чтобы поскорѣй попасть въ Дельфы.

Оставивъ „Дафну“ подъ командою помощника кормчаго, Фокіонъ и Артосъ съ двѣнадцатью матросами, взятыми изъ экипажа корабля, тотчасъ же углубились въ горы живопис-

ной Беотіи. Все восхищало взоръ стараго Фокіона. Это была его родина, его дорогая Эллада, съ которою онъ такъ давно былъ разлученъ и которую оплакивалъ на чужбинѣ, въ суровомъ, непривѣтливомъ для него Понтѣ, съ его зимними вьюгами и снѣгами. А тутъ—кругомъ рай. Солнце родины такъ привѣтливо, горный воздухъ живительнымъ бальзамомъ входитъ въ усталую старческую грудь, небо такое же бирюзовое, какъ и море родины, и даже съ горныхъ высей не отличишь, гдѣ онѣ сливаются:—море ли лобзаетъ небесную лазурь, небо ли даетъ свои лобзанія морю... Подъ этимъ дивнымъ небомъ, у этого бирюзоваго моря создавались тѣ поэтическіе образы, тѣ полубоги и боги, чарующая прелесть которыхъ не понятна дикому колху, сѣверному варвару...

Но вотъ они и въ Фокидѣ. Обогнувъ подножіе Парнаса—это священное обиталище Феба-Аполлона и девяти музъ—путники увидѣли святилище бога—Дельфы и храмъ Аполлона.

Священнымъ трепетомъ забилось сердце стараго Фокіона, и слезы умиленія выступили на глазахъ. Ему казалось, что самъ лучезарный богъ шлетъ съ бирюзоваго неба привѣтъ страннику, пришедшему съ далекаго, непривѣтливаго сѣвера.

Прибывъ въ Дельфы, Фокіонъ тотчасъ же явился къ верховному жрецу Аполлона и изложилъ передъ нимъ цѣль своего посольства. При этомъ онъ вручилъ жрецу богатые дары, которые Митридатъ жертвовалъ въ казну всесвятилища Эллады.

Жрецъ обстоятельно, до мельчайшихъ подробностей разспросилъ Фокіона о положеніи дѣлъ въ Понтѣ. Это былъ подробный экзаменъ о прошломъ и настоящемъ Понта, о его населеніи, о естественныхъ богатствахъ, о самомъ Митридатѣ, о его характерѣ, познаніяхъ, объ отношеніяхъ Понта къ сосѣднимъ странамъ, въ особенности же къ могущественной Арменіи.

Лицо стараго жреца видимо просвѣтлѣло, когда онъ выпыталъ все у своего собесѣдника, точно духовникъ на исповѣди. У служителя Аполлона и духовнаго главы всей Эллады были свои планы, которые онъ держалъ, однако, въ глубокой тайнѣ... Сообразивъ все, онъ задался смѣлою мыслью создать изъ понтійскаго царя противника Рима—этого ненавистнаго Рима, который такъ унизилъ нѣкогда могущественную, славную Элладу, довелъ ее до политической и умственной летаргіи... О, эти легіонные орлы, эти закован-

ныя въ желѣзо рати высокомѣрнаго Рима!... Воскресить Перикловъ, Мильтіадовъ!—прогремѣть на весь міръ, вернуть Элладѣ всемірное владычество!...

Приказавъ Фокіону омыться въ священномъ источникѣ, жрецъ отвелъ для него на ночь особое помѣщеніе при храмѣ.

— Не устрашись, сынъ мой,—сказалъ онъ Фокіону,— если тебя ночью посѣтятъ страшные сны или потревожатъ твой сонъ ужасныя видѣнія... То будетъ борьба темныхъ, злыхъ силъ съ добрыми—борьба силъ подземныхъ, силъ Аида съ божествомъ свѣта...

Затѣмъ онъ отправился въ помѣщеніе Пиѳіи.

Прорицательница была худая, съ сѣдыми прядями волосъ старуха, видимо нервная, впечатлительная.

— Ты должна завтра бесѣдовать съ божествомъ,—властно проговорилъ жрецъ:—пусть очистится твое духовное зрѣніе.

И онъ, усадивъ ее на сѣдалище, на спинку котораго она откинула голову, сталъ глядѣть ей пристально, сосредоточенно въ глаза и дѣлать въ воздухѣ движенія, очень медленныя и плавныя, сверху внизъ, иногда чуть-чуть касаясь руками головы и прядей волосъ прорицательницы... Продолжалось это довольно долго... Пиѳія глубоко вздохнула и какъ-бы застыла, и широко раскрытые глаза ея, казалось, остеклѣли, какъ у мертвеца...

Медіумъ былъ готовъ—жрецъ взялъ правую руку Пиѳіи и вытянулъ ее впередъ такъ, какъ будто-бы она на что-то указывала.

Жрецъ сталъ говорить, не спуская упорнаго взгляда съ своей жертвы.

— Городъ плаваетъ по водѣ,—говорилъ онъ:—огромный городъ плаваетъ по морю... по морямъ... Орлы вонъ летаютъ... много орловъ... золоченые... все пожираютъ орлы... Элладу пожрали... Понтъ пожрутъ... Ихъ гнѣздо высоко и далеко... тамъ, тамъ оно... достать его... плавающій по морямъ городъ достанетъ гнѣздо... разоритъ его...

Губы Пиѳіи беззвучно шептали... Прорицательница повторяла, вѣроятно, то, что ей внушалъ жрецъ.

Повторивъ снова безсвязный говоръ о плавающемъ городѣ, о золоченыхъ орлахъ, о гнѣздѣ орлиномъ, жрецъ снова началъ дѣлать движенія руками.

Глаза Пиѳіи глянули осмысленно, остеклость ихъ исчезла. Прорицательница какъ-бы облегченно вздохнула.

— Теперь духовное зрѣніе твое очистилось,—проговорилъ жрецъ:—завтра ты будешь бесѣдовать съ божествомъ.

Пиѳія кивнула головой, но ничего не сказала. Жрецъ удалился.

Онъ прошелъ въ то отдѣленіе храма, гдѣ за тонкой кипарисной стѣной находилось помѣщеніе, отведенное на ночлегъ Фокіону.

Фокіонъ лежалъ на жертвенныхъ шкурахъ шерстью наружу. Но онъ не спалъ. Въ головѣ его роились далекія воспоминанія дѣтства. Онъ играетъ съ сверстниками на берегу Калирое. У нихъ затѣваются Олимпійскія игры—состязаніе въ бѣгахъ, метаніе черепковъ—воображаемые диски, борьба... Награда побѣдителя вмѣсто лавроваго вѣнка—вѣнкомъ изъ листьевъ кипариса... Скоро протекли золотые годы дѣтства... Началось ученіе у риторовъ, у философовъ—лучшая, осмысленная пора жизни... Скоро, задавивъ Македонію, нагрянули римляне и на Элладу—и погнали тысячи эллиновъ въ Римъ на судъ... Судили и Фокіона за то только, что онъ любилъ свою родину... А дальше—скитанія по Востоку—въ Сиріи, въ Арменіи... Затѣмъ пріютилъ скитальца Понтъ...

Вдругъ въ темнотѣ, на стѣнѣ, соприкасавшейся съ внутреннимъ отдѣленіемъ храма, стало вырисовываться бѣловатое пятно... яснѣе, и яснѣе... можно было уже различить человѣческую фигуру... Совсѣмъ ясно... Фокіонъ подумалъ, не задремалъ ли, и приподнялся съ своего шерстяного ложа... На стѣнѣ ясно обрисовывалось изображеніе Аполлона... Видѣніе быстро растаяло...

— Доброе видѣніе,—подумалъ грекъ и скоро заснулъ.

Во снѣ ему тоже являлся Аполлонъ... гипнотическое внушеніе ловкаго жреца...

Утромъ, войдя въ помѣщеніе, гдѣ ночевалъ Фокіонъ, жрецъ спросилъ его, какъ онъ провелъ ночь—не посѣщали ли его страшные сны и не было ли какихъ видѣній, и когда Фокіонъ сообщилъ ему о явленіи Аполлона, жрецъ сказалъ:

— Божество благосклонно къ царю Митридару и къ тебѣ, его послу. Теперь же, послѣ вторичнаго омовенія въ священномъ ручьѣ, приходи въ храмъ для принесенія жертвы божеству.

Фокіонъ исполнилъ приказаніе жреца и явился въ храмъ Аполлона. На фронтонѣ его онъ прочелъ надпись:

Γνῶθι σεαυτόν. [1]).

По принесеніи жертвы, Фокіона ввели въ прорицалище. Тамъ уже сидѣла Пиѳія на золотомъ треножникѣ, надъ расщелиной, изъ которой поднимался одуряющій паръ. Пиѳія была необыкновенно страшна съ ея сѣдыми пасмами и остеклѣлыми глазами мертвеца. Ужасъ овладѣлъ Фокіономъ—ужасъ въ чаяніи близости невидимаго божества.

Пиѳія, протянувъ въ пространство руку, глухо, безвязно бормотала:

— Городъ плаваетъ по водѣ... огромный городъ плаваетъ по морю... по морямъ... Орлы вонъ летаютъ... много орловъ... золоченые... все пожираютъ... Элладу пожрали орлы... Понтъ пожрутъ... Ихъ гнѣздо высоко и далеко... тамъ, тамъ оно... достать его... Плавающій по морямъ городъ достанетъ... разоритъ его...

Жрецъ на навощеной пластинкѣ записывалъ все, что бормотала Пиѳія. Съ послѣдними словами она упала...

Фокіонъ въ ужасѣ выбѣжалъ изъ прорицалища. Одуряющій паръ изъ расщелины, казалось, помутилъ и его разсудокъ... Что говорила Пиѳія?... Городъ, который плаваетъ по морямъ... Какъ можетъ городъ держаться на водѣ?... А золоченые орлы, которые пожираютъ—какіе орлы?... И кто придетъ на нихъ съ востока?... Мысли стараго эллина путались... Онъ ничего не понялъ изъ прорицанія... Что онъ скажетъ Митридату?...

Въ этомъ смятеніи засталъ его жрецъ, вдругъ появившійся изъ храма... Какъ онъ туда проникъ изъ прорицалища?

— Сынъ мой,—сказалъ жрецъ,—послѣ Пиѳіи я вопросилъ божество... Вотъ что вѣщаетъ оракулъ.

И онъ медленно прочелъ пятистишіе, написанное гекзаметромъ:

Городъ построить, который бы волны морскія носили
Вплоть до гнѣзда тѣхъ орловъ, что весь видимый міръ облетѣли,
Все пожирая, начавши съ Эллады и Понтомъ кончая.
Крылья, и когти, и клювы орлиные—всѣ золочены.
Но не спасетъ ихъ ничто отъ того, кто нагрянетъ съ востока.

— Плавающій по морямъ городъ—это сильный флотъ, который долженъ соорудить царь Понта,—объяснялъ жрецъ

---

[1]) „Познай самого себя“.

слова оракула.—Орлы золоченые—это легіонные орлы Рима, облетѣвшіе весь міръ и покоряющіе страну за страною. Орлиное гнѣздо—это Римъ. Придетъ съ востока разорить это гнѣздо—никто другой, какъ царь Понта.

И онъ подалъ Фокіону прорицаніе дельфійскаго оракула, уже написанное на пергаментѣ и скрѣпленное печатью храма Аполлона.

— Отвези это прорицаніе царю Митридату,—сказалъ въ заключеніе жрецъ.

Д. Мордовцевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Четыре проекта Сперанскаго о преобразованіи Сената.

(*Окончаніе* [1]).

На этотъ проектъ прежде всего были спрошены мнѣнія отдѣльныхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Полученныя отъ нихъ замѣчанія отличаются полнымъ отсутствіемъ какого-либо общаго взгляда и касаются въ большинствѣ лишь самыхъ мелкихъ подробностей.

Мнѣнія эти сохранились въ подлинникахъ [2]).

Такъ какъ замѣчаній, выражавшихъ какіе-либо общіе взгляды на проектъ, не было, составители Свода, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить первую его часть, помѣстили два мнѣнія д. т. с. Попова и графа Салтыкова. Оба они приписывали недостатки дѣятельности тогдашняго Сената не недостаткамъ его устройства и дѣлопроизводства, а лишь упущеніямъ и злоупотребленіямъ исполнителей и потому находили достаточнымъ улучшеніе личнаго состава безъ кореннаго преобразованія самаго учрежденія, какъ это предполагалось въ проектѣ. Кромѣ того Поповъ указывалъ на несвоевременность такого проекта во время войны и разстройства государственныхъ финансовъ, а генералъ-фельдмаршалъ графъ (позднѣе князь) Николай Ивановичъ Салтыковъ высказался рѣшительно противъ проекта. Убѣжденный консерваторъ, онъ утверждалъ, будто бы всякая крутая перемѣна по самой новости своей неминуемо влечетъ за собою важныя неудобства. Примѣняя это соображеніе къ проекту, онъ находилъ

---

[1]) См. № 2.
[2]) По Архиву № 23.

еще и другіе частные недостатки. По его мнѣнію, раздѣленіе Сената на четыре части и избраніе въ сенаторы дворянами по губерніямъ противны разуму самодержавнаго правленія и могутъ быть нѣкогда поводомъ къ поколебанію цѣлости Имперіи; неясность выраженій о дѣлахъ уголовныхъ въ § 126 подвергаетъ сумленію драгоцѣнное право Государя облегчать несчастныхъ, вовлеченныхъ въ преступленіе, но по человѣчеству достойныхъ состраданія.

Д. т. с. Поповъ находилъ: невозможнымъ исключить изъ вѣдѣнія Сената Правительствующаго политической системы, ибо планы великихъ государей должны быть велики, явны и производить вообще довѣріе и уваженіе; болѣе предпочтительнымъ подписывать журналы Сената всѣмъ членамъ, а не только председателемъ и министромъ, вѣдающимъ рѣшенное дѣло; относительно Судебнаго Сената онъ признавалъ невозможнымъ § 249, установляющій недопустимость жалобъ на рѣшенія Судебнаго Сената, такъ какъ народъ россійскій обыкъ всегда почитать въ лицѣ Государя земное божество, Вернаго Судію. Всякъ былъ увѣренъ, что слезы и вопль угнетенной невинности всегда могутъ достигнуть къ Престолу. Горестно-бъ было лишить его сей утѣшительной мысли.

Тайный совѣтникъ князь Александръ Голицынъ также не находилъ достаточной причины дать Судебному Сенату право окончательнаго рѣшенія дѣлъ. Доколѣ законы наши не собраны и не приведены въ ясный систематическій порядокъ, до сихъ поръ нельзя ожидать, чтобы примѣненіе нашихъ законовъ не подавало поводу къ частымъ ошибкамъ. Къ тому же, по общему мнѣнію Россіи, только одно Государево вліяніе на всѣ части управленія и суда можетъ доставить дѣламъ правильное рѣшеніе. Кромѣ того онъ высказался и противъ удаленія сенаторовъ изъ Сената иначе, какъ въ случаѣ назначенія ихъ на другую должность и противъ избранія сенаторовъ. По вопросу о составѣ Верховнаго Суда онъ находилъ болѣе справедливымъ предоставить каждой изъ сторонъ по три совѣстныхъ судей изъ всего состава общаго собранія Сената. Относительно порядка формулированія онъ считалъ болѣе правильнымъ и въ случаѣ, предосмотрѣнномъ § 47, предоставить не рекетмейстеру, а председателю.

Тайный совѣтникъ графъ А. Салтыковъ находилъ, что всякое отступленіе отъ коренныхъ государственныхъ постановленій влечетъ за собой столь вредныя послѣдствія, что

только при крайней къ тому необходимости можно его допустить. Никто доселѣ не опорачивалъ существующаго порядка производства дѣлъ, не жаловался на медленность законныхъ формъ, но часто умышленная проволочка и другія злоупотребленія справедливо возбуждали негодованіе: уничтоженіе этихъ безпорядковъ и должно быть главнымъ предметомъ дѣйствія правительства. Но можно ли ожидать, что новое образованіе Сената приведетъ къ улучшенію? Едва-ли; раздѣленіе Судебнаго Сената на четыре окружныхъ унизитъ достоинство Сената, ослабитъ дѣйствіе Верховной власти на отдаленныя части Государства и разрушитъ связь между древними россійскими и въ новое время пріобрѣтенными областями. Право избранія сенаторовъ не только не принесетъ никакой пользы, а принесетъ вредъ. Въ однихъ мѣстахъ государственные чины будутъ имѣть вліяніе на эти выборы, а въ другихъ богатые помѣщики наполнятъ Сенатъ людьми, имъ преданными; по мнѣнію Салтыкова, правило, чтобы вопросы, подлежащіе сужденію, установлялись предсѣдателемъ и чтобы во время преній не допускали не относящихся къ дѣлу разсужденій, совершенно уничтожаетъ свободу разсужденій, но онъ при этомъ не указываетъ однако, какъ же иначе обезпечить порядокъ и содержательность преній; и Салтыковъ возражаетъ противъ приданія рѣшеніямъ Сената окончательной силы, опираясь все на тотъ же доводъ, будто бы тѣмъ угнетенные теряютъ послѣднее прибѣжище, а Монархъ теряетъ драгоцѣннѣйшее свое право, не понимая, что для твердости законнаго порядка въ Государствѣ необходимо, чтобы при опредѣленныхъ условіяхъ, обезпечивающихъ ихъ справедливость, судебныя рѣшенія должны быть признаны окончательными, неподлежащими дальнѣйшему обжалованію. Ничѣмъ не ограниченная свобода обжаловать всѣ судебныя рѣшенія совершенно колеблетъ законный порядокъ. Къ тому же при огромномъ количествѣ судебныхъ дѣлъ въ такой обширной странѣ, какъ Россія, невозможно монарху лично ознакомиться со всѣми обжалуемыми ему судебными дѣлами. Монарху дѣйствительно принадлежитъ въ отношеніи къ отправленію правосудія — право помилованія, но оно ограничивается только одними уголовными приговорами и не можетъ распространяться на рѣшенія гражданскихъ судовъ. Отвергаетъ Салтыковъ и рѣшенія по большинству голосовъ, отстаивая рѣшенія единогласныя, фактически не всегда достижимыя.

Министръ юстиціи Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ усматривалъ въ проектѣ общія и частныя выгоды: прибавленіе трехъ сенатовъ, удвоивающее успѣхъ производства дѣлъ избавитъ многихъ тяжущихся отъ убыточнаго проживанія въ двухъ столицахъ; сенаторы усилены въ правахъ, ибо рѣшенія уже не останавливаются; министръ юстиціи и оберъ-прокуроры облегчаются освобожденіемъ отъ отвѣтственности за приговоры Сената; дворянству не по чинамъ, а по достоинствамъ предоставляется засѣдать въ Сенатѣ. Но всѣ эти похвалы звучатъ нѣкоторой ироніей и „какъ и самая лучшая теорія требуетъ примѣненія къ практикѣ", то Дмитріевъ кряду же послѣ этихъ „похвалъ" говоритъ, что „какъ одно только единогласіе или большинство голосовъ не можетъ быть достаточною мѣрою правосудія, то не безполезно допустить по крайней мѣрѣ по жалобамъ тяжущихся переносъ дѣлъ въ Общее Собраніе; допустить даже и потому, что вся Имперія уже издавна пріобыкла возлагать послѣднее свое упованіе на милосердаго Государя, какъ на Отца и защитника утѣсненныхъ".

Д. т. с. Алексѣевъ находитъ въ проектѣ три главныя перемѣны государственнаго управленія: I) Правительствующій Сенатъ отдѣляется отъ Судебнаго, II) Судебный Сенатъ раздѣляется вмѣсто двухъ столицъ на четыре округа; каждый тяжебный департаментъ сперва на казенной и частной, а потомъ всѣ они и купно уголовные департаменты на два отдѣленія особо для дѣлъ по аппелляціямъ и на ревизію вступающихъ и особо для текущихъ и III) тяжебныя дѣла между частныхъ лицъ получаютъ конецъ единогласнымъ рѣшеніемъ отдѣленія Сената или, въ случаѣ разномыслія въ отдѣленіи, большинствомъ голосовъ департамента, жалобы на сіе ни гдѣ уже не пріемлется. По I предмету онъ надобность и пользу отдѣленія Правительствующаго Сената отъ Судебнаго признаетъ одобряемыми и утверждаемыми самою сущностью различныхъ между ими предметовъ, но въ разсужденіи составленій перваго Сената изъ однихъ лишь министровъ и ихъ товарищей онъ думаетъ, что не излишне было бы для вящшаго обезпеченія безпристрастнаго правосудія, присовокупить нѣсколько изъ сенаторовъ, неимѣющихъ въ разсматриваемыхъ дѣлахъ личнаго участія. Эти члены могутъ быть полезны и для непрерывнаго теченія дѣлъ, между тѣмъ какъ министры, занятые своими дѣлами, не всегда могутъ присутствовать въ Сенатѣ. По II

предмету онъ находилъ ненужнымъ дѣлить Судебный на четыре округа, такъ какъ продолженіе дѣлъ происходитъ не отъ большаго разстоянія между тяжущимися и Сенатомъ, а отъ недостатка хорошихъ формъ дѣлопроизводства и способныхъ исполнителей. По предмету III онъ сомнѣвается, чтобы лишеніе права имѣть прибѣжище къ Высочайшему престолу, въ виду долговременнаго его существованія, и переходъ къ началу большинства не вызвалъ бы во всѣхъ опасенія, что при рѣшеніяхъ по большинству значительно уменьшится обезпеченность частной собственности; кромѣ того, человѣческія страсти могутъ при этомъ привести къ рѣшеніямъ по самолюбію; лучше бы было, когда мнѣніе предсѣдателя примкнетъ къ мнѣнію меньшинства, предлагать дѣла на совѣщаніе генералъ-прокурора; если заключеніе его будетъ согласно съ большинствомъ, рѣшеніе считать окончательнымъ; если же—съ меньшинствомъ, вносить дѣло въ Государственный Совѣтъ. Сія мѣра, не предполагая многихъ дѣлъ, идущихъ въ Государственный Совѣтъ, на охраненіе правосудія можетъ имѣть важное вліяніе, такъ какъ сенаторы, имѣя въ виду судъ голосамъ своимъ въ присутствіи Государя, будутъ болѣе въ нихъ осмотрительны.

Баронъ Кампенгаузенъ находилъ, для болѣе точнаго разграниченія вѣдѣнія Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената, отнести къ вѣдѣнію Совѣта общую и всегдашнюю отмѣну существующихъ постановленій, а къ Сенату временныя и случайныя перемѣны. И кромѣ того полагалъ, что министръ управляющій не можетъ вмѣстимъ быть управляющимъ дѣлопроизводствомъ, что для этого долженъ быть назначаемъ министръ безъ портфеля.

Оберъ-гофъ-мейстеръ Родіоновъ Кошелевъ находилъ, что признаніе рѣшеній Судебнаго Сената окончательными должно уменьшить ябеду и облегчить ходъ дѣлъ.

Замѣчанія предсѣдателей Совѣта на первоначальный проектъ учрежденія Сената.

Завадовскаго 1) „Когда части государственнаго управленія отъ Сената отдѣлены, и ему принадлежитъ только верховный судъ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ съ управленіемъ прочихъ судебныхъ мѣстъ, но при таковой вещей перемѣнѣ было бы не совмѣстно предсѣдать Государю въ семъ какъ и во всякомъ судилищѣ потому наипаче, что Государь не

есть судія, но законодатель. Законы дѣйствуютъ на судъ, а лице Царево симъ послѣднимъ не сопричастно.

Нужно допустить изъятіе въ случаяхъ осужденія на смерть и къ лишенію чести гражданина. Сіи токмо приговоры Сената восходили бы къ Государю въ томъ видѣ, что Государь какъ источникъ благости и милосердія, можетъ по симъ державнымъ преимуществамъ облегчить осужденіе, можетъ простить и помиловать осужденнаго. Также властенъ и то рѣшеніе, при усмотрѣніи въ немъ несоблюденія порядка, или отступленія отъ законовъ уничтожить или указать перенести дѣло къ сужденію Сената, но другихъ округовъ. Если же ни о томъ, ни о другомъ не соблаговолитъ и не укажетъ, когда Сената приговоръ не имѣлъ на себѣ утвердительнаго Государя подписанія яко знаменующаго соучастіе не свойственное ни сердцу, ни священному сану Божія помазанника, обращается къ исполнительной силѣ.

Лопухина 2) И въ Сов. надо раздѣлить званіе министра юстиціи и генералъ-прокурора.

Лопухина 3) Неудобно выборнымъ сенаторамъ, кои могутъ (особенно въ Польшѣ) оказаться и средніе чины за 6 лѣтъ давать 3 классъ. Слѣдовало бы, какъ и въ губерніяхъ болѣе заурядъ.

4) Пропись различія казенныхъ и частныхъ тяжбъ.

Законы и правосудіе должны ровно располагать справедливость по притязаніямъ казны, какъ и частныхъ лицъ. Но сколько еще защитниковъ въ самыхъ судахъ, чего частные люди не имѣютъ! Стряпчіе, прокуроры, оберъ-прокуроры, генералъ-прокуроръ и министръ юстиціи во едино дѣйствуютъ за цѣлость казенныхъ имѣній.

Князь Лопухинъ присоединился къ мнѣнію Завадовскаго. Мордвиновъ указывалъ на то, что до Сперанскаго никто не опорочивалъ тάкъ существующаго порядка, не жаловался на медленность формъ дѣлъ.

ГЛАВА IV.

Объясненія Сперанскаго на возраженія и результаты голосованія въ Общемъ собраніи Госуд. Совѣта.

На эти замѣчанія Сперанскій отвѣчалъ объемистыми объясненіями на замѣчанія гг. членовъ Государственнаго

Совѣта по проекту учрежденія Сената, очень талантливо и убѣдительно написанными (по Архиву Госуд. Сов. № 27).

Въ введеніи къ этимъ объясненіямъ указывается, что вопросъ о необходимости и своевременности преобразованія Сената уже предрѣшенъ Манифестомъ 1 января 1810 года, установившимъ новое образованіе Государственнаго Совѣта. Въ немъ прямо указывалось „дать Сенату образованіе важному значенію его свойственное и присоединить къ установленіямъ его все, что можетъ ихъ усовершить и возвысить“.

По первому общему вопросу, выставленному въ замѣчаніяхъ, имѣется ли необходимость въ преобразованіи Сената, въ Объясненіяхъ указывается, что вопросъ этотъ само собой распадается на два отдѣльныхъ вопроса: во-первыхъ на вопросъ о томъ, можно ли оставить Сенатъ въ прежнемъ положеніи послѣ учрежденія министерствъ и новаго Государственнаго Совѣта? и, во-вторыхъ, на вопросъ о томъ, существующія учрежденія Сената достаточны ли къ его дѣйствію?

По первому вопросу прежде всего указывалось на то, что съ учрежденіемъ министровъ необходимо установить общее средоточіе, въ коемъ бы власть Самодержавная дѣйствовала на всѣ части исполнительнаго порядка въ надлежащемъ единствѣ. Между тѣмъ до сихъ поръ сосредоточіе это разсѣяно между тремя установленіями: въ первомъ департаментѣ Сената, въ Комитетѣ министровъ и въ непосредственномъ докладѣ. Опытъ доказалъ важныя неудобства. Слѣдовательно необходимо собрать воедино сіи части. Какое бы ни было дано именованіе сему единому мѣсту, оно должно существовать и притомъ отдѣльно отъ суда, такъ какъ: 1) править и судить разнородные предметы, 2) власть управляющая въ нашихъ казенныхъ мѣстахъ (?) часто судится сама съ частнымъ лицомъ и представляетъ въ себѣ вмѣстѣ и истца и судію; 3) формы суда и управленія столь различны между собою, что безъ крайняго смѣшенія никакъ не можно ихъ соединить въ одномъ сословіи.

По сему, если съ учрежденіемъ министерствъ Сенатъ особое средоточіе, отдѣльное отъ суда, ясна необходимость раздѣлить Сенатъ на два установленія: одно правительственное, другое судебное.

Съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта не м... тъ

также быть совмѣстно настоящее положеніе Сената: въ Совѣтѣ власть Самодержавная дѣйствуетъ въ порядкѣ законодательномъ; но по прежнимъ узаконеніямъ предметы сіи принадлежали вмѣстѣ со всѣми другими Сенату. Слѣдовательно, съ учрежденіемъ Совѣта принадлежности Сената сами собой измѣнились и учрежденія его не могли уже остаться въ своей силѣ. Слѣдовательно, по необходимости надлежитъ дать ему другое устройство, всѣмъ прочимъ установленіямъ сообразное и имъ равное. Иначе бы Сенатъ остался безъ силы ему свойственной и составлялъ бы нижнюю инстанцію Совѣта. А сего въ добромъ распорядкѣ силъ государственныхъ и въ разумѣ ихъ равновѣсія никакъ попустить невозможно.

Къ объясненію втораго вопроса, достаточны ли существующія нынѣ учрежденія Сената къ его дѣйствію, могутъ послужить слѣдующія уваженія:

1) Сенатъ никогда не имѣлъ точнаго и единообразнаго учрежденія. Правила его дѣйствія, начиная съ 1711 года по сіе время, чрезъ цѣлое столѣтіе прибавлялись и отмѣнялись почти ежегодно. Они разсѣяны въ разныхъ инструкціяхъ и отдѣльныхъ указахъ, коихъ число, какъ изъ выписки при семъ прилагаемой явствуетъ, простирается болѣе, нежели до 870 разныхъ временныхъ и, такъ сказать, текущихъ предписаній. Одно сіе уваженіе должно бы уже было заставить собрать и соединить сіи разнообразныя предписанія; а соединивъ и сообразивъ ихъ съ настоящимъ порядкомъ прочихъ государственныхъ установленій, само собою уже выдетъ новое учрежденіе Сената.

2) Имя Сената сто лѣтъ пребыло, такъ какъ и теперь, пребываетъ безъ отмѣны, но существо его, образъ дѣйствія, раздѣленіе дѣлъ и пространство власти восемь разъ въ теченіи сего времени измѣнялись (въ 1726, 1730, 1731, 1741, 1763, 1797, 1802 и 1810 гг.), а правила и учрежденія, какъ выше было примѣчено, то поправлялись, то отмѣнялись почти ежегодно.

3) Въ общемъ и, такъ сказать, теоретическомъ обозрѣніи Сената, онъ можетъ представляться довольно сильнымъ и благоустроеннымъ. Но когда вникаютъ въ истинное и практическое его состояніе, тогда теорія сія совершенно измѣняется. Здѣсь не безполезно будетъ представить положеніе Сената въ разныхъ его эпохахъ такъ, какъ оно изображено въ манифестахъ и другихъ публичныхъ актахъ. Въ какомъ поло-

женіи находился Сенатъ при вступленіи покойной Государыни Императрицы на престолъ, сіе явствуетъ изъ манифеста ея о преобразованіи онаго. Въ манифестѣ семъ, 15 декабря 1763 г. сказано: „Хотя многія доселѣ въ Имперіи нашей учреждены государственныя и судебныя правительства; однако же оныя весьма недостаточны, что можно наиболѣе всего усмотрѣть въ нашемъ Сенатѣ".

Въ слѣдствіе сего признано было нужнымъ Сенатъ, который дотолѣ составлялъ единое цѣлое для всей Имперіи, раздѣлились на два округа и на шесть департаментовъ, изъ коихъ четыре въ С.-Петербургѣ и два въ Москвѣ, и въ томъ же манифестѣ сказано, что сіе раздѣленіе не должно считать ни непремѣннымъ, ни непоколебимымъ. Извѣстно въ прочемъ, что Государыня Императрица до самой кончины не преставала помышлять о новомъ устройствѣ Сената. Свидѣтельствуютъ сіе подлинныя бумаги и проекты самаго учрежденія. Дѣйствительно въ Архивѣ Государственнаго Совѣта имѣются два вполнѣ законченные проекта преобразованія Сената, найденные въ бумагахъ Сперанскаго, одинъ 1788, другой 1794 года.

Въ исходѣ 1796 года генералъ-прокуроръ въ докладѣ своемъ представлялъ покойному Государю Императору, что число нерѣшенныхъ въ Сенатѣ дѣлъ простирается до 11.476; вслѣдствіе сего установлены временные Сената департаменты.

Въ 1802 г. генералъ-прокуроръ представлялъ въ своемъ докладѣ, что въ Сенатѣ накопилось дѣлъ въ восемь разъ болѣе, нежели было. Вслѣдствіе того велѣно комитету изъ сенаторовъ разсмотрѣть порядокъ производства дѣлъ и представить способъ къ ихъ ускоренію, чтобы обряды сами по себѣ медлительные не препинали хода дѣла. Комитетъ представилъ, что не одинъ канцелярскій порядокъ затрудняетъ ходъ дѣлъ, но само положеніе Сената тому виною.

Въ томъ же 1802 году самъ Правительствующій Сенатъ въ докладѣ своемъ, отъ всего сословія поднесенномъ, слѣдующимъ образомъ описывалъ свое положеніе. „Войдемъ отъ настоящей тѣни Сената къ той эпохѣ, когда онъ былъ полномоченъ и въ тѣ періоды, когда паче и паче сталъ безгласенъ и невластенъ". Описавъ разныя перемѣны, Сенатъ продолжаетъ: „Безъ напряженія можемъ уподобить нынѣ Сенатъ немощному тѣлу. Въ первый разъ отъ учрежденія своего онъ подвергнутъ, подобно суднымъ мѣстамъ, аппелляціи и даже указомъ опубликованъ къ подачѣ на

него жалобъ годичный срокъ. Генералъ-рекетмейстеръ, учрежденный для принятія въ Сенатъ прошеній, началъ принимать просьбы на Сенатъ и возвышенъ въ судію того Правительства, которому былъ подчиненъ. Сенатъ, объятый сильнымъ вліяніемъ на его дѣла, по нѣскольку разъ перевершалъ свои рѣшенія. Се образъ порабощеннаго Сената, въ которомъ молчать тяжко, говорить было бѣдственно".

Въ семъ разумѣ въ томъ же году генералъ-прокуроръ представилъ, что число нерѣшенныхъ дѣлъ составляетъ 10.709 и что нѣтъ никакого способу ускорить ихъ рѣшеніемъ. Вслѣдствіе сего: 1) учрежденъ комитетъ поверхностнаго обозрѣнія дѣлъ; 2) введены краткія предварительныя записки, и 3) учреждена консультація.

Не прошло трехъ лѣтъ, какъ генералъ-прокуроръ въ докладѣ своемъ 1805 г. представлялъ, что дѣла въ департаментахъ умножаются и умножились до такой степени, что вся дѣятельность сенаторовъ и канцеляріи теряются въ безпомощности потому, что нѣтъ средства достигнуть той желаемой цѣли, чтобъ дѣла при настоящемъ положеніи текли безъ препинанія, свободно и успѣшно.

По сему представленію сдѣлано нѣкоторое перемѣщеніе дѣлъ и учреждены вновь два департамента. Не прошло трехъ лѣтъ, какъ министръ юстиціи въ докладѣ 1808 г. паки представлялъ, что число вступающихъ дѣлъ и особливо уголовныхъ, ежегодно умножается, что при всей дѣятельности сенаторовъ и канцеляріи невозможно успѣвать окончаніемъ оныхъ въ годовой срокъ. По сему представленію Уголовные Департаменты были раздѣлены на два присутствія и удвоена ихъ Канцелярія.

На другой годъ въ докладѣ 1809 года паки было представлено, что при всей дѣятельности сенаторовъ и канцеляріи по множеству вступающихъ въ 3-й департаментъ дѣлъ знатное ихъ количество остается безъ окончанія.

По сему положено и сей департаментъ раздѣлить на два отдѣленія.

Теперь вопрошается, гдѣ и когда можно остановиться въ сихъ поправленіяхъ? Должно ли продолжать ихъ до безконечности? Изъ сего видно, что учрежденія Сената нынѣ существующія ни въ какой эпохѣ бытія его не были, а тѣмъ менѣе нынѣ не могутъ быть признаваемы достаточными къ его дѣйствію и что если бы настоящее его положеніе и могло быть сообразно съ другими Государственными

установленіями, то одинъ недостатокъ правилъ и неудобство временныхъ и непрестанныхъ дополненій должны бы были привести по необходимости къ той мысли, чтобы дать сему сословію прочное учрежденіе.

Вопросъ второй, изъ мнѣнія д. т. с. Попова: Будутъ ли полезны новыя учрежденія Сената?

Къ успѣшному дѣйствію каждаго установленія нужны двѣ главныя силы: способные люди и доброе учрежденіе. Въ смѣшеніи дѣлъ, безъ точныхъ правилъ и порядка, какимъ образомъ могутъ дѣйствовать способные люди? Они уклоняются отъ сихъ установленій и ищутъ службы въ другихъ или живутъ въ праздности. Въ чемъ состоитъ свойство всѣхъ добрыхъ учрежденій? Въ ясности и простотѣ. Можно ли съ достовѣрностью утверждать, что порядокъ въ проектѣ учрежденія предполагаемый, отрѣшая въ производствѣ дѣлъ всѣ затруднительныя излишества, сокращаетъ болѣе нежели въ половину все письмоводство, при равномъ дѣйствіи онъ предполагаетъ менѣе дѣйствующихъ силъ. Число *трудящихся* можетъ быть будетъ болѣе, но въ замѣнъ того число *ожидающихъ* будетъ менѣе.

Вопросъ третій, изъ того же мнѣнія: Будутъ ли учрежденія сіи благовременны среди войны и разстройства финансовъ?

Трудно найти истинное отношеніе, какое можетъ быть между настоящею войною и Сенатомъ. Но если бы оно и было, то должно вспомнить, что Сенатъ въ самомъ началѣ былъ установленъ по случаю военныхъ обстоятельствъ. Великій основатель его чувствовалъ, что ничто такъ не обезсиливаетъ внѣшнихъ враговъ, какъ внутренній порядокъ и устройство и что сила внутренняго суда и управленія всегда нужная, становится еще необходимѣе среди трудныхъ положеній.

Что принадлежитъ до финансовъ, то издержки, на устройство Сената потребныя, въ общей массѣ нашихъ дѣлъ не могутъ составить важной статьи. Нельзя себѣ представлять, чтобы устройство сіе могло быть произведено однимъ пріемомъ: оно по самому существу своему требуетъ постепенности.

Часть вторая.

Объясненія на замѣчанія, относящіяся къ Правительствующему Сенату.

Вопросъ первый, изъ мнѣнія Д. Т. С. Алексѣева: Не удобнѣе ли будетъ въ составъ Правительствующаго Сената ввести сенаторовъ?

По кореннымъ законамъ Сената полагаются въ составѣ его министры управляющіе частями и носящіе званіе сіе безъ управленія. Сіи послѣдніе сами собою замѣняютъ сенаторовъ.

Второй вопросъ: двоякій образъ производства дѣлъ по искамъ на казну порядкомъ правительственнымъ и судебнымъ можетъ ли быть удобенъ и не произведетъ ли смѣшенія?

Правительство, заключая договоры съ частнымъ лицомъ, ставитъ себя предъ закономъ въ положеніе совершенно равное частному лицу. Исполнителей его (казенныхъ стряпчихъ) частный человѣкъ можетъ позвать въ судъ, взять аппелляцію, отыскивать проѣсти и волокиты и проч., и проч. На семъ основаніи вся сила частныхъ контрагентовъ съ казною. Контрагенты сіи не имѣли бы никакого смысла, или заключали бы сущую нелѣпость, если бы между двумя договаривающимися сторонами не было суда, или когда бы судъ сей принадлежалъ одной изъ нихъ. На семъ коренномъ и необходимомъ правилѣ учреждается и рѣшеніе дѣлъ по спорамъ съ казною. Порядокъ ихъ производства долженъ быть сколь можно болѣе сообразенъ съ частными исками.

Что дѣлаетъ частный человѣкъ, когда не платитъ ему другой по обязательству? Онъ прежде всего обращается къ должнику. Должникъ отрицается, онъ ищетъ защиты у правительства и идетъ, примѣтить должно, не въ судъ, но въ губернское правленіе и когда уже губернское правленіе его не удовлетворитъ, или признаетъ вексель его спорнымъ: тогда обращается онъ къ суду и идетъ по аппелляціямъ. Подобнымъ же образомъ казенная палата отказываетъ частному человѣку въ выдачѣ денегъ по его обязательству. На казенную палату онъ жалуется министру финансовъ—получаетъ отказъ. Онъ долженъ просить въ Правительствующемъ Сенатѣ и когда тотъ его не удовлетворитъ, тогда онъ отыскиваетъ уже судомъ и восходя по аппелляціямъ достигаетъ

Судебнаго Сената. Здѣсь вопрошается, можно ли допустить, чтобы Судебный Сенатъ присуждалъ то, въ чемъ отказалъ Сенатъ Правительствующій, и не произойдетъ ли изъ сего смѣшенія?—Не произойдетъ, кажется, никакого: когда гражданская палата присуждаетъ искъ по частному векселю, который въ губернскомъ правленіи при первомъ предъявленіи его не былъ удовлетворенъ и признанъ спорнымъ и неяснымъ, она не перевершиваетъ симъ рѣшенія губернскаго правленія, не нарушаетъ правъ мѣста не только ей равнаго, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и высшаго. Никто и никогда не находилъ въ семъ смѣшенія. Сенатъ Правительствующій и Судебный въ дѣлѣ казенныхъ исковъ стоитъ совершенно въ равномъ положеніи, какъ палата и губернское правленіе.

Что значитъ въ существѣ своемъ отказъ Правительствующаго Сената по сему иску?—Онъ значитъ только то, что разсматривая жалобу *въ порядкѣ правительственномъ* безъ судебныхъ формъ, безъ продолжительныхъ слѣдствій, безъ призыва на лицо всѣхъ свидѣтелей и проч., и проч., Правительствующій Сенатъ не можетъ признать ее правильною и поступить къ ея удовлетворенію.

Что значитъ, напротивъ, присужденіе Сената Судебнаго? Оно значитъ, что разсмотрѣвъ дѣло *въ порядкѣ судебномъ*, то есть съ наблюденіемъ всѣхъ формъ, произведя всѣ изслѣдованія, призвавъ свидѣтелей и проч., Судебный Сенатъ находитъ искъ правильнымъ и къ удовлетворенію подлежащимъ. Какое можетъ быть въ семъ противорѣчіе?

Вопросъ третій, изъ мнѣній князя Голицына, Вейдемейера и Алексѣева: *Если двоякій образъ производства дѣлъ казенныхъ признанъ будетъ неудобнымъ: то какія средства могутъ быть къ его исправленію?* Средства къ этому трояки (въ рукописи сказано *двояки*, но приведено три средства): первое—чтобъ Правительствующій Сенатъ совсѣмъ не входилъ въ дѣла спорныя; второе—яснѣе означить родъ дѣлъ, могущихъ вступать въ Сенатъ Правительствующій—но яснѣе означить сихъ дѣлъ невозможно, ибо онѣ не составляютъ особеннаго рода; третіе—Правительствующему Сенату предоставить, когда онъ усмотритъ, что внесенное въ него дѣло не можетъ быть рѣшено иначе, какъ судебнымъ порядкомъ, самому направлять это дѣло въ оный порядокъ—но тогда будетъ опасность, что Правительствующій Сенатъ, по примѣру губернскихъ правленій, ради уменьшенія количества

своихъ дѣлъ, будетъ всѣ дѣла, самыя простыя, направлять судебнымъ порядкомъ.

Вопросъ четвертый, изъ мнѣнія Вейдемейера: *Должно ли къ секретнымъ трактатамъ прилагать печать въ Сенатѣ?*

Государственный Канцлеръ есть председатель Правительствующаго Сената. Всѣ дѣла по храненію государственной печати и въ томъ числѣ приложеніе ея отнесены къ Герольдіи.

Вопросъ пятый, изъ мнѣнія Т. С. барона Кампенгаузена: *Не нужно ли точнѣе различить предметы, слѣдующіе въ Совѣтъ отъ тѣхъ, кои поступаютъ въ Сенатъ?*

Сила вопроса состоитъ въ слѣдующемъ: по 29-й статьѣ Учрежденія Совѣта къ дѣйствію его принадлежатъ между прочимъ предметы внутренняго управленія, требующіе отмѣны, ограниченія и дополненія прежнихъ положеній. По § 54 Учрежденія Прав. Сената къ дѣламъ его, разрѣшаемымъ въ особенныхъ собраніяхъ въ присутствіи Его Императорскаго Величества, принадлежатъ предметы управленія, требующіе новаго распорядка или дополненія правилъ, ограниченія, распространенія или отмѣны мѣръ, прежде правительствомъ принятыхъ и Высочайше утвержденныхъ. Здѣсь вопрошается: сіе двоякое изложеніе довольно ли различаетъ принадлежность Совѣта и Сената. Различіе сіе будетъ ощутительно, если каждая статья примется не отдѣльно, но въ своей связи.

Въ статьѣ 29-ой исчисляются предметы, принадлежащіе Совѣту. Первый предметъ: установленіе закона, устава или учрежденія. Второй предметъ: отмѣна или дополненіе закона, устава и учрежденія. Третій предметъ: изъясненіе истиннаго смысла въ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ. Сверхъ сего къ ст. 29-й принадлежитъ и ст. 30, въ ней сказано: изъ всѣхъ сихъ предметовъ изъемлются: 1) тѣ дѣла, кои предоставлены будутъ особенно непосредственному докладу министровъ. О дѣлахъ сихъ въ § 56 Учрежденія Сената сказано, что дѣла тайнѣ подлежащія и чрезвычайныя въ образѣ доклада ихъ и въ порядкѣ рѣшенія устанавливаются на особыхъ правилахъ и составляютъ предметъ особеннаго учрежденія; 2) дѣла, кои по общему министерскому наказу подлежать будутъ соображенію министерскаго комитета. Министерскій комитетъ въ проектѣ настоящаго образованія Сената замѣняется особеннымъ собраніемъ Правительствующаго Сената. Чтобы вполнѣ понять различіе

дѣлъ Совѣта и особаго собранія Сената, надо ст. 54 проекта новаго образованія Сената разсмотрѣть въ связи съ предшествующей ей статьей 53. Въ статьѣ 53 сказано: въ особенныхъ собраніяхъ Правительствующаго Сената предлагаются *дѣла исполнительныя*, требующія Высочайшаго разрѣшенія. Наименованіемъ дѣлъ исполнительныхъ отсѣкается уже само собой понятіе закона, устава и учрежденія. Вслѣдъ за симъ непосредственно въ статьѣ 54 сказано: къ дѣламъ сего рода (очевидно исполнительнымъ) принадлежатъ предметы управленія (а не законодательства), предполагавшіе новый распорядокъ и дополненіе правилъ (а не новый законъ или дополненіе его), ограниченіе, дополненіе или отмѣну (не закона, не устава и не учрежденія, какъ о Совѣтѣ сказано), но мѣръ прежде правительствомъ принятыхъ и Высочайше утвержденныхъ. Различать же мѣру правительствомъ принятую отъ закона или учрежденія не можетъ быть большаго затрудненія.

Вопросъ шестой, изъ мнѣнія Попова: *Не должно ли къ предметамъ Правительствующаго Сената сверхъ публичныхъ политическихъ сношеній отнести и всю политическую систему, исключая малаго числа дѣлъ тайнѣ подлежащихъ?* Во всѣхъ государствахъ дѣла Кабинета отличаются отъ дѣлъ публичныхъ. Внѣшнія сношенія вездѣ принадлежатъ къ Кабинету, а Сенатъ не есть Кабинетъ. Нельзя обращать въ общее и постоянное правило того, что по существу своему подлежитъ соображенію обстоятельствъ.

Вопросъ седьмой, изъ мнѣнія адмирала Мордвинова, состоялъ въ томъ, въ какомъ отдѣленіи канцеляріи Правительствующаго Сената первомъ или второмъ производить дѣла иностранныя и не представлялъ никакого интереса.

Вопросъ восьмой, изъ мнѣнія барона Кампенгаузена: *Удобно ли, чтобъ министръ, управляющій письмоводствомъ, избираемъ былъ изъ министровъ управляющихъ частями?*

Сіе не безъ примѣра. Во все время царствованія покойной Государыни Генералъ-Прокуроръ былъ вмѣстѣ Государственнымъ Казначеемъ. Впрочемъ правило простоты, единства и отвѣтственности требуетъ, чтобъ лицо управляющее письмоводствомъ не считалъ себя лицомъ сословію тому постороннимъ.

Вопросъ девятый, изъ мнѣнія графа Салтыкова: Должно ли въ обыкновенныхъ собраніяхъ Сената дѣла рѣшать по большинству голосовъ?

Важнѣйшія дѣла исполнительныя отнесены къ особеннымъ собраніямъ, гдѣ они рѣшаются по большинству голосовъ, но означеніемъ Высочайшей въ нихъ воли. Въ обыкновенныхъ же собраніяхъ рѣшатся дѣла большею частію текущія. Въ дѣлахъ сихъ трудно принять другую мѣру окончанія. Если по разногласію вносить ихъ въ особенныя собранія, то легко быть можетъ, что и особенныя обратятся въ обыкновенныя. Впрочемъ, если голосъ одного останавливалъ иногда вредныя мѣры, то сколько, напротивъ, случалось, что онъ затруднялъ и умедлялъ полезныя мѣры. Трудно сдѣлать точный расчетъ сихъ вѣроятностей, а безопасность послѣдовать общему правилу.

Вопросъ десятый, изъ мнѣнія Алексѣева: Мнѣнія министра отсутствующаго причитаются ли къ наличнымъ голосамъ? Безъ сомнѣнія причитаются, но не излишне будетъ сіе пояснить.

Вопросъ одинадцатый, изъ мнѣнія Попова: Не должно ли журналы въ Прав. Сенатѣ подписывать всѣмъ членамъ? Подпись, не принося никакой пользы, умедляетъ только ходъ дѣлъ.

Вопросъ двѣнадцатый, изъ мнѣнія графа Салтыкова: Должно ли по журналамъ Прав. Сената чинить исполненіе въ тотъ же день? — Это установлено указомъ 3 января 1737 года. То, что въ 1737 году считалось удобнымъ, не можетъ быть въ 1811 году затруднительнымъ. Исполненіе сенатской канцеляріей по журнальному постановленію состоитъ только въ написаніи копіи съ него и отсылки къ министрамъ, коимъ принадлежитъ исполненіе содержанія сенатскаго постановленія.

Вопросъ тринадцатый, изъ того же мнѣнія: Въ обнародованіи указовъ не должно ли принять болѣе предосторожности?—Указы и теперь составляются въ канцеляріи Сената, представляя собою просто копіи опредѣленій; по проекту свѣряетъ ихъ статсъ-секретарь и министръ, управляющій письмоводствомъ; а нынѣ свѣряетъ ихъ секретарь и подписываетъ оберъ-секретарь. Слѣдовательно въ проектѣ и такъ болѣе предосторожностей, нежели было прежде.

Вопросъ 14, изъ того же мнѣнія: Соображеніе въ подробностяхъ производства дѣлъ съ порядкомъ нынѣ существующимъ не произведетъ ли смѣшенія?

Все то, что прежде было установлено въ подробностяхъ канцелярскихъ и не отмѣнено настоящимъ положеніемъ,

остается въ своей силѣ—правило, которое при всѣхъ новыхъ постановленіяхъ наблюдается и само собою разумѣется. Странно было бы повторять о внесеніи бумагъ во входящія и исходящія книги, въ курьерскія книги и т. п.

Вопросъ пятнадцатый, изъ мнѣнія Вейдемейера: Нужно ли наблюденіе формы въ сношеніяхъ министровъ съ Сенатомъ и не произведетъ ли сіе умедленія?—Форма предписанная не затруднительна, а безъ формы обойтись невозможно.

Вопросъ шестнадцатый, изъ мнѣнія адмирала Мордвинова и Вейдемейера: Достаточенъ ли двухдневный срокъ на подачу мнѣнія въ случаѣ отсутствія Е. И. В.

Въ отсутствіе Е. И. В. и доселѣ журналы министерскаго комитета препровождаемы были каждую недѣлю и даже по два раза въ недѣлю и мнѣнія членовъ несогласившихся немедленно доставлялись предсѣдателю.

Вопросы 17 — 25 касались второстепенныхъ подробностей.

Часть третья.

Объясненія на примѣчанія, относящіяся къ Судебному Сенату.
I. Раздѣленіе Сената.

Вопросъ 1, изъ мнѣній Попова, Алексѣева, графа Салтыкова: Должно ли раздѣлять Сенатъ по округамъ? Въ раздѣленіи Сената по округамъ должно различать два разныхъ смысла. Въ первомъ смыслѣ раздѣленіе сіе есть ничто иное, какъ росписаніе губерній въ судебной ихъ зависимости отъ разныхъ департаментовъ. Въ семъ смыслѣ и нынѣ Сенатъ раздѣленъ и притомъ между восемью департаментами. Во второмъ смыслѣ раздѣленіе опредѣляетъ мѣстопребываніе Сената, сверхъ двухъ столицъ, въ Кіевѣ и Казани. Какая была причина въ 1763 г. раздѣлить Сенатъ на два округа и перевесть въ Москву два департамента?—та, чтобы соразмѣрить способы правосудія съ разстояніемъ мѣстъ. Та же самая причина принята основаніемъ и въ проектѣ. Съ 1763 года присоединились къ Россіи восемь польскихъ губерній, населены Кавказская и Саратовская, пріобрѣтены двѣ области Бѣлостокская и Тарнопольская. Населеніе умножилось почти вдвое. Земледѣліе, способы промышленности, все усугубилось, все получило

великое расширеніе. Число дѣлъ возросло. И нельзя не уважить интересы тяжущихся, которымъ чѣмъ легче вести дѣло, чѣмъ ближе къ нимъ судъ.

Вопросъ 2, изъ мнѣнія графа Салтыкова: Удобно ли раздѣленіе каждаго окружнаго Сената на департаменты и не произведетъ ли это новый родъ процессовъ?

И нынѣ дѣла раздѣляются по департаментамъ и каждый родъ дѣлъ имѣетъ свое производство.

Вопросъ 3, изъ мнѣнія мин. юст. Неплюева: Должно ли перемѣщать межевой департаментъ?

Сіе зависѣть будетъ отъ усмотрѣнія.

III. Составъ департаментовъ.

Вопросъ 4, изъ мнѣнія адм. Мордвинова: Должно ли оберъ-прокуроровъ полагать по числу отдѣленій?

Для успѣха дѣла сіе необходимо нужно. Одинъ прокуроръ не можетъ обнять дѣлъ въ двухъ отдѣленіяхъ.

IV. Составъ Верховнаго совѣстнаго суда.

Вопросъ 5, изъ мнѣнія Попова: нужно ли на совѣстное сужденіе согласіе тяжущихся?

Не нужно, потому что родъ сихъ дѣлъ опредѣляетъ законъ, а не произволъ тяжущихся.

Вопросъ 6, изъ мнѣнія бар. Кампенгаузена: Не удобнѣе ли верховный совѣстный судъ учредить на правила третейскаго?

Третейскій судъ учредить зависитъ отъ произвола тяжущихся; а совѣстный судъ учреждается закономъ въ случаяхъ имъ же самимъ опредѣляемыхъ. Совѣстный судъ не исключаетъ третейскаго.

Вопросъ 7, изъ мнѣнія Вейдемейера: Не лучше ли совѣстному суду собираться самому, когда предстанутъ дѣла ему подлежащія?

Но кто будетъ тогда опредѣлять дѣла сему подлежащія?

Вопросъ 8, изъ мнѣнія оберъ-гофмарш. Кошелева: выборы кандидатовъ въ верховные суды должны ли быть изъ одного округа?

Въ коренныхъ законахъ сказано, что суды сіи не раздѣляются по округамъ, но дѣйствуютъ совокупно для всей Имперіи. Въ § 18 сказано, что верховный совѣстный судъ составляется выборомъ изъ общаго собранія, а по XIV статьѣ коренныхъ законовъ общее собраніе составляютъ

соединенные департаменты каждаго округа. Слѣдовательно совѣстные суды составляются изъ одного округа.

Вопросъ 9, изъ мнѣнія князя Голицына: Не нужно ли предоставить тяжущимся избирать шесть членовъ изъ всего общаго собранія?

Сіе почти все равно. Но пристойнѣе, кажется, чтобъ Сенатъ прежде назначалъ кандидатовъ, изъ коихъ ужъ потомъ можетъ избирать тяжущійся.

V. *Составъ уголовнаго суда.*

Вопросъ 10, изъ мнѣнія адм. Мордвинова: Не должно ли въ составъ верховнаго суда включить и Св. Синодъ?

На сіе нѣтъ никакого точнаго основанія. Извѣстно, впрочемъ, что Синодъ отрекался отъ подписанія опредѣленій, когда приглашаемъ былъ къ генеральнымъ судамъ.

Вопросъ 11, изъ мнѣнія Вейдемейера: Не удобнѣе ли предсѣдателей опредѣлять на время?

Если удобство предполагается въ томъ, чтобъ симъ уменьшить вліяніе предсѣдателей на дѣла, то предосторожность сія излишна, ибо: 1) они болѣе одного голоса не имѣютъ, 2) званіе ихъ болѣе состоитъ въ охраненіи порядка, нежели въ дѣйствіи на рѣшенія, 3) власть ихъ умѣряется властью генералъ-прокуроровъ. Дѣла судебныя предполагаютъ, впрочемъ, постоянное упражненіе и связь одного съ другимъ.

Вопросъ 12, изъ мнѣній князя Голицына и гр. Салтыкова: Должно ли допускать опредѣленіе сенаторовъ по выборамъ?

Если въ двухъ среднихъ инстанціяхъ суда выборы признаны нужными: то нѣтъ причинъ отвергать ихъ въ третьей. Впрочемъ сила учрежденія не опредѣляетъ ни числа кандидатовъ по каждой губерніи, ни количество, какое изъ сихъ кандидатовъ будетъ благоугодно избрать и утвердить. Установленіе сіе въ существѣ своемъ не что иное, какъ дозволеніе, даруемое дворянству представлять на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества людей, коихъ оно считаетъ отличными, и нѣтъ сомнѣнія, что сіе, утверждая связь довѣрія, которое между правительствомъ и дворянствомъ должно существовать, будетъ имѣть полезное на судъ вліяніе

VI. *Предметы департаментовъ.*

Вопросъ 13, изъ мнѣнія Вейдемейера: Рѣшеніе спора

о принадлежности дѣлъ между окружными Сенатами принадлежитъ ли Госуд. Совѣту или Прав. Сенату? —Рѣшеніе сіе не принадлежитъ ни тому, ни другому, яко сословіямъ Судебному Сенату равнымъ. Оно зависитъ отъ непосредственнаго Высочайшаго усмотрѣнія, но докладывается не въ Совѣтѣ, а въ собраніи Сената, потому что по существу принадлежитъ болѣе къ распорядку управленія, нежели къ законодательству.

VIII. Предметы Верховнаго уголовнаго суда.

Вопросъ 14, Вейдемейеръ-Кампенгаузенъ. Гдѣ должны быть судимы губернаторы?—Полагается судить ихъ въ Верховномъ уголовномъ судѣ, дабы дать званію сему болѣе уваженія, суды сдѣлать рѣже, но рѣшительнѣе. Впрочемъ нѣтъ, кажется, неудобствъ оставить ихъ въ Сенатѣ.

IX. Порядокъ производства дѣлъ.

Вопросъ 15, изъ мнѣнія гр. Салтыкова: Должно ли предоставить Рекетмейстерамъ столь важное участіе въ производствѣ дѣлъ?

На сей и послѣдующіе вопросы о порядкѣ производства дѣлъ, нужно сдѣлать одно слѣдующее примѣчаніе. Въ порядкѣ нынѣ существующемъ три раздѣльныя части суда: 1) приготовленіе дѣла или собственно такъ называемое производство, 2) судъ и 3) исполненіе его, имѣютъ слѣдующія неудобства: I. *Смѣшеніе ихъ во едино.* Начиная отъ вступленія первой бумаги до послѣдней Сенатъ всѣмъ своимъ сословіемъ занимается производствомъ дѣла. Должно ли пріобщить бумагу къ дѣлу, принять ли ее къ свѣдѣнію, истребовать справку и проч., и проч., о всѣхъ сихъ подробностяхъ Сенатъ долженъ самъ пещись и давать свои разолюціи. Какимъ образомъ верховное судебное сословіе, теряясь въ сихъ мелочахъ, можетъ сохранить достоинство свое и силу? II. *Медленность* великая отсюда происходитъ въ производствѣ и столь обширное производство: ибо всякая бумага, всякая черта, которая присовокупляется изъ дѣлъ, должна быть внесена въ журналъ, подписана сенаторами и произведена тѣмъ же почти обширнымъ и многосложнымъ обрядомъ, какъ и самое дѣло. III. *Безполезность:* какая можетъ быть польза изъ сего образа производства? Можетъ ли Сенатъ упомнить всѣ резолюціи, кои въ теченіе мѣсяцевъ, а иногда и цѣлаго года онъ даетъ по произ-

водству одного и того же дѣла. Слѣдовательно въ существѣ своемъ все производство дѣла состоитъ въ рукахъ канцеляріи, а Сенатъ покрываетъ его своими резолюціями. Отсюда происходитъ: IV. *Безотвѣтственность*. Сдѣлано ли въ производствѣ дѣла упущеніе, неправильность? Канцелярія въ семъ никакъ не отвѣтствуетъ: ибо обо всемъ докладывала Сенату и дѣйствовала по его резолюціямъ. Такимъ образомъ дѣло, коего производство чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, бывъ предложено къ слушанію и бывъ найдено неполнымъ, пока обращается къ своему началу и въ сей медленности или опущеніи нѣтъ виновнаго. V. Но самое главное неудобство въ порядкѣ, нынѣ существующемъ, состоитъ въ томъ, что власть исполнительная непрестанно ревизуетъ Сенатъ, а Сенатъ никакого почти не имѣлъ законнаго способа ревизовать свою власть исполнительную. Сенатъ по докладу канцеляріи дѣлаетъ опредѣленіе, всѣ его подписали; казалось бы, дѣло кончено. Но опредѣленіе сіе есть бумага совсѣмъ недѣйствительная, доколѣ оберъ-прокуроръ не подпишетъ на ней *исполнить*. Такимъ образомъ исполнительная власть, а не Сенатъ, самой себѣ предписываетъ исполненіе. Бумага сія можетъ остаться долгое время непропущенной, а потому и недѣйствительною, и Сенатъ не имѣетъ даже права и законнаго способа возбудить свое собственное опредѣленіе. Оно находится совсѣмъ въ другой власти и какъ бы въ другомъ установленіи. На частный вопросъ Сената о пропускѣ его опредѣленія, оберъ-прокуроръ всегда въ правѣ отвѣчать, что онъ имѣетъ сомнѣнія. Наконецъ сіе сомнѣніе кончилось. Исполнитель сенатскихъ опредѣленій доказываетъ цѣлому сословію Сената, что резолюція его совсѣмъ неправильна и противна законамъ, что онъ съ нею согласиться не можетъ и предлагаетъ свою другую. Какъ бы ни назывался сей родъ протеста, но онъ въ существѣ своемъ есть не что другое, какъ непрерывная цензура верховнаго сего сословія. Сенатъ на предложеніе оберъ-прокурора не соглашается. Симъ заводится споръ между Сенатомъ и его исполнителемъ. Весь Сенатъ въ общемъ собраніи призываются къ рѣшенію сего спора. Рѣшеніе общаго собранія не единогласно. Дѣло доходитъ до Высочайшаго разсмотрѣнія и одною Высочайшею властію рѣшится сіе неприличное состязаніе между цѣлымъ сословіемъ и его исполнителемъ.

Симъ неудобствамъ противопоставлены въ проектѣ слѣ-

дующія главныя правила: I. Смѣшенію трехъ частей суда противопоставлено сколь можно точное ихъ *раздѣленіе*. Пріуготовленіе дѣла возложено на рекетмейстеровъ подъ непрерывнымъ надзоромъ оберъ-прокуроровъ и всей власти исполнительной и, примѣтить должно, подъ точною цензурою самаго Сената: ибо по § 164 первый вопросъ, который Сенатъ рѣшитъ, когда дѣло ему представлено, состоитъ въ томъ: находитъ ли Сенатъ производство дѣла правильнымъ и полнымъ? Такимъ образомъ каждая власть занимается свойственнымъ ей упражненіемъ. Производители производятъ дѣло, а Сенатъ судитъ ихъ производство. II. Медленности производства противопоставлена скорость его и удобность. Не будетъ уже нужды о каждой справкѣ, о каждой чертѣ дѣла докладывать Сенату, составлять журналы, давать подписывать ихъ сенаторамъ и проч., но всѣ справки, всѣ свѣденія вмѣстѣ взятыя Сенатъ будетъ видѣть и судить въ ихъ совокупности. III. Вмѣсто того, что теперь въ теченіи дѣла, на нѣсколько мѣсяцовъ расположеннаго, Сенатъ не имѣетъ возможности судить о своихъ подробностяхъ производства, представляемыхъ ему отрывками, по новому порядку видя ихъ въ совокупности, онъ легко опредѣлить можетъ правильность производства. IV. Вмѣсто того, что въ настоящемъ производствѣ всѣ упущенія и неправильности бывъ утверждаемы резолюціями Сената, дѣлаютъ невозможнымъ всякое взысканіе, въ новомъ порядкѣ они всѣ возлагаются на прямую и точную отвѣтственность производителей. V. Наконецъ, вмѣсто того, что доселѣ исполнительная власть ревизовала судебную и могла даже остановить ея опредѣленіе, отнынѣ Сенатъ будетъ ревизовать власть исполнительную. Оберъ-прокуроръ и рекетмейстеръ, какъ чиновники Сената, кои по званію своему входятъ во всѣ подробности производства, могутъ (по § 149) предложить Сенату свои мнѣнія и изъясненія, но не въ видѣ цензуры или прекословія рѣшеніямъ Сената: они предлагаютъ ихъ прежде, нежели Сенатъ принялъ какую-либо резолюцію; мнѣнія ихъ предшествуютъ мнѣнію самаго младшаго сенатора и, бывъ просто совѣщательными, не имѣютъ никакого дѣйствія въ рѣшеніи, никакого послѣдствія, если Сенатомъ будутъ отвергнуты.

Вопросъ 16, изъ мнѣнія Вейдемейра: не нужно ли бумаги къ свѣдѣнію докладывать Сенату, когда они относятся къ исполненію указовъ? Въ § 227 постановлено: въ первые

десять дней каждаго мѣсяца предсѣдатель Сената составляетъ присутствіе изъ предсѣдателей департаментовъ и генералъ-прокурора для ревизіи сей подлежащихъ, въ п. 4 § 228 именно постановлено число дѣлъ исполненныхъ, по коимъ состоялись уже указы. Послѣ сего нѣтъ никакой нужды занимать свѣденіемъ каждаго рапорта о исполненіи его указа, когда каждый мѣсяцъ они будутъ пересматриваемы.

Вопросъ 17, изъ мнѣнія кн. Голицына: Не лучше ли предоставить установленіе вопросовъ при рѣшеніи дѣла одному предсѣдателю?

Рекетмейстеры изложивъ дѣло приводятъ существенныя его обстоятельства въ вопросы, дабы тѣмъ удобнѣе означить предметы разсужденія. Но вопросы сіи принять или не принять зависитъ отъ Сената. Предсѣдатель же полагаетъ вопросы къ рѣшенію. Тутъ не можетъ быть никакого противорѣчія — это принадлежитъ до замѣчанія, что въ запискахъ ничего не сказано о приложеніи законовъ, — сіе поясняется тѣмъ, что въ § 276 полагается запискамъ симъ составить особенныя формы, кои министръ юстиціи по § 277 и имѣетъ представить на Высочайшее усмотрѣніе.

X. *Особенныя правила на производство дѣлъ апелляціонныхъ.*

Вопросъ 18, изъ мнѣнія Алексѣева: Должно ли опредѣленіе рекетмейстеровъ исполнять безъ утвержденія генералъ-прокурора?

Въ одномъ случаѣ предосторожность сія дѣйствительно нужна, когда дѣло отсылаемое для исполненія на мѣстѣ. Но для сего случая представлять всѣ опредѣленія рекетмейстеровъ и ихъ присутствій на утвержденіе генералъ-прокурора было бы весьма тягостно и неудобно: не признано ли будетъ удобнѣйшимъ, чтобъ рекетмейстеры объявляли напередъ тяжущимся и если черезъ двѣ недѣли жалобы отъ нихъ и предписанія отъ генералъ-прокурора не будетъ, то исполнить опредѣленіе.

Вопросъ 19, изъ мнѣній мин. юст., кн. Голицына, Алексѣева, гр. Салтыкова: Достаточны ли правила, постановленныя для разсмотрѣнія записки рекетмейстера? — Противъ сего порядка и правилъ его сдѣланы слѣдующія примѣчанія: 1) Присутствію рекетмейстеровъ предоставляется власть, доселѣ принадлежавшая Сенату. Сверхъ того ревизія сего присутствія будетъ безполезна и можетъ быть пристрастна.

Лучше не учреждая сего присутствія поручить надзоръ надъ производствомъ рекетмейстеровъ оберъ-прокурору — мнѣніе мин. юстиціи.

Ревизія, предоставляемая присутствію рекетмейстеровъ, не исключаетъ ревизіи Сената. Напротивъ послѣ сей ревизіи Сенатъ по § 164 разсматриваетъ: произведено ли дѣло правильно и въ полнотѣ своей, а по § 166 возвращаетъ присутствію для дополненія. Если же присутствіе неправильно возвратитъ дѣло для дополненія на мѣстѣ, то, во-первыхъ, жалоба на сіе приносится генералъ-прокурору; а, во-вторыхъ, можетъ быть принесена и Сенату въ первомъ отдѣленіи аппелляціоннаго Департамента по точному разуму § 76, въ коемъ сказано: къ первому отдѣленію сего Департамента принадлежатъ всѣ вообще частныя жалобы на образъ производства дѣлъ тяжебныхъ, на недостатокъ или неправильность исполненія. Что принадлежитъ до пристрастія товарищества, то въ семъ положеніи находятся всѣ казенныя палаты и самъ Прав. Сенатъ, коего члены управляютъ частьми и въ общемъ сословіи разсматриваютъ положенія каждой.— Относительно времени, если всѣмъ рекетмейстерамъ вмѣстѣ не достаетъ онаго, чтобъ разсмотрѣть записки ихъ сотоварищей, то одному оберъ-прокурору еще труднѣе усмотрѣть за всѣми. Впрочемъ его время не исключается, ибо онъ есть предсѣдатель сего присутствія.

Вопросъ 20, изъ мнѣнія адм. Мордвинова, д. т. с. Саблукова, Алексѣева: Достаточны ли правила, установляемыя для дополненія записокъ? Прим. 1: Для дополненія дается одна недѣла — срокъ сей кажется кратокъ?

Срокъ сей постановленъ для ускоренія хода дѣлъ и въ томъ предположеніи, что тяжущемуся должно быть дѣло извѣстно — но отъ ближайшаго усмотрѣнія зависѣть будетъ и продолжить этотъ срокъ.

Примѣч. 2. Рекетмейстеръ можетъ возвратить дополненія сторонъ, когда найдетъ въ немъ слова укоризненныя; — не удобнѣе ли будетъ возвращать съ вѣдома присутствія или оберъ-прокурора? — Нѣтъ, кажется, никакой нужды затруднять симъ присутствіе; и теперь бумаги таковаго содержанія могутъ вернуть оберъ-секретари. Дополненіе въ проектѣ возвращается, но для исправленія. Перемѣнивъ слова укоризненныя истецъ паки представитъ его рекетмейстеру.

Примѣч. 3. Въ дополненіяхъ пространныя изъясненія

неправильности и противорѣчія, дозволенныя § 111, не должны быть допускаемы.—Выраженія сіи допущены потому, чтобы дать болѣе свободы тяжущимся къ дополненіямъ и преградить могущее быть отъ рекетмейстеровъ притязаніе къ слогу сихъ притязаній.

XI. Порядокъ производства дѣлъ въ верховномъ уголовномъ судѣ.

Вопросъ 21, изъ мнѣнія бар. Кампенгаузена: Въ присутствіи для приуготовленія дѣла уголовнаго изъ оберъ-прокуроровъ составленномъ не удобнѣе ли предсѣдательствовать министру юстиціи, а не генералъ-прокурору?—Министръ юстиціи, какъ членъ Совѣта, опредѣляетъ родъ дѣлъ, подлежащихъ верховному уголовному суду. Если въ Совѣтѣ онъ былъ противнаго мнѣнія, то какъ ему производить то же дѣло въ Сенатѣ? Сверхъ сего въ производствѣ дѣла можетъ быть сдѣлано упущеніе. Кому на него жаловаться, если министръ будетъ предсѣдательствовать?

XII. Порядокъ производства дѣлъ.

Вопросъ 22, изъ мнѣнія Алексѣева, гр. Салтыкова и кн. Голицына: Достаточны ли правила постановляемыя для рѣшенія дѣлъ?

Примѣч. 1 Салтыкова. Вексельныя дѣла изъемлются изъ очереди. — Они изъяты изъ обыкновенной очереди. Указ. 25 іюля 1802 г.

Примѣч. 2 Мордвинова: Степень настоятельности не лучше ли опредѣлять не одному генералъ-прокурору, но вмѣстѣ съ предсѣдателемъ?

Можетъ быть лучше.

Примѣч. 3 Салтыкова: Права присвоенныя Предсѣдателю въ охраненіе единства вопроса отъемлютъ совершенно свободу разсужденій. Отъемлютъ ли они свободу разсужденій? Они основаны на тѣхъ же правилахъ, какія въ отношеніи къ предсѣдателямъ приняты въ парламентахъ и во всѣхъ самыхъ свободнѣйшихъ собраніяхъ.

Примѣч. 4 Алексѣева: Оберъ-Прокуроръ и рекетмейстеръ даютъ на вопросы изъясненія и имѣютъ голосъ совѣщательный. Сіе можетъ родить безполезныя и неприличныя пререканія.—Оберъ-прокуроръ и рекетмейстеръ даютъ изъясненія и предлагаютъ свое мнѣніе по § 149 не иначе, какъ на вопросы, предложенные предсѣдателемъ. Они даютъ его

не въ пререканіе Сенату, ибо Сенатъ не принялъ еще никакой резолюціи. Мнѣніе ихъ не заводитъ никакого спора, ибо по § 150 оставляется безъ всякаго дѣйствія, какъ скоро не будетъ Сенатомъ принято; но они обязаны дать сіе мнѣніе, яко чиновники Сената, кои входили во всѣ подробности производства и кои потому могутъ представить Сенату изъясненія, нужныя и полезныя къ основанію его рѣшенія. Такимъ образомъ то, что доселѣ служило къ прекословію и ослабленію его власти, нынѣ поставлено на своемъ мѣстѣ и въ своихъ предѣлахъ, будетъ служить полезнымъ содѣйствіемъ. Лучше ограничить содѣйствіе сіе закономъ, нежели оставить его на произволъ.

Примѣч. 5 гр. Салтыкова и кн. Голицына: За троекратное упущеніе въ производствѣ дѣла полагается на рекетмейстеровъ взысканіе и лишеніе мѣста. Наказаніе сіе слишкомъ мало; за каждое упущеніе должно подвергать взысканію.—Должно прежде всего разсмотрѣть, о какихъ упущеніяхъ здѣсь настоитъ дѣло. § 168 ссылается на предъидущія. Упущенія сіи состоять могутъ только въ двухъ отношеніяхъ: 1) если собранныя по дѣлу свѣдѣнія Сенатъ признаетъ недостаточными; 2) если представлено будетъ на уваженіе Сената такое дѣло, которое надлежало прежде всего возвратить на мѣсто для дополненія. Слѣдовательно вина рекетмейстера состоитъ только въ томъ, что онъ не предусмотрѣлъ, чего Сенатъ можетъ потребовать къ полному дѣла обозрѣнію; а вина сія нынѣ и въ Сенатѣ и даже въ Совѣтѣ и во всѣхъ мѣстахъ часто случается и проходитъ безъ всякаго взысканія. Весь вредъ отъ сихъ упущеній состоитъ только въ томъ, что по § 166 дѣло возвращается въ присутствіе рекетмейстеровъ для дополненія; обстоятельство, которое и нынѣ, и всегда допускалось и въ Сенатѣ и въ судебныхъ мѣстахъ безъ всякаго взысканія. Слѣдовательно § 168 можетъ имѣть только тотъ недостатокъ, что онъ слишкомъ строгъ и должно бы его совсѣмъ исключить.

Вопросъ 23. Вопросъ о силѣ рѣшеній Сената и объ окончательномъ ихъ дѣйствіи заслуживаетъ особеннаго уваженія. Чтобы поставить предметъ сей въ надлежащей ясности небезполезно: 1) изложить начала, на коихъ вообще переносъ судныхъ дѣлъ основанъ и какое число аппелляцій можетъ быть совмѣстно съ истиннымъ понятіемъ гражданскаго правосудія; 2) представить главныя черты законодательства нашего по сему предмету; 3) на основаніи сихъ

началъ представить объясненіе на примѣчанія статей въ сводѣ изображенныхъ.

Отдѣленіе первое: О главныхъ началахъ переноса судныхъ дѣлъ.

Подъ именемъ переноса судныхъ дѣлъ разумѣется вообще движеніе ихъ изъ одного судебнаго мѣста въ другое. Переносъ сей производится порядкомъ ревизіи или же аппеляціи; дабы не смѣшивать этихъ понятій, здѣсь разсуждаемо будетъ единственно о переносѣ по аппелляціямъ и дѣлъ единственно тяжебныхъ. Приведя вопросъ въ сіи предѣлы, должно разсмотрѣть, откуда возникло право аппелляціи.

Каждый судъ дѣйствуетъ и судитъ именемъ Державной власти его учредившей. Каждая жалоба, принесенная, какія бы ни были ея выраженія, въ существѣ своемъ есть обличеніе въ упущеніи обстоятельствъ, или въ неправомъ приложеніи закона. Почему всякая жалоба на судъ есть или ограниченіе власти судящихъ, или ограниченіе силы самаго закона въ его приложеніи. Всякая жалоба есть изъятіе изъ общаго правила, верховною властію установленнаго. Въ какомъ разумѣ и до какой степени можно допустить сіе изъятіе, чтобъ съ одной стороны судящимся доставить всѣ способы оправданія, а съ другой, чтобъ не испровергнуть самаго правила умноженіемъ изъятій и власть судную не привесть въ презрѣніе? Чтобъ доставить судящимся способы оправданія: то въ правильномъ судѣ они сами, такъ сказать, пріобщаются къ его производству. Имъ дано право слѣдовать за каждою чертою ихъ тяжбы, представлять доказательства, вызывать свидѣтелей, указывать на разныя справки и проч. Судья въ первоначальномъ дѣла производствѣ представляетъ одно лицо посредника, исполняющаго по данной ему формѣ то, что обѣ тяжущіяся стороны для ясности ихъ дѣла отъ него требуютъ. Онъ слѣдуетъ только ихъ показаніямъ и не можетъ ничего отъ себя прибавить. Преступитъ ли онъ сіи предѣлы? Высшее начальство по жалобѣ сторонъ тотчасъ и прежде еще, нежели онъ къ рѣшенію приступитъ, обращаетъ его къ порядку. Такимъ образомъ въ первоначальномъ дѣлопроизводствѣ власть судьи остается, такъ сказать, безъ дѣйствія. Наконецъ производство дѣла окончено; всѣ свѣдѣнія собраны. Изъ нихъ составленъ экстрактъ или изложеніе. Здѣсь законъ установляетъ еще послѣднюю предосторожность, вызывая тяжу-

щихся къ рукоприкладству и дозволяя имъ дополненіе. Настаетъ рѣшеніе. Здѣсь дѣйствіе тяжущихся уже прекращается и судья вступаетъ во всю полноту своего званія. Рѣшеніе полагается безъ участія сторонъ, объявляется имъ уже тогда, какъ оно подписано.

Сколько бы рѣшеніе ни было основательно, оно не можетъ удовлетворить обѣ стороны; одна изъ нихъ непремѣнно будетъ недовольна. Долженъ ли законъ уважить сіе удовольствіе и открыть способы къ его изъявленію? Съ одной стороны представляется несовмѣстнымъ, чтобы частный человѣкъ, въ собственномъ своемъ дѣлѣ по необходимости пристрастный, уличалъ въ небреженіи или въ незнаніи закона цѣлое сословіе, Правительствомъ учрежденное, или избраніемъ къ сему званію удостоенное. Но съ другой стороны, нельзя не признать, что частный человѣкъ, бывъ закономъ отлученъ отъ участія въ самомъ рѣшеніи дѣла, не могъ предвидѣть въ какомъ разумѣ судъ будетъ судить представленныя имъ обстоятельства; если бы онъ сіе предвидѣлъ, то онъ могъ бы имъ придать болѣе силы или болѣе ясности. Слѣдовательно, не полагая на судъ никакого нареканія, онъ можетъ съ основаніемъ утверждать, что то или другое обстоятельство не довольно въ рѣшеніи уважено, а потому и законъ приложенъ къ дѣлу неправильно. Таковъ есть истинный разумъ первой аппелляціи. Она не для того дозволяется, чтобъ верховный судъ попускалъ тяжущимся порицать нижніе суды имъ учрежденные въ пристрастіи или злоупотребленіи, не для того, чтобъ онъ предполагалъ неправильность въ ихъ рѣшеніи, но для того, чтобы дать обвиняемой сторонѣ способъ поставить дѣло въ большей ясности, нежели было оно поставлено при первомъ его рѣшеніи. Аппелляція, говоритъ одинъ знаменитый юрисконсультъ, не есть переносъ дѣла по пристрастію или злоупотребленію, ибо сіе превратило бы дѣло гражданское въ уголовное, но переносъ дѣла отъ судьи, которому обстоятельства представились не во всей ясности, къ судьѣ, коему тѣ же обстоятельства представятся въ вящшей силѣ и пространствѣ. Сей есть единый способъ изъяснить сіе право, не подвергая достоинства суда порицанію тѣхъ самыхъ лицъ, коихъ онъ судитъ, и изъ коихъ одинъ по необходимости долженъ быть имъ недоволенъ.

Изъяснивъ симъ образомъ право аппелляцій, должно опредѣлить, какое число оныхъ можетъ быть совмѣстно съ

истиннымъ понятіемъ гражданскаго правосудія. Въ переносѣ дѣла изъ низшаго въ высшій судъ два послѣдствія быть могутъ: или рѣшеніе низшаго суда будетъ утверждено или отвергнуто съ большими или меньшими ограниченіями. Если рѣшеніе во второй инстанціи утверждено, то не можетъ быть никакой правильной причины дозволять тому же лицу еще разъ аппелляцію: первая дозволена ему была для вящшей ясности обстоятельствъ; должно предполагать, что онъ воспользовался симъ дозволеніемъ во всемъ его пространствѣ. Но доказательства его во второй инстанціи признаны несостоятельными. Если, напротивъ, во второй инстанціи отвергается рѣшеніе первой, то самая справедливость и равенство сторонъ требуетъ, чтобъ послѣдней изъ нихъ дано было то же право, какъ и первой. Если одна сторона могла приносить жалобу на первое рѣшеніе: то по тѣмъ же самымъ причинамъ должно дозволить и другой жаловаться на второе. Такимъ образомъ двумя аппелляціями и тремя степенями суда удовлетворяется въ полной мѣрѣ всѣмъ тѣмъ уваженіямъ, какія только можно имѣть къ положенію тяжущихся.

Какую цѣль могутъ имѣть дальнѣйшія аппелляціи? Воображаютъ, что въ дѣлахъ гражданскихъ, умножая аппелляціи и пересмотры можно, наконецъ, дойти къ такому рѣшенію, которое будетъ ясно, какъ математическая истина. Сіе значитъ смѣшивать два порядка истинъ, весьма различные между собою. Гражданскія дѣла всѣ вообще принадлежатъ къ порядку моральному и политическому; а въ семъ порядкѣ можетъ быть своя достовѣрность, основанная на понятіи общей безопасности; но не должно въ немъ искать умственной и совершенно безспорной справедливости. Въ семъ порядкѣ конецъ всѣмъ спорамъ есть власть закономъ установленная. Раздробленіе ея на десять степеней можетъ только затруднить и усилить предметы спора; но не можетъ дать столько очевидности, чтобъ гдѣ-либо они могли быть рѣшены внутреннимъ убѣжденіемъ истины, а не власти.

Изъ всѣхъ сихъ объясненій происходятъ слѣдующія общія о силѣ аппелляціи положенія: 1) въ истинныхъ понятіяхъ правовѣдѣнія число аппелляцій не есть произвольное. Оно основано не на одной власти правительства, но на существѣ правильнаго судопроизводства. Въ правильномъ три только степени могутъ быть допускаемы и слѣдовательно аппелляціи ограничиваются двумя. Все, что превы-

шаетъ сіе количество, есть произволъ ни на чемъ не основанный и коему ни начала, ни конца опредѣлить съ точностью невозможно.

Отдѣленіе второе: Состояніе нашего законодательства о числѣ аппелляцій и въ особенности о жалобахъ на Сенатъ.

На двѣ главныя эпохи можно раздѣлить законодательство наше по сему предмету: 1) Отъ Петра I до Екатерины II и 2) отъ Екатерины II до временъ нашихъ. Въ первой эпохѣ въ теченіи 44 лѣтъ три инстанціи было суда и слѣдовательно —двѣ аппелляціи: на губернаторовъ въ Коллегіи, на Коллегіи въ Сенатъ. Здѣсь всѣ судебныя дѣла рѣшались окончательно и невозвратно. Смертная казнь опредѣлена была за жалобы на Сенатъ. Законъ строгій, но совершенно сходный съ духомъ того времени, во всемъ рѣшительнымъ и твердымъ. Онъ дѣйствовалъ во всей его силѣ до 1762 г. Во второй эпохѣ число инстанцій въ началѣ оставалось то же; но жалобы на Сенатъ сперва въ общихъ выраженіяхъ, а потомъ и именно [1]) были разрѣшены. Съ сего же времени начались и прещенія, и угрозы на неправильныя жалобы, прещенія тщетныя и угрозы безполезныя. Изъ всѣхъ приносившихъ жалобы одинъ только нѣкто Березинъ отданъ былъ на судъ Сенату, а Сенатъ подражая милосердію Государыни испросилъ ему прощеніе.

Впрочемъ дѣйствіе закона, разрѣшающаго жалобы, умѣряемо было мѣстными затрудненіями къ подачѣ ихъ, долговременными обрядами ихъ разсмотрѣнія и особенно тѣмъ, что рѣшенія Сената исполнялись не взирая на переносъ. Съ изданіемъ Учрежденія о губерніяхъ, число инстанцій увеличилось. Въ губерніи оныхъ установлено три, а Сенатъ сдѣлался четвертою. Но пріумноженіе сіе поправлено тѣмъ, что Палатамъ велѣно приводить рѣшенія ихъ въ исполненіе несмотря на жалобы. Симъ желали уменьшить число жалобъ и на Палаты и на Сенатъ и дать теченію правосудія болѣе скорости. Съ 1797 года число губернскихъ (инстанцій) уменьшено, но въ замѣнъ того, отъ Палатъ отнято исполненіе. Жалобы на Сенатъ хотя и не были поощряемы новымъ закономъ, но удобностію ихъ пріема и скоростію рѣшеній столько усилены, что можно съ достовѣрностью утверждать, что во все сіе время не было ни одного дѣла, которое бы рѣшено было иначе, какъ по именному указу; а

[1]) Съ указаніемъ имевъ. *Ред.*

нѣкоторыя и неоднократно были перевершаемы. Съ 1801 г. приливъ жалобъ на Сенатъ уменьшился. Съ подтвержденіемъ правъ Сената въ 1802 г., хотя жалобы вовсе и не прекращены; но за неправильность оныхъ положено прещеніе. Съ образованіемъ Государственнаго Совѣта, учрежденіемъ его 1810 г., жалобы на общее собраніе Сената вовсе прекращены и нигдѣ не велѣно ихъ принимать, а жалобы на департаменты оставлены на время и именно до настоящаго образованія судебной части (§§ 97 и 98).

Изъ сего изложенія явствуетъ: 1) Что древніе наши законы и словомъ, и дѣломъ рѣшительно запретили жалобы на Сенатъ и сіе подъ смертною казнью; 2) что попущеніе жалобъ на Сенатъ есть уновленіе, съ 1762 г. возникшее.

Отдѣленіе третіе: Объясненіе на замѣчанія въ мнѣніяхъ представленныхъ.

О возможности непосредственнаго Высочайшаго разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ. Послѣ того, какъ Петръ Великій призналъ, что онъ не Ангелъ и всего объять не можетъ и на семъ основаніи учредилъ Сенатъ, ни какому правительству на землѣ не можетъ быть предосудительно согласиться въ той же самой истинѣ. Истинное преимущество Самодержавной судебной власти есть предписывать самому верховному суду его учрежденія, установлять порядокъ его дѣйствія, давать ему жизнь и движеніе, назначать судей, надзирать за ними и предавать суду.

О переносѣ дѣлъ по разногласію.

Противъ правилъ объ этомъ проекта было сдѣлано слѣдующее возраженіе: „По переходѣ дѣла въ департаментъ одинъ голосъ лишній дѣлаетъ столь сильный перевѣсъ, что всѣ прочіе остаются безъ дѣйствія; дѣло, за разногласіемъ перешедшее, прибавленіемъ одного рѣшится въ Департаментѣ окончательно“.

Департаментъ по устройству вновь предполагаемому есть не что иное, какъ общее собраніе обоихъ отдѣленій. Онъ не есть мѣсто, само по себѣ существующее. Все различіе между Департаментомъ и настоящимъ общимъ собраніемъ состоитъ въ двухъ слѣдующихъ принадлежностяхъ: 1) что департаментъ можетъ быть малочисленнѣе, чѣмъ общее собраніе; 2) что въ общемъ собраніи дѣла рѣшатся окончательно только тогда, когда двѣ трети голосовъ составляютъ

большинство голосовъ; во всѣхъ же прочихъ разногласіяхъ они восходятъ на Высочайшее рѣшеніе.

Что принадлежитъ до малочисленности, то сіе различіе не можетъ быть здѣсь принято въ уваженіе, ибо: 1) и нынѣ въ общемъ собраніи число лицъ не опредѣляется. Въ отлучкѣ сенаторовъ, во время вакацій, когда общія собранія нарочито умаляются, рѣшенія ихъ столько же считаютъ дѣйствительными, какъ и въ полныхъ засѣданіяхъ; 2) бывшіе временные департаменты имѣли свое общее собраніе, и хотя все сословіе ихъ состояло не съ большимъ изъ 15 членовъ; но рѣшенія ихъ всегда считались равносильными рѣшеніямъ обыкновеннаго общаго собранія; 3) въ Москвѣ было два департамента 5 и 6 и число въ нихъ сенаторовъ въ нѣкоторыхъ спорахъ и 15 человѣкъ не составляло; 4) въ самомъ Петербургѣ по штату 1763 г. было четыре департамента, а число сенаторовъ составляло не болѣе 20 человѣкъ. Слѣдовательно соединеніе отдѣленій въ новомъ устройствѣ составляетъ подъ именемъ департамента общее собраніе, равносильное тѣмъ, кои доселѣ существовали.

Второе различіе состоитъ въ томъ, что настоящее общее собраніе рѣшитъ окончательно, только, когда большинство составляетъ двѣ трети, по новому же порядку въ департаментѣ дѣло рѣшится просто по большинству голосовъ. На чемъ основана сила большинства голосовъ? Не на перевѣсѣ одного голоса, но на соединенномъ дѣйствіи всѣхъ голосовъ, большинство составляющихъ. Исчислять силу сего рѣшенія по перевѣсу одного голоса есть то же самое, что въ большей массѣ силъ приписывать все дѣйствіе ихъ перевѣсу одного золотника, хотя нѣтъ сомнѣнія, что перевѣсомъ симъ совершается и рѣшится все дѣйствіе. Не по большинству ли голосовъ рѣшатся во всей Имперіи тяжебныя дѣла въ Сенатъ невосходящія? Не по большинству ли голосовъ рѣшатся въ палатахъ всѣ дѣла уголовныя въ Сенатъ невходящія? Почему же въ насущномъ хлѣбѣ бѣднаго помѣщика или поселянина, то же самое правило считается правиломъ и достаточнымъ, а въ избыточномъ состояніи богатаго ложнымъ и притѣснительнымъ? Почему въ дѣлѣ ссылки, торговой казни и самой гражданской смерти, когда дѣла эти не восходятъ въ Сенатъ, рѣшеніе по большинству кажется сноснымъ, а въ спорѣ по крупному имуществу будетъ оно несправедливымъ.

Если и допустить, что прежніе безконечные переходы

судебныхъ дѣлъ по инстанціямъ приносили какую-нибудь выгоду, то во всякомъ случаѣ предполагаемое въ порядкѣ новаго устройства правосудія установленіе публичной гласности судебныхъ дѣлъ, посредствомъ преданія тисненію всего дѣлопроизводства по дѣлу и самаго рѣшенія такъ, что каждый судебное дѣло можетъ имѣть, читать и разсматривать (значительно лучше). Кто измѣритъ силу сего, такъ сказать, нравственнаго суда, тотъ не будетъ, конечно, сожалѣть объ отмѣнѣ тѣхъ постепенностей въ переносѣ дѣлъ, кои потому единственно и могли быть терпимы, что они нѣкоторымъ образомъ замѣняли существенный недостатокъ гласности.

Результаты голосованія въ засѣданіяхъ Общаго собранія Государственнаго Совѣта 17, 24, 31 іюля и 7 августа 1811 г. спорныхъ вопросовъ по проекту преобразованія Сената.

Вопросы Государственнаго Секретаря М. М. Сперанскаго общіе.

1. *О необходимости преобразованія: За:* государств. канц. гр. Румянцевъ; дѣйствительные тайные совѣтники: Гурьевъ, Саблуковъ, кн. Лопухинъ, гр. Строгановъ, Алексѣевъ; тайные совѣтники Дмитріевъ, Козодавлевъ, баронъ Кампенгаузенъ, кн. Голицынъ, Неплюевъ; генералы-отъ-инфантеріи: Барклай-де-Толли, Вязмитиновъ; генералъ-лейтенантъ Балашовъ; оберъ-гофмейстеръ графъ Литта; адмиралъ фонъ-Дезинъ.—*Противъ:* генералъ-фельдмаршалъ гр. Салтыковъ; дѣйствительный тайный совѣтникъ Поповъ; тайные совѣтники: гр. Салтыковъ, Вейдемейеръ, слѣдовательно *за* 16 голосовъ, а противъ лишь 4 голоса.

2. *О благовременности преобразованія: За:* дѣйствительные тайные совѣтники: Гурьевъ, Саблуковъ, Кошелевъ, Алексѣевъ; тайные совѣтники: Дмитріевъ, князь Голицынъ, Неплюевъ, Карнѣевъ; генералъ-отъ-инфантеріи Вязмитиновъ, генералъ-лейтенантъ Балашовъ; адмиралъ фонъ-Дезинъ.— *Противъ:* генералъ-фельдмаршалъ гр. Салтыковъ; тайный совѣтникъ гр. Салтыковъ; оберъ-гофмейстеръ гр. Литта. *При особомъ мнѣніи* дѣйствительный тайный совѣтникъ Поповъ и къ нему присоединились госуд. канцл. Румянцевъ, д. т. с. гр. Строгановъ, слѣдовательно *за* 11 голосовъ, противъ — 3 и 3 при особомъ мнѣніи.

Вопросы о Правительствующемъ Сенатѣ.

3. *Переносить ли иски на казну въ Судебный Сенатъ? За:* государств. канцлеръ гр. Румянцевъ; дѣйствительные

тайные совѣтники: Саблуковъ, кн. Лопухинъ, Поповъ, Кошелевъ; тайные совѣтники: Дмитріевъ, Козодавлевъ, бар. Кампенгаузенъ, Неплюевъ; генералъ-отъ-инфантеріи Вязмитиновъ; оберъ-гофмейстеръ гр. Литта.—*Противъ:* дѣйствительные тайные совѣтники: Гурьевъ, Алексѣевъ; тайные совѣтники: кн. Голицынъ, Вейдемейеръ, гр. Салтыковъ; слѣд. *за* 11 голосовъ, противъ лишь 5.

4. *О точнѣйшемъ опредѣленіи предметовъ между Совѣтомъ и Сенатомъ.* Всѣ (20 голосовъ) противъ, кромѣ барона Кампенгаузена, оставшагося при особомъ мнѣніи.

5. *О рѣшеніи дѣлъ по большинству голосовъ.* Всѣ (20 голосовъ) *за*, кромѣ графа Салтыкова, —при особомъ мнѣніи.

Вопросы, относящіеся къ Судебному Сенату.

7. *Вопросъ о раздѣленіи Сената на четыре округа: За* были госуд. канцлеръ гр. Румянцевъ; дѣйствительные тайные совѣтники: кн. Лопухинъ, графъ Завадовскій, Кошелевъ; тайные совѣтники: Дмитріевъ, Козодавлевъ, баронъ Кампенгаузенъ, Неплюевъ, Карнѣевъ; генералъ-отъ-инфантеріи Вязмитиновъ; генералъ-отъ-артиллеріи гр. Аракчеевъ; генералъ-лейтенантъ Балашовъ; адміралъ фонъ-Дезинъ.—*Противъ* были дѣйствительные тайные совѣтники: Гурьевъ, Саблуковъ, гр. Строгановъ, Поповъ, Алексѣевъ; тайные совѣтники: кн. Голицынъ, Вейдемейеръ, гр. Салтыковъ; оберъ-гофмейстеръ гр. Литта. Слѣд. *за* 13 голосовъ, а противъ лишь — 9.

8. Вопросъ объ опредѣленіи части сенаторовъ по выборамъ. *За* были: госуд. канц. гр. Румянцевъ; дѣйствительные тайные совѣтники: кн. Лопухинъ, гр. Строгановъ, Поповъ, Кошелевъ, графъ Завадовскій; тайные совѣтники: Козодавлевъ, баронъ Кампенгаузенъ, Неплюевъ, Карнѣевъ; генералъ-отъ-инфантеріи Вязмитиновъ, генералъ-отъ-артиллеріи гр. Аракчеевъ; генералъ-лейтенантъ Балашовъ; оберъ-гофмейстеръ гр. Литта; адміралъ фонъ-Дезинъ. Слѣд. *за* 15 голосовъ. Остальные семь членовъ воздержались отъ подачи голоса.

9. *Вопросъ о томъ, должно ли судить губернаторовъ въ верховномъ уголовномъ судѣ или Сенатѣ? За Сенатъ* были: дѣйствительные тайные совѣтники: Поповъ и Кошелевъ; тайные совѣтники: баронъ Кампенгаузенъ, князь Го-

лицынъ, Вейдемейеръ. *За верховный уголовный судъ* остальные 17 голосовъ, госуд. канцлеръ гр. Румянцовъ, д. т. с. Гурьевъ, Балашовъ, Завадовскій, Дмитріевъ, Козодавлевъ, Саблуковъ, гр. Литта, Неплюевъ, кн. Лопухинъ, гр. Аракчеевъ, гр. Строгановъ, Вязмитиновъ, Алексѣевъ, т. сов. гр. Салтыковъ, Карнѣевъ, фонъ-Дезинъ.

10. *О рекетмейстерскихъ присутствіяхъ. За образованіе ихъ* были всѣ 21 голосъ, кромѣ одного т. с. Дмитріева.

11. *О срокѣ тяжущимся для дополненій записокъ за двѣ недѣли* были дѣйствительные тайные совѣтники: Саблуковъ, гр. Строгановъ, Поповъ, Кошелевъ, Алексѣевъ, гр. Завадовскій; тайные совѣтники: гр. Салтыковъ, Карнѣевъ; генералы полные, Вязмитиновъ и гр. Аракчеевъ; адмиралъ фонъ-Дезинъ, 11 голосовъ. *За одну недѣлю* госуд. канцл. гр. Румянцевъ, д. т. с. Гурьевъ, кн. Лопухинъ; т. с. Козодавлевъ, баронъ Кампенгаузенъ; генералъ-лейтенантъ Балашовъ, 6 голосовъ. *За мѣсяцъ* были т. с. Дмитріевъ, кн. Голицынъ, Вейдемейеръ, Неплюевъ, 4 голоса.

12. О жалобахъ на рѣшенія Судебнаго Сената *за недопущеніе* были: Государственный канцлеръ графъ Румянцовъ, д. т. сов. кн. Лопухинъ, Алексѣевъ, Завадовскій; т. сов. Козодавлевъ, бар. Кампенгаузенъ; генералъ-отъ-арт. гр. Аракчеевъ, адмиралъ фонъ-Дезинъ, т. е. 8 голосовъ; за допущеніе жалобъ были д. т. сов.: Гурьевъ, Поповъ, Кошелевъ, гр. Строгановъ, тайн. сов. Дмитріевъ, кн. А. Н. Голицынъ, Вейдемейеръ, гр. Салтыковъ, ген.-отъ-инф. Вязмитиновъ, были слѣдовательно за допущеніе 9 голосовъ, т. е. большинство всего въ одинъ голосъ.

И такъ по рѣшительному голосованію большинство общаго собранія Государственнаго Совѣта оказалось за проектъ Сперанскаго, но онъ все-таки почему-то осуществленъ не былъ и два старыхъ департамента Сената: первый и судебный остаются до сихъ поръ въ томъ же положеніи, какъ и въ 1811 году, т. е. съ требованіемъ для окончательной силы рѣшенія единогласія и согласія съ рѣшеніемъ соотвѣтствующаго дѣлу министра. Безъ этихъ условій дѣло переносится въ первое общее собраніе Сената, а если и Сенатъ не состоится, единогласное рѣшеніе дѣлъ переносится въ общее собраніе Госуд. Совѣта и тамъ рѣшается Высочайшею волею.

Н. Коркуновъ.

ОЧЕРКИ ЗАХОЛУСТНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Просительница.

Раздаются свистки, пыхтятъ паровозы, платформа то пустынна, то по ней бѣгутъ люди съ саквояжами черезъ плечо; мелькаютъ красныя фуражки, обложенныя галуномъ. Начальники или равнодушны и важны, или летаютъ какъ безумные, и на лицахъ ихъ проступаетъ собачья угодливость, смотря по тому, кто проѣзжаетъ по линіи. При словѣ „министръ" они сатанѣютъ и перестаютъ дышать, а когда имъ докладываютъ, что у дорожнаго мастера оторвало руку или же барьерный сторожъ потерялъ ногу, глаза ихъ слипаются, и они жалуются на переутомленіе. Громадныя кирпичныя зданія возвышаются поодаль. Депо и мастерскія для ремонта вагоновъ, хорошенькіе скверы, на клумбахъ точно брошены персидскіе коврики, въ скверахъ няньки съ нарядными дѣтьми. Желѣзнодорожныя барыни пестрѣютъ на сквозныхъ воздушныхъ балконахъ, какъ цвѣты въ корзинкахъ. Телеграфистъ дежуритъ въ своей комнатѣ и проклинаетъ судьбу. Молоденькая телеграфистка, которую вчера приглашали къ начальству, получила сегодня выговоръ и плачетъ. Липы, окружающія вокзалъ, уже кое-гдѣ вызолочены, но тополи еще зелены. Приближается осень.

Вдали, на площадкѣ между скверами, бѣлѣется палатка съ красными зубцами. Около неядвиженіе. Желѣзнодорожные чиновники, въ мундирахъ съ иголочки, по временамъ выглядываютъ изъ палатки. Слышенъ шумъ голосовъ.

По каменнымъ ступенькамъ платформы, вытянутой чуть не на версту, взобралась сорокалѣтняя женщина въ несвѣжемъ платьѣ, въ поношенной кофточкѣ, въ бумажномъ платочкѣ на головѣ. Монахиня, торгующая на вокзалѣ рукодѣльями своего монастыря, мать Митрофанія, догнала ее.

— Здравствуйте, Анна Ивановна.

Анна Ивановна повернула къ монахинѣ свое блѣдное лицо и залилась слезами. Матери Митрофаніи тоже было лѣтъ сорокъ и, хотя она ѣла только постную пищу и вела жизнь благочестивую, на щекахъ ея пылалъ румянецъ.

— Ахъ, болѣзная, плачете все!

— Нѣтъ у меня другаго дѣла, мать Митрофанія.

— Не должно отчаяваться. Отчаяніе—грѣхъ большой.

— Не могу я вынести страшной нужды и голода моихъ дѣтей.

— Не поправился мужъ?

— Онъ бы живо поправился, кабы угоденъ былъ, а то неугоденъ сдѣлался. Не посовѣтуете ли вы, мать Митрофанія, что дѣлать намъ? Подумайте сами—имѣемъ сентябрь, а онъ съ перваго ноября заболѣлъ и намъ только за два мѣсяца жалованье выдали, да и то благодарить надо конторщика Егора Павловича, что въ списки внесъ. Но господинъ Проворовъ досмотрѣлся, и мы чуть не цѣльный годъ безъ куска хлѣба сидимъ. Ахъ, мать Митрофанія, можно сказать, наказалъ меня Господь!

— Зачѣмъ роптать на Бога, — сказала мать Митрофанія.

Анна Ивановна продолжала:

— Отвезли мужа въ барановскую больницу. Три мѣсяца тамъ вылежалъ. А я помаялась да и сама слегла. А одиннадцатаго января —(она сказала почти шепотомъ, наклонившись къ матери Митрофаніи)—и родила сына. Ужъ и муки были! Мукъ я натерпѣлась! Я въ койкѣ съ малюткой лежу, а другое дитя за руку меня тянетъ, кричитъ: „Мама, я кушать хочу!“ А я, шатаясь, перваго дня отъ родовъ должна была встать съ постели и за щепками дровъ принуждена была ходить сама, чтобъ было чѣмъ протопить печку... И ослабѣла же я отъ изнеможенія! Послѣднихъ силъ выбилась. Еще какъ вы меня узнали, мать Митрофанія? Не я сама хожу, а нужда моя ходитъ.

Встрѣтился желѣзнодорожный жандармъ. Анна Ивановна на ходу спросила:

— А что, Лука Васильевичъ, господинъ Проворовъ въ конторѣ?

Жандармъ, гремя шпорами, сказалъ:

— Ихъ сейчасъ чествуютъ, нѣтъ больше ихъ, а вмѣсто нихъ назначенъ инженеръ Трясушкинъ. Господина Трясушкина точно въ конторѣ, пожалуй, застанете.

Анна Ивановна поблагодарила жандарма.

— О, Господи! Новый-то, можетъ, добрѣе будетъ. Пошли, Господи!

— Пошлетъ, но только не ропщите и имени Господа всуе не призывайте. Большой грѣхъ! Надѣйтесь на него, Милосердаго.

— И то надѣюсь, — отвѣчала Анна Ивановна, и по высохшимъ слѣдамъ на щекахъ ея потекли новыя слезы.

— Полноте! Мужъ-то дома вашъ теперь? — спросила мать Митрофанія.

— Не вѣкъ же въ больницѣ быть. Какъ не стало терпѣнія моего, я и написала ему въ Барановку: „хоть боленъ, а пріѣзжай; по крайней мѣрѣ, примемъ смерть вдвоемъ“. А двадцать-седьмаго февраля онъ ко мнѣ и пріѣхалъ — но, правда, дѣйствительно съ лучшимъ здоровьемъ.

— Прищемило его, кажется.

— Костный мозгъ изъ ноги выдавило.

— Ахъ, какъ же такъ неосторожно!

— Забыли вы, мать Митрофанія, что онъ ревизіоннымъ слесаремъ былъ. Ему еще три года назадъ предсказывали, что онъ обязанъ будетъ пострадать рано или поздно. Подъ вагонъ подлѣзъ, а его и двинуло. Но ему мозгъ изъ кости вынимали, и доктора говорятъ, что болѣзнь излѣчимая, только не сразу на мѣсто надо поступать. „Передышку сдѣлай, братецъ. На желѣзной дорогѣ пострадалъ, то кому же и отвѣчать за тебя, какъ не желѣзной дорогѣ?“ Тогда же онъ къ господину Проворову являлся, чтобы дозволить ему хоть на третьей части жалованья существовать—покамѣстъ, т.-е., поправится, чтобы мнѣ и дѣткамъ съ голоду не умереть. А господинъ Проворовъ возразили, что „мнѣ такихъ людей не надо, и ты калѣка по собственной неосторожности и, можетъ быть, ты былъ пьянъ“. А мужу обидно, потому что душа его водки не принимаетъ. А потомъ говоритъ: „Ты черезчуръ долго болѣешь, а у меня сколько угодно здоровыхъ на мѣсто тебя“. Ну, этакъ поговоривши, уволилъ мужа совсѣмъ отъ службы, да и донесъ по на-

чальству, что болѣзнь упорная и будто даже изъ больницы выписали затѣмъ, что нѣтъ никакой надежды.

— Вотъ какое дѣло ваше! — со вздохомъ произнесла мать Митрофанія. — На Трясушкина у меня большая надежда, Анна Ивановна. Никакъ не слѣдуетъ роптать на Господа Бога,—продолжала она.—На обратномъ пути зайдите, пожалуй, чайкомъ напою.

— Некогда, мать Митрофанія.

— А некогда, такъ другой разъ. И мужу скажите, чтобъ не ропталъ. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

Монахиня кивнула головой Аннѣ Ивановнѣ и озабоченно вошла въ большую стеклянную дверь вокзала. Скоро долженъ придти поѣздъ, надо открыть ларецъ и разложить товаръ.

Анна Ивановна одна продолжала путь по платформѣ, спустилась съ каменныхъ ступенекъ противоположнаго конца и пошла по песчанымъ дорожкамъ скверовъ къ зданію депо. Изъ парусинной палатки слышались возгласы:

— Ура! Ивану Капитоновичу Проворову ура!

Голоса проревѣли отвѣтное „ура!“ Невидимый ораторъ продолжалъ:

— Счастливая звѣзда вела Ивана Капитоновича, и кто знаетъ, куда она еще приведетъ его? Кто изъ насъ смѣетъ мечтать даже о такомъ мѣстѣ, какое получилъ нашъ дорогой другъ и начальникъ въ воздаяніе за свою усердную службу? Не онъ ли былъ отцомъ и благодѣтелемъ всѣхъ страждущихъ и уповающихъ и не онъ ли исполнялъ съ терпѣніемъ истинно добродѣтельнаго человѣка всѣ, даже вздорныя, просьбы желѣзнодорожныхъ сошекъ? Не онъ ли никогда не забывалъ, что, кромѣ интересовъ службы, есть еще интересы служащихъ, и не онъ ли ставилъ свои личныя выгоды ниже выгодъ подчиненныхъ? Не онъ ли...

— Ура! Уррра!

Анна Ивановна отошла отъ палатки. Прямо противъ нея возвышался красивый каменный и словно безжалостный домъ. Сердце заныло у Анны Ивановны.

Полчаса пришлось ей ждать въ прихожей. Новый начальникъ провожалъ вмѣстѣ съ другими своего предмѣстника. Поѣздъ увезъ Проворова, и Трясушкинъ промелькнулъ мимо Анны Ивановны, какъ метеоръ. Вахмистръ доложилъ объ Аннѣ Ивановнѣ. Еще пришлось ей подождать съ че-

тверть часа. Наконецъ, послышался звонокъ, и ей было велѣно войти въ кабинетъ.

Бѣлокурые волосы вились на головѣ юнаго инженера. Сѣрые глаза холодно смотрѣли изъ-за толстыхъ стеколъ золотыхъ очковъ. На безбородомъ лицѣ его странно краснѣлъ мясистый носъ.

— Что тебѣ надо, милая?—спросилъ онъ.

Анна Ивановна вынула изъ платочка прошеніе и подала Трясушкину. Онъ брезгливо развернулъ бумагу и пробѣжалъ.

— Неужели ты думаешь, что желѣзная дорога богадѣльня?—закричалъ онъ.—И чего приплелась? Нога, вѣдь, не поправилась у твоего мужа?

Анна Ивановна струсила. Но у ней мелькнула мысль, что все пропало, если она теперь ничего не отвѣтитъ. Она упала на колѣни передъ молодымъ человѣкомъ и стала вопить:

— Заступитесь! Спасите! Не погубите!

— Проворовъ былъ честнѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ, а мужъ твой кляузничаетъ на него. Если онъ не сдѣлалъ, значитъ, нельзя было сдѣлать. Я такъ добръ не буду. Потачки давать не стану! — раскричался начальникъ. — Чего орешь! Пускай ѣдетъ въ коммиссію. Отправится въ коммиссію, его освидѣтельствуютъ.

— Безъ билета какъ же мы поѣдемъ?! Билетъ дайте. Сдѣлайте милость, предоставьте намъ билетъ на проѣздъ.

— Есть у тебя хоть капля ума? — спросилъ начальникъ.—Потерявъ по собственной неосторожности мѣсто, вы добиваетесь отъ насъ или такого положенія, чтобы дѣла не дѣлать и отъ дѣла не бѣгать и получать жалованье въ родѣ пенсіи, или же единовременнаго крупнаго пособія,— а мы вамъ будемъ выдавать билеты на себя же! Розгу будемъ рѣзать сами на себя — не угодно ли насъ отхлестать, мадамъ!

— Ваше превосходительство, срокъ пропустимъ! Пощадите насъ!

— Разумѣется, пропустите срокъ.

— Но не придется вамъ каяться, отслужитъ мужъ, какъ выздоровѣетъ.

— То-то и есть, что выздоровѣетъ. Онъ выздоровѣетъ совсѣмъ. Онъ не потерялъ здоровья безнадежно. Его нельзя

назвать калѣкой... Чтобъ черезъ двѣ недѣли была очищена квартира!

Сказалъ и уткнулся носомъ въ бумаги, сидя за огромнымъ письменнымъ столомъ, который, точно каменная стѣна, отдѣлялъ его отъ Анны Ивановны.

— Плохо твое дѣло, уходи,—сказалъ вахмистръ шопотомъ и указалъ Аннѣ Ивановнѣ на дверь.

Она стояла на колѣняхъ и ждала взгляда начальника.

Но начальникъ молчалъ и не глядѣлъ на нее.

Анна Ивановна съ трудомъ поднялась. Ей хотѣлось закричать, до того грудь ея изстрадалась, и острая боль пронизывала ее, но и голоса не нашлось. Она вышла въ прихожую и сквозь слезы увидала еще нѣсколько человѣкъ, которые словно расплывались въ туманѣ. Это были тоже просители. У одного „срокъ пальцу" приходилъ къ концу, другой стоялъ на костыляхъ. Старый кондукторъ стоялъ съ потупленнымъ лицомъ въ своемъ форменномъ платьѣ. Они были еще несчастнѣе Анны Ивановны, ихъ даже не допустили до начальника. Было поздно, и вахмистръ приказалъ имъ придти завтра.

II.

Осенній вечеръ.

Вечеръ только-что начался. Изъ оконъ помѣщичьяго домика видно, какъ голыя деревья качаются въ сумрачномъ воздухѣ, то пригнутся къ землѣ, то отпрянутъ, и безтолково размахиваютъ вѣтвями, какъ скелеты руками. Въ мутномъ небѣ ни звѣздочки.

Александръ Ивановичъ, который послѣ позднято обѣда сѣлъ въ вольтеровскія кресла и заснулъ, открылъ глаза и удивился, что такъ коротки стали дни и такъ рано смеркается. Время летитъ съ страшной быстротой.

А впрочемъ, оно и лучше. Этакъ осень пройдетъ незамѣтнѣе, наступитъ зима. Откормленные кабаны будутъ заколоты, сало и колбасы отвезены въ городъ и проданы. Пріѣдутъ изъ училища дѣти, пріѣдетъ замужняя дочь съ внучатами. Эти маленькія шесть комнатъ наполнятся опять веселымъ шумомъ и гамомъ, и одинокая жизнь старика скрасится. Знай только—припасай денегъ.

Александръ Ивановичъ вздохнулъ, посмотрѣлъ въ окно

на гигантскіе скелеты деревьевъ и, кажется, еще непрочь былъ понѣжиться въ креслахъ, несмотря на отсиженную ногу. Онъ перемѣнилъ положеніе,—какъ въ сосѣдней комнатѣ раздался осторожный кашель. Чье-то чуткое ухо уловило, что Александръ Ивановичъ проснулся и ворочается.

— А что тебѣ, Антоновна?

— Ничего, батюшка. Чай изволите пить?

— Давай чаю... Что тебѣ еще?

— Лампу не зажечь ли?

— Зажги лампу.

Старуха зашевелилась. Но въ комнатѣ еще кто-то былъ. Александръ Ивановичъ разслышалъ шопотъ.

— А кто тамъ?

— Пантелей Пантелеевичъ. Ничего, батюшка, онъ подождетъ.

— Добраго здоровья, Александръ Ивановичъ. Я подожду, — осторожно проговорилъ сладковатый голосъ.

Но Александръ Ивановичъ обрадовался, что появилась живая душа. Онъ заторопилъ Антоновну и съ лампой, и съ чаемъ, и потребовалъ еще изъ погреба варенья и наливки.

— Входи, Пантелеевичъ. Экая, братъ, погода, а? Дай-ка руку твою.

— Глаза можно выколоть, Александръ Ивановичъ.

— Ну, мы-то другъ другу не выколемъ.

Александръ Ивановичъ взялъ въ темнотѣ за руку Пантелея Пантелеевича и усадилъ его возлѣ себя на ближайшемъ стулѣ.

— Экая погода, а?

— Не приведи Богъ.

Они стали говорить объ этомъ неисчерпаемомъ предметѣ, имѣющемъ въ деревнѣ, впрочемъ, гораздо больше смысла, чѣмъ въ городѣ; а тѣмъ временемъ комната залилась яркими лучами керосиноваго огня, и на большомъ кругломъ столѣ поставленъ былъ шипящій самоваръ.

— Вотъ это очень хорошо, Александръ Ивановичъ,— вздремнувъ, чайку напиться. Весьма и весьма полезно.

Оба старика были одних лѣтъ, изъ тѣхъ стариковъ, которыхъ называютъ молодыми, т.-е. лѣтъ по пятидесяти съ хвостикомъ. Александръ Ивановичъ, бывшій въ деревнѣ первымъ лицомъ, имѣлъ выраженіе сановитое и смотрѣлъ на своего гостя сверху внизъ, со снисходительной улыбкой.

Широкая лысина придавала ему особенно почтенный и умный видъ. Усы еще были черные, подстриженные, но борода и волосы на головѣ уже совсѣмъ посѣдѣли. Нѣсколько никогда не тающихъ пушинокъ зима жизни бросила даже и на густыя брови Александра Ивановича. Онъ сидѣлъ въ сѣромъ люстриновомъ стеганомъ халатикѣ и въ валенкахъ.

Пантелей Пантелеевичъ содержалъ въ деревнѣ бакалейную лавочку уже десятый годъ. Достаточно было взглянуть на него, чтобы заключить о страсти его къ умствованіямъ, и дѣйствительно о немъ всѣ мужики говорили, что онъ—„умственный человѣкъ". Серебряные волосы длинными пушистыми прядями лежали на его маленькой круглой головкѣ съ выпуклымъ, какъ у ребенка, лбомъ. Бѣлая бородка раздваивалась, яркія розовыя плутоватыя губы едва прикрывались узкими усами, а большіе голубые глаза смотрѣли безпокойно,—выраженіе ихъ постоянно мѣнялось, служа показателемъ душевныхъ волненій Пантелея Пантелеевича. Небольшаго роста, толстенькій, съ короткими руками, въ длиннополомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и въ панталонахъ на выпускъ, несмотря на грязь.

— Ну, присаживайся къ столу, Пантелей Пантелеевичъ, да разскажи, какъ торгуешь.

— А что же, слава Богу, грѣхъ жаловаться. По милости небесъ пока ѣмъ хлѣбецъ, говядинку, заглядываю въ Кану Галилейскую, старыя газетки почитываю.

— Какъ всегда.

— Что же дѣлать прикажете нашему брату? Мой недугъ тревожитъ мнѣ духъ, мышей въ амбарѣ половить — съ лицомъ важнымъ говорить.

— Ну, пошелъ! — усмѣхнувшись, сказалъ Александръ Ивановичъ.—Въ накладку или въ прикуску будешь?

— Съ угрызеніемъ, Александръ Ивановичъ.

Александръ Ивановичъ налилъ чаю гостю и, бросивъ взглядъ на его съузившіеся и сверкающіе глазки и румяныя, какъ два яблока, щеки, которыя такъ и раздвигала безпокойная улыбка губъ, сказалъ:

— А, должно быть, ты въ ударѣ сегодня, Пантелеевичъ. Разскажи что-нибудь.

— Ничего новаго и мало толковаго, Александръ Ивановичъ, — тоненькимъ голосомъ проговорилъ „умственный человѣкъ".

— Правда, что жена тебя подъ башмакомъ держитъ?

— Благодаря слабости моей, Александръ Ивановичъ. Между тѣмъ какъ она женщина есть любящая. Къ печатному слову у меня наклонность имѣется, а она считаетъ это глупостями, разумѣется. Говоритъ, что у меня въ головѣ отъ этого каша будто бы происходитъ. Такъ вотъ поэтому она каждый день черепъ мой снимаетъ и палкой въ мозгахъ мѣшаетъ. А ужъ если угодно вашей милости выслушать меня глупаго, то я, правду молвить, къ вамъ съ тѣмъ и припожаловалъ, чтобъ разсказать старую-престарую, чуть не допотопную сказочку, какъ ѣздитъ Еруслань Лазаревичъ съ горы на гору, съ долу по долу. Ѣздитъ онъ два года, три года, наѣзжаетъ на рать, силу великую, насмерть побитую, и кричитъ молодецкимъ громкимъ голосомъ: есть ли во всей рати живъ человѣкъ?

— Ты это къ чему же объ Еруслань Лазаревичѣ? — спросилъ Александръ Ивановичъ, а у самого глаза такъ и впились въ Пантелеевича, потому что онъ всегда былъ поклонникомъ сатиры, не любилъ такъ называемой художественности и предпочиталъ въ литературѣ иносказательную рѣчь.

— Позвольте, Александръ Ивановичъ, я къ тому, что есть живъ человѣкъ или, по крайней мѣрѣ, живому подобный.

И плавнымъ движеніемъ короткой ручки своей онъ указалъ на себя, мягко ткнувъ себя кулакомъ въ грудь.

— Пюблицисты говорятъ (онъ это слово какъ-то смѣшно выговорилъ), что если бы русскій человѣкъ не пилъ водки (а можетъ еще не ѣлъ мяса), то былъ бы богатъ, счастливъ и славенъ, такъ что сама Европа, какъ сторублевая жена, у кроватушки его стояла бы и низко кланялась. Безпатентная продажа вина?.. Помилуйте! Смѣльчакъ, Америку открывшій, путь къ счастью не открылъ. Человѣкъ, не знающій мѣры пріобрѣтенія матеріальнаго богатства, не цѣнящій высшій разумъ, и честный человѣкъ, безъ толку живущій, безъ разбора вѣрующій и пристрастный, глупъ ни болѣе, ни менѣе, какъ горчайшій пьяница. А такихъ сокровищевъ у насъ мильоны и мильоны.

— Но подожди, Пантелей Пантелеевичъ, неужели ты въ безпатентной продажѣ попался?

— Нѣтъ, что вы, Александръ Ивановичъ, я къ примѣру говорю, — возразилъ лавочникъ, и лицо его, рас-

краснѣвшееся отъ горячаго чая, такъ и трепетало, взволнованное мыслью. Размахивая кусочкомъ сахара, который онъ держалъ въ трехъ перстахъ, онъ продолжалъ:—Возьмемъ для примѣра хотя бы Пушкина. Яко древній Соломонъ, возвеличился и памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный, александрійскому столбу непокорный, и лирой прозвучалъ во всей Руси... Въ высшемъ обществѣ съ почетомъ громко пировалъ и изъ царскаго бокала клико душисто выпивалъ. Былъ на красавицѣ женатъ, нажилъ робятъ, могъ бы имѣть и внучатъ... А изъ какихъ-то пустяковъ накинулся на врага-дурака и перестрѣлялся... Въ какомъ году разсчитывай, въ какой землѣ угадывай, на столбовой дороженькѣ сошлись семь мужиковъ... Но мы пойдемъ часокъ въ прохладѣ отъ горя-зноя отдохнуть и съ миромъ трудными шагами поищемъ къ счастью опять путь.

Александръ Ивановичъ не выдержалъ и помоталъ головой.

— Мудрецъ ты, Пантелей Пантелеевичъ. Выпей съ наливкой.

— Истинно говорю вамъ, благодѣтель, — началъ Пантелей Пантелеевичъ, доливая чай наливкой и весь дрожа отъ счастья, что онъ высказывается передъ человѣкомъ, который его понимаетъ и цѣнитъ: — что не въ безпатентной продажѣ суть, а на самомъ дѣлѣ чуть-ли не каждый человѣкъ думаетъ о счастьѣ, а счастливыхъ едва-ли найдется. Нѣкоторые говорятъ, что счастіе въ довольствѣ и порядкѣ жизни, другіе говорятъ — въ богатствѣ и славѣ, третьи говорятъ — въ наукѣ, искусствѣ, красотѣ и симетріи, четвертые говорятъ—въ разумѣ... Очень можетъ быть въ томъ, другомъ, третьемъ, четвертомъ, но болѣе всего— въ разумѣ... Онъ показалъ на свой сіяющій лобъ.—Однако что же такое разумъ и какъ его узнать? Вотъ это обелискъ! Какъ узнать, что это непремѣнно разумъ, а не что иное?

Послѣднія слова произнесъ онъ, понизивъ голосъ и съ необыкновенно хитрымъ выраженіемъ.

— Левъ Николаевичъ, — помолчавъ спросилъ онъ:— есть разумъ или въ родѣ разума?

— О комъ ты это говоришь?

— О комъ! О графѣ Львѣ Толстомъ, о писателѣ незабытомъ и очень знаменитомъ.

— Тебѣ виднѣе, разумъ ли онъ, — съ улыбкой отвѣчалъ Александръ Ивановичъ.

— Сколько угодно пусть у меня мѣшаютъ въ мозгахъ, а только читаю и негодую. Я „Воскресеніе“ разумѣю. Да! было время! Да, во время оно Левъ Николаевичъ высоко философствовали и глубоко разсуждали. Кто же, какъ не они, удивлялись высокому синему небу и справедливо ненавидѣли голыя плечи ористократокъ. А теперь изволили героиней романа выбрать пропащую женщину. Это что жъ за публицистика! И разберемъ критически начало. Пасха, весна, говорятъ Левъ Николаевичъ, все оживаетъ, зеленѣетъ, растенія, животныя и люди радуются. Люди, конечно, могутъ тужить, горевать, безобразничать и радоваться. О животныхъ пока ни слова. Можетъ быть, собаки психически и возвышаются, болѣе дородныя собаки будто бы думаютъ даже учиться какой-то изящной біологіи... Но насчетъ растеніевъ—позвольте. Если растенія умѣютъ радоваться, то обязаны и горевать, и плакать. И ежели посѣялъ дѣдъ рѣпку, пшеничку, гречишку, то слѣдовательно отсюда, что растенія растутъ, зрѣютъ и радуются. Дѣдка за серпъ и говоритъ себѣ: нужно хлѣбъ-съ приготовить, а растеніе ему этакъ жалостливо: остановись, разбойникъ, душегубъ, мы вѣдь Божье достояніе и не повинны никому. Что тогда дѣлать бѣдному дѣдкѣ? Неужели же жить поангельски и отопляться эеиромъ, питаться зефиромъ и одѣваться Адамовымъ манироmъ?

— Но ты критикъ, братъ, хоть куда,—замѣтилъ Александръ Ивановичъ, потягивая наливку изъ старинной граненной рюмки.

Въ комнатѣ было тепло. Свѣтъ неподвижно лежалъ на скатерти, постланной на кругломъ столѣ. Самоваръ жалобно пѣлъ, и по мѣдному блестящему челу его катились горячія слезы. Громадная тѣнь, бросаемая Пантелеемъ Пантелеевичемъ, ползала по крашенному полу и переламывалась на стѣнѣ и на потолкѣ. По временамъ кто-то словно придвигалъ къ стекламъ окна свое блѣдное лицо, искаженное напрасной злобой. Это дулъ осенній вѣтеръ и волновалъ мокрую голую сирень, кусты которой окружали домъ.

— Итакъ, плохо написано „Воскресеніе?“ — спросилъ Александръ Ивановичъ.—Жаль, братъ, что съ тобой Толстой не посовѣтовался.

— И очень даже сожалѣю,—смѣло заявилъ Пантелей Пантелеевичъ и весь вспыхнулъ.—Сами разсудите, благодѣтель? Ежели Нехлюдовъ толкнулъ Катюшу въ грязную

лужу, то развѣ ей обязательно нужно упасть въ полномъ безобразіи? И неужели же нѣтъ иной дороги? Меня ударили по затылку, а я пошелъ и искалѣчилъ себѣ руки и ноги. Моя вина — не пей вина. Я такъ говорю, Александръ Ивановичъ, что мы не бундисты и слѣдуетъ намъ избѣгать окончательной дурости. Неужели же ангелы мы?! Можно влюбиться, можно оступиться и упасть, но не пропасть. Есть грѣхъ человѣческій и есть грѣхъ скотской. Можно согрѣшить по-человѣчески, но зачѣмъ же помыкаться своимъ тѣломъ, какъ грязной тряпкой. Если меня за безпатентную продажу оштрафовали, то еще не погубили. Еще живъ человѣкъ. Изъ-за такихъ, можно сказать, натуральныхъ пустяковъ такъ не поступаютъ въ наше время, такъ какъ убѣдились въ неизбѣжности, которая въ томъ и другомъ видѣ все единственно зло, лѣта наши сокращающее, но въ адъ не ввергающее. Хорошо, попробовалъ безъ патента — нельзя. И съ патентомъ — тоже. На это винная лавка существуетъ съ казенной привиллегіей.

— Еще стаканчикъ,—прервалъ Александръ Ивановичъ Пантелея Пантелеевича.

— Нѣтъ ужъ, увольте, Александръ Ивановичъ. Никакъ не могу.

— Полно, полно, еще стаканчикъ!

Пантелей Пантелеевичъ помялся, поартачился и быстро выкушалъ стаканчикъ, опрокинулъ его, положилъ на донышко стакана кусочекъ сахару, покрестился въ уголъ и сталъ прощаться.

— Спасибо, что зашелъ. Какъ же ты въ этакую погоду, а?

— Въ экипажѣ-съ,—смѣясь, отвѣчалъ Пантелей Пантелеевичъ. — Верхомъ на лошадкѣ. Темно, никто не увидитъ. А на колесахъ ужасти, не выбраться! Между тѣмъ, повидаться съ вами хотѣлось.

— Ты пришли мнѣ журналъ. Полюбопытствую и я, что тамъ такое пишутъ, какое это „Воскресеніе"?

— Пришлю всенепремѣнно-съ.

— А я тебя газетками сейчасъ надѣлю.

— Вотъ превосходно! Именно объ этомъ собирался слезно просить.

Получивъ ворохъ газетъ, Пантелей Пантелеевичъ, много разъ кланяясь и отступая тыломъ къ дверямъ, простился со своимъ пріятелемъ и благодѣтелемъ, и уѣхалъ. Вѣтеръ

дулъ съ такой силой и такъ громко вылъ въ трубахъ, что не было слышно топота копытъ. Антоновна, провожавшая Пантелея Пантелеевича, вошла въ столовую со смѣхомъ и разсказала, что дѣйствительно онъ ускакалъ верхомъ. Лошадка его нѣкоторое время все брыкалась. И бурку онъ на себя надѣлъ, совсѣмъ какъ черкесъ. Александръ Ивановичъ уставился лбомъ въ стекло, чтобъ посмотрѣть въ темь, но зги не было видно. Только все качались вѣтки сирени.

III.

Факты.

Свѣтлый и теплый день. Градусовъ двадцать въ тѣни, совсѣмъ лѣто. Деревья стоятъ еще убранныя золотыми листьями, пурпурными, коричнево-зелеными, оранжевыми и лиловыми. Въ цвѣтникахъ цвѣтутъ красныя и бѣлыя астры, и георгины, и благоухаетъ резеда. Смотритъ молодой купецъ изъ своего магазина на легкую сквозную ограду сада, что по ту сторону улицы, и въ душѣ у него поднимается тоскливое чувство.

— Послушай, Яша, — говоритъ онъ своему старшему приказчику,—а вѣдь мы лѣта съ тобой, можно сказать, не видали.

— Точно, Николай Парфентьевичъ, не видали.

Заноситъ Николай Парфентьевичъ счета въ книгу, и нѣтъ-нѣтъ да и глянетъ въ зеркальное окно своего магазина. Лицо у него круглое, розовое, слегка сонное, съ бѣлокурой бородкой. Онъ не то чтобы хозяинъ, а хозяйскій сынъ. Папашу въ прошломъ году кондрашка хватилъ, и съ тѣхъ поръ старикъ сидитъ дома, уткнулся въ библію и все читаетъ и молится.

Приказчикъ Яша былъ лѣтъ на десять старше Николая Парфентьевича. Молодой человѣкъ питалъ къ нему безграничное довѣріе, т.-е. смотрѣлъ сквозь пальцы на его обращеніе съ кассой. Въ старину, когда у Николая Парфентьевича чуть не ежедневно вырывалось по клоку волосъ, приказчикъ былъ единственнымъ его утѣшителемъ и другомъ. Въ свою очередь онъ тоже смотрѣлъ въ ту пору сквозь пальцы, какъ Николай Парфентьевичъ таскалъ изъ выручки. У Яши было рябое лицо съ сѣрыми глазами на выкатѣ. Одѣвался онъ франтовски, и, можетъ быть, во

всемъ губернскомъ городѣ ни у кого не было такихъ манеръ, какъ у него. Дамы называли его „мосье Жакъ". Но это объяснялось его пристрастіемъ къ французскимъ выраженіямъ, которыя онъ заимствовалъ изъ „Русско-французскихъ разговоровъ", изданныхъ для путешественниковъ, не умѣющихъ читать по-французски. Онъ такъ моталъ головою, такъ ловко мѣрилъ и легко вскакивалъ на прилавокъ, нисколько не тяготился показать любопытной покупательницѣ весь „модный товаръ", что, пожалуй, и въ Парижѣ онъ сошелъ бы за француза; а на самомъ дѣлѣ онъ былъ рязанскимъ крестьяниномъ.

— Читалъ, Яша, о праздничномъ отдыхѣ? — спрашиваетъ молодой хозяинъ.

— Какъ же-съ.

— Ну что же, какъ ты смотришь?

— Очень просто, Николай Парфентьевичъ, мнѣніе тутъ не можетъ быть двоякое.

— Напримѣръ, ты за отдыхъ?

— А вы изволите знать, какъ отдыхъ на французскомъ нарѣчіи?

— Ну?

— Рѣпо. А званный обѣдъ — рѣпа. Много званныхъ, но мало избранныхъ, Николай Парфентьевичъ.

Николай Парфентьевичъ вздыхаетъ.

— Должно быть, покупателя сегодня не будетъ, — началъ онъ, помолчавъ.

— А что-съ?

— А хочу уважить идею конца вѣка.

— Такъ-съ, вижу-съ.

— Запремъ-ка мы выручку.

— Такъ-съ.

— Возьмемъ тройку.

— Такъ-съ.

— Да подвяжемъ колокольчикъ получше, да махнемъ въ Низменную.

— Такъ-съ. Съ корзиночкой?

— Ужъ разумѣется, съ корзиночкой.

Николай Парфентьевичъ еще не былъ женатъ, а „мосье Жакъ" успѣлъ сдѣлаться отцомъ многочисленной семьи, несмотря на свои тридцать пять лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, онъ ни слова не возразилъ хозяину. Мелькнула у него только мысль, что женѣ будетъ непріятно; но давно не былъ онъ

за городомъ. У него даже что-то подъ ложечкой затрепетало и засосало.

— Побуду я въ магазинѣ, а ты распорядись.

Улыбка дергала губы Николая Парфентьевича. Онъ подалъ приказчику двадцатипятирублевую и сказалъ:

— На всѣ.

Все свершилось съ сказочной быстротой. Кибитка, запряженная тройкой рѣзвыхъ клячъ въ наборной сбруѣ и вся въ бубенцахъ, подскакала къ „Магазину Максакова и сына". Николай Парфентьевичъ надѣлъ матерчатый картузъ, оставилъ магазинъ на младшаго приказчика и на мальчика, нетерпѣливо приказалъ Яшѣ садиться рядомъ съ собою, перекрестился и крикнулъ ямщику: „Пошелъ!" — съ прибавленіемъ извѣстнаго словечка. Клячи запрыгали, поднялась пыль, загремѣли бубенчики, и залился малиновымъ звономъ колокольчикъ подъ дугой. Мелькнуло двѣ-три улицы, богоугодное заведеніе, острогъ, потянулись придорожныя березы, а Николай Парфентьевичъ все кричалъ:

— Пошелъ!

Яша не переставалъ улыбаться и придерживалъ рукой кульки. Черезъ часъ показалась Низменная.

Съ тѣхъ поръ, какъ черезъ городъ прошла желѣзная дорога, этотъ почтовый трактъ утратилъ значеніе. Рѣдко кто проѣдетъ. Проскачетъ исправникъ изъ ближайшаго уѣзднаго города, чтобы явиться къ губернатору, да мужики по утрамъ везутъ провизію на базаръ. Станція была каменная съ колонками и съ древнимъ государственнымъ орломъ на фронтонѣ.

— Пропустите-ка насъ.

Неуклюжій сторожъ ввелъ гостей въ комнату, гдѣ стояла старинная тяжеловѣсная мебель краснаго дерева съ такими же простѣночными зеркалами и съ почтовыми правилами подъ стекломъ, въ темныхъ плоскихъ рамкахъ. Англійскіе часы въ футлярѣ стучали въ углу, можетъ быть, уже лѣтъ полтораста подъ-рядъ. Воздухъ былъ затхлый. Молодой купецъ, такой вялый и сонный въ городѣ, здѣсь кричалъ, шумѣлъ, звонко распоряжался, раскрылъ всѣ окна настежь. Поля зеленѣли, словно устланныя свѣтлымъ бархатомъ. Воздухъ шелковый. Было очень жарко, а все же какой-то нѣжной прохладой вѣяло въ лицо съ сѣвера. Грустно наклонялись обнаженныя верхушки деревьевъ. Гуси щипали травку прямо передъ окнами. Николай Парфентьевичъ сѣлъ на

подоконникѣ, разстегнулъ воротъ рубахи, подставилъ грудь вѣтру и говорилъ:

— Благодать! Ну-ка, Яша, скорѣе!

А Яшу незачѣмъ было просить. На кругломъ переддиванномъ столѣ уже выставлена была скромная батарея бутылокъ. Сторожъ принесъ тарелки, появилась икра, сыръ, сардинки, ветчина. Яша исчезъ на минуту и возвратился съ малосольными огурчиками.

— Сейчасъ яичница будетъ,—радостно объявилъ онъ, потирая руки.—Ну-съ, команъ ву порте-ву?

Рюмки на станціи были большія, изъ точенаго стекла.

— До сихъ поръ цѣлы,—сказалъ Николай Парфентьевичъ, подмигнувъ.

Лѣтъ пять тому назадъ онъ кутилъ на Низменной тоже съ Яшей. Тогда поѣздка показалась ему такой очаровательной, и ему хотѣлось бы, чтобы повторилось старое. У содержателя была хорошенькая дочка, бѣлая, какъ булка, съ розовыми щеками и съ добрыми опущенными глазками. Гдѣ она?

— Дербалызнемъ, что-ли! —проговорилъ Николай Парфентьевичъ и налилъ очищенной.

Выпили, не разобрало. Закусили и повторили—не разбираетъ. Выпили по третьей. Между тѣмъ сторожъ принесъ шипящую яичницу. Въ дверь заглянула старческая голова, какъ бы желая провѣрить, донесетъ ли сторожъ яичницу благополучно.

— Это что за образина? — вполголоса спросилъ Николай Парфентьевичъ.

— Самъ хозяинъ.

— А помнишь, Яша?

— Ничего. Что такое?

— Какъ мы сюда...

— А-а-а!

— Кто прислуживалъ?

Яша широко раскрылъ глаза и хлопнулъ себя по лбу.

— Замужъ вышла!

— Въ такомъ случаѣ чортъ съ нею, — сказалъ Николай Парфентьевичъ и указательнымъ пальцемъ ткнулъ въ мадеру. — По стаканчику... Благодать-то, во, благодать! — вопіялъ Николай Парфентьевичъ, ѣлъ яичницу, пилъ мадеру, смотрѣлъ на гусей и бросалъ имъ крошки. — Снимемъ сапоги развѣ?

— И то можно.

— Ахъ ты воля волюшка! — вскричалъ Николай Парфентьевичъ, глубоко втягивая въ себя воздухъ.

— Что вамъ скучать по волѣ, Николай Парфентьевичъ? — спросилъ Яша. — Ваша позиція не подневольная. Другое дѣло нашъ братъ, приказчикъ.

— Нѣтъ, Яша, я настоящей воли не видалъ еще и, какая она, не знаю.

— Настоящей воли, можетъ быть, и нѣту, — мотнувъ головой, сообразилъ Яша.—А давайте-ка пѣсню запоемъ.

— На сѣ-ѣ-ѣ-верѣ... дикомъ...

Они запѣли пѣсню. Сначала шла она довольно стройно. Николай Парфентьевичъ выводилъ тоненькимъ фальцетомъ, Яша вторилъ баритономъ. Но по мѣрѣ того, какъ они прочищали себѣ горло—мадерили голоса, по выраженію Николая Парфентьевича, — пѣсня становилась все безпокойнѣе, сливалась, путалась, забывались слова. Безъ сюртуковъ и въ носкахъ хозяинъ и приказчикъ вдругъ сорвались съ мѣста, раздвинули стулья и молча стали плясать. Когда же надоѣло или они устали, они бросились на диваны и заговорили о чемъ попало, не слушая другъ друга. Такъ болтали они и заснули подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, теплаго свѣжаго воздуха и органической потребности отдыха и забвенія. Первымъ проснулся Николай Парфентьевичъ и разбудилъ приказчика.

— Который часъ?

— Немного спали.

— Тебѣ что снилось?

— Рьенъ е тре рьенъ, Николай Парфентьевичъ. Или по-просту говоря—мракъ невѣжества.

— А мнѣ—булка съ масломъ и съ этакой черной косой! — улыбаясь, сказалъ купеческій сынъ и искоса посмотрѣлъ на бутылки. — Тотъ разъ мы на головахъ ходили.

— Умнѣе стали, — возразилъ приказчикъ и налилъ рюмки.

— Отъ скуки не пригласить ли самого? — предложилъ Николай Парфентьевичъ.

Яша пошелъ и вернулся съ старымъ старикомъ, сѣдымъ, какъ лунь, но еще бодрымъ, крѣпкимъ, съ блѣднымъ лицомъ и крупнымъ лиловымъ носомъ. Онъ былъ одѣтъ опрятно. Старикъ учтиво поклонился.

— Позвольте узнать, какъ васъ?

— Фамилія моя Лясгинъ, а зовутъ Егоромъ Павловичемъ. Въ лицѣ же вашемъ имѣю честь видѣть именитаго купца Максакова, сына Парфентія Гавриловича, съ которымъ когда-то тоже хлѣбъ-соль водилъ. Живъ, небось, еще почтенный? Очень пріятно. Можно сказать, не купецъ былъ, а дубъ. А я въ послѣдній разъ вкушалъ на свадьбѣ дочери и воздерживаюсь, — косо и съ сладкой улыбкой посматривая на выпивку, сказалъ старикъ.

— Время значительное прошло—давайте чокнемся.

— Много лѣтъ здравствовать.

Послѣ двухъ рюмокъ молодой человѣкъ сталъ говорить ему „ты“.

— Разскажи-ка что-нибудь, старина, развѣй нашу грусть-тоску. Яша, налей стаканчикъ.

— Помилуйте, о чемъ же я могу разговаривать съ губернской молодежью? Развѣ о своемъ горемычномъ житьѣ-бытьѣ.

— Неужели и ты горе мыкаешь?

— Грусть ваша, господа, отъ молодости, и она въ радость легко обращается, а моя въ могилу со мной ляжетъ, — ужъ по той обыкновенной причинѣ, что мнѣ шестьдесятъ семь лѣтъ исполнилось третьяго дня, и я въ землю смотрю. Иногда мнѣ кажется даже, что отъ меня самого землей пахнетъ.

— Пахни, старина, лучше мадерой.

Старикъ выпилъ.

— А больше всего, — продолжалъ онъ, — несправедливость угнетаетъ. Вы люди свободные и со средствами, а я рабъ и безъ единаго таланта. Дѣтей выростилъ, пристроилъ, хлѣбъ, разумѣется, есть, а простому человѣку, что больше нужно? Однако, притѣсняютъ. Главное, господа, по станціи, кажется, все исправно, порядокъ у меня образцовый, а придираются то и дѣло.

— Кто же именно придирается?

— Начальникъ.

— По нашему купеческому дѣлу слѣдуетъ дать. Такъ ли я говорю, Яша?

— Отчего не дать? — пьянѣя, воскликнулъ Лясгинъ. — Я всегда готовъ. Но мало. Все ему мало.

— А ты бы пожаловался.

— Какія тутъ жалобы! На сосѣдней станціи баба со-

держала. Сталъ онъ бабу прижимать, а она и подай прошеніе. И что же вышло? Станцію освидѣтельствовали, нашли все, правда, въ порядкѣ, но и начальникъ остался сухъ. И остался сухъ и еще сто рублей съ нея взялъ и все приговаривалъ: „дурости въ тебѣ много, а фактовъ, говоритъ, у тебя нѣту, а, чтобъ доказать, факты нужны“. Что это за штука, господа мои, факты? —поднося рюмку къ глазу и смотря сквозь нее, спросилъ смотритель.

— А факты... Что жъ факты?.. Яша, объясни!

— Факты значитъ что дѣйствительно. Примѣрно, мы теперь за столомъ, — фактъ, кушаемъ и выпиваемъ — фактъ.

— А-а! А кому-нибудь дать?

— Фактъ!

Смерклось. Зажжены были огни. Загорѣлись звѣзды. Осеннею свѣжестью рѣзко потянуло въ раскрытыя окна Вѣтеръ прошелся по деревьямъ, и сухой листъ, кружась, какъ большая ночная бабочка, влетѣлъ въ комнату.

— Фактъ! сказалъ—купчикъ.

Бутылки были осушены. Онъ опрокинулъ ихъ.

— Фактъ!

— Ѣдемъ, наконецъ?—пошатываясь, спросилъ Яша.

Николай Парфентьевичъ утвердительно кивнулъ головой.

— Адье... ей, господину содержателю, адье!

Лошади уже стояли у крыльца. Въ сѣняхъ послышалось звяканье шпоръ, и вдругъ вошелъ урядникъ.

— Позвольте узнать, кто вы? — спросилъ онъ громовымъ голосомъ.

Высокій, грудастый человѣкъ съ короткой шеей, съ краснымъ лицомъ и съ большими рыжими усами, онъ былъ въ форменной фуражкѣ, и до чего онъ грозно смотрѣлъ!

— Яша, предложи водочки!

— Я предложеніе считаю оскорбленіемъ своего званія, — заявилъ урядникъ: — а потому покорнѣйше прошу васъ воздержаться и отвѣтить *на мое* предложеніе. Находясь въ сосѣдней комнатѣ, я слышалъ, какъ вы изволили клеветать на начальство. У меня эт-та строго!—возвысилъ онъ голосъ, сдѣлалъ шага два впередъ и потрясъ пальцами у самаго носа растерявшагося Яши.

Николай Парфентьевичъ поднялъ голову и смотрѣлъ на него, силясь понять, въ чемъ дѣло.

— У меня эт-та очень строго!

— Яша, поговори съ нимъ о фактахъ — сказалъ Николай Парфентьевичъ.

Яша отвелъ урядника въ сторону, опустилъ руку въ карманъ, а затѣмъ прикоснулся къ рукѣ урядника. Урядникъ издали посмотрѣлъ въ свою ладонь. Суровое выраженіе его обвѣтреннаго лица внезапно смѣнилось благорасположеннымъ и даже какъ бы сконфуженнымъ.

— За что, господа? — съ собачьей улыбкой спросилъ онъ. — Дышите на здоровье! Городскіе меня не касаются. Ну, впрочемъ, благодарю. Дѣти у меня... Не для себя, а для нихъ. Эхъ, жисть наша!

Онъ подошелъ къ столу, сразу угадалъ, въ какой бутылкѣ осталось вина, и подмигнулъ. Николай Парфентьевичъ мрачно проговорилъ:

— Брысь!

Но урядникъ продолжалъ засматривать въ бутылку.

— Брысь! — свирѣпо проревѣлъ Николай Парфентьевичъ и ударилъ кулакомъ по столу, посуда зазвенѣла, запрыгали ложки, просыпалась солонка.

Урядникъ махнулъ рукой и, покраснѣвъ, вышелъ. Яша вслѣдъ ему сдѣлалъ движеніе ногой,—„выставилъ".

Тройка ожидала. Ямщикъ лихо сидѣлъ на облучкѣ. Николай Парфентьевичъ запѣлъ дикимъ голосомъ:

— ... стоитъ одино-око-о...

— Со-сна-а-а! — тоненько, какъ комаръ, подхватилъ Яша.

Купчики гикнули на ямщика, ямщикъ на лошадей, и тройка понеслась. Лясгинъ стоялъ на крыльцѣ, у колонны, съ фонаремъ въ рукахъ и кланялся въ темноту. Урядникъ распоряжался во дворѣ, требуя, чтобы новая тройка была наготовѣ, потому что сейчасъ пріѣдетъ исправникъ.

І. Ясинскій.

Эволюція собственности.

Историческій переходъ отъ коллективныхъ формъ землевладѣнія къ частной собственности [1]).

(*Пер. съ фр.* ***М. Ѳ. СУПЕРАНСКАГО***).

I.

Какія причины привели къ разложенію земельной общины?

Этотъ вопросъ гораздо сложнѣе, чѣмъ можно подумать при первомъ взглядѣ, такъ какъ коллективная собственность представляетъ многосложныя формы, которыя, вовсе не исключая другъ друга, очень часто происходятъ одна изъ другой. Слѣдуетъ разсмотрѣть эти формы, установить между ними отношенія эволюціи и взаимной зависимости, объя-

---

[1]) L'évolution de la propriété. Le passage historique de la propriété collective à la propriété individuelle—очеркъ, прочтенный авторомъ на второмъ международномъ соціологическомъ конгрессѣ и помѣщенный во второмъ томѣ „Annales" послѣдняго. Очеркъ этотъ представляетъ собою сжатое, но обстоятельное изложеніе результатовъ многолѣтнихъ изслѣдованій почтеннаго историка-экономиста въ области народнаго хозяйства европейскихъ и другихъ странъ, и это вполнѣ оправдываетъ появленіе его въ русскомъ переводѣ. Дѣйствительно ли распаденіе земельной общины обусловлено не экономическими причинами, конечно, вопросъ спорный. Весь ходъ изслѣдованія автора, всѣ приводимые имъ факты говорятъ именно объ экономическомъ характерѣ этихъ причинъ, хотя, само собою понятно, причины эти имѣютъ мало общаго съ тѣми, которыя указываются „экономистами", утверждающими, что прогрессъ зависитъ отъ сознательнаго направленія хозяйственной жизни по заранѣе выработаннымъ нормамъ. Экономическіе интересы различныхъ общественныхъ классовъ, въ ихъ взаимодѣйствіи—едва-ли не истинная причина эволюціи собственности. Съ этой точки зрѣнія, вполнѣ понятна роль, приписываемая авторомъ капитализму, торговлѣ, промышленности и пр факторамъ въ процессѣ разложенія общины.

Прим. ред.

снить различныя причины, которыя обусловили ихъ постепенное вымираніе, и прослѣдить на протяженіи вѣковъ, въ связи съ вліяніями мѣста и среды, это медленное и прогрессивное движеніе человѣческаго общества къ характеризующему насъ состоянію индивидуализма.

Такъ понятая, эта задача обширна и трудна. Она требуетъ всесторонняго разсмотрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно признать, по примѣру экономистовъ, что, разъ сознавъ выгоды индивидуальнаго владѣнія, человѣчество самопроизвольно перешло къ раздѣлу земель, или допустить какъ нельзя болѣе неосновательное предположеніе юристовъ, что собственность, какъ органическій продуктъ труда, существовала искони.

Временное присвоеніе продуктовъ почвы далеко не синонимъ собственности; фактическое пользованіе не есть право, и предполагаемая психологическая необходимость,—которая, по словамъ юристовъ, „побуждаетъ человѣка стать предъ лицомъ природы господиномъ и собственникомъ“ (Лермина),—представляетъ собою одно изъ тѣхъ утвержденій, которыхъ не могутъ допустить этнографія и исторія.

Слѣдовательно, нужно обратиться къ изученію фактовъ, установленныхъ точнымъ наблюденіемъ обществъ, у которыхъ практиковалось или практикуется еще въ наше время система нераздѣльности земли между болѣе или менѣе ограниченнымъ числомъ индивидовъ и одного и того же семейства, клана, селенія или территоріальнаго агломерата, при чемъ послѣдній такъ же можетъ быть „маркою“, какъ и „сотнею“. Тѣ, кто въ исторіи земельной общины различаютъ общинное селеніе отъ клана или отъ семейной группы, обнаруживаютъ духъ спеціализаціи, вполнѣ понятный у современнаго юриста, но совершенно неизвѣстный болѣе или менѣе первобытнымъ народамъ. Дѣйствительно, въ чемъ состоитъ существенное различіе между семейной группой, живущей нѣсколькими отдѣльными очагами и сообща владѣющей землей, и общиннымъ селеніемъ, которое также состоитъ изъ разныхъ очаговъ? Ни въ чемъ, кромѣ идеи родства, признанія общаго происхожденія. Предположеніе же это обыкновенно совершенно неосновательно: первыя человѣческія агломераціи были не чѣмъ инымъ, какъ бандами, организованными нѣсколькими счастливыми разбойниками. Экзогамныя или эндогамныя, эти банды одинаково не знали узъ брака и родства по отцу, какъ послѣднія имѣли мѣсто

въ болѣе позднюю эпоху. Власть главы, а за его смертью его культъ положили прочныя основанія этой, совершенно искусственной по своему происхожденію, ассоціаціи, на которую слѣдующія поколѣнія начинаютъ смотрѣть, какъ на образованную единствомъ крови. Прибавьте къ этимъ фактамъ постоянную практику искусственнаго родства, начиная съ усыновленія нѣкоторыхъ индивидовъ или цѣлыхъ семей или съ собратства между лицами, вскормленными однимъ молокомъ, и оканчивая искусственнымъ родствомъ, которое имѣетъ начало въ болѣе или менѣе добровольной уступкѣ нѣкоторыхъ членовъ между враждебными кланами, желающими положить предѣлъ ихъ взаимной мести,—и вы должны будете признать, что даже въ позднѣйшую эпоху единство крови далеко не служитъ истинною связью семейной группы, такъ же, какъ и тѣхъ, гораздо болѣе обширныхъ, хотя и составившихся такимъ же образомъ, аггломерацій, которыя носятъ имя клановъ или колѣнъ, въ смыслѣ римскаго gens'а, греческаго γένος'а и славянскаго *рода*.

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, почти нѣтъ существеннаго различія между семейною общиной и общиной сельской, особенно въ отношеніи ихъ происхожденія; тѣ же элементы, которые содѣйствовали образованію различныхъ родственныхъ семей, живущихъ въ одной мѣстности, вошли и въ составъ общиннаго селенія. Этимъ объясняется многое и прежде всего слѣдующее: во многихъ странахъ названія селеній представляютъ собою родовыя имена, если только они не служатъ для обозначенія лѣса, изъ котораго вышли жители, первоначальнаго способа разработки почвы (корчеваніе—assartum, bifang многихъ древнихъ грамотъ), или же сосѣдства съ горою или протекающею водою (источникъ, рѣка, озеро и проч.). Это обстоятельство было констатировано какъ въ Германіи, именно въ Гессенѣ, трудами Арнольда [1]), такъ и во Франціи—трудами Арбоа де Жюбенвиля. Въ Россіи и вообще въ славянскихъ странахъ еще въ наше время находимъ много мѣстностей, названіе которыхъ оканчивается на *ичи*, что обыкновенно обозначаетъ происхожденіе отъ болѣе или менѣе отдаленнаго мнимаго предка, который дѣлается предметомъ перваго культа и служитъ искусственною связью разнородныхъ членовъ, которые въ концѣ концовъ образуютъ одинъ стволъ.

[1]) Ansiedelungen und Wanderungen deutscher Stämme.

Синонимность семейной общины и общины сельской имѣетъ еще другое значеніе. Тѣ, кто стараются доказать первобытное существованіе недвижимой собственности, не идутъ далѣе аппропріаціи земли членами одной и той же семейной группы. Послѣ только-что изложеннаго, необходимо признать, что фактъ этотъ не противорѣчитъ общему положенію, которое утверждаетъ, что общинная система предшествуетъ системѣ индивидуальнаго владѣнія. Люди, какъ покойный Даргунъ, могутъ быть сто разъ правы, заявляя, что первыми собственниками были группы родственниковъ (Zeitschrift für vergleichende Rechsgeschichte: die Entstehung des Eigenthums); но отсюда не слѣдуетъ, чтобы этимъ была ослаблена гипотеза состоянія нераздѣльности владѣнія, предшествовавшаго свойственному намъ состоянію; совершенно напротивъ, мы и на будущее время можемъ считать этнографическія данныя въ числѣ такихъ, которыя подкрѣпляютъ теорію Маурера и Мэна о коллективномъ характерѣ первой человѣческой собственности. Этнографическія данныя представятъ имъ основаніе еще для другаго положенія, согласно которому, колоны, занявшіе земли, не воздѣланныя или оставленныя ихъ обитателями, обыкновенно были людьми, если не соединенными кровью, то во всякомъ случаѣ считавшимися таковыми. Тотъ же фактъ подтверждается извѣстными текстами Цезаря и Тацита о *consanguinitates hominum qui una coierunt* (т. е. о союзахъ родственниковъ, имѣющихъ общій очагъ) и *propinquitates* (т. е. о союзахъ родственниковъ, живущихъ вмѣстѣ), какъ о дѣйствительныхъ заимщикахъ земли, а также столь спорнымъ терминомъ „вервь", который въ статутахъ южныхъ славянъ еще въ XV вѣкѣ обозначаетъ семейную общину или *задругу* и, кажется, въ то же время является синонимомъ селенія и его территоріи въ „Правдѣ" Ярослава (XI в.).

Другой, не менѣе сложный вопросъ, возникающій при началѣ изслѣдованія о причинахъ, приведшихъ къ разложенію коллективнаго владѣнія,—это вопросъ о формѣ или, вѣрнѣе, о формахъ этого владѣнія; такъ какъ послѣднія сложны и различаются не только особенностями, характеризующими разные народы и разную среду, но также и въ отношеніи разныхъ моментовъ, которые проходитъ одно и то же общество въ теченіе своего постепеннаго развитія. Долго спорили о томъ, не составляетъ ли тотъ или другой

способъ землевладѣнія исключительнаго достоянія той или другой расы. Баденъ-Пауель, видный государственный человѣкъ, которому англійское правительство недавно поручило составить родъ инвентаря различныхъ способовъ владѣнія, имѣющихъ мѣсто въ Восточной Индіи, держится еще мнѣнія, что сельская община этой страны представляетъ лишь очень отдаленное сходство съ германскою *маркой*, а эта послѣдняя составляетъ не въ меньшей степени особенность нѣмцевъ, чѣмъ *міръ*—особенность русскихъ и *задруга* или семейная община—южныхъ славянъ [1]). Таково же, кажется, мнѣніе экономиста Эшли, который находитъ возможнымъ утверждать, что, вопреки столь извѣстному мнѣнію Генри Мэна, сельская община существовала въ Индіи только между народами, занимавшими эту страну до прибытія арійцевъ [2]).

Другіе, во главѣ которыхъ нужно поставить де-Лавелэ, пытались свести всѣ формы общинной собственности къ одному источнику, отождествляя наиболѣе отсталое состояніе ея съ русскимъ *міромъ*, съ періодическимъ передѣломъ земель. Прочія формы земельнаго коллективизма, по мнѣнію Лавелэ, представляютъ только различныя ступени разложенія этой первобытной общины. Послѣднее началось съ окончательнаго раздѣла пахатной земли не между отдѣльными семьями, но между группами семей (отсюда произошла сербская задруга). Германская *марка*, швейцарскій *allmend* и *almening* сѣверныхъ странъ были только результатомъ дальнѣйшаго дѣленія, которое не оставило инаго коллективизма, кромѣ общаго пользованія членовъ одного или нѣсколькихъ селеній пастбищами и лѣсами.

Это объясненіе кажется правдоподобнымъ, но оно грѣшитъ въ основаніи. Ничто не доказываетъ намъ, что міръ съ періодическими передѣлами является самымъ отсталымъ типомъ коллективной собственности. Я изложу вамъ причины своихъ сомнѣній, и вы увидите, что въ основаніи ихъ лежатъ факты. И прежде всего позвольте мнѣ сказать вамъ, что историки русскаго права не могли найти никакого слѣда періодическаго передѣла въ эпоху, предшествовавшую установленію крѣпостнаго состоянія, т. е. ранѣе конца XVI и начала XVII вв. (періодъ отъ царствованія

[1]) Land Systems of British India, Oxford, 1892, VI, p. 174.
[2]) См. статью его въ „Journal des Economistes americains", 1894 г.

Бориса Годунова до вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича). Нѣкоторые, и въ томъ числѣ г. Чичеринъ, дѣлаютъ отсюда заключеніе, что общинное землевладѣніе возникло лишь съ крѣпостнымъ правомъ, и что его истинными творцами были помѣщики. Побуждаемые выгодами коллективной отвѣтственности общинниковъ въ отношеніи податей и барщины, помѣщики нашли полезнымъ уравнять доли своихъ крестьянъ путемъ періодическаго передѣла. Эта гипотеза, — потому что въ сущности это не болѣе, какъ гипотеза, — дѣлаетъ большую ошибку, отождествляя выгоды коллективной отвѣтственности съ выгодами періодическаго передѣла. Франція стараго порядка, а также Римская имперія ни мало не были коллективистическими, но это не помѣшало имъ ввести у себя коллективную отвѣтственность въ отношеніи налоговъ. Поэтому наши историки-юристы мало-по-малу оставили теорію г. Чичерина, которая въ настоящее время находитъ адептовъ только среди иностранцевъ и особенно во Франціи, гдѣ сдѣлали ее популярною труды Анатоля Леруа-Больё и столь извѣстный этюдъ, посвященный Фюстель-де-Куланжемъ проблемѣ происхожденія земельной общины въ „Revue des Questions historiques".

Этнографія и земельная статистика открыли намъ существованіе еще въ наше время общинной формы владѣнія, крайне архаической и не имѣющей ничего общаго съ системою *міра* и періодическаго передѣла. Это открытіе навело насъ на слѣдъ новой гипотезы относительно происхожденія коллективнаго землевладѣнія въ Россіи. Эта гипотеза можетъ дать объясненіе аналогичнымъ фактамъ во всемъ мірѣ. Поэтому я позволю себѣ изложить ее съ нѣкоторыми подробностями.

Сдѣлалось извѣстно, что въ сѣверныхъ губерніяхъ, Архангельской и Олонецкой, не только не было никакого слѣда періодическаго передѣла, но еще каждая семья считала себя въ правѣ занять такое количество земли, въ какомъ она, по ея мнѣнію, имѣла потребность, не выходя для этого изъ предѣловъ общины; при чемъ другія лица, не принадлежавшія, по своему рожденію, къ той же общинѣ, не имѣли притязаній на такой порядокъ. Населеніе этихъ губерній, какъ извѣстно, очень рѣдко; семьи-группы сохраняются въ большомъ числѣ; лѣса и болота весьма распространены. При этихъ условіяхъ, семьямъ легко со-

гласиться относительно количества земли, которое онѣ считаютъ для себя необходимымъ и которое онѣ часто принуждены пріобрѣтать огнемъ и топоромъ, иначе говоря, тѣми же способами, которые были въ употребленіи между германцами въ эпоху первичной разработки почвы. Старинная русская поговорка говоритъ, что границы поля можно обозначить не только сохой, но также косой и топоромъ. Смыслъ этой поговорки можно понять, изучая способъ, который употребляютъ сѣверные крестьяне для обозначенія того, до какого мѣста должна простираться заимка той или другой земли, тѣмъ или другимъ семействомъ. Когда дѣло касается лѣса, который хотятъ срубить или выжечь, чтобы посѣять рожь или ячмень, овесъ или гречу, то вокругъ облюбованнаго мѣста дѣлаютъ просѣку. Часто ограничиваются лишь нѣсколькими насѣчками на деревьяхъ по сторонамъ участка. Нѣчто подобное имѣетъ мѣсто каждый разъ, когда приступаютъ къ раздѣлу луга или поля. Въ этомъ случаѣ, всѣ хозяева одной и той же общины выходятъ въ одинъ день и въ одинъ часъ со своими косами и земледѣльческими орудіями. Каждый коситъ или проводитъ борозду вокругъ того мѣста, которое онъ назначаетъ для себя и для своихъ семейныхъ. Никто другой въ теченіе наступающаго года не имѣетъ права собирать здѣсь сѣно или сѣять хлѣбъ. Коса и соха устанавливаютъ границы, но не окончательно и не навсегда; эти границы сохраняютъ значеніе въ теченіе одного или нѣсколькихъ лѣтъ, потому что, разъ урожай понижается, переходятъ на другое мѣсто.

Употребленіе этихъ способовъ далеко не составляетъ исключительной особенности сѣверныхъ губерній; они практикуются въ степяхъ донскихъ и черноморскихъ казаковъ и на большомъ пространствѣ Сибири. Въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ они были въ употребленіи на гораздо болѣе обширной площади. „Огнища" и „печища", упоминаемыя въ древнѣйшихъ переписяхъ дворовъ или семей, показываютъ намъ, какъ возникли цѣлыя селенія. Ихъ послѣдовательные раздѣлы привели къ образованію многихъ дворовъ, которые дѣлили между собою землю на доли неравной величины, отвѣчавшія потребностямъ каждаго изъ нихъ. Земля поступала лишь во временное владѣніе; затѣмъ она пускалась въ залежь, чтобы сдѣлаться потомъ объектомъ новой культуры и новаго присвоенія. Нѣтъ ни-

чего болѣе ложнаго, какъ приложеніе къ этимъ способамъ терминовъ, введенныхъ въ употребленіе римскимъ правомъ. Здѣсь не имѣло мѣста ни *occupatio* (захватъ), первобытный латинскій способъ утвержденія индивидуальной власти на землю, ни *dominium* или вѣчное владѣніе. Предъ нами — временное пользованіе и при томъ въ предѣлахъ потребности, если не каждаго, то, по крайней мѣрѣ, всѣхъ семейныхъ группъ, составляющихъ одно общинное селеніе.

Переходъ подобныхъ селеній къ раздѣлу земли на равныя части совершился лишь вслѣдствіе замѣтнаго прироста населенія, обусловленнаго причинами естественными или искусственными, каково, напримѣръ, водвореніе новыхъ переселенцевъ. Одни прямо переходятъ къ установленію постоянныхъ границъ, другіе—и это господствующій порядокъ—довольствуются живыми изгородями, которыя будутъ снесены при новомъ раздѣлѣ; необходимость въ послѣднемъ не будетъ, впрочемъ, чувствоваться до того момента, пока внутренніе раздѣлы, приводящіе къ образованію новыхъ дворовъ, не сдѣлаютъ неравенство долей слишкомъ очевиднымъ. Періодичность передѣловъ не есть, такимъ образомъ, первичный фактъ; она возникаетъ только съ теченіемъ времени и требуетъ вѣковъ, чтобы пустить корни; болѣе или менѣе частое повтореніе этихъ передѣловъ зависитъ отъ факта двупольнаго или трехпольнаго хозяйства, или же отъ обычая производства новой переписи дворовъ, въ интересахъ фиска, черезъ болѣе значительные промежутки, напримѣръ, черезъ девятнадцать лѣтъ, какъ то было въ Россіи въ теченіе послѣднихъ столѣтій. Само собою разумѣется, что, вслѣдствіе прироста населенія, сельская община была поставлена въ необходимость не мѣнять мѣстъ культуры — гораздо раньше установленія періодическаго передѣла. Прежде всего пожертвовали тою системою, которую Тацитъ такъ точно изобразилъ намъ въ словахъ: *Arva per annos mutant et superest ager* [1]).

Въ старинныхъ славянскихъ текстахъ находимъ мало указаній на обычай пользованія землею. Галицкія латинскія грамоты [2]) описываютъ его, только какъ противоположность нѣмецкому обычаю. Славяне владѣютъ землею *sparsim modo*

[1]) Тацитъ говоритъ о системѣ хозяйства, практиковавшейся у германцевъ, при которой участки, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ обработки, оставляются для новыхъ или находившихся въ залежи земель. *Перев.*

[2]) См. *Линниченко*. Очеркъ исторіи сословій въ Галиціи XIV и XV в. Москва, 1894.

rhutenico, нѣмцы же *in una linea secundum jus theutonicum*, т. е. доли, распредѣленныя между нѣмецкими семьями, составляютъ часть одного или однихъ полей, смежныхъ между собою, тогда какъ доли славянъ-русиновъ разсѣяны по всей поверхности.

Далеко не составляя особенности славянъ, этотъ способъ присвоенія земли семьями на ограниченное время былъ у нихъ общимъ съ предками современныхъ нѣмцевъ, при томъ, еще во времена Цезаря и Тацита. Въ самомъ дѣлѣ, что такое это занятіе *agri pro numero cultorum et in vices* (попеременное занятіе полей по числу воздѣлывателей), о которомъ идетъ рѣчь въ „Германіи", особенно если сблизить этотъ текстъ съ другимъ, не менѣе извѣстнымъ: *sed privati ac separati agri apud eos nihil est* (Цезарь)? Ни мало не противорѣча одно другому, эти свидѣтельства обоихъ римскихъ историковъ только дополняютъ другъ друга; такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что, не зная индивидуальной собственности и періодическаго раздѣла, германцы практиковали временное занятіе земли группами родственниковъ, живущихъ однимъ очагомъ, *consanguinitates hominum qui una coierunt*, т. е. что въ сущности ихъ общинный строй и способъ культуры были тожественны съ таковыми же нашихъ предковъ-славянъ.

Перейдемъ теперь къ Индіи и постараемся воспользоваться тѣмъ немногимъ, что мы знаемъ о ея древнѣйшемъ земельномъ строѣ. Много разъ цитировали то, что говоритъ Ману о захватѣ почвы первымъ земледѣльцемъ. Думали найти здѣсь ясное доказательство существованія индивидуальной собственности въ эпоху редактированія этого кодекса. Между тѣмъ по этому вопросу текстъ Ману не сообщаетъ намъ ничего такого, что бы намъ не было уже извѣстно изъ практики славянъ и германцевъ, т. е. что раздѣлъ былъ неизвѣстенъ, каждая семья-группа вступала во владѣніе такимъ количествомъ земли, которое считала для себя нужнымъ и которое она обрабатывала. Ману не говоритъ, что земля дѣлалась собственностью. Рѣчь идетъ лишь о пользованіи, предѣлъ которому полагается фактомъ неизбѣжнаго истощенія почвы и запущенія ея поселенцемъ или поселенцами, которые ее разработали. Въ томъ же смыслѣ другіе, новѣйшіе, кодексы, какъ Нарада, объявляютъ, что всякій трудъ производитъ богатство (а не собственность). Земледѣліе, какъ средство пріобрѣтенія имущества, ставится

рядомъ съ ростовщичествомъ: spotted wealth, not of pure property (Narada; trad. par Solly, chap. III, § 45, 47 и 48). Слѣдовательно, было бы совершенною иллюзіей утвержденіе, что трудъ является истинной основой собственности въ Индіи. Въ Индіи, какъ и вообще на Востокѣ, тотъ, кто, по излюбленному выраженію Корана, *оживляетъ землю* приложеніемъ своихъ рукъ, разсматривается, какъ человѣкъ, пріобрѣтающій законное право пользованія. Разъ обработка прекращена и земля пущена въ залежь, то мусульманскіе юристы дозволяютъ завладѣть ею и ея продуктами, черезъ три года и черезъ пять лѣтъ, новому заимщику; завладѣніе это совершается опсредствомъ самаго процесса разработки [1]).

Истинная природа земельной общины въ Индіи выяснена для насъ англійскими чиновниками, назначенными для составленія кадастра и опредѣленія земельнаго налога. Ихъ донесенія собраны и использованы въ трудахъ Tupper-Pundjab customary law—и Баденъ-Пауеля. Вотъ главныя, вытекающія отсюда, идеи. Система періодическаго передѣла не составляетъ господствующей черты сельской общины— *village community* индусовъ. Ее находятъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, знавшихъ прежде другой родъ владѣнія— общинное владѣніе землею клановъ (gots) одного племени или семей-группъ (patti или taraf), образовавшихся вслѣдствіе раздѣловъ, предпринятыхъ кланомъ. Терминъ got имѣетъ тотъ же смыслъ, какой свойственъ латинскому gens и греческому γένος. Patti—это *house community* [2]) или домъ занятый лицами, держащимися культа одного очага и однихъ предковъ (sapindas — выраженіе, употребляемое въ браминскихъ кодексахъ) [3]). Доли каждой семьи-группы далеко не одинаковаго размѣра; онѣ имѣютъ большую или меньшую величину, въ зависимости отъ степени родства съ миѳологическимъ предкомъ, на которую считалъ себя

---

[1]) См. статьи Белина и Вормса, посвященныя вопросу о правѣ собственности по мусульманскимъ юристамъ («Journal Asiatique»).

[2]) The true analogy to the slav house community lies in the patti or taraf of the village (Pundjab customary law, II, chap. VIII, à XXVI) All tribes; without exception, are subdivided into groups of agnats, males related to each other through males only, ordinarly known by the name of got, which may be translated clan. The got has a strong resemblance to the roman gens. The got is sometimes further subdivided into smaller groups of agnates, each consisting of the agnatic descendants of a common ancester a few generations back (General code of tribal custom in the Sirsa district of the Pundjab, drawn up by I. Wilson, 1882. Ibid. t. II., chap. XXXVII).

[3]) Mayn, Hindu law and usage, p. 421.

въ правѣ претендовать глава семьи. Такъ какъ усыновленіе имѣетъ широкое распространеніе и такъ какъ оно практикуется или, вѣрнѣе, практиковалось очень часто въ отношеніи цѣлыхъ группъ индивидовъ, то само собою разумѣется, что происхожденіе того или другаго лица отъ общаго предка—часто химера [1]). Баденъ-Пауель, резюмируя многочисленные факты, собранные въ разныхъ областяхъ Индіи, слѣдующимъ образомъ объясняетъ процессъ, который привелъ къ образованію этихъ общинныхъ селеній, состоящихъ изъ родителей и потомства. Семья-группа,—пишетъ онъ,—сначала одна представляетъ все и нераздѣльно владѣетъ всею поверхностью земли. Потомъ она раздѣляется. Между ея членами происходятъ споры. Настаиваютъ на томъ, чтобы жить раздѣльно и каждому обработывать землю для себя и для своихъ. Тогда приступаютъ къ раздѣлу земли на доли неравной величины, по степени родства каждаго съ общимъ предкомъ. Часть территоріи всегда остается нераздѣльной; обыкновенно это—лѣсъ и пастбище, пустопорожняя земля [2]).

Если вы хотите убѣдиться въ томъ, что такой способъ происхожденія земельной общины представляетъ черты, аналогичныя съ раздѣлами древнихъ германцевъ и русскихъ славянъ, то припомните выраженіе, употребляемое Тацитомъ для обозначенія того, какъ новые поселенцы дѣлили между собою землю для пользованія ею до тѣхъ поръ, пока она пойдетъ въ залежь: agri quos mox inter se secundum dignationem partiirunt (т. е. дѣлятъ между собою поля *по достоинству*). Слово *dignatio* (достоинство), какъ показали Баумштаркъ и многіе другіе, до него, на языкѣ Тацита, никогда не прилагается къ качеству имущества, но къ качеству лицъ. Въ эпоху же, когда неравенство между людьми опредѣлялось степенью родства, а нестепенью богатства, dignatio могло обозначать только мѣсто, которое каждый занималъ въ генеалогическомъ деревѣ.

На сѣверѣ Россіи, между поселенцами, которые, выйдя изъ Новгорода, заселили равнины по направленію къ Бѣлому морю, находимъ раздѣлы, аналогичные тѣмъ, которые

---

[1]) Once a clan squattered and feld the necessity of a partition, each group of families obtained an allotment proportionate to its ancestral or customary share, and each such group in turn made a similar partition amongst its members (Banu settlement Report, 1879, chap. CXXIV, цитировано по Tupper, Pundjab customary law, V. II, chap. XVIII).

[2]) Land systems of British India).

происходили въ XVII и XVIII вѣкахъ. Супруги Ефименко, обстоятельно изучившіе обычное право и юридическую исторію этого края, на основаніи точныхъ и многочисленныхъ текстовъ, утверждають, что всякій разъ, когда прекращалась нераздѣльность внутри семьи-группы, каждое отдѣльное хозяйство получало свою *долю* или *жеребій*. Эти доли были неравной величины, сыновья получали болѣе значительную часть, чѣмъ внуки. При всемъ томъ, земля оставалась общею собственностью семьи, которая сохраняла право приступить къ новому раздѣлу или исправить прежній; коль скоро то требовалось образованіемъ новыхъ супружескихъ паръ, которыхъ не было во время перваго раздѣла. Индивидуальнымъ дѣлается съ того времени только пользованіе.

Ни въ Индіи, ни въ Россіи нельзя установить исключительнаго существованія раздѣловъ, опредѣляемыхъ законами наслѣдованія. Терминъ Bhaiachara, который обозначаетъ этотъ видъ раздѣла,—говоритъ Баденъ-Пауель [1],—прилагался къ держаніямъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ системою, о которой говорилось выше... Землю, на которую не доставало рукъ, новые поселенцы могли занять большими или меньшими участками, смотря по числу плуговъ, которыми располагала каждая семья, или вообще въ зависимости отъ желанія и потребностей заимщика [2]). Это то же самое, что происходитъ или еще недавно происходило,—какъ мы видѣли выше,—на сѣверѣ и на югѣ Россіи, и въ частности у казаковъ на Дону, на Терекѣ и въ Сибири.

Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что сельская община въ Индіи, далеко не имѣя совершенно исключительнаго характера, входитъ въ общій порядокъ и представляетъ тѣ же первобытныя формы, которыя еще въ наше время находимъ въ Россіи и которыя, вѣка назадъ, были общи древней Германіи.

Теперь спрашивается, какія причины привели къ установленію періодическихъ передѣловъ въ Россіи, и имѣлъ ли мѣсто аналогичный переворотъ въ Индіи.

---

[1]) Выраженіе Bhaiachara состоитъ изъ *Achara*—обычай и *Bhai*—собратство, brotherhood, группа, состоящая изъ братьевъ или родственниковъ.

[2]) Land systems of British India, v. I, p. 168.

II.

Періодическій передѣлъ гораздо распространеннѣе, чѣмъ вообще думаютъ. Его слѣды находимъ въ скандинавскомъ мірѣ и въ Англіи не далѣе XV вѣка. Здѣсь онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ *runrig* или *перехода въ кругъ*. Примѣры его мы находимъ также у афганцевъ, индусовъ и обитателей острова Явы. А потому на него нельзя смотрѣть, какъ на исключительную особенность русскаго *міра*.

Эта форма земельной общины совсѣмъ недавно возникла въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи и Россіи, и здѣсь преимущественно слѣдуетъ изучать причины ея происхожденія.

На обширной территоріи, занятой донскими казаками, еще въ 1875 г. существовала площадь земли, состоявшая изъ 78 большихъ селеній (станицъ) и представлявшая собою не что иное, какъ одну земельную общину. Въ предѣлахъ этой территоріи всѣ луга и поля, такъ же, какъ и пастбища, оставались нераздѣльными, каждое хозяйство могло ежегодно занимать большее или меньшее пространство, которое принадлежало ему до тѣхъ поръ, пока оно его обработывало. Будучи оставлено, пространство это, черезъ три или четыре года, переходило въ руки того, кто хотѣлъ имъ пользоваться. Лишь недавно (около двадцати лѣтъ тому назадъ), когда оказался нѣкоторый недостатокъ въ землѣ, перешли къ системѣ раздѣла. Этотъ раздѣлъ былъ двухъ родовъ: сначала дѣлили земли на столько неравныхъ частей, сколько было селеній. При этомъ дѣленіи, было принято за основаніе число ревизскихъ душъ. Затѣмъ приступили къ раздѣлу *общинной собственности* въ каждой станицѣ, заботясь о томъ, чтобы каждой семьѣ досталась равная доля, состоящая изъ пахатной земли и луговъ. Каждая семья считается владѣльцемъ своей доли до момента новаго передѣла, который совершается въ разное время, въ однихъ мѣстахъ каждые три года, въ другихъ каждыя четыре, семь, десять, двѣнадцать или семнадцать лѣтъ. Забота о равенствѣ привела къ раздѣлу на равныя части разныхъ полей одной и той же общины, если поля отличаются другъ отъ друга по своему плодородію и болѣе или менѣе выгодному положенію. Раздѣлъ луговъ имѣетъ мѣсто не во всѣхъ общинахъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ они остаются нераздѣльными, покосъ производится сообща, и дѣлится

только сѣно. Разъ уборка окончена, поля и луга поступаютъ въ общее пользованіе, которое продолжается до слѣдующей весны.

На-ряду съ этими фактами приведемъ свидѣтельство англійскихъ чиновниковъ о происхожденіи раздѣла на равныя части, какъ въ Пенджабѣ, такъ и въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ Индіи.

Прежде всего вотъ что происходитъ, когда имѣетъ мѣсто раздѣлъ или vesh всей площади края, занятаго племенемъ. У кундовъ только мужчины могли имѣть свою долю въ земляхъ, занятыхъ племенемъ. Передѣлъ производился время отъ времени, въ заранѣе назначенный срокъ, и всегда по одному и тому же принципу [1]). У гундапуровъ, племени, раздѣленнаго на шесть клановъ, прежде земля составляла общую собственность, подлежавшую періодическимъ передѣламъ только въ предѣлахъ одного и того же клана. При томъ раздѣлъ касался лишь пахатной земли; прочая же оставалась въ нераздѣльности. Съ 1813 года не было уже вопроса о передѣлѣ; каждая семья сохраняетъ ту долю, которую она получила при послѣдней разверсткѣ.

Въ дистриктѣ Газъ-Канѣ, въ Сангарѣ, передѣлъ или vesh происходитъ черезъ каждые двадцать четыре года. Этотъ обычай особенно поддерживается тѣмъ фактомъ, что почва здѣсь не одинаково плодородна; однѣ земли обыкновенно затопляются горными потоками, а другія вовсе лишены орошенія. Терминъ vesh часто уступаетъ первенство термину vandhara, который одинаково обозначаетъ и періодическій передѣлъ, и обычай, въ силу котораго, одни и тѣ же лица переходятъ съ земель менѣе плодородныхъ на земли болѣе плодородныя; терминъ этотъ иногда замѣняется словомъ, которое въ то же время обозначаетъ земельныя доли не одинаковой урожайности [2]).

Періодическіе передѣлы, ограниченные на этотъ разъ членами одного селенія, имѣютъ также мѣсто въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ. Доли каждаго хозяйства составляются изъ равныхъ частей въ земляхъ разной производительности. Если земли расположены по берегамъ рѣки, то каждой семьѣ назначаютъ нѣсколько участковъ изъ залив-

---

[1]) Baden-Powell, p. 140.

[2]) Barkley, on tenures in the Punjab (Punjab Administration Report 1872—1873 г.), по Tupper, Punjab sustomarg law, vol III, p. 137.

ной площади и нѣсколько другихъ участковъ изъ площади не заливной [1]).

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда орошаемыхъ земель очень мало, обращаются къ системѣ круговаго обращенія, которая всѣмъ позволяетъ участвовать въ выгодахъ, представляемыхъ болѣе плодородными землями [2]).

Причины, которыя привели къ установленію періодичности передѣловъ, указаны Розомъ въ слѣдующихъ словахъ. Никто не имѣетъ собственности, каждый владѣетъ лишь землею, которую онъ обработываетъ, и только пока продолжается обработка. Если послѣдняя прекращается, то земля возвращается къ общинѣ и можетъ быть вновь присвоена однимъ изъ ея членовъ. Современемъ это приводитъ къ большому неравенству въ размѣрѣ долей. Это неравенство является источникомъ частыхъ раздоровъ, которые носятъ даже особое названіе споровъ о передѣлѣ—Kum o beshee; обыкновенно оказываются на лицо двѣ партіи, изъ которыхъ одна стоитъ за сохраненіе существующаго порядка, другая же, гораздо болѣе многочисленная, требуетъ уравнительнаго передѣла; въ концѣ концовъ приходятъ къ новому раздѣлу земли [3]).

Слова, которыя я только-что привелъ, нельзя ли приложить также къ описанію внутренней борьбы, приводящей къ введенію періодическаго передѣла въ русскихъ земельныхъ общинахъ?

Выйдя изъ Индіи, мы находимъ аналогичную практику въ Афганистанѣ, у арійскихъ и туранскихъ племенъ, описанныхъ Эльфинстономъ. Земля принадлежитъ совокупности всѣхъ семей одного и того же улуса—территоріи, которая, по своимъ размѣрамъ, болѣе соотвѣтствуетъ германской маркѣ, чѣмъ современной общинѣ. Въ опредѣленные сроки, въ однихъ мѣстахъ черезъ каждые три года, въ другихъ—каждыя пять, десять или двѣнадцать лѣтъ, имѣетъ мѣсто общій передѣлъ. Такъ какъ земля не вездѣ одинаковой

---

[1]) The families under their immediate heads and elders allotted the land from the first, aiming at an equal division, and for that purpose they invented curious artificial land measures, like the Bhaiachara bigha where the unity measure was not an ascertained plot of given size; but consistet of a lot made of little bits or samples of the differents soils from the best to the worst, so that all might share alike. (Baden-Powell, Land system's of British India, wol. II, p. 132).

[2]) Ibid., p. 142.

[3]) Report on the Bhejburrar tenures in Zilah Banda, by the late. H. Rose, collector of Banda.

урожайности, то въ нѣкоторыхъ улусахъ существуетъ обыкновеніе дѣлить свою территорію на двѣ равныя части. Жребій рѣшаетъ, кто получитъ свою долю въ той или другой изъ этихъ частей. При ближайшемъ передѣлѣ, тѣ, кто владѣлъ участками низшей урожайности, получаютъ надѣлы на землѣ высшаго плодородія, и наоборотъ.

Удовлетворимся этими примѣрами и постараемся извлечь изъ нихъ заключенія, на которыя они даютъ право.

Прежде всего признаемъ слѣдующіе факты: 1) Совершенно невозможно установить причинную связь между тою или другою формою общиннаго землевладѣнія и вліяніемъ расы и климата. 2) Напротивъ, существуетъ тѣсное отношеніе между плотностью населенія и формою, которую принимаеть земельная община. 3) Убывающая интенсивность связей, соединяющихъ лицъ одного происхожденія или, вѣрнѣе, одного культа предковъ, объясняетъ состояніе болѣе или менѣе подвинувшагося разложенія, въ которомъ находится система общей собственности у разныхъ народовъ. Здѣсь все племя продолжаетъ владѣть землею сообща; въ другомъ мѣстѣ каждый кланъ имѣютъ свою часть; еще далѣе доли назначаются семьямъ-группамъ, по степени ихъ какъ дѣйствительнаго, такъ и мнимаго родства съ общимъ предкомъ.

Эти различныя вліянія,—которыхъ, однако, ни антропологія, ни географія, сами по себѣ, не могли бы объяснить,—позволяютъ намъ установить слѣдующую іерархію различныхъ видовъ коллективной собственности и коллективнаго владѣнія.

На первомъ мѣстѣ мы поставимъ то, что составляетъ въ коллективности самую важную сторону.

1) Племя, сообща владѣющее нѣсколькими селеніями и ихъ почвой.

2) Племя, разные кланы котораго раздѣлили между собой территорію. Земля остается коллективною собственностью каждаго клана.

3) Между семьями одного и того же клана вводится раздѣлъ на неравныя части по степени родства или просто по количеству земли, обрабатываемой каждою семейною группой.

4) Селенія, состоящія изъ членовъ одного или нѣсколькихъ клановъ, приходятъ къ періодическому передѣлу долей между различными семьями, которыя ихъ составляютъ.

Эти доли имѣютъ одинаковое достоинство, если не одинаковый размѣръ, и могутъ быть отрѣзаны въ поляхъ съ разнымъ плодородіемъ. Въ случаѣ недостатка земли, система круговаго обращенія позволяетъ каждой семьѣ владѣть самыми плодородными землями. Разложеніе коллективной собственности не останавливается на этихъ первыхъ этапахъ, оно непрерывно прогрессируетъ, и мы видимъ еще способъ общиннаго владѣнія, весьма распространенный по всему европейскому Западу.

5) Это—способъ, при которомъ пахатная земля изъята изъ предѣловъ, а въ общемъ пользованіи остаются залежи, пастбища и лѣса, такъ же, какъ и все то, что извѣстно подъ названіемъ пустопорожнихъ земель или пустошей. Существованіе свободнаго прогона или права пастьбы на пахатныхъ земляхъ и лугахъ, по уборкѣ хлѣба и сѣна, представляетъ собою переживаніе болѣе или менѣе отдаленной эпохи, когда вся территорія общины не имѣла другаго собственника, кромѣ самой общины. То же можно сказать и о правѣ предпочтительной покупки, которое принадлежитъ членамъ одной и той же общины, въ случаяхъ продажи, такъ же, какъ и о сосѣдскомъ выкупѣ, присвоенномъ позднѣе помѣщикомъ и сдѣлавшемся „феодальнымъ выкупомъ", а равно и о правахъ наслѣдованія, которыя обычай въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ признаетъ за всею общиною, если та или другая семья вымираетъ, не оставивъ законнаго наслѣдника.

Эта пятая категорія коллективной собственности одна заключаетъ въ себѣ всю исторію земельнаго коллективизма на Западѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ провинціяхъ, составлявшихъ нѣкогда часть Римской имперіи. Коллективизмъ, во всей его чистотѣ, не могъ здѣсь утвердиться: варвары, при своемъ вторженіи въ *orbis romanus*, нашли земли занятыми итальяно-испано-гельвето и кельто-римскими семьями. Принужденные уступить своимъ „гостямъ" (hôtes, hospites) часть имѣній, которыми они владѣли,—здѣсь половину, тамъ треть пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель,—старинные собственники, тѣмъ самымъ, укрѣпляли пришельцевъ въ своемъ собственномъ способѣ землепользованія. Только на земляхъ, которыя нѣкогда принадлежали римскому фиску или которыя были оставлены ихъ собственниками, могли водворяться цѣлыя племена германцевъ, о которыхъ Цезарь и Тацитъ говорятъ намъ, какъ о сторон-

никахъ коллективнаго землевладѣнія. Отсюда термины: terra gottica и terra langobardorum, которые встрѣчаются въ древнихъ итальянскихъ и испанскихъ актахъ. Отсюда также англійское *folcland* или земля, владѣніе которою регулируется не писаннымъ закономъ, болѣе или менѣе отразившимъ на себѣ римскія и каноническія вліянія, а обычаемъ [1]). На правомъ берегу Рейна и далѣе, въ глубинѣ Германіи,—всюду, гдѣ римскіе легіоны имѣли лишь непродолжительный успѣхъ, земельная община могла утвердиться въ большей независимости отъ всякаго чуждаго вліянія. Поэтому тамъ, а не въ Галліи или въ Италіи, мы видимъ въ средніе вѣка „marks-monstres" (огромныя общины), поразительный примѣръ которыхъ представляетъ намъ кантонъ Швицъ.

По той же причинѣ коллективное владѣніе было гораздо болѣе распространено и дольше существовало въ Англіи, гдѣ, особенно на сѣверѣ, римское вліяніе было лишь поверхностно и кратковременно. А потому въ этихъ двухъ странахъ преимущественно слѣдуетъ изучать самопроизвольное движеніе, которое ведетъ къ разложенію коллективной собственности.

Было бы ошибочно думать, что всѣ общества необходимо должны были пройти всѣ фазы этой медленной эволюціи, которая привела къ разложенію коллективной собственности. Не одно общество прямо перешло отъ той или другой формы коллективизма къ раздѣлу. Здѣсь „части предковъ"—уже какъ таковыя, неравной величины—перешли къ наслѣдникамъ и сдѣлались въ ихъ рукахъ, если не индивидуальной, то, по крайней мѣрѣ, семейной собственностью; тамъ,—когда каждая группа родственниковъ заняла количество земли, въ которомъ она нуждалась,—остались,—разъ навсегда, при первомъ раздѣлѣ; такимъ образомъ, неравенство устанавливается въ одно время съ раздѣломъ. Въ другомъ мѣстѣ, съ прекращеніемъ періодическаго передѣла, доли сдѣлались семейною собственностью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришли даже къ раздѣлу луговъ и лѣсовъ, подлежавшихъ сначала общему пользованію; каждый дворъ получилъ свою отдѣльную часть и запретилъ своимъ членамъ пользоваться долями сосѣдей.

Одинъ изъ такихъ прямыхъ переходовъ отъ коллекти-

---

[1]) См. что говоритъ г. *Виноградовъ* въ статьѣ въ English Historical Review, 1893 г.

визма къ раздѣлу находится въ связи съ возникновеніемъ сельской общины въ Англіи, главное отличіе которой составляетъ неравенство долей и ихъ зависимость отъ числа впрягаемыхъ въ плугъ воловъ. Хотѣли установить связь между особенностями этой системы и обработкою земли тяжелыми плугами, которые везутъ восемь или десять головъ животныхъ; при чемъ каждое хозяйство получаетъ большее или меньшее пространство пашни въ разныхъ поляхъ, въ соотвѣтствіи съ количествомъ воловъ, впрягаемыхъ въ одинъ плугъ. Но тотъ же самый порядокъ былъ констатированъ въ странахъ, которыя совершенно не знали употребленія этихъ громадныхъ плуговъ и въ которыхъ топографическія условія и мѣстные обычаи не допускаютъ подобныхъ способовъ обработки земли. Такъ, въ Индіи, и въ частности въ ея сѣверо-западныхъ провинціяхъ, земля часто дѣлилась по числу небольшихъ плуговъ, которые употребляли для обработки пашни первые заимщики. Если плугъ былъ заведенъ двумя семьями, то на каждую изъ нихъ назначалась часть быка. Подраздѣленія обозначались четырьмя ногами животнаго [1]). Сравните съ этимъ virgatae и dimidiae virgatae или bovatae, о которыхъ идетъ рѣчь въ англійскихъ *сензье*—описяхъ имѣній—среднихъ вѣковъ, Hubae или Hufen [2]) и ихъ половины, о которыхъ говорятъ нѣмецкія грамоты XII, XIII и XIV вѣковъ, и вы придете къ заключенію, что отличительная черта земельной общины среднихъ вѣковъ, и особенно общины англійской и германской, находится въ связи съ весьма распространеннымъ фактомъ прямаго перехода коллективной собственности съ неравными частями къ господству раздѣла.

Изслѣдованіе, которымъ мы только-что занимались, приводитъ насъ къ выводу, что существуетъ большое разнообразіе формъ коллективной собственности. Эти разнообразныя формы исчезали подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Ихъ исчезновеніе давало мѣсто то новой эволюціи того же принципа коллективности, то установленію индивидуалистическаго порядка. Слѣдовательно, не нужно смѣшивать частныхъ причинъ разложенія той или другой отдѣльной формы коллективизма съ причинами, общими всѣмъ имъ, а должно изучать ихъ каждую отдѣльно, самое по себѣ.

---

[1]) Baden-Powell, v. II, p. 143.

[2]) Virgatae, bovatae, Hubae, Hufen—различныя названія земельнаго надѣла. *Перев.*

чтобы затѣмъ свести ихъ къ причинѣ общаго порядка, выраженіе которой будетъ единственнымъ научнымъ отвѣтомъ, какой можетъ быть данъ на поставленный вопросъ.

III.

Экономисты вступили на узкій путь и, конечно, не вдохновляемые идеей эволюціи, объявляютъ, что разложеніе земельной общины является необходимостью и не имѣетъ другой причины, какъ невозможность интенсивной культуры вездѣ, гдѣ земледѣльцу не достаетъ „инстинкта собственника". Это не что иное, какъ утвержденіе *a priori*, которому на каждомъ шагу противорѣчатъ исторія и современная практика. Англійскій поденщикъ не владѣетъ участкомъ земли, который онъ обработываетъ, и это не служитъ препятствіемъ къ тому, что англійское земледѣліе стоитъ такъ же высоко,—если не выше,—какъ и французское. Но,—возразятъ,—тамъ есть землевладѣлецъ, чтобы лично управлять хозяйствомъ. Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго! Помѣщикъ оставляетъ въ собственныхъ рукахъ лишь незначительную часть земель; остальное раздѣлено между временными арендаторами; фермеръ, который вводитъ всѣ усовершенствованія, который оплачиваетъ ихъ собственными деньгами, не болѣе собственникъ, чѣмъ земледѣлецъ. Если мы обратимся къ прошедшимъ вѣкамъ, то встрѣтимъ аналогичные факты во всей Европѣ, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что зажиточный фермеръ,—человѣкъ, который приноситъ свой капиталъ и уплачиваетъ всѣ хозяйственныя издержки, все болѣе и болѣе исчезаетъ, такъ что далѣе XV вѣка мы видимъ лицомъ къ лицу только помѣщика и крестьянина; первый—собственникъ, второй—пользователь. Въ этомъ случаѣ еще инстинктъ собственника страннымъ образомъ отсутствуетъ у того, кто своимъ трудомъ дѣлаетъ землю плодородною. Оброчные крестьяне, половники, арендаторы,—вотъ къ чему сводятся личныя качества настоящихъ воздѣлывателей. Никто изъ нихъ не собственникъ. Не иначе было это и въ Римской имперіи, когда massae или saltus [1]) крупныхъ помѣщиковъ обработывались держателями, связанными съ землей видомъ „мертвой руки"

---

[1]) *Massa* и *saltus*—термины, обозначавшіе помѣстье. *Перев.*

(крѣпостнаго права), который назывался колонатомъ [1]). Такимъ образомъ въ теченіе тысячелѣтій земледѣлецъ вовсе не былъ собственникомъ, а земледѣліе прогрессировало, по мѣрѣ прироста населенія, вслѣдствіе невозможности удовлетворить его потребности, при сохраненіи однихъ и тѣхъ же способовъ земельнаго хозяйства. Большая плотность населенія была причиною того, что Англія XIII вѣка была вынуждена оставить двупольный сѣвооборотъ, бывшій еще въ силѣ въ то время, когда редактировался юридическій сборникъ, извѣстный подъ названіемъ *Fleta*. Наоборотъ, большая смертность, обусловленная моровою язвою 1348 года и послѣдующихъ лѣтъ, низвела земледѣліе до болѣе низкаго уровня, чѣмъ оно стояло въ началѣ вѣка; оно получило прогрессивное движеніе только три вѣка спустя, такъ какъ росту населенія препятствовали столѣтняя война и религіозныя и политическія волненія XVI и XVII вѣковъ и американская эмиграція.

Если исторія противорѣчитъ допущенію дорогаго экономистамъ положенія, то современный русскій опытъ позволяетъ доказать противоположное мнѣніе. Онъ дѣйствительно показываетъ, что болѣе интенсивною культурой можно поднять продуктивность почвы, не отказываясь отъ коллективнаго способа владѣнія. За послѣднія двадцать лѣтъ, вмѣстѣ съ ростомъ населенія, наблюдается удобреніе полей и введеніе травосѣянія, не только у частныхъ владѣльцевъ, но также и въ сельскихъ общинахъ, практикующихъ періодическій передѣлъ. Г. Гурвичъ первый отмѣтилъ этотъ фактъ въ Тверской губерніи, гдѣ почва низкаго качества и урожаи незначительны. Аналогичные факты наблюдаются въ окрестностяхъ Москвы и даже въ сѣверныхъ губерніяхъ, вообще въ районѣ, гдѣ черноземъ неизвѣстенъ и климатъ не допускаетъ культуры пшеницы. Побережья Сухоны, — какъ показалъ г. Тернеръ [2]), особенно сдѣлались колыбелью травосѣянія, которое начинаетъ все болѣе и болѣе распространяться, по мѣрѣ того, какъ пути сообщенія дѣлаютъ возможнымъ провозъ сѣна въ большіе центры, въ Петербургъ и Москву. Этотъ прогрессъ совершается одинаково, какъ у крестьянъ-общинниковъ, такъ и у частныхъ собственниковъ. Онъ былъ слѣдствіемъ добровольнаго отказа отъ трехпольной системы, при чемъ четвертое поле отводится

[1]) См. Fustel de Coulanges, Quelques problèmes d'histoire.
[2]) „Вѣстникъ Европы", 1895 г., май.

подъ клеверъ и люцерну, которые сѣются членами міра. Такіе случаи имѣютъ мѣсто во многихъ селеніяхъ Ярославской и Тверской губерній. Если въ другихъ мѣстностяхъ травосѣяніе до сихъ поръ не привело къ отмѣнѣ трехпольнаго сѣвооборота, то это потому, что — какъ извѣстно — въ общинахъ отводятся подъ него некультивированныя земли, служившія раньше пастбищемъ для скота. Въ Смоленской губерніи 30% Сычевскаго [1]) уѣзда ввели у себя травосѣяніе. Такой же прогрессъ имѣетъ мѣсто въ Архангельской, Новгородской, Тульской и въ литовскихъ губерніяхъ, не говоря уже о губерніяхъ Кіевской, Волынской и Полтавской.

Я нѣсколько отклонился отъ своего предмета, войдя въ подробности, которыя не умѣстны въ общемъ очеркѣ. Но это обстоятельство слишкомъ важно, и я не могу обойти его въ критикѣ ходячихъ теорій, касающихся причинъ, которыя привели къ разложенію коллективной собственности. Я спѣшу закончить и утверждаю, что причинъ этихъ слѣдуетъ искать внѣ чисто экономическихъ факторовъ. Въ пользу такого заключенія говоритъ еще и то, что земельный коллективизмъ не исключаетъ возможности владѣнія, которое продолжается въ теченіе времени, болѣе чѣмъ достаточнаго для того, чтобы вложенный въ сельско-хозяйственныя предпріятія капиталъ принесъ весь доходъ, какой только они могутъ дать. Ошибочно думать, что передѣлы обыкновенно происходятъ черезъ каждые три года. Этотъ періодъ времени, въ случаѣ нужды, является достаточнымъ для возвращенія затратъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ трехпольный сѣвооборотъ составляетъ правило и гдѣ земля не требуетъ другихъ издержекъ, кромѣ издержекъ по обработкѣ и сбору урожая. Но гораздо чаще общіе передѣлы земли совершаются только при новой ревизіи; а эта послѣдняя производится лишь черезъ десять, двѣнадцать, пятнадцать, двадцать и двадцать пять лѣтъ [2]). Вы, конечно, согласи-

[1]) Въ подлинникѣ ошибочно названъ Кашинскій уѣздъ. Кромѣ того, эта цитата изъ ст. г. Тернера заключаетъ въ себѣ и другую неточность. Цитируемый авторъ говоритъ, что въ 1889 г. въ Кашинскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, зарегистрировано 70 общинъ, примѣняющихъ травосѣяніе. О крестьянахъ же Сычевскаго уѣзда говорится, что они проявляютъ особенную заботу о своихъ лугахъ. „Около 30% деревень уѣзда часть луга съ примыкающею долею пашни огораживаютъ отъ скотины, а иногда и засѣваютъ клеверомъ“ (стр. 40—41). *Перев.*

[2]) Новѣйшія статистическія изслѣдованія установили тотъ фактъ, что передѣлы въ Петербургской губерніи происходятъ не чаще, какъ че-

тесь со мной, что этотъ періодъ позволяетъ земледѣльцу извлечь всѣ выгоды, которыя способна дать земля, при удобреніи, равно какъ и при посѣвѣ клевера и люцерны. Впрочемъ, каждый разъ, когда дѣлаются необходимыми издержки, тотъ, кто ихъ производитъ, увѣренъ, что онъ вернетъ свои деньги, такъ какъ, при новомъ передѣлѣ, община даетъ ему небольшое вознагражденіе. Поэтому же — какъ извѣстно — назначаютъ дополнительные участки для пользованія тому, кто, изъ опасенія наводненія, строитъ плотину или вырываетъ канаву.

Если мы сравнимъ, въ отношеніи продолжительности времени, владѣніе землею крестьянина-общинника и владѣніе фермера, то придемъ къ заключенію, что между тѣмъ и другимъ или вовсе нѣтъ разницы или разница очень незначительная. Не больше ли эта разница въ отношеніи возвращенія фермеромъ и крестьяниномъ-общинникомъ издержекъ на обработку? Я склоняюсь къ отрицанію этого, тѣмъ болѣе, что то, что называется fixity of tenure существуетъ отчасти, какъ правило, только въ странахъ, въ которыхъ, какъ въ Ульстерѣ, въ Ирландіи, обычай заботится объ охранѣ интереса держателя.

Тѣмъ, кто полагаетъ, что общинное землевладѣніе исчезло вслѣдствіе недостатковъ собственной природы, я думаю, полезно вспомнить, что въ теченіе вѣковъ, когда совершалось это разложеніе, способы обработки земли оставались болѣе или менѣе одни и тѣ же, такъ что труды scriptores de re rustica могли съ пользою употребляться публикою XV и XVI вѣковъ.

Даже въ то время, когда Артуръ Юнгъ объѣзжалъ во всѣхъ направленіяхъ Францію, чтобы изучить сельское хозяйство, трехпольная система оставалась обычною, ни болѣе, ни менѣе какъ въ XVI вѣкѣ. Не иначе было и въ Англіи, гдѣ труды Роджерса показали состояніе застоя, въ которомъ оставалось земледѣліе на протяженіи шести вѣковъ, съ XII до XVIII вв. Какъ можно въ такомъ случаѣ утверждать, что разложеніе коллективной собственности произошло вслѣдствіе свободнаго рѣшенія тѣхъ, кто имѣли права на эту собственность, и будто это рѣшеніе было имъ внушено соображеніемъ, что никакой экономическій прогрессъ не-

---

резъ каждыя 15—25 лѣтъ, въ Смоленской губерніи—черезъ 10—16 лѣтъ, въ Казанской—черезъ 12—20 лѣтъ, а въ Тамбовской—черезъ 9—12 лѣтъ. (См. *Карелинъ*, Общинное землевладѣніе).

возможенъ иначе, какъ подъ условіемъ выхода изъ состоянія нераздѣльнаго владѣнія?

Но если исчезновеніе общиннаго землевладѣнія не было обусловлено чисто экономическими причинами, то объясненія его нужно искать въ фактахъ соціальнаго и политическаго порядка.

IV.

Къ сожалѣнію,—какъ это слишкомъ извѣстно,—мы никогда не достигнемъ познанія, во всѣхъ деталяхъ, внутренней организаціи и экономическаго порядка той свободной земельной общины, которая предшествовала установленію феодализма и крѣпостничества. Нѣсколько стиховъ Горація о гетахъ[1]), нѣсколько строкъ у Цезаря и Тацита, затѣмъ болѣе или менѣе темные тексты, заимствованные изъ варварскихъ „правдъ", капитуляріевъ и грамотъ,—вотъ почти все, что мы имѣемъ для того, чтобы набросать въ главныхъ чертахъ картину этого первобытнаго коммунизма, самое существованіе котораго пытаются отрицать нѣкоторые авторы, а именно: Розъ, Фюстель-де-Куланжъ, Сэбомъ. Я не буду останавливаться на доказательствѣ несостоятельности мнѣнія, согласно которому обычай не существовалъ, потому что законы и гражданскіе акты не даютъ его подробнаго описанія. Подобнымъ способомъ, спустя триста или четыреста лѣтъ, можно было бы придти къ утвержденію, что коллективное владѣніе землею русскаго міра—не болѣе, какъ чистая выдумка, имѣющая цѣлью увеселять публику и служить къ соціалистической пропагандѣ; дѣйствительно, нотаріусъ никогда не говоритъ о мірѣ; онъ никогда не составляетъ актовъ о продажѣ или дареніи, объектомъ которыхъ были бы мірскія земли, и это вполнѣ понятно, такъ какъ всякое отчужденіе этихъ земель запрещено [2]). Какъ можно

---

[1]) Et ridigi Getae
Immetata quibus jugera liberas
Fruges et cererem ferunt,
Nec cultura placet longior annua.
(Horace, Odes, III, 23).

[2]) Нельзя не замѣтить, что сравненіе автора не совсѣмъ удачно: нотаріальныхъ свидѣтельствъ объ общинномъ владѣніи не мало. Стоитъ указать только на весьма частыя отчужденія (напримѣръ, подъ желѣзныя дороги) и аренды общинныхъ земель—съ одной стороны и на по-

требовать отъ неграмотныхъ крестьянъ начала Среднихъ вѣковъ инвентарей ихъ владѣній,—инвентарей, которыхъ, вѣроятно, никогда не составляли, довольствуясь свидѣтельствомъ стариковъ для того, чтобы признать существованіе обычая. Какъ нелѣпо желать, чтобы архивы помѣщиковъ, въ которыхъ могли бы уцѣлѣть подобные акты, нашли нужнымъ сохранять письменное доказательство тщетности феодальныхъ правъ,—тщетности, происходящей изъ самаго факта узурпаціи крестьянской земли сеньеромъ!

Удовлетворимся лучше тѣмъ немногимъ, что даютъ относительно первоначальной организаціи земельныхъ общинъ не многочисленные, но достовѣрные тексты. Мы провѣримъ ихъ свидѣтельство тѣми многочисленными переживаніями, которыя гражданское право XII и XIII вѣковъ сохранило отъ періода, предшествовавшаго феодализму, и придемъ къ признанію, что крѣпостная община Среднихъ вѣковъ имѣла своего прямаго предка въ общинѣ свободной.

И прежде всего, къ чему сводятся свидѣтельства писателей древности объ организаціи земельнаго коллективизма германцевъ?

Sed privati ac separati agri apud eos nihit est,—говоритъ Цезарь; и этого достаточно, чтобы полагать, что въ эпоху, предшествовавшую водворенію варваровъ внутри римскаго общества, частная собственность въ ихъ средѣ не была извѣстна. Тацитъ говоритъ, что германскіе колоны, чрезъ неопредѣленные періоды времени, пускали обработываемыя поля въ залежь (arva per annos mutant), и Горацій подтверждаетъ это свидѣтельство, говоря о гетахъ: Nec cultura placet longior annua.

Цезарь и Тацитъ одинаково сообщаютъ намъ о видѣ владѣнія и культуры, который какъ нельзя болѣе приближается къ владѣнію и культурѣ всѣхъ народовъ, у которыхъ населеніе имѣетъ слабую плотность, и землѣ не достаетъ рукъ. Это мы видимъ у донскихъ казаковъ и у поселенцевъ сѣверной Россіи, а также не въ одномъ дистриктѣ Венгріи не позже XVIII в., когда документы, относящіеся къ территоріальному описанію, говорятъ о нѣкоторыхъ селеніяхъ: agri non sunt sub calcatures, sed quoniam esset amplum territorium, ubi quantum cui placet ibi arare

---

купки, напримѣръ, при содѣйствіи Крестьянскаго Банка, земель цѣлыми сельскими обществами въ нераздѣльное владѣніе,—съ другой.

Перев.

potest [1]) или еще: agros juxta praxim loci pro lubitu (вмѣсто libitu) ligere ac ubi melius placeret usuare et colere solent [2]).

Есть однако предѣлъ этому присвоенію: человѣкъ имѣетъ на него право лишь при условіи, если онъ уроженецъ данной мѣстности, сосѣдъ своихъ сосѣдей (*vicinus* или convicinus, или еще commarcanus). Поэтому посторонній, переселяющійся на занятое уже поле, не можетъ этого сдѣлать иначе, какъ съ согласія всѣхъ vicinus. Достаточно одного голоса, чтобы воспретить ему доступъ. Таковъ истинный смыслъ термина *de migrantibus*, который находимъ въ весьма многихъ древнихъ текстахъ Салической Правды,—термина, который долгое время былъ спорнымъ и которому Фюстель де-Куланжъ далъ недавно весьма остроумное объясненіе; Фюстель де-Куланжъ правъ; но, къ сожалѣнію, имъ принята во вниманіе лишь часть текста [3]), и пунктъ этотъ все же остается темнымъ. Возникаетъ вопросъ, какая причина можетъ побудить сосѣдей дать свое согласіе?—Не что иное, какъ запущеніе земли распахавшимъ ее лицомъ. Поэтому текстъ—и въ этомъ Фюстель де-Куланжъ тысячу разъ правъ—не говоритъ, что qui super alterum migraverit необходимо долженъ быть постороннимъ. Такой случай могъ быть также и съ туземцемъ, который, будучи увѣренъ въ согласіи своихъ сосѣдей, вновь обращаетъ подъ культуру поле, оставленное тѣмъ, кто его воздѣлалъ. Община не имѣетъ недостатка въ землѣ. Чего ей недостаетъ,—такъ это рукъ, необходимыхъ для защиты. Она не желаетъ ничего лучшаго, какъ привлекать ихъ, но подъ условіемъ — не жертвовать интересами своихъ членовъ. Какой неожиданный свѣтъ является въ результатѣ этого соображенія! Индивидуальное завладѣніе не имѣетъ, слѣдовательно, ничего общаго съ собственностью; это—условное завладѣніе; на воздѣланной землѣ остаются лишь до тѣхъ поръ, пока ее обработываютъ [4]). Затѣмъ право на нее переходитъ къ общинѣ, которая можетъ отдать ее другому заимщику; но съ усло-

---

[1]) См. этюдъ K. Taganul'я, Geschichte der Feldgemeinschaft in Ugarn.

[2]) Ibid., 1721 г.

[3]) Fustel de Coulanges, этюдъ подъ заглавіемъ «*De migrantibus*» de la loi salique. Paris, Thorin, 1886. См. опроверженіе этой теоріи у Glasson. Histoire du droit et des institutions de la France, tome III, p. 75 и слѣд.

[4]) Венгерскій статутъ 1673 г. говоритъ еще: если кто занялъ пахоть въ залежи или лугъ, то онъ имѣетъ на нихъ право; но если онъ пересталъ обработывать землю, то поле переходитъ къ тому, кто первый его займетъ. Подобные обычаи еще въ наши дни существуютъ въ Сибири. См. *Карелинъ*, Общинное владѣніе въ Россіи. 1893, стр. 187—206.

віемъ, чтобы онъ былъ допущенъ всѣми и каждымъ изъ ея членовъ. Если земля принадлежитъ общинѣ, то этимъ объясняется, почему эдиктъ Хильперика, въ видахъ введенія наслѣдованія боковою линіею, обязанъ объявить себя противнымъ древнему обычаю, по которому земля умершаго должна была переходить къ его сосѣдямъ. Et si moritur, frater accipiat, non vicini (т. е. при отсутствіи сыновей наслѣдуетъ братъ, а не сосѣди). Равнымъ образомъ объясняется и происхожденіе сосѣдскаго выкупа и выкупа, который замѣнилъ его позднѣе, когда права общины перешли къ помѣщику,—я хочу сказать: „феодальнаго выкупа"— равно какъ и происхожденіе того общиннаго выкупа, слѣды котораго еще находятъ въ обычномъ правѣ нѣмецкой Швейцаріи. Понятно, почему, даже въ позднѣйшую эпоху, когда дѣйствительная потребность, опредѣлявшая границы заимки пахоти и луговъ, продолжаетъ служить основаніемъ для тѣхъ общинныхъ сервитутовъ, которымъ подчинены лѣса и пастбища помѣстій,—понятно, почему—выразимъ это словами Эрреры, автора интереснаго труда о бельгійскихъ masuirs или держателяхъ манзовъ (земельныхъ надѣловъ),— граница ихъ права—это граница ихъ потребностей. Когда, съ увеличеніемъ числа дворовъ, сдѣлались необходимыми ограничительныя мѣры, чтобы установить наличность потребности, тогда признали, что скотъ, допускаемый на пастбище, долженъ составлять собственность держателей манзовъ; послѣдніе должны быть въ состояніи держать и кормить его въ теченіе зимы; лѣсъ долженъ служить имъ для отопленія; имъ нельзя торговать; всякая продажа на сторону наказывается такъ же, какъ всякій вводъ чужаго скота [1]).

Таковы обычаи, регулирующіе общинное владѣніе германскихъ марокъ и швейцарскихъ аллмендовъ, норвежскаго аллменинга и французскихъ общинныхъ угодій—communaux повсемѣстно, гдѣ эти послѣднія не смѣшались еще съ тѣмъ, что называется общинными имуществами (biens des communes), т. е. съ доменомъ, изъ котораго община извлекаетъ доходъ нераздѣльно, при содѣйствіи одного или нѣсколькихъ арендаторовъ.

---

[1]) Ibid., p. 463.

V.

Разсмотримъ теперь то, что изъ этого первобытнаго коллективизма оставило въ силѣ торжество феодализма и королевской власти.

Феодальный доменъ,—какъ показали всѣ тѣ, кто, начиная съ Герарда, входили въ подробности его устройства,—состоялъ изъ двухъ неравныхъ частей: меньшая часть называлась tetra dominicara, а большая terra servilis. На первой велъ хозяйство самъ сеньеръ, частью же сдавалъ ее свободнымъ держателямъ, подъ условіемъ военной или придворной службы (министеріалы). Вторая часть находилась въ рукахъ крестьянъ—общинниковъ, собственниковъ надѣловъ—mansi, hubae, Hufen или virgatae, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о Франціи, Германіи или Англіи; участки, разсѣянные въ различныхъ поляхъ одной и той же общины, составляютъ долю каждаго крѣпостнаго двора; начало равенства поддерживается то тѣмъ обстоятельствомъ, что внутри одной общины или одного селенія манзъ (надѣлъ) представляетъ неизмѣнную величину, то посредствомъ присвоенія полуторыхъ или двухъ манзовъ большими семьями, которыя остаются нераздѣльными и, уже по этой одной причинѣ, способны къ участію въ барщинномъ трудѣ, на поляхъ сеньера, съ болѣе значительнымъ числомъ работниковъ или рабочихъ животныхъ. Раздѣлы привели къ уничтоженію единства манза и къ образованію внутри одного и того же помѣстья mansi dimidii и dimidii virgatarii (2:) или Halbe Hufen, такъ же какъ и къ появленію владѣльцевъ четвертой и восьмой части манза. Равенство долей поддерживается безъ періодическаго передѣла, только путемъ расширенія расчистокъ, которыя продолжаются съ эпохи варварскихъ „правдъ" до первой половины XIV вѣка, когда, вслѣдствіе моровой язвы, значительное уменьшеніе числа жителей на нѣкоторое время удержало ихъ распространеніе. Благодаря этому средству,—находящему еще примѣненіе въ тѣхъ русскихъ общинахъ, у которыхъ много пустопорожней земли,—заводится цѣлый рядъ частныхъ расчистокъ внѣ полей, принадлежащихъ міру; ихъ владѣльцы въ концѣ концовъ приходятъ къ соединенію ихъ въ одно цѣлое и къ періодическому передѣлу земли между собою, по тому же принципу равенства долей. Таково происхожденіе выселковъ (починковъ), германскихъ Hofen, которые современемъ дѣ-

лаются зародышемъ новыхъ общинъ. Современная русская практика представляетъ намъ поразительныя аналогіи съ подобнымъ процессомъ. Выселки или хутора, при ихъ возникновеніи, не подчинены періодическимъ передѣламъ. Часть каждаго изъ ихъ владѣльцевъ переходитъ отъ отца къ сыну. Со временемъ однако они приходятъ къ учрежденію новой земельной общины, новаго міра, который, подобно всѣмъ колоніямъ, подражаетъ примѣру метрополіи, селенія, изъ котораго онъ вышелъ, и устанавливаетъ у себя періодическій передѣлъ. Великорусскіе крестьяне знаютъ также соединеніе первоначальнаго селенія и его выселка въ одно цѣлое. Это именно обозначаетъ слово: „припустить“, смыслъ котораго таковъ: допустить собственниковъ выселковъ къ періодическимъ передѣламъ, соединяя ихъ земли съ полями міра.—Всѣ эти обычаи мы находимъ также въ земельныхъ общинахъ среднихъ вѣковъ. Даже не особенно внимательное изученіе грамотъ и земельныхъ описей приводитъ къ открытію многочисленныхъ примѣровъ этого рода. Тамъ, гдѣ, вслѣдствіе недостатка земли, крѣпостная община лишена возможности расширяться путемъ новыхъ расчистокъ, равенство долей долженъ возстановлять періодическій передѣлъ, который англійскіе документы обозначаютъ названіемъ run-rig system [1]). Примѣры этого мы находимъ въ Астонѣ при Линпѣ не позднѣе XV вѣка, такъ же, какъ во многихъ общинахъ Германіи и Венгріи [2]).

Всѣ крѣпостные манзы (крестьяне) допускаютъ къ пользованію общинными угодьями, въ границахъ ихъ дѣйствительныхъ потребностей; но выгоды, которыя они получаютъ отъ этого, сильно уменьшаются вслѣдствіе пастьбы на тѣхъ же самыхъ выгонахъ стада сеньера и скота всѣхъ тѣхъ, кого собственникъ помѣстья пожелаетъ допустить къ подобному пользованію. Общинные сервитуты ограничиваются также по причинѣ распространенія запрещеній или *banna* на площадь того или другаго общиннаго лѣса, особенно

[1]) Gomme, Village Romains, а также Village Community, London, 1890, гдѣ воспроизведены эти факты.

[2]) См. Maurer, Gierke, Hanssen, vol II, и для Венгріи уже цитированную статью K. Taganyl'я, изъ которой я заимствовалъ слѣдующія подробности. Грамоты XIII вѣка, говоря объ участкахъ, которыми владѣли крестьяне, употребляютъ слѣдующія выраженія: это суть земли „mixtim“ и происходятъ отъ раздѣла «per herbas», т. е. границы которыхъ обозначены такъ же, какъ въ Германіи или въ Англіи, полосами земли, оставленными безъ обработки (lynches или balken). Примѣры періодическаго передѣла находимъ также въ итальянскихъ partecipanze, особенно въ Medicina, San Giovanni in Persiceto, Cento e Pieve.

назначеннаго для охоты сеньера или сохраняемаго имъ для выращиванія высокоствольныхъ деревьевъ.

Общинное начало въ теченіе продолжительнаго времени проявляется еще въ томъ фактѣ, что, разъ оконченъ сборъ хлѣба и сѣна, уничтожаются живыя изгороди, устроенныя для охраны травы и зерна; поля сеньера такъ же, какъ и земля крѣпостныхъ, дѣлаются достояніемъ всѣхъ поселянъ до момента новой обработки или новаго выращиванія травы. Это общинное пользованіе обыкновенно начинается съ Михайлова дня и оканчивается къ первому мая или къ первому іюня (праздникъ св. Іоанна Крестителя), въ зависимости отъ климата и болѣе или менѣе возвышеннаго положенія мѣстности.

Англичане обозначаютъ этотъ родъ пользованія названіемъ открытыхъ полей (open fields), французы—свободнаго прогона (vaine pâture), а нѣмцы—Gemenglage der Felder, но всѣ разумѣютъ одинъ и тотъ же фактъ, а именно, что земля поступаетъ въ общее пользованіе, какъ только собственникъ окончилъ сборъ своего урожая. Такъ какъ интересъ общины требуетъ, чтобы всѣ земли дѣлались общимъ достояніемъ въ одно и то же время, то одинаковой способъ обработки и одинаковое раздѣленіе полей являются необходимостью: отсюда происхожденіе того Flurzwang (обязательнаго сѣвооборота), подобіе котораго находимъ какъ во Франціи и въ Англіи, такъ и въ Россіи.

Теперь мы можемъ задаться вопросомъ, какое вліяніе на судьбу земельной общины оказало установленіе феодальнаго порядка. Прежде всего нужно признать, что феодализмъ не уничтожаетъ, но уменьшаетъ и порабощаетъ общину. Крестьянинъ, какъ и прежде, остается общинникомъ-собственникомъ земли, но онъ принужденъ уступить часть общинной территоріи, которая составляетъ terra dominicata сеньера и держаніе его свободныхъ вассаловъ. Равнымъ образомъ крестьянинъ теряетъ исключительное право на пользованіе лѣсомъ и выгонами, потому что сеньеръ и люди, къ которымъ онъ расположенъ, требуютъ свою часть. Росчисти находятъ теперь предѣлъ въ наложеніи запрещенія на лѣса и нѣкоторыя пустопорожнія земли, которыя сеньеръ сохраняетъ для своего личнаго пользованія. Изъ свободнаго владѣльца, какимъ онъ былъ въ эпоху, предшествовавшую установленію феодализма, крестьянинъ дѣлается мертворучнымъ (mainmortale—крѣпостнымъ), привязаннымъ

къ землѣ законнымъ прикрѣпленіемъ и экономическою необходимостью, обязаннымъ натуральными сборами и безвозмезднымъ трудомъ, который регулируется обычаемъ. Оброчный или половникъ, держатель манза дѣлается постояннымъ съемщикомъ, рента котораго рѣдко выплачивается деньгами и въ теченіе вѣковъ остается безъ перемѣны, несмотря на повышеніе цѣнъ и на поднятіе арендной платы.

Чтобы придти къ этому результату, не нужно было бы ни сохраненія римскаго помѣстья (villa), съ его сельскими рабами и колонами, ни германскаго вторженія и раздѣла земли между римскими собственниками и германскими „гостями“ (hospites). Достаточно было того, что земля сдѣлалась имуществомъ по преимуществу,—имуществомъ, которымъ необходимо должна быть оплачена всякая служба. Иначе и не могло быть въ обществѣ, достаточно мирномъ, чтобы не допустить новыхъ переселеній, сопровождаемыхъ раздѣломъ военной добычи, но не достаточно промышленномъ или торговомъ, чтобы возвысить движимость, и въ частности деньги, какъ ходячія цѣнности. Эта черта обща какъ феодальной Европѣ, такъ и Россіи Среднихъ вѣковъ, а также имперіи Великаго Могола въ Индіи. Поэтому мы находимъ, подъ разными названіями и съ различными подробностями, одинъ и тотъ же фактъ присвоенія цѣлыхъ селеній, съ землею и жителями, тѣмъ или другимъ военнымъ или гражданскимъ чиновникомъ (cum mansis, servis communibus etc., по обычному выраженію грамотъ). Такъ было въ Англіи до прибытія Вильгельма-Завоевателя и до введенія норманскаго феодализма, въ Россіи въ XV и XVI вв., когда *помѣстье* сдѣлалось равнозначущимъ лену (fief), и въ Индіи, при преемникахъ Акбара, когда служба военныхъ и гражданскихъ начальниковъ (jahïrs и talukdars) вознаграждалась пожалованіемъ имъ имѣній, занятыхъ уже земледѣльцами [1]).

Но,—могутъ возразить,—какъ могло произойти столь важное событіе, какъ уничтоженіе первоначальной свободы земледѣльцевъ и передача ихъ имущества и ихъ самихъ постороннимъ лицамъ,—какъ могло это произойти безъ того, чтобы не вызвать возстанія тѣхъ, съ кѣмъ распорядились такъ произвольно? Въ обществѣ, еще недостаточно умиро-

---

[1]) Предметъ этотъ подробно разсмотрѣнъ мною въ книгѣ „Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія“, Москва, 1879.

творенномъ, потребность въ частномъ покровительствѣ даетъ себя чувствовать совершенно иначе, чѣмъ въ современныхъ государствахъ. Поэтому соглашались предоставлять сильному патрону право собственности на свою землю и на свою личность, съ условіемъ, чтобы онъ охранялъ экономическіе интересы своего кліента и особенно его землевладѣніе. Выбирали также себѣ покровителя, чтобы найти у него защиту отъ незаконныхъ поборовъ фиска и отъ обидъ со стороны враговъ. Иногда испрашивали ссуды скотомъ и деньгами, чтобы имѣть возможность продолжать обработку земли, прекращенную опустошеніями разбойниковъ и нападеніями непріятелей. Таково происхожденіе *коммендаціи* [1]) такъ же, какъ и тѣхъ любопытныхъ отношеній, которыя установились въ Ирландіи Среднихъ вѣковъ между боэрами, или благородными, разбогатѣвшими отъ скотоводства, и колонами (fuidhirs), которые уступали первымъ право собственности на свои манзы, подъ условіемъ ссуды скотомъ. Подобныя же причины заставляли свободныхъ русскихъ крестьянъ, въ теченіе XI и XII вѣковъ, не разъ мѣнять свою свободу на обладаніе необходимымъ для земледѣлія скотомъ [2]). Легко понять, что въ эпоху, когда жертвовали правомъ собственности и свободою для пріобрѣтенія покровительства, пожалованія цѣлыхъ селеній военнымъ или гражданскимъ чиновникамъ, или религіознымъ корпораціямъ, не встрѣтили сопротивленія, какое они вызвали бы въ наше время. Впрочемъ, крестьяне не всегда оставались индифферентными къ судьбѣ, которую имъ готовили, и тамъ, гдѣ—какъ въ Италіи—общины, даже земельныя, считали возможнымъ сами удовлетворять потребностямъ своей защиты, пожалованія германскихъ императоровъ часто встрѣчались очень плохо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привести текстъ протеста, которымъ отвѣтили жители нѣсколькихъ общинъ, расположенныхъ по берегамъ Комскаго озера, на императорскую грамоту, передававшую Миланской церкви и монастырю право собственности на ихъ общинныя владѣнія. Консулы Белладжіо въ актѣ второй половины XIII вѣка заявляютъ, что пожалованіе императора есть ни-

---

[1]) Въ имперіи Великаго Могола она извѣстна подъ названіемъ «икбалдава». См. Tischendorf, Die Feodalitaet bei den Moslemen, и мою книгу объ общинномъ землевладѣніи.

[2]) См. объ этомъ мою книгу „Modern customs and ancient law in Russia“ и статьи профессора Ключевскаго въ „Русской Мысли“.

что и не имѣетъ никакого значенія (nihil monasterio prodesse). потому что императоръ не можетъ давать другому имущества ближняго (quum illud quod alienum erat imperator ipsi monasterio concedere non potuerit) [1]).

VI.

Если возникновеніе феодализма ослабило (a diminée) и измѣнило характеръ земельныхъ общинъ, то торжество буржуазіи прямо стремилось и еще стремится къ ихъ уничтоженію. Это стремленіе одинаково проявляется внутри и внѣ общины. Оно обнаруживается въ ея средѣ постоянною враждой партіи тѣхъ, кого русскіе крестьяне прозвали „міроѣдами".—прозвище, прилагаемое къ людямъ, разбогатѣвшимъ ростовщичествомъ и торговлею скотомъ; эти лица въ нераздѣльности видятъ законное препятствіе къ увеличенію или „округленію" своихъ владѣній. Богачъ, котораго народъ называетъ также „кулакомъ" (умѣющій удерживать въ кулакѣ деньги), побуждаетъ къ окончательному раздѣлу, такъ какъ онъ видитъ въ послѣднемъ единственное средство уничтожить то препятствіе къ пользованію въ широкихъ размѣрахъ общиннымъ пастбищемъ, которое представляютъ духъ равенства и внушаемыя имъ постановленія. Какимъ образомъ можетъ онъ достигнуть увеличенія своего скота, когда существующія установленія препятствуютъ допущенію на общинное пастбище другихъ животныхъ, кромѣ тѣхъ, которыя зимовали внутри общины?—такъ какъ всякій чужой или купленный на сторонѣ скотъ исключается. Съ другой стороны, какъ можетъ богачъ отдаться болѣе или менѣе значительному сельско-хозяйственному предпріятію, превышающему мѣру его собственныхъ потребностей, когда система періодическаго передѣла заставляетъ сего ограничить свое властолюбіе (ambition) нѣсколькими участками, разбросанными въ разныхъ поляхъ селенія и чрезполосными съ участками сосѣдей? Правда, ничто не препятствуетъ ему оказывать на этихъ послѣднихъ вліяніе, возможное для него, вслѣдствіе значенія, которымъ онъ пользуется въ ихъ средѣ, одолжая имъ изъ большихъ процентовъ деньги, въ которыхъ они такъ часто нуждаются, чтобы уплатить подати или выйти изъ какой-

---

[1]) См. Exemplaria diplomatum quae in archivio monasterii Sancti Ambrosii Maioris adservantur, anno 1730. Ms. arch. di stato (Milano).

либо другой крайности. Поэтому мы видимъ, что часто дѣйствительное владѣніе землею переходитъ въ руки этихъ зажиточныхъ буржуа, подъ видомъ аренды и въ видахъ обезпеченія уплаты болѣе или менѣе ростовщическаго долга. Разумѣется, всѣ эти сдѣлки могутъ пострадать при новомъ передѣлѣ долей. А потому разбогатѣвшій крестьянинъ большой противникъ этой практики. На сельскихъ сходахъ, на которыхъ обсуждается вопросъ о своевременности новаго передѣла, „кулаки" и ихъ многочисленные кліенты, годъ отъ году, составляютъ все растущее меньшинство сторонниковъ принципа индивидуальной собственности. Мѣстныя власти, очень часто находящіяся подъ вліяніемъ этихъ предшественниковъ третьяго сословія, охотно оказываютъ имъ поддержку въ требованіи отсрочить еще на нѣкоторое время тяжелый и дорого стоющій трудъ новаго передѣла. Такимъ образомъ передѣлы становятся все менѣе и менѣе частыми и въ концѣ-концовъ даже совершенно оставляются, несмотря на жалобы бѣднѣйшаго класса, который бы отъ нихъ наиболѣе выигралъ. Это особенно имѣетъ мѣсто въ черноземной полосѣ, охватывающей большую часть нашихъ центральныхъ и южныхъ губерній, т. е. вездѣ, гдѣ, благодаря плодородію почвы, крестьянинъ получаетъ отъ своего надѣла больше, чѣмъ онъ платитъ въ казну, въ видѣ земельнаго налога. Совсѣмъ не то въ Великороссіи, въ собственномъ смыслѣ, гдѣ преобладаютъ глинистыя и песчаныя почвы. Въ этой области налогъ весьма часто поглощаетъ весь доходъ. Поэтому мы видимъ, что здѣсь крестьяне наиболѣе склонны къ возобновленію передѣловъ, въ надеждѣ сложить на вновь образующіяся семьи бремя фискальныхъ поборовъ, которое они несутъ. Вотъ истинная причина того обстоятельства, что Малороссія, которая не далѣе половины XVIII вѣка еще подлежала періодическому передѣлу, въ большей части перешла къ индивидуализму, тогда какъ Великороссія остается вѣрна обычаю предковъ. Новѣйшія статистическія изслѣдованія установили тотъ фактъ, что Великороссія является еще страной міра по преимуществу; съ другой стороны, въ Малороссіи насчитывается уже болѣе десяти милліоновъ десятинъ въ рукахъ крестьянъ-собственниковъ. Еще около восемнадцати милліоновъ остаются во владѣніи общинъ и подлежатъ періодическому передѣлу [1]).

[1]) Г. Тернеръ, „Вѣстникъ Европы" 1895 г., май, стр. 49.

Сѣверная часть Индіи (сѣверо-западная область и Пенджабъ) также является ареною частыхъ споровъ о своевременности передѣловъ. Финансовые англійскіе агенты сообщаютъ, что большинство требуетъ передѣла, чтобы уравнять владѣнія, тогда какъ меньшинство, состоящее изъ людей зажиточныхъ, per fas et nefas завладѣвшихъ участками своихъ сосѣдей, естественно, высказывается противъ. Эти споры имѣютъ даже особое названіе—kum o beshee,—и уже одно это обстоятельство заставляетъ предполагать ихъ частое повтореніе. Вотъ свидѣтельство Роза, сборщика налоговъ въ Бандѣ:—въ первое время послѣ передѣла земли и распредѣленія земельнаго налога между держателями участковъ все идетъ какъ нельзя лучше. Но скоро одинъ изъ членовъ общины начинаетъ расширять свою культуру, пользуясь пустопорожними землями, оставшимися до тѣхъ поръ въ залежи и подлежавшими пользованію всѣхъ жителей селенія. Другой, въ силу такого или другаго мотива, прекращаетъ хозяйство на своемъ участкѣ... Равенство долей исчезаетъ, и недовольство начинаетъ давать себя чувствовать. Оно растетъ съ каждымъ годомъ до момента, когда хуже надѣленные составляютъ, наконецъ, партію, благопріятную новому передѣлу какъ земли, такъ и налога. Эти жалобы встрѣчаютъ сначала формальный отказъ, а затѣмъ выслушиваются и принимаются во вниманіе [1]). Само собою понятно, что послѣднее обстоятельство не всегда приводитъ къ новому передѣлу. Часто дѣло кончается сохраненіемъ на неопредѣленное время разъ полученныхъ долей; частная собственность дѣлается правиломъ, и справляется только распредѣленіе налога.

Другой мотивъ также побуждаетъ зажиточнаго крестьянина требовать раздѣла. Состояніе пріобрѣтается внутри общины главнымъ образомъ путемъ соединенія земледѣлія съ нѣкоторыми другими предпріятіями, каковы, напримѣръ, выкармливаніе скота, мелкая торговля или мелкая промышленность. Всѣ эти промыслы имѣютъ то общее, что требуютъ отъ того, кто ими занимается, перемѣны мѣста. Между тѣмъ ничто болѣе не идетъ въ разрѣзъ съ подвижною жизнью, какъ обработка земли сообща, такъ какъ она сопровождается Flurzwang или регламентаціей земледѣльческаго труда обычаемъ и сельскими властями. Каждый обязанъ обработывать свое поле или косить свой лугъ въ за-

[1]) Baden-Powell, Land systems in British India, vol. II, p. 145.

ранѣе назначенное время; сборъ урожая не можетъ производиться послѣ опредѣленнаго срока. Какъ же иначе можно было бы одновременно пустить всѣ земли общины подъ свободное пастбище и открыть на нихъ доступъ сельскому стаду? Онъ долженъ выбирать: или изъять свою долю изъ общаго фонда путемъ окончательнаго раздѣла или отказаться отъ всякаго труда на фабрикѣ или заводѣ.

Равнымъ образомъ желаніе раздѣла можетъ явиться слѣдствіемъ невозможности согласить интересы владѣльцевъ крупнаго скота съ интересами бѣдныхъ семей, которыя держатъ только козъ. Поразительный примѣръ этого мы видимъ въ войнѣ, которая имѣла мѣсто въ срединѣ вѣка у крестьянъ Швица. Весь край раздѣлился на два враждебныхъ лагеря: лагерь Klauen и лагерь Hoerner. Эти названія весьма характерны. Кто не признаетъ въ нихъ владѣльцевъ мелкаго и крупнаго скота? Результатомъ этой войны былъ конецъ нераздѣльности, потому что сдѣлалось невозможно никакое соглашеніе; коза дѣйствительно приноситъ вредъ пастбищу и, слѣдовательно, не можетъ быть терпима хозяевами, выкармливающими крупный скотъ [1]).

VII.

Какъ бы ни было значительно разлагающее вліяніе сельскаго третьяго сословія на общину, возникновеніе капиталистическаго производства, первыми очагами котораго были города и которое распространилось затѣмъ по деревнямъ, имѣло гораздо большее значеніе. Не случайно то обстоятельство, что уничтоженіе земельной общины въ городахъ произошло скорѣе, нежели въ деревняхъ. Объясняется это тою единственною причиной, что населеніе городовъ, состоящее изъ торговцевъ и промышленниковъ, гораздо болѣе склонно къ перемѣнѣ мѣста, чѣмъ земледѣльцы. Многіе города сдѣлались центрами промышленности и обмѣна, и потому въ нихъ находимъ меньше остатковъ той коллективной собственности, которая когда-то была имъ обща съ селеніями. Какія бы изслѣдованія по этому вопросу ни были произведены, не можетъ быть ничего болѣе убѣдительнаго, какъ наблюденіе развитія такого города, какъ Манчестеръ, который въ средніе вѣка имѣлъ общинныя имущества, ни болѣе, ни менѣе, какъ какой-нибудь сельскій округъ. То

[1]) Kothing, Geschichte des alten Landes Schwyz.

же самое нужно сказать о Гентингдонѣ, Сентъ-Албансѣ и о весьма значительномъ числѣ городскихъ агломерацій, которыя во время норманнскаго завоеванія и редактированія „Книги Суда“ (Думсдебукъ) имѣли еще луга съ періодическимъ передѣломъ и общинные выгоны—„commons“ весьма значительныхъ размѣровъ. Даже во время знаменитаго возстанія крестьянъ (XIV в.), извѣстнаго по имени его главнаго предводителя Уота Тэйлора, пользованіе общинными выгонами было однимъ изъ пунктовъ спора между жителями Сентъ-Албанса и монахами знаменитаго аббатства. Аналогичные факты констатированы Арнольдомъ, въ его исторіи земельной собственности нѣмецкихъ городовъ, и могли бы быть указаны также въ лѣтописяхъ французскихъ или итальянскихъ городовъ и мѣстечекъ... Что касается этихъ послѣднихъ, то Витербъ, Тоди, Верчелли и другіе представляютъ множество доказательствъ того положенія, что общность земель составляла вначалѣ черту, общую городамъ и селеніямъ, но послѣднія сохранили его гораздо дольше. Будучи очагами обмѣна, города первые начали смотрѣть на землю, какъ на предметъ торговли, и одного этого факта было достаточно, чтобы ускорить конецъ порядка, въ основѣ котораго лежала неподвижность (immobilité).

Если въ городахъ разложеніе земельной общины совершалось медленно и въ теченіе продолжительнаго періода, то это потому, что требовалось время, чтобы свобода договора могла привиться. Въ теченіе вѣковъ ремесленные цехи, купеческія гильдіи и регламентація промышленности и торговли муниципальными совѣтами принуждали большую часть жителей держаться внѣ фабричныхъ и торговыхъ предпріятій; но разъ эти многочисленныя преграды были разбиты, народъ поспѣшилъ отказаться отъ прежнихъ воззрѣній на все то, что въ его глазахъ представляло тиранію обычая; онъ рѣшительно перешелъ къ системѣ свободнаго договора.

Примѣръ городовъ увлекъ и деревни, сначала въ томъ отношеніи, что вызвалъ эмиграцію въ эти очаги гражданской свободы. Прикованный къ землѣ крѣпостной сбросилъ съ себя оковы, то поселяясь въ городахъ, пребываніе въ которыхъ въ теченіе одного года и одного дня дѣлало его свободнымъ, то затрачивая для выкупа свободы свое имущество. Трудность найти деньги въ эпоху, когда проценты

преслѣдовались одинаково какъ церковными, такъ и гражданскими законами, была одною изъ причинъ, побуждавшихъ сеньеровъ доставать ихъ посредствомъ освобожденія крѣпостныхъ. Они освобождали послѣднихъ отъ обязанности земледѣльческаго труда и замѣняли барщину и натуральныя повинности постояннымъ оброкомъ. Таково происхожденіе тѣхъ copy-holds (наслѣдственныхъ арендъ), которыя, подъ другими названіями, равно встрѣчаются во Франціи и во многихъ другихъ странахъ Европы. Бывшій крѣпостной дѣлается какъ-бы фермеромъ, съ тою особенностью, что доходъ его могъ возрастать, тогда какъ его повинности оставались неизмѣнными. Рента не только не увеличивалась въ соотвѣтствіи съ ростомъ населенія, но обнаруживалось даже противоположное стремленіе въ то время, когда открытіе Новаго Свѣта и богатыхъ залежей серебра въ Потози вызвало паденіе цѣнности этого металла и, слѣдовательно, всѣхъ другихъ платежей, въ томъ числѣ и производимыхъ натурою. Помѣщикъ сдѣлалъ попытку наложить свою руку на общинныя имущества. Онъ расширилъ свои запрещенія, возвелъ изгороди и поставилъ своего держателя въ невозможность прокормить количество скота, необходимое для его полеваго хозяйства. Глубокое безпокойство овладѣло деревнями. Народъ началъ сносить изгороди и расправляться собственнымъ судомъ; поэзія и церковное краснорѣчіе выступили на защиту его интересовъ; жалобы были достаточно сильны, чтобы внушить такимъ людямъ, какъ Томасъ Муръ и великій Бэконъ, защитительныя рѣчи въ пользу старинной общности имуществъ. Въ это именно время сложилась въ Англіи легенда о добромъ старомъ времени, когда страна изобиловала йоменами или богатыми крестьянами. Въ теченіе вѣка (XVI) не было другаго вопроса, кромѣ вопроса о запрещеніи загородей. Но когда шерстяная промышленность одержала побѣду надъ земледѣліемъ, и луга поднялись въ цѣнѣ, было уже невозможно удержать движеніе, которое побуждало земельнаго собственника отдавать преимущество свободной арендѣ предъ постоянною рентой и отнимать общинныя земли отъ ихъ держателей. При такомъ положеніи, крестьянинъ не могъ долго противиться стремленію оставить свое полевое хозяйство,—дѣлавшееся все менѣе и менѣе доходнымъ,—ради значительныхъ выгодъ, которыя ему обѣщало цвѣтущее состояніе промышленности

и торговли. Эмиграція въ города сдѣлалась обычнымъ фактомъ; деревня опустѣла; и то, что осталось отъ старинныхъ земледѣльцевъ, перешло въ разрядъ наемныхъ рабочихъ, уже не владѣющихъ участками земли. Этотъ процессъ совершался въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій въ такихъ размѣрахъ, что къ первымъ годамъ XIX вѣка Англія сдѣлалась классическою страною крупной собственности, фермерства и полнаго отторженія земли отъ ея прежняго воздѣлывателя. Далекіе отъ того, чтобы возставать противъ подобной эволюціи,—какъ то дѣлали ихъ прямые предшественники, Стаффордъ, Стэбсъ, Гаррисонъ,—англійскіе экономисты XVIII вѣка, явились ея апологетами, стоя исключительно на точкѣ зрѣнія прогресса земледѣлія, Синклеръ и Маршаль, въ числѣ многихъ другихъ, требовали отмѣны порядка open fields (открытыхъ полей), огораживанія общинныхъ земель и отмѣны copy hold или наслѣдственнаго держанія за арендную плату.

Во Франціи, вслѣдствіе вмѣшательства законодателя, дѣло шло медленнѣе. Triages, введенные ордонансами и этикетами предковъ Людовика XIV и самимъ великимъ королемъ, позволили крестьянину-общиннику сохранить въ своихъ рукахъ, по крайней мѣрѣ, часть общаго фонда, составлявшаго прежде нераздѣльное владѣніе крѣпостнаго и сеньера. Но въ XVIII вѣкѣ Франція, слѣдуя въ этомъ примѣру Англіи, была увлечена движеніемъ, побуждавшимъ буржуазію къ пріобрѣтенію земельныхъ имуществъ и къ помѣщенію капиталовъ въ сельское хозяйство. Кэнэ проповѣдывалъ въ пользу собственности и фермерства, осуждалъ половничество и систему вѣчно наслѣдственной аренды. Сельскохозяйственныя общества, возникшія подъ вліяніемъ физіократовъ, высказывались за раздѣлъ общинныхъ земель. Земельные собственники не оставались глухи. Пользуясь правомъ возобновлять земельныя описи (terriers), они сводятъ выгоды своихъ держателей къ строго необходимому. Наказы 1789 года свидѣтельствуютъ о сильномъ недовольствѣ, господствовавшемъ въ деревняхъ не только по причинѣ распространенія феодальныхъ правъ, но и вслѣдствіе уменьшенія надѣловъ и огораживанія пастбищъ и лѣсовъ.

Революція, наслѣдовавшая отъ физіократовъ враждебное отношеніе къ коллективному пользованію землями, прекратила эти жалобы и открыла крестьянину возможность прямо

перейти изъ состоянія держателя въ состояніе собственника. Законъ 1793 г. довершилъ торжество индивидуалистическаго принципа, предписавъ раздѣлъ общинныхъ земель.

Аналогическія же причины, т. е., съ одной стороны, дѣйствительная невыгодность системы наслѣдственныхъ арендъ, а съ другой—избытокъ капиталовъ, ищущихъ, помѣщенія въ фермерствѣ, внушили итальянскимъ экономистамъ, каковы: Дженовези, Зананъ, Васко, Верри и Филанджіери, ту же вражду къ общности земель и сдѣлали ихъ апостолами раздѣла. Ихъ пропаганда оказала вліяніе на законодателя, и аналогичныя закону постановленія 1793 г. были изданы въ королевствѣ Обѣихъ Силиціи, въ Эмиліи и въ Романьи, не говоря о Тосканѣ и Ломбардіи; вообще они явились въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ настоящаго вѣка.

Секуляризація церковныхъ имѣній, совершившаяся въ Англіи въ теченіе XVI и XVII вѣковъ, въ Италіи—во второй половинѣ XVIII вѣка, а во Франціи въ 1789 году, сильно содѣйствовала торжеству новаго земельнаго порядка, такъ какъ церковныя имущества, по принципу мертвой руки, были главнымъ очагомъ вѣчныхъ рентъ и общинныхъ сервитутовъ.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, мы можемъ заключить этотъ очеркъ, сказавъ, что главнымъ образомъ торжеству буржуазіи и системѣ свободныхъ договоровъ, апостоломъ которой является послѣдняя, должно приписать уничтоженіе земельнаго коллективизма, начало котораго восходитъ къ самой глубокой древности.

М. Ковалевскій.

Даръ слезъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(*Продолженіе*) [1].

Зачѣмъ я здѣсь? Что дѣлаю я среди этихъ веселыхъ людей? Мѣсто ли мнѣ въ этомъ очарованномъ саду? О, сердце! Успокой свое волненіе! О, душа! приди въ прежнее спокойное состояніе... Мнѣ ли, бѣдному, невѣдомому отшельнику, мечтать объ этой жизни? Бѣжать, бѣжать отсюда, отрясти прахъ отъ ногъ своихъ, закрыть глаза, чтобы не видѣть этой соблазнительной красоты, заткнуть уши, чтобы не слышать этихъ словъ!"...

Но мелодія пѣсни, которую только-что пропѣла Герміона, все еще звучала въ его ушахъ. Ему казалось, что этой мелодіей полно небо, что ею наполнены деревья и кусты сада, что она вырывается изъ чашечекъ цвѣтовъ въ видѣ благоуханія, что она нисходитъ съ неба въ видѣ пепельно-туманныхъ лунныхъ лучей, что она же живетъ въ нѣжномъ журчаніи ручейка и въ тихихъ всплескахъ пруда, скрытаго высокими, темными кустами; и эта сладкая, полная страсти и нѣги мелодія врывается въ его душу, наполняетъ весь его организмъ...

Вдругъ яркій лучъ свѣта прорѣзалъ бѣлесоватую полутьму сада. И среди темныхъ кущъ зелени, надъ куртиной розъ, Матой увидѣлъ длинный, строгій обликъ, который все становился выше и выше, опредѣленнѣе и опредѣленнѣе. Онъ уже различалъ въ этой темной тѣни линіи. Да, да! Это—онъ! Это—старецъ Евагрій, это—его худое, истощенное тѣло, прикрытое длиннымъ и ветхимъ рубищемъ, это его неподвижное лицо, желтое, какъ воскъ, страшное, какъ лицо мертвеца, это его костистыя скулы, которыя, казалось, хотѣли прорвать кожу, чтобы выступить наружу страшнымъ скелетомъ; это его глаза, глубоко ввалившіеся и окру-

---

[1]) См. № 1 и 2.

женные синевою и сверкающія слезы подъ тѣнью густыхъ и мохнатыхъ рѣсницъ. И если бы не лихорадочный блескъ этихъ глазъ, то лицо старца можно было бы принять за черепъ выходца изъ могилы. Да, да, это—онъ!

Матой съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами смотрѣлъ на величавую тѣнь и не могъ произнести ни слова. Оторвавшись на мгновеніе отъ этого видѣнія, онъ мелькомъ взглянулъ на присутствовавшихъ. Теона, смѣясь, расталкивала дремавшаго Зенона, Герміона сѣла между двумя гостями, подливала имъ вино въ серебряныя чаши, а они обнимали ее и цѣловали.

Нѣтъ, нѣтъ, никто изъ нихъ не видѣлъ того, что видѣлъ Матой.

Старецъ воздушной поступью подошелъ къ террасѣ, поднялъ свою костлявую руку. Уста его раскрылись, и Матой услыхалъ его глухой голосъ, точно выходившій изъ могилы:

— Вы, которые изъ всѣхъ голосовъ міра слышите только одинъ голосъ страсти,—говорилъ старецъ,—вы, которые проводите дни во снѣ, а ночи въ безумныхъ оргіяхъ, слушайте, что я скажу вамъ! Предсказываю вамъ, что всѣхъ васъ постигнетъ жестокая кара! Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ, но и Его терпѣнію приходитъ конецъ... Этотъ городъ, нечестивый городъ, сдѣлался давно обиталищемъ Дьявола и присныхъ его! И я вопрошаю себя: остался ли здѣсь хотя одинъ добродѣтельный человѣкъ? Да! Вмѣсто добродѣтели и простоты здѣсь воцарился развратъ и безумная роскошь. И когда проходитъ по улицамъ города женщина, то она навѣрное куртизанка! И когда проходитъ за нею мужчина, то онъ навѣрное слуга Дьявола!

„Но часъ суда Божія близокъ! Господь придетъ въ блескѣ и славѣ своей, окруженный огненнымъ облакомъ, и содрогнется вся земля и всѣ твари на ней, и вспучится море и потопитъ все нечестивое и злое, произрастающее на землѣ.

„Куртизанки, куртизанки! Ты, Теона, и ты, Герміона, и всѣ ваши присные! Скоро ли вы перестанете расточать свои отвратительныя ласки и торговать собою? Скоро ли познаете вы ужасъ своего существованія и падете ницъ передъ престоломъ Всевышняго? Говорю вамъ: часъ вашъ близокъ, и бѣда неминуча. Уже приготовлены въ преисподней огни и накалено желѣзо, которое должно терзать васъ.

„Я пришелъ предупредить васъ, потому что хочу внушить вамъ любовь къ Небу и тѣмъ спасти васъ отъ чаръ Земли, тяготѣющихъ надъ вами...

„Ты, Зенонъ! наивно воображающій, что за твои подачки тебя ждетъ награда на Небѣ! Проснись и очнись! Ты думаешь, что можно въ чревоугодіи и сладострастіи проводить жизнь свою и достигнуть вѣчнаго блаженства, исполнивъ одно доброе дѣло два раза въ мѣсяцъ? О, какъ ты ошибаешься, бѣдный Зенонъ! Ни одно доброе дѣло не будетъ тебѣ поставлено въ счетъ, потому что оно не вызвано добрымъ побужденіемъ сердца!“...

Матой слушалъ съ напряженіемъ эти слова.

Но вотъ голосъ старца сталъ громче, суровѣе, сердитѣе. Глаза

его загорѣлись сильнымъ пламенемъ. И, протянувъ руку къ Матою, старецъ заговорилъ:

— А ты, неудачный пустынникъ, неудачный монахъ! Для того ли извлекъ я твою дѣтскую душу изъ этого города грѣха и погибели? Для того ли я воспитывалъ тебя долгіе, долгіе годы и насаждалъ въ сердцѣ твоемъ истинное ученіе Правды и Добра? Для того ли, чтобы ты очутился здѣсь, среди этихъ людей безъ стыда и сердца? Встань, протри свои затуманенныя очи, оглянись вокругъ себя и спроси себя: гдѣ я? И ты увидишь, кѣмъ окруженъ ты. Двѣ куртизанки, два чревоугодника, проводящіе жизнь свою въ объяденіи и пьянствѣ, и одинъ скорбный умомъ толстякъ, извѣдавшій все въ жизни и ко всему пресытившійся. Онъ изучилъ всѣ философіи, но его умъ вялый и истощенный ничего не удержалъ въ себѣ, кромѣ тѣхъ ложныхъ истинъ, которыя ему казались выгодными для оправданія его безпутной жизни. И ты, монахъ, служитель Бога, представитель Истины, ты среди нихъ, за столомъ пира, уставленнымъ брашнами и питьями! Очнись! Опомнись! Уже умъ твой помутился отъ соблазнительныхъ рѣчей, которыя ты здѣсь слышалъ, и уже сердце твое заныло, требуя земной любви! И глаза твои осквернены видѣніемъ обнаженнаго тѣла, и уши—звуками непристойныхъ пѣсенъ. Но, если горе тѣмъ, кто соблазнилъ тебя, единаго изъ малыхъ, то горе и тебѣ, сидящему въ совѣтѣ нечестивыхъ.

„Отвернись отъ нихъ, пока не поздно, пока страшный ядъ полностью не вошелъ въ твою душу и не вовсе еще отравилъ ее! Отряси прахъ отъ ногъ своихъ и иди въ пустыню, гдѣ постомъ и молитвою искупи свой тяжкій грѣхъ!“

И вдругъ все исчезло.

Матой встрепенулся и оглядѣлся. Все было по-прежнему. Онъ воззрился въ садъ, старался проникнуть взоромъ въ прозрачныя синія тѣни кустовъ—никого не было надъ ними и, какъ онъ ни напрягалъ свой слухъ, ничего не было слышно.

Онъ еще разъ внимательно посмотрѣлъ на сидящихъ съ нимъ. Теона съ ея глазами, похожими на распустившійся голубой цвѣтокъ, съ ея невиннымъ ротикомъ, и чистой улыбкой, скрывавшей ея нечистые помыслы, съ ея золотистыми волосами, по-прежнему тормошила Зенона, не могшаго побѣдить своего тяжелаго сна; Герміона по-прежнему сидѣла между двумя чревоугодниками и говорила имъ:

— Конечно, я тоже хотѣла бы жить цѣломудренно. Но это зависитъ не отъ меня.

— А отъ кого же?—смѣясь, сказалъ одинъ изъ ея сосѣдей, запихивая себѣ въ ротъ кусокъ вкусной груши.

— Отъ Бога. Безъ Его участія всѣ мои усилія не приведутъ ни къ чему. Такъ учатъ пустынники и странники. И, вотъ, я принуждена сознаться, что Богъ не желаетъ моей чистой жизни. Онъ надѣлилъ меня красотою и бросилъ меня въ этотъ городъ, полный соблазновъ. Развѣ я виновата?

— Ты бы обратилась къ Зенону, къ благочестивому Зенону!—сказалъ другой.

— Что Зенонъ!—возразила Герміона.—Зенонъ такъ же, какъ и вы, любитъ упиваться дорогими винами и наѣдаться вкуснымъ мясомъ. Зенонъ такъ же, какъ и вы, и даже больше васъ, любитъ женщинъ и ихъ ласки...

— Почему больше насъ?

— Потому что вы всему предпочитаете вкусныя блюда. И жирную перепелку подъ острымъ краснымъ соусомъ вы не промѣняли бы на красивую женщину.

Оба гостя захохотали.

— Правда,—продолжала Герміона,—на Зенона находитъ иногда что-то въ родѣ раскаянія. Тогда онъ отправляется въ пустыню, откуда возвращается съ новыми силами и принимается за прежнее.

— Скажи!—проговорилъ одинъ изъ гостей, обнимая Герміону,—ты любишь Зенона?

— Зенонъ—хорошій человѣкъ,—убѣжденно отвѣтила она,—но онъ много любилъ въ своей жизни. И каждый разъ онъ искренно вѣрилъ, что любитъ такъ, какъ никогда еще не любилъ, и думалъ, что любитъ въ послѣдній разъ. Это придаетъ его любви видъ настоящей страсти. Онъ—большой ребенокъ. Но я не такой любви хотѣла бы...

— А какой?

— Любви молодой, первой, чистой... Любви юноши, который бы никогда еще не любилъ. На такую любовь мое сердце откликнулось бы громче, и я ощутила бы радость свѣжаго чувства, котораго еще не знала.

— Любовь чистаго юноши!—насмѣшливо проговорилъ гость, наполняя виномъ свою вѣчно пустую чашу.—Ужъ не любви ли этого грязнаго отшельника жаждешь ты?

Герміона нахмурила брови.

— Но я не вижу,—продолжалъ гость,—чѣмъ онъ отличается отъ насъ? Онъ такъ же ѣлъ и пилъ, какъ мы...

— Ну, не такъ же,—возразила холодно Герміона,—потому что вы до сихъ поръ еще не кончили, а онъ давно пересталъ.

— Зато онъ спалъ не хуже Зенона, котораго всѣ чары Теоны пробудить не могутъ!... И если ты разсчитываешь на любовь этого юноши, то напрасно, Герміона, вѣрь мнѣ! Мужчина, который способенъ дремать въ присутствіи красавицы-женщины, стоитъ...

— Того, который способенъ въ ея присутствіи не отрываться отъ чаши съ виномъ,—закончила Герміона и весело разсмѣялась.

Засмѣялся и гость, залпомъ осушая свою чашу.

— Я же не виноватъ,—сказалъ онъ,—что въ твоемъ домѣ подаютъ такія вкусныя блюда, которыя возбуждаютъ нечеловѣческую жажду, и такое ароматное вино, которымъ никогда нельзя напиться. Я люблю бывать у тебя. У тебя очень хорошій столъ. Жаль только, что Зенонъ приводитъ къ тебѣ этихъ неинтересныхъ монаховъ.

— Они интереснѣе васъ,—рѣзко сказала Герміона.

— Чѣмъ же?—обидчиво возразилъ гость.

— Все, что вы скажете, я напередъ знаю. Отъ него можно услышать что-нибудь новое.

— И новое-то это все старое. „Покайтесь! Часъ суда Божія насталъ! Молитесь и поститесь“ и все въ этомъ родѣ. Все это прекрасно, Герміона, но если всѣ будутъ поститься, то кто же будетъ ѣсть эти вкусныя яства и пить это дорогое вино? И если всѣ будутъ стремиться въ пустыню, то кто же будетъ жить въ этомъ богатомъ домѣ? И если всѣ сдѣлаются монахинями, то не будетъ ни куртизанокъ, ни танцовщицъ. Благодарю! Пусть всѣ идутъ въ пустыню, я останусь съ моимъ другомъ здѣсь, и мы постараемся доѣсть и допить все, что люди оставятъ въ своихъ домахъ и погребахъ. Но ты, Герміона, много заставляешь меня говорить. А когда я говорю, то ротъ мой занятъ и я не могу пить. А когда я не пью, то чувствую грусть. А грусть мѣшаетъ пищеваренію, и тогда я дѣлаюсь боленъ.

И онъ опять наполнилъ виномъ чашу.

— Повѣрь намъ, Герміона,—началъ его товарищъ,—это новое ученіе, которое считаетъ за собою слишкомъ уже три вѣка и давно знакомо намъ, создано не для насъ. Это—опасное ученіе. Оно годится для тѣхъ, кто не любитъ жизни. Мы же любимъ жизнь. Сытный ужинъ, съ добрымъ количествомъ дорогаго вина, хорошій, крѣпкій сонъ, вечеръ, проведенный въ театрѣ, въ созерцаніи твоей красоты, да любовь куртизанки съ голубыми глазами, похожими на цвѣтокъ, и щечками, похожими на лепестки розы,—онъ мелькомъ взглянулъ на Теону,—вотъ настоящая жизнь, которая тѣмъ и хороша, что даетъ намъ пользоваться ея благами.

— Я говорила,—прервала его Герміона,—что напередъ знаю, что каждый изъ васъ скажетъ. Да и говорите вы совершенно одинаково, какъ и пьете. И это скучно.

Гость не обратилъ вниманія на эти слова, но, принявъ пророческій видъ, глубокомысленно произнесъ:

— Вѣрь мнѣ, Герміона, монахи—опасные люди. Не для насъ, мужчинъ, а для васъ—женщинъ! Зенонъ, несмотря на свое благочестіе, нападающее на него, какъ болѣзнь, никогда не уйдетъ въ пустыню и не простится съ привольной жизнью.

— И я не уйду,—засмѣялась Герміона.

— А сколькихъ куртизанокъ они погубили?—продолжалъ гость, въ то время какъ его пріятель съ тоской смотрѣлъ на опустѣвшее дно сосуда.—Сколько женщинъ соблазнилось ихъ проповѣдью и погибло за стѣнами монастырей, не принеся никому пользы. Вспомни свою предшественницу Таису!... Какая была красавица и что съ ней сдѣлалось? Умерла во цвѣтѣ лѣтъ, въ женской обители.

— Ну, меня не соблазнятъ ихъ рѣчи!—гордо отвѣтила Герміона.—Я не вѣрю въ ихъ обѣщанія счастья въ будущей жизни. Это слишкомъ далеко. Я предпочитаю имъ пользоваться на землѣ.

— Вотъ это пріятно слышать. А по этому случаю я бы выпилъ за твое счастье и долгую жизнь, если бы было вино. Но вотъ, его нѣтъ.

Герміона велѣла принести вина.

Оба друга наполнили свои чаши, и первый изъ нихъ опять заговорилъ:

— Берегись же соблазна ихъ проповѣди. Пью за твою красоту и за твои успѣхи.

— Говорю тебѣ: имъ меня не соблазнить; и если ты пьешь за то, чтобы я не ушла въ монастырь,—ты можешь не пить. Скорѣе я могу соблазнить монаха, чѣмъ онъ меня.

— О, что ты?—недовѣрчиво проговорилъ гость.

— Какъ! Ты сомнѣваешься? Развѣ я уже постарѣла? Развѣ я потеряла всякое обаяніе?

— На насъ—нѣтъ! Но на нихъ обаяніе женщины не дѣйствуетъ.

— Ты думаешь?—вызывающе спросила она.

— Никогда еще мы не слышали, чтобы монахъ бѣжалъ изъ пустыни и сталъ жить съ танцовщицей городской жизнью.

— Такъ что жъ! Это потому, что танцовщицамъ никогда не приходило на умъ соблазнять монаховъ. Матой!—вдругъ обратилась она къ юношѣ,—скажи, ты никогда еще не любилъ женщину?

Матой вздрогнулъ, встрепенулся, провелъ рукою по лбу, какъ бы прогоняя одолѣвшія его грезы, и вслушался въ слова Герміоны. Когда они достигли его сознанія, онъ густо покраснѣлъ и тихо, смущенно отвѣтилъ:

— Никогда.

Онъ ничего не слышалъ изъ предыдущаго разговора и былъ очень удивленъ этимъ вопросомъ.

— А въ состояніи ли ты полюбить женщину?—продолжала Герміона.

Матой молчалъ, не зная, что отвѣтить.

— Женщину молодую, красивую, стройную, страстную?—говорила Герміона, улыбаясь и подходя къ нему.—Словомъ такую... какъ я, напримѣръ.

Она сѣла рядомъ съ нимъ и положила ему на плечо свою выхоленную руку.

Онъ не пошевелился и не отодвинулся, только глаза его ярче заблистали, и губы дрогнули.

— Что же ты ничего не отвѣчаешь, Матой?

Тогда Матой взглянулъ въ глаза Герміоны и, точно не выдержавъ ея ласковаго взгляда, опустилъ голову.

— Не знаю,—тихо прошепталъ онъ.

Оба гостя переглядывались между собою и съ тонкой насмѣшкой смотрѣли на Герміону, какъ бы говоря ей: „что, развѣ мы не были правы?“

Герміона вспыхнула отъ досады подъ этимъ взоромъ и нѣмымъ вопросомъ.

— Матой,—проникновеннымъ голосомъ заговорила она,—слушай, что я тебѣ скажу.

— Я слушаю тебя, Герміона.

— Если бы я сказала тебѣ: „Матой, вотъ такая, какъ я есть, первая красавица этого города, я полюбила тебя. Сними свои

рубища, надѣнь нарядную одежду, оставь свой вертепъ и пустыню и свою рабскую службу у старца и приходи жить со мною, какъ живутъ всѣ городскіе жители... Ты будешь жить со мною въ этомъ дворцѣ, въ этомъ саду... ты будешь видѣть меня каждый часъ дня и каждый часъ ночи... И я буду ласкать и любить тебя"... Что бы ты сказалъ на это?

— Герміона!—проговорилъ Матой, послѣ нѣкотораго раздумья.— Зачѣмъ ты говоришь со мною такъ? Зачѣмъ ты хочешь смутить мою душу? Я никогда не любилъ женщинъ, я никогда не думалъ объ этой любви. Съ юныхъ лѣтъ меня пріучили бояться ихъ и бѣжать самой мысли о нихъ. Но вотъ, не такъ давно, мнѣ по ночамъ, въ пустынѣ, среди полосы свѣта сталъ являться нѣкій соблазнительный образъ и, когда я, придя въ городъ, увидѣлъ тебя, то съ ужасомъ и содроганіемъ понялъ, что это ты являлась смущать мое уединеніе и мой покой. Ты такъ похожа на ту! Ты хочешь знать, могъ ли бы я полюбить тебя?

— Да...

— Я скажу тебѣ правду, потому что неспособенъ ко лжи. Твоя обаятельная красота поразила меня... Какой юноша могъ бы устоять противъ твоихъ чаръ?

— Вы слышите?—тихо шепнула Герміона своему сосѣду слѣва.

— Послушаемъ, что дальше...—усмѣхнулся онъ.

— Но я не юноша,—продолжалъ Матой, все болѣе и болѣе воодушевляясь.

— А кто же, ты—старикъ?—смѣясь спросилъ гость.

— Я—монахъ, давшій обѣтъ пустынножительства. У монаховъ нѣтъ возраста. Герміона!—обратился онъ снова къ танцовщицѣ:— зачѣмъ ты хочешь смутить мою душу? Зачѣмъ ты говоришь о томъ, чего нѣтъ, чего и не можетъ быть? Зачѣмъ тебѣ любовь такого скромнаго пустынника, какъ я? Ты любишь и любима... любима Зенономъ, который обожаетъ тебя....

— Во снѣ!—засмѣялась Герміона, указывая на окончательно заснувшаго Зенона, оставленнаго наконецъ Теоной, которая удалилась во внутреннія комнаты, нѣсколько обиженная общимъ невниманіемъ къ ней.—Такъ ты меня не любишь и отказываешься отъ моей любви?—продолжала Герміона.

— Въ первомъ ты не права,—отвѣтилъ Матой.—Я люблю тебя.

— А! Вотъ какъ!—вскрикнули оба гостя, и Герміона торжествующе посмотрѣла на нихъ.

— Да, Герміона, я люблю тебя, какъ каждый христіанинъ долженъ любить своего ближняго. Можетъ быть, я и не правъ, потому что меня, какъ и всѣхъ насъ, находящихся въ послушаніи, учили любить ближняго и ненавидѣть и презирать женщину. Но развѣ женщина—не такъ же близка намъ, какъ и всякій мужчина? Да, я люблю тебя, Герміона, люблю въ тебѣ чудное созданіе Творца, люблю тебя, какъ сестру... люблю тебя за твою красоту, за твои слова, которыя ты говорила мнѣ вчера въ саду, за твою душу, въ которой, какъ мнѣ кажется, не все еще заглохло

для добрыхъ побужденій. Но ты права и во второмъ. Я отказываюсь отъ твоей любви.

— Почему?

— Потому что ты не можешь полюбить меня. Потому что наши судьбы слишкомъ различны, потому что ты никогда не согласишься разстаться съ той жизнью, которую ты ведешь.

— А если бы я согласилась?

— И это ни къ чему не повело бы, потому что я не могу разстаться съ той жизнью, которую веду... Оставимъ же этотъ тяжелый разговоръ. Вотъ уже часъ насталъ и мнѣ должно удалиться. Я и такъ слишкомъ долго пробылъ здѣсь и пренебрегъ своими обязанностями. Я ухожу. Съ собой въ пустыню я унесу твой обаятельный образъ... Сидя у порога передъ своей пещерой, я буду смотрѣть на далекое ночное небо, усѣянное звѣздами, и искать въ ихъ лучахъ твоихъ взоровъ. Я буду думать о тебѣ, какъ о родной, близкой мнѣ душѣ, и буду молиться за тебя, такъ горячо молиться, что Господь услышитъ мою молитву. И я знаю, сердце мое будетъ стонать отъ печали и боли... Но много ночей смѣнятся днями и дни одинъ за другимъ канутъ въ вѣчность, и время потечетъ вновь безцвѣтною, унылою полосою— и душа моя обрѣтетъ исцѣленіе. И соблазнительный образъ твой, волнующій, тревожащій мои мысли и чувства, исчезнетъ... но никогда не исчезнетъ воспоминаніе о тебѣ, и никогда не устану молиться за тебя. И, если когда-нибудь до тебя дойдетъ слухъ объ отшельникѣ Матоѣ, влачащемъ жизнь свою въ страшной, безплодной пустынѣ, въ тяжелыхъ подвигахъ благочестія и подвижничества, вспомни, что онъ сидѣлъ когда-то здѣсь, съ тобою рядомъ, вспомни, что онъ любилъ тебя, какъ христіанинъ долженъ любить своего ближняго, и еще вспомни, что онъ бѣжалъ отъ тебя... бѣжалъ, чувствуя, какъ слабѣютъ его силы, какъ колеблется его воля... бѣжалъ, чтобы не измѣнить обѣту всей своей жизни, чтобы имѣть всю свою жизнь право молиться о тебѣ и изъ далекой пустыни благословлять тебя... Прощай же, прощай, Герміона... и не забывай того, кто вѣчно будетъ помнить тебя!...

Съ этими словами онъ быстро всталъ, еще быстрѣе нагнулся и поцѣловалъ Герміону въ лобъ.

Точно огонь пробѣжалъ по его жиламъ. Это былъ первый поцѣлуй, который онъ далъ женщинѣ.

Одно мгновеніе онъ колебался. Яркая, какъ молнія, мысль прорѣзала его умъ: „Остаться?“ Но страшнымъ усиліемъ воли, онъ прогналъ эту мысль и быстро спустился по ступенькамъ террасы въ садъ.

И оттуда до Герміоны и гостей ея донеслись его послѣднія слова:

— Теперь ты богата, счастлива и въ славѣ, Герміона. Но если счастливая судьба измѣнитъ тебѣ—позови меня. И въ ту минуту, когда тебѣ нужно будетъ утѣшеніе, доброе слово участія, когда ты захочешь, чтобы рядомъ съ твоимъ страдающимъ сердцемъ забилось другое, которое откликнулось бы на твои

и торговли. Эмиграція въ города сдѣлалась обычнымъ фактомъ; деревня опустѣла; и то, что осталось отъ старинныхъ земледѣльцевъ, перешло въ разрядъ наемныхъ рабочихъ, уже не владѣющихъ участками земли. Этотъ процессъ совершался въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій въ такихъ размѣрахъ, что къ первымъ годамъ XIX вѣка Англія сдѣлалась классическою страною крупной собственности, фермерства и полнаго отторженія земли отъ ея прежняго воздѣлывателя. Далекіе отъ того, чтобы возставать противъ подобной эволюціи,—какъ то дѣлали ихъ прямые предшественники, Стаффордъ, Стэбсъ, Гаррисонъ,—англійскіе экономисты XVIII вѣка, явились ея апологетами, стоя исключительно на точкѣ зрѣнія прогресса земледѣлія, Синклеръ и Маршаль, въ числѣ многихъ другихъ, требовали отмѣны порядка open fields (открытыхъ полей), огораживанія общинныхъ земель и отмѣны copyhold или наслѣдственнаго держанія за арендную плату.

Во Франціи, вслѣдствіе вмѣшательства законодателя, дѣло шло медленнѣе. Triages, введенные ордонансами и этикетами предковъ Людовика XIV и самимъ великимъ королемъ, позволили крестьянину-общиннику сохранить въ своихъ рукахъ, по крайней мѣрѣ, часть общаго фонда, составлявшаго прежде нераздѣльное владѣніе крѣпостнаго и сеньера. Но въ XVIII вѣкѣ Франція, слѣдуя въ этомъ примѣру Англіи, была увлечена движеніемъ, побуждавшимъ буржуазію къ пріобрѣтенію земельныхъ имуществъ и къ помѣщенію капиталовъ въ сельское хозяйство. Кэнэ проповѣдывалъ въ пользу собственности и фермерства, осуждалъ половничество и систему вѣчно наслѣдственной аренды. Сельскохозяйственныя общества, возникшія подъ вліяніемъ физіократовъ, высказывались за раздѣлъ общинныхъ земель. Земельные собственники не оставались глухи. Пользуясь правомъ возобновлять земельныя описи (terriers), они сводятъ выгоды своихъ держателей къ строго необходимому. Наказы 1789 года свидѣтельствуютъ о сильномъ недовольствѣ, господствовавшемъ въ деревняхъ не только по причинѣ распространенія феодальныхъ правъ, но и вслѣдствіе уменьшенія надѣловъ и огораживанія пастбищъ и лѣсовъ.

Революція, наслѣдовавшая отъ физіократовъ враждебное отношеніе къ коллективному пользованію землями, прекратила эти жалобы и открыла крестьянину возможность прямо

перейти изъ состоянія держателя въ состояніе собственника. Законъ 1793 г. довершилъ торжество индивидуалистическаго принципа, предписавъ раздѣлъ общинныхъ земель.

Аналогическія же причины, т. е., съ одной стороны, дѣйствительная невыгодность системы наслѣдственныхъ арендъ, а съ другой—избытокъ капиталовъ, ищущихъ помѣщенія въ фермерствѣ, внушили итальянскимъ экономистамъ, каковы: Дженовези, Занапъ, Васко, Верри и Филанджіери, ту же вражду къ общности земель и сдѣлали ихъ апостолами раздѣла. Ихъ пропаганда оказала вліяніе на законодателя, и аналогичныя закону постановленія 1793 г. были изданы въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, въ Эмиліи и въ Романьи, не говоря о Тосканѣ и Ломбардіи; вообще они явились въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ настоящаго вѣка.

Секуляризація церковныхъ имѣній, совершившаяся въ Англіи въ теченіе XVI и XVII вѣковъ, въ Италіи—во второй половинѣ XVIII вѣка, а во Франціи въ 1789 году, сильно содѣйствовала торжеству новаго земельнаго порядка, такъ какъ церковныя имущества, по принципу мертвой руки, были главнымъ очагомъ вѣчныхъ рентъ и общинныхъ сервитутовъ.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, мы можемъ заключить этотъ очеркъ, сказавъ, что главнымъ образомъ торжеству буржуазіи и системѣ свободныхъ договоровъ, апостоломъ которой является послѣдняя, должно приписать уничтоженіе земельнаго коллективизма, начало котораго восходитъ къ самой глубокой древности.

М. Ковалевскій.

Даръ слезъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(*Продолженіе*) [1].

Зачѣмъ я здѣсь? Что дѣлаю я среди этихъ веселыхъ людей? Мѣсто ли мнѣ въ этомъ очарованномъ саду? О, сердце! Успокой свое волненіе! О, душа! приди въ прежнее спокойное состояніе... Мнѣ ли, бѣдному, невѣдомому отшельнику, мечтать объ этой жизни? Бѣжать, бѣжать отсюда, отрясти прахъ отъ ногъ своихъ, закрыть глаза, чтобы не видѣть этой соблазнительной красоты, заткнуть уши, чтобы не слышать этихъ словъ!“...

Но мелодія пѣсни, которую только-что пропѣла Герміона, все еще звучала въ его ушахъ. Ему казалось, что этой мелодіей полно небо, что ею наполнены деревья и кусты сада, что она вырывается изъ чашечекъ цвѣтовъ въ видѣ благоуханія, что она нисходитъ съ неба въ видѣ пепельно-туманныхъ лунныхъ лучей, что она же живетъ въ нѣжномъ журчаніи ручейка и въ тихихъ всплескахъ пруда, скрытаго высокими, темными кустами; и эта сладкая, полная страсти и нѣги мелодія врывается въ его душу, наполняетъ весь его организмъ...

Вдругъ яркій лучъ свѣта прорѣзалъ бѣлесоватую полутьму сада. И среди темныхъ кущъ зелени, надъ куртиной розъ, Матой увидѣлъ длинный, строгій обликъ, который все становился выше и выше, опредѣленнѣе и опредѣленнѣе. Онъ уже различалъ въ этой темной тѣни линіи. Да, да! Это—онъ! Это—старецъ Евагрій, это—его худое, истощенное тѣло, прикрытое длиннымъ и ветхимъ рубищемъ, это его неподвижное лицо, желтое, какъ воскъ, страшное, какъ лицо мертвеца, это его костистыя скулы, которыя, казалось, хотѣли прорвать кожу, чтобы выступить наружу страшнымъ скелетомъ; это его глаза, глубоко ввалившіеся и окру-

[1]) См. № 1 и 2.

женные синевою и сверкающія слезы подъ тѣнью густыхъ и мохнатыхъ рѣсницъ. И если бы не лихорадочный блескъ этихъ глазъ, то лицо старца можно было бы принять за черепъ выходца изъ могилы. Да, да, это—онъ!

Матой съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами смотрѣлъ на величавую тѣнь и не могъ произнести ни слова. Оторвавшись на мгновеніе отъ этого видѣнія, онъ мелькомъ взглянулъ на присутствовавшихъ. Теона, смѣясь, расталкивала дремавшаго Зенона, Герміона сѣла между двумя гостями, подливала имъ вино въ серебряныя чаши, а они обнимали ее и цѣловали.

Нѣтъ, нѣтъ, никто изъ нихъ не видѣлъ того, что видѣлъ Матой.

Старецъ воздушной поступью подошелъ къ террасѣ, поднялъ свою костлявую руку. Уста его раскрылись, и Матой услыхалъ его глухой голосъ, точно выходившій изъ могилы:

— Вы, которые изъ всѣхъ голосовъ міра слышите только одинъ голосъ страсти,—говорилъ старецъ,—вы, которые проводите дни во снѣ, а ночи въ безумныхъ оргіяхъ, слушайте, что я скажу вамъ! Предсказываю вамъ, что всѣхъ васъ постигнетъ жестокая кара! Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ, но и Его терпѣнію приходитъ конецъ... Этотъ городъ, нечестивый городъ, сдѣлался давно обиталищемъ Дьявола и присныхъ его! И я вопрошаю себя: остался ли здѣсь хотя одинъ добродѣтельный человѣкъ? Да! Вмѣсто добродѣтели и простоты здѣсь воцарился развратъ и безумная роскошь. И когда проходитъ по улицамъ города женщина, то она навѣрное куртизанка! И когда проходитъ за нею мужчина, то онъ навѣрное слуга Дьявола!

„Но часъ суда Божія близокъ! Господь придетъ въ блескѣ и славѣ своей, окруженный огненнымъ облакомъ, и содрогнется вся земля и всѣ твари на ней, и вспучится море и потопитъ все нечестивое и злое, произрастающее на землѣ.

„Куртизанки, куртизанки! Ты, Теона, и ты, Герміона, и всѣ ваши присные! Скоро ли вы перестанете расточать свои отвратительныя ласки и торговать собою? Скоро ли познаете вы ужасъ своего существованія и падете ницъ передъ престоломъ Всевышняго? Говорю вамъ: часъ вашъ близокъ, и бѣда неминуча. Уже приготовлены въ преисподней огни и накалено желѣзо, которое должно терзать васъ.

„Я пришелъ предупредить васъ, потому что хочу внушить вамъ любовь къ Небу и тѣмъ спасти васъ отъ чаръ Земли, тяготѣющихъ надъ вами...

„Ты, Зенонъ! наивно воображающій, что за твои подачки тебя ждетъ награда на Небѣ! Проснись и очнись! Ты думаешь, что можно въ чревоугодіи и сладострастіи проводить жизнь свою и достигнуть вѣчнаго блаженства, исполнивъ одно доброе дѣло два раза въ мѣсяцъ? О, какъ ты ошибаешься, бѣдный Зенонъ! Ни одно доброе дѣло не будетъ тебѣ поставлено въ счетъ, потому что оно не вызвано добрымъ побужденіемъ сердца!“...

Матой слушалъ съ напряженіемъ эти слова.

Но вотъ голосъ старца сталъ громче, суровѣе, сердитѣе. Глаза

страданія—позови меня. Тогда я приду къ тебѣ и буду съ тобой до послѣдней минуты. Но только тогда...

— Матой! Матой!—подойдя къ периламъ террасы, кричала Герміона.—Вернись сюда! Вернись на одну минуту...

Но Матой не слышалъ или не хотѣлъ слышать этихъ словъ.

Герміона видѣла еще въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній темный силуэтъ, быстро удалявшійся по ярко освѣщенной луною дорожкѣ; потомъ этотъ силуэтъ скрылся за высокими стволами кипарисовъ и исчезъ въ ихъ глубокой тѣни. Скрипнула еще калитка рѣшетки, и затѣмъ все успокоилось.

Гости подшучивали надъ Герміоной.

Она сидѣла задумчивая; прежнее бурно-веселое настроеніе, которое владѣло ею съ начала этого вечера, проходило. Печаль и меланхолія начинали овладѣвать ею.

— Я говорилъ тебѣ,—сказалъ гость, все еще продолжавшій тянуть изъ чаши вино,—что монахи нечувствительны къ женскимъ чарамъ. Вотъ Матой подтвердилъ мои слова.

Герміона съ сожалѣніемъ посмотрѣла на своего собесѣдника.

— Амонъ,—сказала она,—твой разсудокъ отягченъ непомѣрнымъ количествомъ вина. Иначе ты бы понялъ, что юноша любитъ меня. Но ты слушалъ и не слышалъ, или слышалъ, но не уразумѣлъ. Сколько страсти было въ его словахъ!

— Страсти было много,—возразилъ Амонъ.—Но страсть къ тебѣ пересилила страсть къ пустынѣ.

Прежнее настроеніе опять вернулось къ Герміонѣ, когда она отвѣтила гостю:

— Я найду его и въ пустынѣ. И если нужно будетъ, то я берусь соблазнить даже его старца Евагрія, не только его самого.

Амонъ и его товарищъ при этихъ словахъ звонко расхохотались.

Отъ ихъ смѣха проснулся Зенонъ.

— Что? Что такое?—испуганно спросилъ онъ, протирая глаза.

— Ну, наконецъ, — проговорилъ товарищъ Амона. — Зенонъ проснулся! Зенонъ, Зенонъ!—шутливо продолжалъ онъ,—пока ты спалъ, молодой монахъ чуть не похитилъ у тебя любви Герміоны.

— Какъ! Онъ уже ушелъ?—удивленно спросилъ Зенонъ.

— Неужели я такъ долго спалъ? Простите, друзья. Это—моя слабость. Иногда на меня нападаетъ ничѣмъ не побѣдимый сонъ.

— Такъ ты собираешься соблазнить старца Евагрія?—опять обратился къ Герміонѣ Амонъ.—А какъ же Зенонъ?

— Ну, для него такой соперникъ не опасенъ,—успокоительно проговорилъ другой гость.—Вотъ если бы она полюбила Матоя... это другое дѣло.

— Такъ что жъ!—возразила Герміона.—Я часто говорю Зенону, что могу разлюбить его. Онъ—философъ и быстро утѣшится. А если самъ не сумѣетъ, то ему поможетъ Теона.

— А гдѣ Теона?—спросилъ Зенонъ.

— Она ушла спать, отчаявшись разбудить тебя.

— Друзья мои!—сказалъ Зенонъ, окончательно придя въ себя и понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло.—Герміона права. Я люблю ее, какъ еще никогда не любилъ ни одной женщины. И она часто говорила мнѣ, что ея привязанность ко мнѣ не вѣчна. Я и самъ знаю, что вѣчнаго ничего нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ Жизни и Смерти. Она говоритъ, что я утѣшусь. Я не знаю. По всей вѣроятности—да. Но я никогда и ни въ чемъ не буду ей мѣшать, потому что въ этомъ и есть сила любви. Если ей захочется испытать новое чувство... пусть испытываетъ. Я бы перссталъ уважать себя, если бы вздумалъ лишить ее этого удовольствія. Я слишкомъ долго пользовался ея расположеніемъ, слишкомъ долго былъ съ нею счастливъ,—рано или поздно счастью моему долженъ придти конецъ—таковъ роковой законъ существованія. Но любить ее я никогда не перестану.

— Вотъ это настоящія слова мужчины!—захлопала въ ладоши Герміопа.—Вотъ за что больше всего люблю я Зенона. Онъ умѣетъ любить, какъ никто!

Зенонъ нагнулся къ ней и обнялъ ее.

— Такъ ты свезешь меня въ пустыню?—спросила она, ласкаясь къ нему.

— Свезу.

— Вы увидите,—обратилась Герміона къ своимъ гостямъ съ торжествующимъ видомъ,—вы увидите, хвасталась ли я или говорила въ сознаніи своей силы и мощи.

— Увидимъ!—проговорилъ Амонъ, смѣясь.

— Трепещи, старецъ Евагрій! — насмѣшливо замѣтилъ другой.

— И знаешь, что?—сказалъ опять Асмонъ.—Черезъ три—четыре дня въ нашу гавань долженъ придти мой корабль, нагруженный чужеземными товарами. Если ты исполнишь обѣщаніе и тебѣ удастся соблазнить старца Евагрія—и корабль, и товары—все отдамъ тебѣ.

— А я въ придачу свой домъ съ садомъ!—прибавилъ его пріятель.

— А если нѣтъ?—спросила Герміона.

— Тогда ты сама найдешь чѣмъ отплатить... Согласна?

— Согласна!—задорно проговорила танцовщица.

— А теперь запьемъ закладъ!—вскрикнулъ Амонъ.—А ты, Зенонъ, будешь свидѣтелемъ.—За здоровье нашей чудной Герміоны и за успѣхъ нашего дѣла!

Пирушка продолжалась...

Матой, быстрыми, спѣшными шагами пробирался по улицамъ города, смотря прямо передъ собой, не обращая ни на что вниманія, преслѣдуемый одной назойливой мыслью. „Бѣжать, бѣжать"—мелькало у него въ умѣ, когда онъ оставлялъ уже послѣднія зданія города за собою.

„Бѣжать безъ оглядки, возможно скорѣе, туда, гдѣ нѣтъ ни соблазновъ, ни женщинъ, подъ тихую сѣнь вертепа".

И онъ шелъ, ускоряя шагъ.

Но по мѣрѣ того какъ онъ удалялся, дума о Герміонѣ росла и росла и принимала гигантскіе размѣры. И вмѣсто успокоенія Матой ощущалъ въ сердцѣ своемъ тревогу, и оно билось въ груди его, точно птица, стремящаяся вырваться на волю.

Ему казалось, что онъ идетъ не одинъ, что рядомъ съ нимъ неслышными шагами подвигается милый, уже далекій образъ женщины, первой женщины, которую онъ близко увидѣлъ и которая сумѣла пробудить въ душѣ его первое волненіе. Несмотря на весь страхъ, на весь ужасъ, который онъ испытывалъ отъ этого новаго чувства, онъ ощущалъ благодарность къ Герміонѣ за то, что она затронула новую струну его души.

Передъ его глазами жилъ образъ красавицы-танцовщицы. Онъ вспоминалъ то жаркій, то печальный взоръ ея чудныхъ темныхъ глазъ, онъ вспоминалъ ея полныя очарованія и нѣги движенія, ея молодой и гибкій станъ, ея точно выточенныя изъ мрамора красивыя ноги, волну ея шелковистыхъ волосъ, полупрозрачныя ткани, которыми она была одѣта, голосъ, полный нѣги и страсти, полный грусти и тоски, которымъ она пѣла странныя пѣсни, которыхъ онъ никогда не слыхалъ прежде.

И ему казалось, что никогда еще и нигдѣ на свѣтѣ не существовало такъ богато одаренной Богомъ души. „Да, ея душа—чудное созданіе Бога“,—повторялъ онъ себѣ. И, вспоминая ея рѣчи, когда они сидѣли, въ первый вечеръ свиданія, въ саду, на скамейкѣ, залитые свѣтомъ луны, онъ удивлялся ея уму. „Господь наградилъ ее всѣмъ“,—думалъ онъ,—„но какой-то Демонъ увлекаетъ ее въ пропасть съ прямаго пути?“...

И вдругъ ему приходило на умъ, что, быть можешь, Герміона не женщина, не танцовщица, не возлюбленая Зенона, не Герміона, а Духъ Зла, воплотившійся для того, чтобы соблазнить его молодую, неопытную душу.

„Духъ Зла“—разсуждалъ онъ, все не переставая идти,—„не имѣетъ одного, установленнаго разъ на всегда вида. Онъ разнообразенъ, какъ разнообразны облака неба и волны моря. И есть одинъ лишь способъ побѣдить его: не поддаваться ни единому соблазну, встрѣчающемуся на пути нашего существованія... Нужно умертвить это слабое, вѣчно тяготѣющее надъ духомъ человѣческое тѣло; нужно какъ можно больше поститься, какъ можно меньше спать, трудомъ и лишеніями приготовиться къ блаженной райской жизни. Предстоитъ выбрать одно изъ двухъ: или вѣчное блаженство на Небѣ, или вѣчную муку въ неугасимомъ горнилѣ Ада. На то Господь далъ мнѣ свободную волю, ничѣмъ не ограничивъ ея“.

Но та тѣнь, которая незримо двигалась рядомъ съ нимъ, идя съ нимъ шагъ въ шагъ, и присутствіе которой онъ ясно сознавалъ, возразила ему:

— Другъ мой! Не можетъ быть, чтобы Господь былъ такъ жестокъ, какъ ты думаешь! Ты оскорбляешь Творца! Зачѣмъ Ему, милосердному, нужно во что бы то ни стало человѣческое страданіе? Не вы ли, суровые пустынники, выдумали это ужасное требованіе „за страданіе на Землѣ—блаженство на Небѣ

и за блаженство на Землѣ—страданіе въ Преисподней?“ Зачѣмъ Ему, милосердному, во что бы то ни стало нужно, чтобы человѣкъ былъ несчастенъ здѣсь или тамъ?

— Богъ справедливъ, — мысленно отвѣчалъ этому голосу Матой—и такъ какъ не проходитъ дня, чтобы человѣкъ не оскорблялъ Его своими дѣлами и помыслами, то необходимо, чтобы человѣкъ искупилъ свои грѣхи. И если бы ты, Герміона, вдругъ была отозвана съ Земли, въ то время какъ ты танцовала или такъ весело смѣялась, ты бы отправилась прямо въ Адъ.

— Почему?

— Потому что ты дѣлала дурное дѣло.

— Развѣ смѣяться дурно?

— Несомнѣнно.

— Почему?

На это Матой ничего не отвѣтилъ и задумался. Всегда онъ слышалъ, что смѣяться грѣшно, и что смѣхъ—утѣха Демону, какъ слезы—радость Создателя. Почему? Почему? Неужели Духъ Зла добрѣе Духа Добра? И первый радуется радости человѣка, а второй—его печали? Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть! Тутъ или недоразумѣніе, или тайна, и самые эти вопросы „почему? и почему?“ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ немъ проснулось недовѣріе къ словамъ старца, къ тѣмъ словамъ, которымъ онъ привыкъ съ дѣтства вѣрить, какъ словамъ самого Бога. Да, въ душѣ его проснулось недовѣріе и сомнѣніе, которое можетъ привести къ осужденію и возмущенію.

Задумчиво онъ поднялъ голову и взглянулъ на ярко блестѣвшую луну.

Въ душѣ его задрожало радостное чувство. Всѣ хмурыя мысли вдругъ исчезли изъ его головы, и всѣмъ его существомъ овладѣла одна радостная мысль:

„И Герміона смотритъ, быть можетъ, теперь на эту серебряную луну, и наши взоры, уже далекіе другъ отъ друга, сходятся вмѣстѣ въ этихъ лучахъ“.

И при мыслѣ о Герміонѣ ему показалось, что Весна и Любовь окутали его ароматнымъ и жгучимъ дыханіемъ.

Ему вспомнилось благоуханіе сада, въ которомъ онъ провелъ два вечера, и это воспоминаніе было такъ сильно, что онъ даже остановился и подумалъ: не вернуться ли ему скорѣй туда, гдѣ онъ ощутилъ это странное, жгучее чувство?

Но онъ поборолъ себя и принудилъ идти, несмотря на усталость, которую уже начиналъ чувствовать.

Темная, тяжелая грусть овладѣла его сердцемъ, когда онъ, наконецъ, достигъ прохладнаго уголка пустыни, въ которомъ онъ уже отдыхалъ три дня тому назадъ, направляя стопы свои къ городу.

Онъ легъ на траву, но не могъ уснуть. Странныя видѣнія преслѣдовали его. Не смотря на холодную ночь пустыни, онъ горѣлъ въ какомъ-то огнѣ, сжигавшемъ его сердце. Жадно искалъ онъ ласкъ, тоскливо протягивалъ руки, но передъ нимъ, кругомъ него, была лишь нѣмая пустыня и воздухъ былъ холоденъ,

какъ волны пучины, и все тихо кругомъ, какъ въ могилѣ, и ночь глубока, какъ колодезь. И изъ души Матоя вырвался жалобный вопль, полный отчаянія и страданія.

„Герміона! Герміона! Зачѣмъ я увидѣлъ тебя! Зачѣмъ я узналъ тебя! Зачѣмъ, зачѣмъ ты счастлива и богата! Зачѣмъ не страдаешь ты! Ахъ, если бы ты страдала и была несчастна, если бы тяжкое горе обрушилось на тебя, я бы почувствовалъ въ себѣ обязанность придти къ тебѣ и утѣшить тебя! Горячо обнялъ бы я тебя, и мы вмѣстѣ смѣшали бы наши слезы. И тогда мы ощутили бы безгрѣшное, безмятежное счастье, такъ какъ слезы пріятны и угодны Богу, въ особенности слезы страданія и горя!

Это былъ эгоистическій крикъ наболѣвшей души, требовавшей чужаго страданія для успокоенія своего.

Матой немного успокоился послѣ этого порыва, и усталость начинала уже брать свое. Глаза его сомкнулись, и сонъ начиналъ овладѣвать имъ.

Но и во время сна мысль его не переставала работать все въ томъ же направленіи.

И онъ продолжалъ слышать прежній таинственный шопотъ, и ему казалось, что пустыня тысячью тысячъ насмѣшливыхъ зеленоватыхъ глазъ смотритъ на него, и изъ ея глубокой, непроницаемой тьмы несутся на него шопоты, которымъ онъ жадно внемлетъ:

„Матой, Матой! Не вѣрь тому, чему тебя учили, что внушили тебѣ съ юныхъ лѣтъ, чѣмъ смутили твою молодую душу!..

„Господь не можетъ запрещать людямъ любить другъ друга. Для того, вѣдь, Онъ и создалъ мужчину и женщину, чтобы они любили и чтобы изъ ихъ союза любви расцвѣталъ новый плодъ, новый человѣкъ, новый служитель Бога, который бы передалъ и слѣдующему поколѣнію великій завѣтъ любви къ Богу, къ людямъ и къ Истинѣ.

„Если бы не было любви между мужчиной и женщиной, то не было бы ничего на свѣтѣ. Состарились бы люди, одиноко, печально, уныло, не видя вокругъ себя ростковъ новой жизни. Исчезли бы старцы съ ихъ проповѣдью воздержанія и уединенія и ненависти къ женщинѣ. Исчезли бы люди съ лица земли и некому было бы больше прославлять Творца вселенной! Нѣтъ! нѣтъ! Не правы люди, проповѣдующіе на землѣ о воздержаніи и ненависти къ женщинѣ! И ни одинъ человѣкъ истинно вѣрующій не пойдетъ на ихъ проповѣдь. Она можетъ прійтись по душѣ только тѣмъ выродкамъ человѣчества, которые уходятъ на кладбища, чтобы вдыхать зловонный запахъ разложившихся труповъ и которые предпочитаютъ Смерть Жизни!

Наконецъ, глубокій сонъ охватилъ Матоя.

III.

Старца Евагрія не было въ вертепѣ, когда вернулся туда Матой. Юноша не удивился этому отсутствію, потому что иногда случалось, что наставникъ его отправлялся къ подошвѣ недалеко

отстоявшей горы, около которой находился колодезь, что въ тѣхъ мѣстахъ было величайшею рѣдкостью.

Пустыня отстояла отъ Нила почти на двадцать поприщъ; вокругъ не было воды и, если бы не спасительный колодезь съ свѣжей прохладной водой, то это мѣсто было бы невозможно для жизни.

Твердо зная мѣстность, къ которой юноша привыкъ съ младенческаго возраста, онъ отправился къ колодцу, несмотря на то, что чувствовалъ сильную усталость послѣ долгаго и утомительнаго пути.

Дѣйствительно, Матой нашелъ старца у колодца. У Евагрія былъ тамъ волъ, трудъ котораго состоялъ въ томъ, что онъ приводилъ въ движеніе простую машину изъ колесъ, поднимавшую воду вверхъ, потому что колодезь имѣлъ болѣе тысячи локтей глубины.

Былъ около колодца и небольшой огородъ, въ которомъ росли овощи, въ явное противорѣчіе пустынной природѣ, гдѣ всюду былъ лишь голый песокъ и камень, гдѣ все было выжжено солнцемъ, гдѣ никакое сѣмя не могло бы пустить корня.

Этотъ огородъ былъ дѣломъ рукъ Евагрія, еще въ то время, когда у него было меньше лѣтъ за плечами и больше силъ въ тѣлѣ. Искусство пустынника и его общій трудъ съ животнымъ совершили это чудо: учащенное поливаніе водою доставило песку тучность и силу и дало необходимую живучесть зелени и плодородіе этому крошечному уголку жизни среди смерти пустыни.

Въ свои юныя лѣта и Матой часто помогалъ Евагрію въ этихъ работахъ; но, какъ только Матой пристрастился къ работѣ и полюбилъ ее, а Евагрій замѣтилъ въ немъ это пристрастіе къ садику и огороду, такъ тотчасъ же круто отстранилъ юношу отъ помощи и не пускалъ его больше къ колодцу, а работалъ одинъ.

Овощей, доставляемыхъ огородомъ, они, конечно, не ѣли, а цѣликомъ продавали ихъ въ городъ.

Иногда, когда доставка хлѣба и чечевицы запаздывала почему-либо изъ города, а питаться все-таки было нужно, чтобы не умереть съ голоду, Евагрій все-таки не шелъ въ огородъ, а взявъ ученика своего, отправлялся къ пальмовому дереву, отстоявшему отъ ихъ пещеры на два слишкомъ поприща. Плодами этого дерева они утоляли свой голодъ.

Сидя подъ листьями этой пальмы, Евагрій предавался размышленіямъ, которымъ внималъ Матой.

— Въ пустынѣ,—говорилъ старецъ, — хотя изрѣдка встрѣчаются финики; производитъ ли ихъ изстари почва или зарождаются они отъ дѣйствія солнечныхъ лучей — не знаю. А ты какъ думаешь?—обращался онъ къ ученику.

Но Матой обыкновенно въ этихъ случаяхъ ничего не думалъ и смущенно отвѣчалъ:

— И я не знаю, отче.

— А не думаешь ли ты, что Богъ, провидѣвшій, что впослѣд-

ствіи нѣкоторые святые мужи будутъ обитать въ этой пустынѣ, приготовилъ пальмы для питанія рабовъ своихъ?.. Приводитъ меня къ этой мысли то, что въ большей части сокровенныхъ пустынь этой страны растутъ пальмы, производящія множество финиковъ, между тѣмъ какъ плодоносныхъ деревьевъ другихъ породъ вовсе не имѣется... Конечно, братъ мой, не мы съ тобою можемъ назваться тѣми святыми мужами, для которыхъ Богъ приготовилъ пальмы, но, по великому милосердію Своему и по немощи нашей, Онъ и намъ дозволяетъ питаться плодами.

И Матой ѣлъ финики, находя ихъ очень вкусными и мало заботясь о томъ, ѣстъ ли онъ ихъ по праву или изъ милости.

Иногда старецъ разсказывалъ ему о происшествіяхъ и знаменіяхъ, случавшихся подъ пальмой.

— Вотъ привелъ однажды святой мужъ, — говорилъ онъ, — обитавшій въ нашей пещерѣ ранѣе насъ, своихъ гостей къ этому самому мѣсту, гдѣ мы теперь сидимъ и бесѣдуемъ. Подошедъ къ пальмѣ, они нашли при ней льва. Увидѣвъ его, гости испугались, а святый свободно подошелъ ко льву; хотя съ трепетомъ, но и они наконецъ послѣдовали за святымъ. По его повелѣнію звѣрь тихо отошелъ и сталъ, ожидая, доколѣ старецъ наберетъ плодовъ съ вѣтвей дерева. Когда онъ наполнилъ руку плодами, звѣрь подбѣжалъ, принялъ пищу кротко, скромнѣе всякаго домашняго животнаго. Затѣмъ онъ ушелъ; смотря на это, гости все еще дрожали отъ страха и заключили изъ созерцаемаго ими зрѣлища... о чемъ? — вдругъ неожиданно спрашивалъ онъ своего ученика.

И Матой терялся отъ неожиданности и на удачу отвѣчалъ:

— О томъ, отче, что и между львами есть добрые и злые.

Старецъ сердился и рѣзко возражалъ ему:

— Непонятливъ ты еще... или недостаточно проникся вѣрою.

— А о чемъ же, отче?

— О силѣ вѣры святаго старца и о своей немощи духовной.

Матой не совсѣмъ понималъ такія слова, но покорно умолкалъ.

И тогда старецъ, въ назиданіе ему, разсказывалъ другую исторію не менѣе чудесную:

— Зналъ я и другаго чуднаго мужа,—говорилъ онъ,—и хочу разсказать тебѣ о немъ достовѣрную повѣсть: онъ жилъ въ маленькой пещерѣ, въ которой возможно было помѣщаться только одному человѣку. Къ нему, во время его скудной трапезы, обыкла приходить волчица, и рѣдко когда звѣрь этотъ ошибался и не попадалъ въ обычный часъ употребленія пищи. Ожидала волчица всегда у входа въ пещеру столь долго, доколѣ пустынникъ не выносилъ ей остатковъ отъ трапезы своей: тогда она лизала жесткимъ языкомъ своимъ его руки и уходила, какъ бы исполнивъ долгъ свой и получивъ утѣшеніе. Ты слушаешь меня, братъ?

— Слушаю, отче.

— Но вотъ случилось однажды, что святый отлучился на довольно продолжительное время изъ пещеры, провожая посѣтителя-брата, и возвратился только къ ночи. Въ этотъ промежу-

токъ приходила волчица къ обычному часу трапезы. Ощутивъ, что келія пуста, что господинъ ея находится въ отсутствіи, она вошла въ пещеру, тщательно отыскивая обитателя ея. Въ пещерѣ висѣла корзинка изъ пальмовыхъ вѣтвей съ пятью хлѣбами. Изъ этихъ хлѣбовъ одинъ достала волчица и съѣла; затѣмъ совершивъ преступленіе, ушла. Пустынникъ, возвратившись, увидѣлъ, что корзинка повреждена и недостаетъ одного хлѣба. По оставшимся крохамъ отъ съѣденнаго хлѣба, онъ легко узналъ виновнаго. Справедливость подозрѣнія подтвердилась послѣдствіями. Въ слѣдующіе дни волчица не приходила по обычаю своему, не рѣшаясь, въ сознаніи дерзновеннаго поступка, придти къ тому, кому она нанесла оскорбленіе. Прерванное знакомство съ воспитанницею огорчало пустынника. Призванная его молитвами, она, по прошествіи семи дней, возвратилась и сѣла, по обычаю, передъ пещерою въ то время, какъ пустынникъ вкушалъ пищу. Однако, смотри, какова была стыдливость кающейся! Волчица не осмѣлилась подойти такъ близко, какъ подходила прежде, но сидѣла вдали, низко опустивъ голову и глаза въ землю, по причинѣ глубокаго стыда, чѣмъ ясно выражала, что проситъ прощенія. Пустынникъ, сжалившись надъ нею, приказалъ ей подойти ближе и, ласково погладивъ рукою по головѣ печальную, угостилъ ее удвоеннымъ количествомъ хлѣба. Получивъ прощеніе, волчица развеселилась и снова начала посѣщать пустынножителя. Что скажешь объ этомъ удивительномъ случаѣ?—вопрошалъ ученика Евагрій?

Но Матой и тутъ не угадывалъ, что именно нужно было сказать, и тѣмъ же робкимъ голосомъ говорилъ:

— Скажу отче, что волчица сія была умный звѣрь.

— И опять глупъ ты, Матой! Развѣ такое заключеніе вытекаетъ изъ этой повѣсти?

— А какое, отче?

— А вотъ какое: воззримъ и въ этомъ отношеніи на силу Христа, которому повинуется все, даже лишенное разума, передъ которымъ укрощается все звѣрское: волчица находится въ услуженіи! Волчица подчиняется дѣйствію стыда по причинѣ сознанія! Волчица сознается въ согрѣшеніи воровствомъ. Призванная, она приходитъ, подставляетъ голову, понимаетъ, что ей дано прощеніе, подобно тому, какъ ощутила стыдъ отъ впаденія въ погрѣшность. Это твоя сила, Христосъ! Это твои чудеса—Христосъ! Тебѣ принадлежатъ дивныя дѣла, совершаемыя служителями Твоими во имя Твое! То достойно неутѣшнаго плача, что звѣри ощущаютъ Твое величіе,—не ощущаютъ его человѣки!

Проходя мимо пальмы, приближаясь къ колодезю, Матой вспоминалъ эти разсказы и поученія, слышанные имъ въ—увы!—уже далекомъ дѣтствѣ.

Почему-то съ особенною яркостью и силой вспомнился ему теперь разсказъ о согрѣшившей волчицѣ. И, долго поразмысливъ надъ нимъ, Матой нашелъ нѣкоторую аналогію между положеніемъ волчицы и своимъ.

Вотъ онъ возвращается въ пустыню, къ своему наставнику,

который питалъ его съ дѣтства духовнымъ хлѣбомъ и пищей. Онъ пользовался его кровомъ, его работами, его поученіями. Всегда приходилъ онъ къ нему во внутренній вертепъ и внималъ его словамъ. И вотъ теперь онъ возвращается виновный, загрязненный своимъ пребываніемъ въ городѣ, съ тяжкимъ камнемъ на душѣ, съ печалью нечистой совѣсти. Развѣ не расточилъ онъ часть того духовнаго богатства, которое ввѣрилъ ему старецъ Евагрій? Развѣ не укралъ онъ у него частицу той любви, которую долженъ былъ своему старцу?

Какъ онъ покажется ему теперь? Какъ онъ взглянетъ въ глаза ему? Низко опустивъ голову и глаза въ землю по причинѣ глубокаго стыда, или, напротивъ, затаивъ въ душѣ свое преступленіе, смѣло взглянетъ на него и подойдетъ подъ благословеніе старческой руки и приметъ незаслуженную ласку, вмѣсто заслуженнаго порицанія?

Но неужели же онъ будетъ хуже, ниже волчицы?

И эта мысль преслѣдовала его все время, пока онъ шелъ къ колодезю. И многое множество разсказовъ и поученій приходило ему на умъ, и все стыднѣе и больнѣе становилось у него на душѣ.

Но образъ очаровательницы Герміоны ни на одно мгновеніе не покидалъ его. Этотъ образъ преслѣдовалъ его по пятамъ.

Тщетно думалъ онъ, что очарованіе его пройдетъ къ утру, послѣ ночи, проведенной въ оазисѣ, тщетно надѣялся онъ, что, когда увидитъ родную пустыню и свой скромный вертепъ, вся буря души его уляжется и онъ падетъ къ ногамъ старца и сокрушенно покается передъ нимъ.

Цѣлый день шелъ онъ по пустынѣ, и тревога души его не проходила; и когда онъ увидѣлъ, наконецъ, вертепъ, и тогда еще образъ Герміоны не покинулъ его.

Была одна минута, когда ему удалось покорить мучившую его грезу: это—когда онъ вступилъ во внутренній вертепъ. И если бы онъ, по обычаю, увидѣлъ стоящаго на сухихъ листьяхъ ложа, колѣнопреклоненнаго старца, въ молитвѣ, то онъ бросился бы разомъ съ нимъ на колѣна, и казалось ему, вся душа его вылилась въ одномъ воплѣ, въ одномъ крикѣ страданія, въ одномъ возгласѣ, въ одной молитвѣ о прощеніи.

Но старца не было въ пещерѣ.

И это минутное настроеніе такъ же внезапно исчезло, какъ и появилось въ душѣ несчастнаго Матоя.

Онъ нашелъ Евагрія въ огородѣ.

Съ превеликимъ трудомъ, съ сдержаннымъ стенаніемъ, сгибая свою и безъ того согбенную спину, Евагрій пололъ грядки огорода.

Солнце стояло уже низко, кровавымъ пурпуромъ окрашивая западную сторону неба и точно пожаромъ охватывая края пустыни.

Матой взошелъ за ограду и смущеннымъ робкимъ голосомъ сказалъ:

— Здравствуй, авва! Вотъ я пришелъ изъ города, куда ты посылалъ меня.

Старецъ продолжалъ свою работу, только повернулъ голову въ сторону пришедшаго и сказалъ ему въ отвѣтъ:

— Здравствуй, сынъ мой. Хорошо ли сходилъ?

— Хорошо, отче. Но я прошелся напрасно. Въ то время какъ я пришелъ въ городъ, припасы были уже отправлены къ тебѣ.

— Знаю. А отчего съ ними не прибылъ Зенонъ?

— Зенонъ боленъ,—дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ юноша.

Евагрій зорко посмотрѣлъ ему въ глаза, и чуть замѣтная усмѣшка искривила его губы.

— Отче!—сказалъ Матой,—я очень усталъ; вижу, въ глиняномъ кувшинѣ у тебя вода. Я жажду—позволь мнѣ утолить мою жажду.

И онъ протянулъ руку къ кувшину.

Но старецъ выпрямилъ свою спину съ глухимъ стономъ и спокойно отстранилъ руку Матоя своей дрожащей рукой.

Юноша съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Отче!—сказалъ онъ.—Я сдѣлалъ длинный путь, я шелъ по пустынѣ въ самый зной полудня и нигдѣ не могъ найти воды, чтобы прохладиться питьемъ.

Старецъ указалъ ему на колодезь, который отбрасывалъ отъ себя длинную тѣнь.

— Будь доволенъ тѣнью,—отвѣтилъ онъ ему,—многіе путешественники и мореплаватели терпятъ нужду—голодъ и жажду—не менѣе, а болѣе тебя. Повѣрь мнѣ, сынъ мой и братъ мой! Въ цѣлыя тридцать лѣтъ я не употреблялъ досыта ни хлѣба, ни воды, ни сна. Хлѣбъ мой ѣлъ я вѣсомъ, воду пилъ мѣрою, и позволялъ себѣ немного уснуть, прислонившись головою къ сухимъ листьямъ своего ложа. Не въ похвальбу говорю тебѣ это, а въ поученіе. Нужно сдерживать свои страсти. Повѣдаю тебѣ о нѣкоемъ старцѣ, что онъ провелъ пятьдесятъ лѣтъ въ великомъ воздержаніи, не употребляя вовсе хлѣба и употребляя воду въ самомъ умѣренномъ количествѣ. Далеко намъ съ тобою до него! Этотъ старецъ говорилъ: „я умертвилъ въ себѣ страсть блуда, тщеславія и сребролюбія“. Услышавъ, что старецъ говоритъ это, нѣкій другой старецъ, авва Авраамъ, пришелъ къ нему и спросилъ его:

„— Говорилъ ли ты то и то?

„Старецъ отвѣчалъ:

„— Говорилъ.

„Авва Авраамъ сказалъ на это:

„— Вотъ ты входишь въ хижину свою и находишь на постелѣ твоей женщину: можешь ли не подумать, что это женщина?

„— Нѣтъ! Но я борюсь съ помысломъ, чтобы не прикоснуться къ ней.

„— Значитъ, ты не умертвилъ страсти блудной; она жива въ тебѣ, но связана. Но, положимъ, ты идешь по пути, видишь

камни и обломки глиняныхъ сосудовъ, а посреди ихъ золото. Можетъ ли умъ твой обойтись безъ всякой мысли о золотѣ?

„— Нѣтъ! Но я борюсь съ помысломъ, чтобы мнѣ не взять золота.

„— Значитъ, страсть твоя жива, но связана.

„— А если придутъ къ тебѣ два брата, изъ которыхъ одинъ любитъ тебя и превозноситъ похвалами, а другой ненавидитъ и злословитъ,—примешь ли ихъ съ одинаковымъ сердечнымъ чувствомъ?

„— Нѣтъ! Но буду бороться съ помысломъ моимъ и стараться дѣлать добро ненавидящему меня наравнѣ съ любящимъ меня.

„Слѣдовательно, страсти живы, но связаны святыми помышленіями“.

Евагрій умолкъ, взглянулъ на Матоя и послѣ нѣкотораго раздумья спросилъ его:

— Понялъ ли ты меня, братъ мой?

— Понялъ, отче.

— Живы ли еще твои страсти?

— Живы.

— Можешь ли ихъ связать святыми помышленіями?

— Не... знаю, отче.

— Попробуй. Необходимо попробовать. А теперь прошу тебя, возьми этотъ сосудъ съ водой въ руки и эту корзину на голову и отправимся домой. У меня силъ нѣту нести все это.

И, какъ ни былъ утомленъ Матой, онъ исполнилъ приказаніе старца и отправился вслѣдъ за нимъ.

Руки его дрожали, ноги подкашивались, голова кружилась, въ горлѣ сохло, глаза его были окружены точно огневымъ кольцомъ. Но онъ безмолвно и безропотно исполнялъ послушаніе.

Всю дорогу они шли молча.

По прибытіи въ пещеру, Евагрій, пожелавъ доброй ночи ученику своему, удалился во внутренній вертепъ, а Матой опять усѣлся на порогѣ.

И вотъ передъ его воспаленнымъ взоромъ предстало укромное мѣсто въ очарованномъ саду, блескъ луннаго свѣта на песчаной дорожкѣ, уголъ мраморной скамьи, вырванный изъ синей тѣни высокихъ кипарисовъ яркимъ луннымъ лучомъ, и бѣлая статуя Антиноя изъ фаросскаго мрамора, безмолвно внимавшая раздававшимся въ эту ночь рѣчамъ.

И грустная мелодія печальной пѣсни коснулась его слуха.

Ему захотѣлось заплакать, но глаза его лихорадочно горѣли и были безводны и сухи, какъ безводна и суха была эта мертвая пустыня.

Точно въ воздухѣ прозвучали слова:

— „Ахъ, если бы я могла плакать, я знала бы, что такое счастье“.

И всей душою онъ понялъ этотъ скорбный крикъ.

Да, если бы онъ могъ теперь плакать, онъ почувствовалъ бы большое облегченіе въ груди. Но вотъ, онъ не могъ плакать.

Горькое чувство безпомощности овладѣло имъ.

Жажда продолжала мучить его.

Онъ всталъ, вошелъ въ переднюю пещеру, съ трудомъ поднялъ сосудъ съ водою и прильнулъ къ нему запекшимися губами. Долѣе онъ не могъ терпѣть. Конечно, это было преступленіемъ противъ наложеннаго на него послушанія, и ему опять вспомнилась волчица, обокравшая старца.

Ему сдѣлалось легче.

Онъ опять сѣлъ на порогъ. И тотчасъ же прежнія думы вызвали передъ нимъ прежнія видѣнія. Къ чему они приведутъ его? Онъ объ этомъ не думалъ. Но онъ весь превратился въ слухъ и зрѣніе.

Тщетно приводилъ онъ себѣ слова старца Евагрія:

— „Свяжи живыя страсти свои святыми помышленіями".

Но страсти, дѣйствительно, жили въ немъ, а помышленія точно умерли. И всякія мысли и чувства точно умерли въ его больной душѣ, кромѣ одной мысли о прекрасной танцовщицѣ, кромѣ одного чувства къ ней.

Онъ страдалъ ужасно.

Соблазнительный образъ Герміоны воздвигся передъ нимъ, точно живой, и Матой съ жадностью внималъ словамъ ея, въ видѣ легкаго шопота доносившимся до него:

— Я предлагала тебѣ свою любовь, и ты отказался отъ нея. Я предлагала эту любовь шутя, играя съ тобою, но если бы ты принялъ эту игру, быть можетъ, я полюбила бы тебя серьезно. Но нѣтъ, ты бѣжалъ отъ моей любви, бѣжалъ въ пустыню. Юноша! Нѣтъ такого мѣста на землѣ, куда можно было бы убѣжать отъ женской любви. Она, эта любовь, послѣдуетъ за тобою въ пустыню и будетъ терзать тебя тамъ. Мы обмѣнялись съ тобою взглядами и словами. Этого довольно. Сѣмя запало въ твою душу—и ни долгіе годы поста и молитвы, тѣлесныхъ и духовныхъ истязаній, ни сознаніе грѣха, ни борьба съ помышленіями, ничто, ничто не изгонитъ изъ души твоей этого сѣмени, пока оно не проростетъ, не дастъ цвѣта и не увянетъ естественной смертью. Въ любви, какъ и въ природѣ, наступаетъ осень. Подожди ея; подожди, пока осыпятся пожелтѣлые листья съ дерева любви, подожди, когда дожди и холодъ умертвятъ живые соки, текущіе въ его вѣтвяхъ, и когда дерево увянетъ, то и тогда душа твоя не будетъ свободна. Ты срубишь дерево, сложишь изъ сухихъ вѣтвей его костеръ, который загорится блѣднымъ слабымъ пламенемъ. И ты будешь сидѣть у этого костра и будешь грѣться около его лучей, какъ будутъ согрѣвать твой охладѣвшій и состарившійся умъ теплыя отрадныя воспоминанія юной любви и юнаго возраста. Ахъ, вѣрь мнѣ—въ этомъ жизнь и смыслъ жизни. На то и дана людямъ молодость, на то и даны людямъ возрасты. Юный, чтобы любить, зрѣлый, чтобы трудиться и все-таки любить, и старчество—чтобы каяться, молиться, отдыхать и опять любить уже далекую, давно промчавшуюся любовь. Люби!—таковъ завѣтъ Творца. Люби!—таковъ завѣтъ природы. Люби и не смущайся тѣми ужасами и карами, о которыхъ разсказываютъ вамъ, юношамъ, старцы, для которыхъ наступила глубокая зима жизни и которые давно утратили способность любить!...

Все смолкло.

Матой сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ, всматриваясь въ безконечную даль пустыни; ему казалось, что тѣни, которыя онъ видѣлъ передъ собою, качнулись, зашатались и исчезли.

Но слова этого призыва любви еще звучали въ его ушахъ и наполняли все существо его страстнымъ трепетомъ.

И онъ не зналъ, шли ли эти слова въ его душу изъ тьмы этой пустыни или зародились они у него въ душѣ и громко требовали выхода.

Онъ провелъ ужасную ночь.

Терзанія его дошли до высшей степени къ утру. Онъ упалъ на землю ницъ, и горячая мольба къ Богу сорвалась съ его устъ:

— Господи! — молился онъ. — Вотъ я здѣсь передъ лицомъ Твоимъ, одинокій, безсильный, смущенный! Научи меня, что дѣлать, какъ поступить. Сердце мое разрывается на части, и чувствую я, что великое горе приближается ко мнѣ. Господи! Я гибну... Долгіе годы воздержанія, поста, трудовъ и молитвы привели меня къ тому, съ чего начинаютъ всѣ юноши. Ты, который живешь въ каждой человѣческой душѣ, свяжи святыми помыслами страсти, живущія во мнѣ. И если Ты царишь въ душѣ моей, Господь всего сущаго, то какъ могутъ царить въ ней рядомъ съ Тобою гнусныя страсти? Совершенная любовь къ Богу противустоитъ внутреннимъ бранямъ, поборая ихъ волею Божіей и покоряя ихъ ей. Отчего же брани вопіютъ громче, чѣмъ любовь къ Богу? Или Ты оставилъ меня за грѣхи мои?

Матой замолкъ, прислушиваясь къ тому, что происходило въ душѣ его.

Но тамъ все еще безраздѣльно царилъ образъ Герміоны, и даже молитва не могла изгнать его оттуда.

Такъ промучился юноша всю ночь до разсвѣта, ни на одно мгновеніе не сомкнувъ своихъ глазъ.

Старецъ давно уже проснулся и тихимъ голосомъ читалъ въ глубинѣ пещеры молитвы.

Потомъ, когда онъ кончилъ, то позвалъ юношу.

— Матой!—сказалъ онъ ему.

— Я здѣсь, авва.

— Какъ провелъ ты ночь?—спросилъ ласково Евагрій, когда юноша подошелъ къ нему.

— Я спалъ, авва.

Старецъ недовѣрчиво посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Встань къ свѣту, чтобы я видѣлъ лице твое.

— Вотъ, авва.

— Братъ мой!—проговорилъ старецъ. — Лице твое потемнѣло, и глаза твои приняли необыкновенный блескъ. Ротъ твой изсохъ и губы запеклись; руки твои дрожатъ. Нечисто на душѣ твоей, и смущаютъ тебя грѣшныя мысли. И ты не спалъ ночью, потому что, просыпаясь отъ тонкаго сна, который напалъ на меня, я слышалъ твои стоны. И ты солгалъ мнѣ, сказавъ, что провелъ ночь спокойно. Юноша! Тому ли я училъ тебя и старался вло-

жить въ тебя духъ правды, любовь къ истинѣ? Вотъ, ты вступилъ на стезю лжи и упорствуешь идти по ней.

— Такъ, отче! — сказалъ ему въ отвѣтъ Матой. — Я солгалъ тебѣ. Меня одолѣваютъ многія брани.

— Какія же брани, сынъ мой?

— Ослушавшись тебя, я выпилъ вчера воды изъ кружки.

— Ослушаніе есть величайшій грѣхъ. Если я запретилъ тебѣ утолить твою жажду, то сдѣлалъ это для того, чтобы тѣлесными мученіями убить въ тебѣ мученія духа твоего. Ибо я видѣлъ, что ты мучаешься, что душа твоя смятена. Но какая брань мучаетъ тебя?

— Брань любострастія.

— Жестокая брань! — грустнымъ голосомъ проговорилъ Евагрій. — Не услышалъ Господь, какъ молился я грѣшный, чтобы онъ покрылъ тебя отъ соблазна во время твоего пребыванія въ городѣ. Быть можетъ, не слѣдовало и посылать тебя. Но я хотѣлъ испытать твою душу. Столько лѣтъ воздвигалъ я въ душѣ твоей стройное и крѣпкое зданіе благочестія. Сколько трудовъ и заботъ положилъ я на это! И вотъ одного дуновенія вѣтерка было достаточно, чтобы поколебать его и разрушить! На пескѣ строилъ я, ибо прежде нужно было укрѣпить зыбкій песокъ подвижной души твоей. Говори дальше.

— Отче! Я встрѣтилъ въ городѣ женщину. Красота ея необыкновенна. Взоръ ея проникъ мнѣ въ душу и зажегъ ее. Что дѣлать мнѣ? Я боролся, какъ могъ, какъ умѣлъ. Я бѣжалъ отъ нея сюда въ пустыню, но и здѣсь образъ ея не покинулъ меня. Страсть овладѣла мною. Страсть жива во мнѣ. Всю ночь старался я связать эту страсть святыми помышленіями и молитвами, и это не удалось мнѣ.

— Легко пріобрѣтается болѣзнь,—задумчиво проговорилъ Евагрій,—труденъ путь исцѣленія. Неисповѣдимы пути Господни. И, быть можетъ, насылаетъ Онъ на тебя это искушеніе съ благою цѣлью. Молись!

— Всю ночь молился я, авва. Уста мои шептали святыя слова молитвы, а мысли мои были далеки отъ нея. Умъ мой взывалъ ко Господу, а сердце звало къ ней, къ красавицѣ Герміонѣ. Я старался вызвать въ воображеніи образъ Бога, а вмѣсто Него возникалъ образъ женщины. Если бы Богъ не скрывалъ лица Своего отъ рабовъ своихъ, намъ легче было бы бороться. А то мы знаемъ, что Богъ существуетъ, но никто изъ насъ никогда не видѣлъ Его...

— Замолчи! — строго сказалъ Евагрій. — Вотъ ты теперь принялся за осужденіе Создателя. Кайся!

— Я каюсь, авва. Не тебѣ ли покаялся я въ угнетающей меня брани?

— Трудись!

— Всю жизнь трудился я съ тобою вмѣстѣ въ этой страшной пустынѣ, отче! И весь трудъ моей жизни не спасъ меня отъ соблазна и искушенія.

— Такъ чего же ты хочешь?

Матой ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, низко опустивъ голову и отдавшись своимъ думамъ.

— Авва!—вдругъ жалобнымъ, но сильнымъ воплемъ вырвалось у него.—Я хочу любить! Хочу познать женскую ласку! Хочу ощутить въ своей душѣ это неизвѣданное, незнакомое мнѣ чувство. Страшно жизнь прожить безъ любви! Отчего любить—грѣхъ? Отчего женщину нужно презирать и ненавидѣть? Не самъ ли Господь училъ прощать и любить? Отчего нужно бѣжать ея, какъ нечистаго созданія, когда она — созданіе того же Творца? Вотъ что мучаетъ, что безпокоитъ, что волнуетъ меня. И любить, любить хочу я, и никакая молитва не угаситъ того пламени, который горитъ въ душѣ моей.

Старецъ на этотъ разъ сурово и непривѣтно посмотрѣлъ на юношу.

Онъ сказалъ Матою, послѣ продолжительнаго молчанія:

— Душа твоя возмущена. Нерадѣніемъ твоимъ открылъ ты ее духу злобы, духу сомнѣнія. Язва глубже, нежели я предполагалъ. Сокровище монаха—послушаніе. Стяжавшій послушаніе будетъ услышанъ Богомъ и со дерзновеніемъ предстанетъ Распявшемуся за насъ: потому что Господь, распявшійся за насъ, „послушливъ былъ до смерти". Ты презрѣлъ это сокровище. Какъ левъ страшенъ для дикихъ ословъ, такъ страшенъ искусный монахъ для помысловъ вожделѣнія.

„Ты не искусный монахъ. Изсушенное постомъ тѣло инока извлекаетъ душу его изъ пропасти. Недостаточно изсушено тѣло твое и не помыслы твои владѣютъ имъ, а, напротивъ тѣло—помыслами.

„Намъ должно приготовляться къ напасти прежде пришествія напасти, чтобы оказаться искусными въ то время, когда она придетъ.

„Не спрашивай: почему? и отчего? Подражай смиреніемъ мытарю, чтобы не быть осужденнымъ подобно фарисею; послѣдуй кротости Моисея, чтобы избавиться отъ окаменѣнія сердечнаго и придти къ источникамъ водъ.

„Жительствомъ своимъ да уподобляется монахъ ангеламъ; да сожигаетъ онъ и истребляетъ въ себѣ грѣхъ.

„Ты мудрствуешь лукаво, вмѣсто того, чтобы просто вручить Богу больную душу твою и смиренно молить Его объ уврачеваніи ея. Что тебѣ женщина, которую ты видѣлъ одинъ день, и которая можетъ погубить тебя на вѣки? Святость монаха въ цѣломудріи. женщина—источникъ соблазна. Вотъ почему монаху предписано бѣжать женщинъ".

В. Свѣтловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

На рубежѣ XIX вѣка [1].

Послѣ паденія архіепископа Бріенна, государственнымъ министромъ и генеральнымъ контролеромъ финансовъ снова былъ назначенъ тотъ же неизбѣжный Неккеръ. Онъ все еще былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во Франціи и на этотъ разъ ему тоже удалось при помощи своего личнаго кредита устранить особенно тягостныя финансовыя затрудненія. Сверхъ того, задачей его было созваніе генеральныхъ штатовъ, не собиравшихся еще съ 1615 г. Вся Франція, вся Европа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за этимъ начинаніемъ, обѣщавшимъ произвести существенныя измѣненія въ общественномъ строѣ.

Но сейчасъ же возникло новое затрудненіе. Неккеръ имѣлъ въ виду только финансы; въ созваніи генеральныхъ штатовъ онъ видѣлъ лишь средство достать денегъ путемъ обложенія земель дворянства и духовенства. Но при старой организаціи генеральныхъ штатовъ ожидать этого было невозможно, такъ какъ въ нихъ всѣ три сословія были представлены равномѣрно. При такихъ условіяхъ, производилось ли бы голосованіе по числу депутатовъ, или по сословіямъ,— третье сословіе неизбѣжно должно было остаться въ меньшинствѣ, такъ какъ оба привилегированныя сословія, естественно, держались вмѣстѣ. Неккеру надо было усилить представительство третьяго сословія въ генеральныхъ штатахъ настолько, чтобы его не могли подавить своей численностью представители дворянства и духовенства. Послѣ долгихъ колебаній король согласился на это предложеніе. Но эдикты, которыми опредѣлялось удвоеніе числа пред-

[1]) См. „Вѣстн. вс. ист.“, № 2.

ставителей отъ третьяго сословія и голосованіе по числу депутатовъ, встрѣтили самое упорное противодѣйствіе со стороны парламента. Парламентъ отмѣнилъ также новое собраніе нотаблей, созванное Неккеромъ въ ноябрѣ 1788 года въ Версаль. Казалось, что этотъ планъ грандіозной реформы разобьется о пустую формалистику, затѣянную ограниченнымъ и неловкимъ Неккеромъ безъ всякой надобности, потому что общественное мнѣніе, весь народъ, за исключеніемъ привилегированныхъ сословій, стоялъ теперь на сторонѣ Неккера. Парламентъ, вслѣдствіе своего сопротивленія измѣненіямъ въ составѣ генеральныхъ штатовъ, сразу потерялъ всю свою популярность. У массы третьяго сословія теперь открылись глаза: она поняла, что парламентъ дѣйствовалъ только въ интересахъ привилегированныхъ. Въ борьбѣ приняла участіе пресса со своимъ разъясняющимъ и ободряющимъ голосомъ. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣла брошюра Сійеса; она съ быстротою молніи освѣтила положеніе дѣлъ. Она носила заглавіе: „Что такое третье сословіе?“ Выяснивъ въ ней кратко и ясно всю важность этого сословія, авторъ говорилъ: „Третье сословіе теперь—ничто. Чѣмъ же оно могло бы стать?—Всѣмъ!“ Сочиненіе это произвело громадное впечатлѣніе и доставило своему—автору мѣсто въ генеральныхъ штатахъ.

А Неккеръ все продолжалъ дѣйствовать со своей обычной неловкостью. Онъ оставилъ нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, будутъ ли рѣшать генеральные штаты дѣла по сословіямъ, или по числу голосовъ, и этимъ накликалъ на будущее національное собраніе массу распрей и раздоровъ. Наконецъ, онъ собрался съ духомъ и предложилъ парламенту занести въ регистръ предписаніе о созывѣ генеральныхъ штатовъ, что парламентъ и исполнилъ. Онъ не указалъ парламенту ни способа созванія генеральныхъ штатовъ, ни порядка ихъ засѣданій и совѣщаній, хотя и могъ бы рѣшиться на это.

Когда появилось окончательное предписаніе о созваніи генеральныхъ штатовъ на 27 апрѣля 1789 г., вся Франція огласилась кликами радости и восторга. Всѣ чувствовали, что настаетъ новая эпоха; отъ генеральныхъ штатовъ ожидали коренныхъ преобразованій государства и общества. Уже по избирательному движенію можно было видѣть, что генеральные штаты выступятъ противъ правительства. Но они были необходимы, потому что надо же было положить

конецъ денежнымъ затрудненіямъ, и оставалось только ждать страшной бури. Дворяне и вообще, привилегированные, на сторонѣ которыхъ, въ парламентахъ, еще такъ недавно было расположеніе народа, теперь, вслѣдствіе своего сопротивленія новой организаціи генеральныхъ штатовъ, совершенно потеряли его. Они видѣли, что ихъ привилегіи подвергаются новой опасности и что эта опасность идетъ теперь не со стороны двора, а со стороны народа. Поэтому они снова обратились къ двору, чтобы попытаться отразить угрожающую опасность соединенными силами. Король безучастно смотрѣлъ на собирающіяся на горизонтѣ грозныя тучи и—еще ревностнѣе предался охотѣ.

* * *

Франція должна была избрать 1.214 депутатовъ; изъ нихъ треть падала на третье сословіе, треть — на дворянство и треть — на духовенство. Духовенство и дворянство избирали своихъ представителей непосредственно, третьему же сословію были предписаны косвенные выборы посредствомъ особыхъ избирателей. Права на избраніе были очень расширены. Выбирались одновременно и замѣстители для депутатовъ. Депутатовъ третьяго сословія въ городахъ выбирали по цехамъ и кварталамъ. Окружное собраніе избирателей какой-либо мѣстности составлялось изъ постоянныхъ жителей этой мѣстности, непринадлежавшихъ ни къ дворянскому, ни къ духовному сословіямъ и достигшихъ 25-лѣтняго возраста. Участвовать въ выборахъ могъ каждый, занимавшій какую-либо должность, имѣвшій какой-нибудь чинъ или званіе мастера и, наконецъ, каждый, кто могъ представить податную квитанцію въ доказательство того, что онъ платилъ налогъ не менѣе шести франковъ въ годъ. Власти и привилегированные употребили всѣ усилія, чтобы не допустить оппозиціонныхъ выборовъ, но это имъ не удалось. Выборы третьяго сословія почти повсюду были сдѣланы въ духѣ новыхъ вѣяній, и между представителями дворянства и духовенства тоже было немало людей, преданныхъ народному дѣлу. Только въ Парижѣ, отъ котораго прежде всего ожидали безусловно оппозиціонныхъ выборовъ, властямъ удалось посредствомъ различныхъ избирательныхъ маневровъ устроить выборы реакціонные. Парижъ долженъ былъ избрать 20 представителей для третьяго сословія, 10 для дворян-

ства и 10 для духовенства. Этотъ городъ, бывшій центромъ, душою революціи, имѣлъ тогда около 600.000 жителей. Городъ былъ раздѣленъ для выборовъ на 60 округовъ (arrondissements). Населеніе рабочихъ кварталовъ почти цѣликомъ было исключено изъ участія въ выборахъ, потому что лишь немногіе изъ рабочихъ могли представить необходимыя податныя квитанціи; число мастеровъ было тоже незначительно. Было предпринято три избирательныхъ похода, и столь тщательно просѣянные депутаты оказались сторонниками стараго режима. Такой результатъ выборовъ подѣйствовалъ на столицу угнетающимъ образомъ, и избиратели предмѣстій сильно жаловались на то, что масса рабочихъ была исключена изъ участія въ выборахъ. Общіе результаты всѣхъ выборовъ были таковы: дворянство избрало 242 депутата изъ придворныхъ и помѣстныхъ дворянъ и 28 изъ должностныхъ дворянъ, которые всѣ были членами парламентовъ. Духовенство было представлено 48 архіепископами и епископами, 35 аббатами и деканами и 208 священниками. Наконецъ, третье сословіе выбрало 2 духовныхъ, 12 дворянъ, 18 членовъ городскихъ совѣтовъ, 100 гражданскихъ чиновниковъ, 212 адвокатовъ, 16 врачей и 216 купцовъ и сельскихъ хозяевъ.

Правительство не говорило въ своихъ предписаніяхъ ни слова о той задачѣ, которую предстояло рѣшить генеральнымъ штатамъ. Но избиратели сами съумѣли помочь горю: они снабдили своихъ депутатовъ извѣстными наказами (cahiers), въ которыхъ высказали свои жалобы и желанія. Желанія избирателей, понятно, были чрезвычайно разношерстны, но всѣ они сходились въ одномъ, а именно въ томъ, что генеральные штаты должны преобразовать государство и общество и выработать съ этою цѣлью основные государственные законы,— полную конституцію государства. Эта конституція должна была дать Франціи форму наслѣдственной ограниченной монархіи. Хотѣли прежде всего, чтобы ни одинъ налогъ не могъ быть введенъ, ни одинъ заемъ не могъ быть заключенъ безъ утвержденія народнаго представительства, чтобы собственность и личная свобода были вполнѣ гарантированы отъ всякихъ посягательствъ. Относительно состава и правъ народнаго представительства были сдѣланы самыя разнообразныя предложенія.

Французская нація ожидала всего отъ этого собранія. Монархія мечтала о томъ, какъ бы прочнѣе утвердиться на

почвѣ ожидаемыхъ основныхъ государственныхъ законовъ; дворянство и духовенство надѣялись вынести изъ парламентскихъ дебатовъ неповрежденными свои привилегіи. Буржуазія хотѣла добиться личной свободы и обезпеченности собственности; ремесленники надѣялись на избавленіе отъ полицейскаго гнета и на увеличеніе заработка; сельское населеніе ждало уничтоженія страшнаго бремени податей, всяческихъ поборовъ, барщины, освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Среди этихъ надеждъ и опасеній собралось въ Версалѣ 5 мая 1789 г. національное собраніе. Версаль былъ избранъ мѣстомъ засѣданій собранія съ той цѣлью, чтобы удалить его отъ вліянія взволнованной столицы.

Открытіе собранія было совершено со всей торжественностью, которую дворъ обыкновенно соблюдалъ въ подобныхъ случаяхъ. Прежде всего собраніе съ королемъ, королевой, принцами и высшими сановниками двора во главѣ отправилось въ церковь. Необозримая масса народа толпилась кругомъ, чтобы увидѣть представителей націи; народъ былъ вначалѣ чрезвычайно воодушевленъ. Но вскорѣ его воодушевленіе охладилось, когда онъ увидѣлъ, какъ дворъ, признававшій права третьяго сословія лишь противъ собственной воли и по необходимости, разными мелочными, но вызывающими мѣрами давалъ ему чувствовать всю свою враждебность къ нему. Три сословія должны были держаться отдѣльно другъ отъ друга. Дворянство явилось въ своемъ парадномъ платьѣ, въ шляпахъ, украшенныхъ перьями, и со шпагами, духовенство— въ церковномъ облаченіи, третье же сословіе въ простомъ черномъ платьѣ, въ шелковыхъ плащахъ, въ шляпахъ безъ перьевъ и безъ шпагъ. Въ залъ засѣданія представители привилегированныхъ, свысока смотрѣвшіе на третье сословіе, вошли черезъ большую парадную дверь, представители же третьяго сословія были впущены черезъ боковую дверь. Сидѣнія для представителей третьяго сословія были устроены ниже сидѣній для привилегированныхъ. Представители третьяго сословія почувствовали, что ихъ хотятъ унизить, и они дали понять это. Когда явился король для произнесенія тронной рѣчи, сопровождаемый по традиціонному обычаю королевой и принцами, онъ надѣлъ шляпу,—дворянство и духовенство покрыли головы: третье сословіе тоже надѣло свои шляпы; присутствовавшіе при торжествѣ королевскіе церемоніймейстеры были внѣ

себя отъ этой дерзости. Третье сословіе дало этимъ понять, что время его приниженности прошло.

Тронная рѣчь была вообще ничего не выражающей: Людовикъ XVI говорилъ о денежныхъ затрудненіяхъ, высказывалъ надежду на бережливость въ будущемъ, убѣждалъ дѣйствовать единодушно. Послѣ него хранитель большой печати разразился рѣчью противъ духа новшествъ и неповиновенія. Онъ говорилъ о справедливыхъ требованіяхъ, которымъ король соизволилъ дать свое одобреніе, совершенно забывая при этомъ, что именно для установленія этихъ требованій теперь и было созвано собраніе; говорилъ о безразсудныхъ толкахъ новаторовъ, которымъ король благоволилъ не придавать должнаго значенія, объ утопіяхъ и опасныхъ нововшествахъ, которыя хотятъ ввести вмѣсто незыблемыхъ основныхъ законовъ монархіи. Затѣмъ, генеральнымъ штатамъ сообщалось, что̀ они должны дѣлать. Они должны были по всѣмъ вопросамъ, за исключеніемъ финансовыхъ, голосовать по сословіямъ т. е., должны были привлечь привилегированныхъ къ податному обложенію и доставить правительству деньги. Затѣмъ, имъ предстояло обсудить законъ о свободѣ прессы, а также измѣненія въ уголовномъ и гражданскомъ законодательствѣ. Ни о чемъ больше не было и рѣчи. Послѣ этого заговорилъ Неккеръ,—точно лишь затѣмъ, чтобы показать, что онъ вовсе не былъ государственнымъ человѣкомъ. Человѣкъ, который провелъ созваніе генеральныхъ штатовъ, любимецъ третьяго сословія, человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ, въ своей трехчасовой рѣчи, напичканной массой цифръ, трактовалъ о финансовыхъ дѣлахъ и больше ни о чемъ. Ни слова онъ не сказалъ о голосованіи—о главномъ и существенномъ вопросѣ: голосовать ли генеральнымъ штатамъ по числу депутатовъ, или по сословіямъ.

Такое поведеніе двора и его министровъ вполнѣ разъяснило представителямъ третьяго сословія ихъ положеніе. Они увидѣли, что дворъ и министры рѣшились просто игнорировать тѣ желанія и требованія, которыя были выражены въ ихъ наказахъ. При другихъ условіяхъ между ними, можетъ быть, возникли бы раздоры и несогласія, но теперь, въ виду всего этого, они единодушно рѣшились отстаивать свои права и требованія своихъ избирателей до послѣдней крайности. Правительство назначило для каждаго изъ трехъ сословій отдѣльный залъ. Третьему сословію, какъ самому

многочисленному, былъ отведенъ залъ общаго засѣданія. Этимъ самимъ по себѣ незначительнымъ обстоятельствомъ третье сословіе воспользовалось съ большой ловкостью. Оно послало обоимъ другимъ сословіямъ приглашеніе явиться въ общій залъ для провѣрки выборовъ. Но гордые представители привилегированныхъ игнорировали это приглашеніе, хотя требованіе совмѣстной провѣрки выборовъ было вполнѣ основательнымъ. Они хотѣли конституироваться отдѣльно, между тѣмъ какъ третье сословіе очень разумно не сдѣлало этого: оно объявило, что депутаты, засѣдающіе въ общей залѣ, не представляютъ какого-либо отдѣльнаго сословія, а составляютъ лишь часть общаго собранія. Переговоры не приводили ни къ чему. Страна съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за собраніемъ генеральныхъ штатовъ,—между тѣмъ, прошло уже почти шесть недѣль, а собраніе все еще не конституировалось. Знаменитый ученый Балльи, ставшій позже парижскимъ мэромъ, открылъ теперь революцію, въ которой ему предстояло погибнуть; онъ былъ избранъ президентомъ собранія, засѣдавшаго въ общей залѣ совѣщанія. Онъ и аббатъ Сійесъ ясно видѣли, что должно совершиться что-нибудь особенное для того, чтобы заставить собраніе объединиться и провести голосованіе по числу депутатовъ. Между тѣмъ, удалось склонить нѣкоторую часть священниковъ присоединиться къ депутатамъ, засѣдавшимъ въ общей залѣ: низшее духовенство почти все было предано дѣлу народа. 17 іюня 1789 г., наконецъ, былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ. По предложенію Сійеса было постановлено большинствомъ 491 голоса противъ 90, что депутаты, собравшіеся въ общей залѣ засѣданій, считаютъ себя представительствомъ всей французской націи подъ именемъ національнаго собранія. Къ этому постановленію были немедленно же прибавлены и дальнѣйшія, а именно, что одно лишь національное собраніе имѣетъ право утверждать новые налоги, что налоги, существовавшіе до того времени, хотя они и противузаконны, должны оставаться въ силѣ, пока національное собраніе не будетъ распущено. Далѣе, было установлено, что государственный долгъ гарантируется чувствомъ чести французской націи, но лишь до тѣхъ поръ, пока національное собраніе будетъ имѣть возможность работать безъ всякихъ помѣхъ надъ преобразованіемъ Франціи. Эти рѣшенія были очень разумны и особенно послѣднее, которое связывало интересы кредиторовъ государства съ существованіемъ собранія.

Масса населенія, увидѣвшая наконецъ настоящее дѣло, съ криками восторга встрѣтила постановленія депутатовъ третьяго сословія. Рѣшительность третьяго сословія привела въ страшное смятеніе дворъ и привилегированныхъ. Дворянство и духовенство были совершенно безпомощны; объявить себя верхней палатой, что имъ предлагалъ Монтескіу (Monteskiou), они не рѣшались. Король, побуждаемый дворянствомъ, духовенствомъ и парламентами выступить противъ третьяго сословія, снова всецѣло перешелъ на сторону привилегированныхъ. Неккеръ совѣтовалъ королю собрать всѣ три сословія, всѣ рѣшенія третьяго сословія объявить неимѣющими никакого значенія, обѣщать нѣкоторыя реформы и пригрозить собранію въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія распущеніемъ. Настолько безхарактернымъ оказался теперь этотъ женевскій банкиръ. Но еще безхарактернѣе былъ парижскій парламентъ. Эта корпорація, которая недавно декретировала, что право утвержденія налоговъ принадлежитъ только генеральнымъ штатамъ, теперь предложила королю признать законными всѣ эдикты о налогахъ, какіе только онъ издастъ, если онъ распуститъ генеральные штаты.

Король поддался вліянію привилегированныхъ и согласился исполнить ихъ желанія. Но вышло нѣчто совсѣмъ непохожее на то, о чемъ думали, на что надѣялись дворъ и привилегированные.

* * *

Смѣлость и рѣшительность всегда импонируютъ, и образъ дѣйствій національнаго собранія не могъ не произвести громаднаго вліянія на тѣхъ членовъ другихъ сословій, которые склонны были защищать народные интересы. Большинство представителей духовенства рѣшило присоединиться къ національному собранію. Дворъ задумалъ помѣшать этому соединенію или оттянуть его до того дня, когда король явится въ собраніе и положитъ конецъ наглости черни, какъ выражались благородные chevaliers. Для этого затѣваемаго насилія придумали самый смѣшной предлогъ, будто залъ надо приготовить для королевскаго засѣданія и будто поэтому засѣданіе національнаго собранія необходимо отложить. Это было сообщено письменно оберъ-церемоніймейстеромъ, графомъ Дре-Брезе (Dreux Brézé), утромъ 20 іюня президенту Балльи. Балльи отвѣтилъ также письменно, что со-

отвѣтствующее предписаніе короля имъ не получено, на сообщеніе же оберъ-церемоніймейстера онъ не можетъ обращать вниманія. Когда депутаты собрались, залъ засѣданій оказался запертымъ и окруженнымъ солдатами, которые не пропускали ихъ. Но это насиліе не лишило депутатовъ присутствія духа: они заранѣе были готовы къ подобнымъ сюрпризамъ. Они рѣшили, по предложенію доктора Гильотена, котораго слишкомъ прославила названная по его имени машина для исполненія смертныхъ приговоровъ, перейти въ городское Зданіе Мяча. Въ этомъ зданіи былъ большой залъ, приспособленный для игры въ мячъ, лишенный всякой мебели; здѣсь и собрались депутаты. Они должны были обсуждать дѣла стоя и въ совершенно пустомъ залѣ. Принесли скамью, и съ этой скамьи полились пламенныя, возбужденныя рѣчи. Было сдѣлано предложеніе отправиться въ Парижъ и отдать себя подъ защиту парижскаго населенія. Но Мунье предложилъ, чтобы собраніе дало клятву не расходиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно выработана столь желанная, столь настоятельно требуемая народомъ конституція. Собраніе съ самоотверженнымъ воодушевленіемъ минуты приняло предложеніе Мунье, и Балльи, ставъ на стулъ, прочелъ депутатамъ слѣдующую присягу:

„Вы клянетесь впредь не расходиться и собираться повсюду, гдѣ лишь позволятъ обстоятельства, до тѣхъ поръ, пока не будетъ создана и утверждена на прочныхъ основаніяхъ конституція королевства!"

Съ бурнымъ воодушевленіемъ все собраніе подняло руки и дало эту достопримѣчательную присягу. „Клянемся!" раздалось шестьсотъ голосовъ депутатовъ, а тысячная масса народа, толпившагося вокругъ Зданія Мяча, отвѣтила на эту клятву шумнымъ крикомъ бѣшенаго восторга:

„Да здравствуетъ національное собраніе!"

Немедленно было рѣшено сейчасъ же подписать формулу присяги, чтобы этимъ окончательно связать себя, при чемъ только одинъ государственный депутатъ, юристъ, протестовалъ противъ присяги. У третьяго сословія оказался лишь одинъ депутатъ, неоправдавшій довѣрія народа.

На другой день національное собраніе собралось въ церкви св. Людовика; здѣсь къ нему присоединилось 149 депутатовъ духовенства. Опираясь на симпатіи и довѣріе народа, національное собраніе шагъ за шагомъ шло впередъ, приближаясь къ исполненію своей громадной за-

дачи, къ разрушенію стараго феодальнаго строя. Клятва эта стала скалой, о которую разбились всѣ затѣи насильственныхъ переворотовъ со стороны правительства.

***

Неккеръ предложилъ королю лишить рѣшенія третьяго сословія всякой силы и значенія, объявить наказы депутатовъ несуществующими, обѣщавъ нѣкоторыя реформы, какъ уменьшеніе налоговъ, уничтоженіе предписаній объ арестахъ, свобода печати и т. п. Король согласился было на это предложеніе, но королева убѣдила его взять назадъ свое согласіе. Вслѣдствіе этого Неккеръ не явился на важное засѣданіе 23 іюня, что снова нѣсколько возстановило его популярность.

Людовикъ XVI явился 23-го іюня съ такой же торжественностью, какъ и во время открытія генеральныхъ штатовъ въ большой залѣ засѣданій. Всѣ три сословія собрались, но депутатовъ третьяго сословія долго держали на улицѣ подъ дождемъ и, только когда они вторично заявили о себѣ, ихъ впустили черезъ боковую дверь. Король держалъ рѣчь, въ которой онъ порицалъ раздоры, возникшіе между представителями отдѣльныхъ сословій, и объявилъ рѣшенія третьяго сословія, „такъ называемаго національнаго собранія", неимѣющими никакого значенія. Внушенія королевы и двора сказывались въ этой рѣчи со всей ясностью. Король увѣрялъ, будто онъ всегда заботился исключительно о благѣ народа. Затѣмъ, король обѣщалъ дать конституцію съ тремя палатами и ввести обложеніе налогами имуществъ привилегированныхъ, если они сами согласятся на это, что звучало насмѣшкой. Онъ имѣлъ въ виду обезпечить свободу личности „въ надлежащихъ размѣрахъ" и даровать правильно собирающимся генеральнымъ штатамъ право утвержденія налоговъ. При всѣхъ реформахъ собственность каждаго лица должна остаться неприкосновенной: эта оговорка уничтожала все, что онъ обѣщалъ сдѣлать. Въ общемъ внутренняя фальшь и двусмысленность этихъ обѣщаній просвѣчивали такъ ясно, что у всѣхъ, дѣйствительно желавшихъ реформъ, недовѣріе къ двору еще больше увеличилось. Въ концѣ своей рѣчи Людовикъ сказалъ самымъ высокомѣрнымъ тономъ: „Я повелѣваю вамъ, господа, немедленно разойтись,

и завтра пусть каждый явится въ залъ, отведенный для его сословія!"

Дворянство и духовенство исполнили королевское повелѣніе: по уходѣ короля они оставили залъ. Но депутаты, объявившіе себя національнымъ собраніемъ, остались въ залѣ въ глубокомъ молчаніи. Молчаніе представителей народа было очень краснорѣчиво, но еще краснорѣчивѣе былъ голосъ, который теперь раздался въ залѣ и вышелъ изъ устъ человѣка, открывшаго собой длинный рядъ импонирующихъ дѣятелей этой революціи, голосъ Мирабо.

Оноре-Габріэль-Викторъ-Рикети графъ де-Мирабо, сынъ одного провансальскаго дворянина, извѣстнаго писателя, — геніально одаренная, пылкая, страстная натура, — рано попалъ въ конфликтъ со своимъ суровымъ отцомъ и людьми сѣрой будничной жизни. Онъ поступилъ въ армію, но она оказалась ему не по вкусу, и онъ велъ разнузданную жизнь въ морѣ долговъ и страстей. Отецъ при помощи пресловутыхъ предписаній объ арестахъ заключилъ его въ казематы острова Ре (Rhe), потомъ въ Ивъ (If) и, наконецъ, въ Жу (Joux). Изъ Жу онъ бѣжалъ въ Голландію и увезъ съ собой молодую, красивую жену одного стараго члена парламента. За это онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, и его изображеніе было повѣшено. Голландія выдала его, и онъ просидѣлъ два года въ Венсенѣ. Освобожденный, наконецъ, изъ тюрьмы, онъ былъ посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Берлинъ. Здѣсь онъ написалъ книгу о Пруссіи, и его за нее выслали. Вернувшись во Францію, онъ своими сочиненіями противъ французскаго государственнаго строя, который онъ такъ страстно ненавидѣлъ, навлекъ на себя новое предписаніе объ арестѣ; но тутъ настала революція. Дворянство инстинктивно ненавидѣло этого выдающагося человѣка, и онъ примкнулъ къ третьему сословію. Народъ часто устраивалъ смѣлому писателю оваціи и тріумфы. Для того, чтобы быть избраннымъ въ генеральные штаты, онъ долженъ былъ пріобрѣсть себѣ общественное положеніе среди третьяго сословія и съ этой цѣлью открылъ магазинъ для продажи сукна. Такъ, онъ явился въ генеральные штаты, исполненный жажды мести правительству, такъ долго таскавшему его по тюрьмамъ, и дворянству, вытолкнувшему его изъ своей среды. Старый режимъ не могъ найти болѣе страшнаго противника, также какъ третье сословіе—болѣе желаннаго вождя. Ми-

рабо обладалъ высокими талантами государственнаго человѣка; это былъ однимъ изъ величайшихъ парламентскихъ ораторовъ всѣхъ временъ, политическій геній первой величины. Къ сожалѣнію, онъ навсегда запятналъ свое столь блестящее имя, унизившись до того, что позволилъ двору подкупить себя. Но теперь онъ быстро поднялся на всю высоту своего значенія. Мирабо было тогда ровно сорокъ лѣтъ. Его могучая фигура съ лицомъ, изрытымъ оспой, съ рѣзкими жестами, съ сильнымъ паѳосомъ, ѣдкимъ сарказмомъ и громовымъ голосомъ была живымъ протестомъ противъ жестокости правительства; для двора и привилегированныхъ, которымъ предстояло вынести всю страшную силу нападенія Мирабо, она была воплощеннымъ судомъ исторіи.

Теперь онъ говорилъ, что королю нечего обращаться къ этому собранію. Онъ съ жаромъ напомнилъ о клятвѣ въ Зданіи Мяча. Въ эту минуту вошелъ несчастный оберъ-церемоніймейстеръ Дре-Брезе и спросилъ президента Балльи, слыхалъ ли онъ повелѣніе короля? Балльи отвѣтилъ уклончиво, что собраніе должно еще предварительно обсудить этотъ вопросъ. Тутъ выступилъ противъ придворнаго сановника Мирабо. Давъ ему понять, что онъ въ этомъ собраніи не имѣетъ не только права говорить, но и вообще никакихъ правъ, онъ прогремѣлъ своимъ грознымъ голосомъ: „Мы собрались здѣсь по волѣ народа и насъ можно прогнать отсюда только силой штыковъ! Передайте это вашему господину!" Среди бури одобреній придворный исчезъ, и Сійесъ обратился къ собранію съ краткими, но знаменательными словами: „Мы сегодня—все то же, что были и вчера. Обсудимъ, какъ намъ быть!" И такъ какъ показалось войско, то собраніе, по предложенію Барнава, молодаго, пылкаго, краснорѣчиваго адвоката, установило неприкосновенность членовъ національнаго собранія.

Всеобщее броженіе привело дворъ въ замѣшательство, и онъ оставилъ свою затѣю государственнаго переворота, за выполненіе которой онъ уже принялся. Людовикъ моментально потерялъ все присутствіе духа и отвѣтилъ оберъ-церемоніймейстеру, передавшему ему слова Мирабо: „если господа представители третьяго сословія не хотятъ оставить залъ, то они могутъ оставаться въ немъ". И они остались, отстаивая свое право выработать конституцію. Они стали Учредительнымъ Собраніемъ. Дворъ же потерялъ 23 іюня послѣдніе остатки своего авторитета.

Неккеръ просилъ было объ отставкѣ, но вслѣдствіе настояній короля и королевы, при чемъ эта послѣдняя обѣщала слѣдовать всѣмъ его совѣтамъ, взялъ свою просьбу обратно. Между тѣмъ, 47 человѣкъ дворянскаго сословія, съ герцогомъ Орлеанскимъ во главѣ, также присоединились къ національному собранію. Король, призназшій теперь уже значеніе національнаго собранія, сталъ говорить съ нимъ мягко и дружелюбно. Но при дворѣ рѣшили удалить собраніе изъ Версаля. Затѣмъ разсчитывали принудить его военной силой утвердить всѣ финансовые планы двора и, наконецъ, разогнать.

Правительство стягивало войска къ Парижу и Версалю; начальство надъ этими войсками поручено было грубому до звѣрства маршалу де-Броліо. Большая часть этихъ полковъ состояла изъ солдатъ, навербованныхъ за границей, такъ какъ французскія войска были ненадежны. 30.000 солдатъ стояли вокругъ страшно взволнованной столицы; съ минуты на минуту должны были подойти еще 20.000. Мирабо предложилъ потребовать черезъ депутацію у короля отозванія войскъ. Но король отказалъ наотрѣзъ, заявивъ, что войска созваны „для защиты“ генеральныхъ штатовъ. Кромѣ того, онъ прибавилъ, что можетъ перевести собраніе, если оно чего-либо опасается, въ Суассонъ или Анжу. Король, меньше всего обладавшій дипломатическими талантами, этимъ выдалъ весь планъ двора.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Парижѣ узнали объ открытыхъ приготовленіяхъ къ государственному перевороту, городъ пришелъ въ страшное волненіе. Народъ толпами собирался на городскихъ площадяхъ. Между тѣмъ, какъ рабочіе собирались на улицахъ, представители горожанъ явились въ городскую ратушу. Здѣсь представители 60 секцій или округовъ образовали политическій союзъ. Массы народа наполняли сады Пале-Рояля, которые были нарочно съ этою цѣлью открыты герцогомъ Орлеанскимъ. Здѣсь со столовъ и скамей произносились рѣчи, выяснявшія положеніе дѣлъ. Говорили только о войскахъ и о затѣваемомъ государственномъ переворотѣ. Вдругъ, 11 іюля Неккеръ былъ уволенъ. При дворѣ вообразили, будто онъ хочетъ стать во главѣ ожидаемаго возстанія, что, конечно, этому трезвому финансисту и въ голову не приходило. Онъ немедленно же уѣхалъ въ Брюссель, вслѣдствіе далеко не безосновательныхъ опасеній, что его арестуютъ. Мѣсто Неккера занялъ

извѣстный врагъ народа, баронъ де-Бретель, который и подобралъ себѣ соотвѣтствующихъ товарищей по управленію. Отставка Неккера ошеломила парижское населеніе; возбужденіе дошло до крайней степени: теперь народъ уже зналъ, чего онъ можетъ ожидать отъ двора. Гнѣвъ и воодушевленіе, ярость и нерѣшительность быстро смѣняли другъ друга у многотысячной массы народа, толпившейся въ садахъ Пале-Рояля. Молодой адвокатъ, Камиллъ Демуленъ, которому такъ же, какъ и многимъ другимъ, суждено было прославиться въ этой революціи и въ ней же погибнуть, далъ, наконецъ, лозунгъ, указавшій выходъ изъ этого всеобщаго замѣшательства. Среди частью испуганной, а частью разъяренной массы народа, онъ вспрыгнулъ на столъ съ пистолетомъ въ рукѣ. Онъ нѣсколько заикался, но теперь, въ минуту воодушевленія, рѣчь его лилась, какъ расплавленное золото. „Граждане!“ воскликнулъ онъ: „нельзя терять ни одного мгновенія. Отставка Неккера—это набатъ, раздавшійся съ Лувра, это призывъ къ Варѳоломеевской ночи для всѣхъ патріотовъ. Еще въ этотъ вечеръ нахлынутъ съ Марсова поля нѣмецкіе и швейцарскіе батальоны, чтобы истребить насъ. Одно спасеніе осталось намъ теперь: къ оружію, граждане, къ оружію!“ Взрывъ бурнаго одобренія многотысячной толпы былъ отвѣтомъ на слова оратора. Ораторъ сорвалъ съ ближайшаго дерева листъ и прикрѣпилъ его къ своей шляпѣ; всѣ послѣдовали его примѣру. Зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды, сталъ эмблемой патріотовъ. Впослѣдствіи эта эмблема была отвергнута, потому что зеленый цвѣтъ былъ цвѣтомъ графовъ д'Артуа. Съ криками: „къ оружію!“ толпа разлилась по улицамъ безъ всякой опредѣленной цѣли. Народъ слонялся по городу, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ намѣреній. Изъ одного магазина взяли бюстъ Неккера и герцога Орлеанскаго и понесли ихъ въ торжественной процессіи по улицамъ на площадь Людовика XV. Всѣхъ, кто попадался навстрѣчу, заставляли обнажать головы передъ этими бюстами. Когда бюсты несли вокругъ статуи этого короля, появился князь де-Ламбекъ съ королевскимъ нѣмецкимъ полкомъ драгуновъ. Этотъ грубый солдатъ скомандовалъ своей кавалеріи броситься въ атаку съ обнаженнымъ оружіемъ: много народа было изрублено или смято копытами лошадей. Безоружная толпа разбѣжалась по городу съ криками: „къ оружію!“ Даже герцогъ Орлеанскій совѣтовалъ теперь вооружиться, и союзъ избирателей въ городской ра-

тушѣ открылъ народу находившійся тамъ оружейный складъ. Гвардію заперли въ ея казармахъ и у казармъ поставили стражу изъ нѣмцевъ королевскаго нѣмецкаго полка. Когда гвардія услыхала шумъ народнаго волненія, она вырвалась изъ казармъ, не обращая никакого вниманія на распоряженія своофицицеровъ. „Вы—за третье сословіе?" спросили гвардейцы у драгунъ. „Мы—за нашихъ командировъ!" отвѣтили драгуны. Возникло побоище; гвардейцы дали ружейный залпъ, при чемъ много драгуновъ было убито, остальные разбѣжались. Гвардія направилась въ боевомъ порядкѣ на площадь Людовика XV, чтобы здѣсь вмѣстѣ съ народомъ отразить ожидавшееся нападеніе войскъ.

Но этого нападенія не послѣдовало. Правда, де-Безанваль, командовавшій войскомъ на Марсовомъ полѣ, двинулся было въ городъ, но онъ не могъ склонить свое войско къ нападенію на гвардію. Многія части этого войска перешли къ народу, и Безанваль вслѣдствіе этого отступилъ опять на Марсово поле. Народъ тѣмъ временемъ излилъ свой гнѣвъ на зданія королевскихъ таможенъ и заставы и разрушилъ ихъ до осневанія. Для двора это возстаніе отнюдь не было непріятнымъ: онъ разсчитывалъ быстро и легко подавить его вооруженной рукой и затѣмъ, безъ всякаго уже противодѣйствія, разогнать національное собраніе. Парижскій городской совѣтъ, во главѣ котораго стоялъ торговецъ Флесселль, оставилъ свой постъ, потому что онъ не хотѣлъ ничего предпринимать противъ двора. Но на его мѣсто выступилъ комитетъ собранія избирателей, засѣдавшихъ въ раушѣ; онъ объявилъ себя постояннымъ и заставилъ Флесселля принять въ немъ предсѣдательство. На слѣдующій, день 13-го іюля, раннимъ утромъ раздался набатъ, и народъ устремился на улицы, отыскивая оружіе. Однако оружія было найдено мало: Флесселль и въ этомъ случаѣ измѣнилъ народу. Онъ въ своихъ указаніяхъ, гдѣ можно достать оружіе, лишь обманывалъ народъ: онъ, очевидно, хотѣлъ помѣшать народу вооружиться, пока на него не двинется армія. Онъ распорядился объ организаціи гражданскаго ополченія, національной гвардіи, которая должна была носить сине-красныя кокарды, цвѣта города Парижа. Такъ какъ нельзя было немедленно достать оружія, необходимаго для ополченія въ 48.000 человѣкъ, то комитетъ избирателей велѣлъ приготовить 50.000 пикъ, которыя и были приготовлены въ неимовѣрно короткій срокъ. Такимъ образомъ, можно было надѣяться на успѣшное со-

противленіе, но въ этотъ день тоже не было сдѣлано никакого нападенія, такъ какъ Безанваль не могъ въ достаточной степени положиться на свое войско и ожидалъ подкрѣпленій, которыя подходили очень медленно. Національное собраніе объявило себя постояннымъ, потребовало отозванія войскъ, учрежденія національной гвардіи, выразило сожалѣніе по поводу отставки Неккера и объявило совѣтниковъ короны отвѣтственными за все, что уже произошло и впредь произойдетъ. Въ этихъ рѣшеніяхъ принимали участіе также дворянство и духовенство. Дворъ въ своемъ ослѣпленіи былъ вполнѣ увѣренъ, что ему удастся повернуть дѣло по-своему. Ждали только прибытія подкрѣпленій, затѣмъ войска должны были раздавить возстаніе парижанъ и положить конецъ противодѣйствію національнаго собранія. Здѣсь вполнѣ положились на штыки, и штыки на этотъ разъ должны были оказаться совершенно безсильными.

14-го іюля снова раздался набатъ. Народъ опять бросился искать оружія и нашелъ въ подвалахъ дома инвалидовъ 30.000 ружей, множество сабель, шпагъ и нѣсколько пушекъ. Толпа вооружилась; рабочіе предмѣстій Сэнтъ-Антуанскаго и Сэнтъ-Марсо, пришедшіе подъ предводительствомъ пивовара Сантерра, соединились съ гвардіей. Вооруженная толпа жаждала боя и искала, на что бы ей сдѣлать нападеніе. Совершенно самъ собой взрывъ народной ярости направился на Бастилію, эту страшную государственную тюрьму, разрушеніе которой къ тому же требовалось въ наказахъ нѣкоторыхъ депутатовъ. Сверхъ того, предводители возстанія могли также опасаться, что Бастилія станетъ несокрушимой точкой опоры для войскъ, которыя будутъ дѣйствовать противъ Парижа. Этого было достаточно. Послѣ обѣда 14-го іюля раздались крики: „къ Бастиліи! къ Бастиліи!“ Крики эти повторялись тысячами народа и мгновенно охватили весь Парижъ: вооруженныя толпы устремились къ этой ненавистной тюрьмѣ.

Бастилія была крѣпость, находившаяся внутри города и основанная еще въ XIV столѣтіи; она состояла изъ восьми крѣпкихъ башенъ, имѣвшихъ въ высоту до 100 футовъ и соединенныхъ стѣной, имѣвшей 9 футовъ въ толщину. Все сооруженіе окружалъ широкій ровъ въ 25 футовъ глубины, и въ крѣпость можно было проникнуть только по висячимъ мостамъ. 14 іюля гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 82 инвалидовъ и 33 швейцарцевъ. Дворъ даже не позаботился снабдить эту важную крѣпость средствами, необходимыми для защиты.

Вокругъ крѣпкихъ стѣнъ Бастиліи клокотало волненіе народа и безпрерывно раздавались грозные крики: „Бастилію! Сдайте Бастилію!“ Висячіе мосты были подняты; гарнизонъ ничего не предпринималъ, и губернаторъ крѣпости Делонэ оставлялъ требованіе о сдачѣ безъ всякаго отвѣта. Тогда выступило два человѣка: сержантъ Эли и Гюленъ, часовой мастеръ изъ Женевы, ставшій впослѣдствіи извѣстнымъ генераломъ имперіи. Они подрубили топорами цѣпи самаго большаго моста и мостъ упалъ. Море народа устремилось на мостъ и уперлось въ ворота. Делонэ велѣлъ стрѣлять. Загремѣли орудія Бастиліи, въ толпу направленъ былъ сильный огонь изъ бойницъ. Много было убитыхъ, много раненыхъ. Народъ отвѣчалъ оживленной перестрѣлкой, но выстрѣлы осаждавшихъ не могли причинить никакого ущерба сидѣвшимъ за толстыми стѣнами защитникамъ крѣпости. Залпъ картечи прогналъ осаждавшихъ за мостъ. Но Эли и Гюленъ снова двинулись впередъ, и битва возгорѣлась снова. Во время четырехъ-часовой безуспѣшной осады земля вокругъ Бастиліи покрылась лужами крови. Въ этой крови получила крещеніе побѣда третьяго сословія. Громъ орудій, трескъ ружейныхъ выстрѣловъ нагналъ страхъ на комитетъ избирателей въ городской ратушѣ. Онъ послалъ депутацію въ Бастилію, предлагая свое посредничество, но напрасно. Онъ только возбудилъ этимъ недовѣріе и подозрѣніе въ народѣ. Битва продолжалась. Къ Бастиліи явились гвардейцы со своими орудіями. Скоро былъ выкинутъ бѣлый флагъ въ знакъ того, что крѣпость сдается. Делонэ хотѣлъ взорвать себя на воздухъ вмѣстѣ съ пороховымъ складомъ, но гарнизонъ удержалъ его отъ этого. Теперь замолкли орудія, и офицеръ-швейцарецъ потребовалъ черезъ бойницу свободнаго пропуска гарнизону. Толпа закричала: „Опустите мостъ!“ Эли и Гюленъ прибавили: „Ничего дурнаго съ вами не случится!“ Мостъ упалъ, и масса осаждавшихъ устремилась въ крѣпость. Было 5 часовъ вечера; крѣпость была завоевана, но эта побѣда была куплена громадными жертвами крови.

Гарнизону была дарована жизнь, но губернатора и коменданта Бастиліи нельзя было защитить отъ ярости народа. Они были убиты, и головы ихъ были воткнуты на пики. Скоро толпа возставшихъ явилась въ городскую ратушу; она захватила здѣсь измѣнника Флесселля. Говорили, будто у Делонэ найдено было его письмо такого содержанія: „Продержитесь до вечера: вы получите подкрѣпленіе“. Флес-

сесля отправили въ Пале-Рояль, чтобы тамъ произвести надъ нимъ судъ, но на пути подошелъ какой-то неизвѣстный человѣкъ и застрѣлилъ его изъ пистолета. Въ Бастиліи было найдено только семь государственныхъ преступниковъ: два изъ нихъ сошли съ ума отъ продолжительнаго тюремнаго заключенія.

Когда часть парижскаго населенія при радостныхъ крикахъ разрушала Бастилію, Парижъ готовился къ сопротивленію угрожавшимъ войскамъ, собиравшимся на Марсовомъ полѣ. Городъ превратился въ военный лагерь. Набатъ не прекращался; отливали пули, ковали пики; вырывали камни на мостовыхъ и воздвигали баррикады. Дома приспособлялись къ защитѣ, и гражданская милиція стояла подъ ружьемъ. Все съ несокрушимой рѣшимостью ожидало битвы. Но нападенія и на этотъ разъ не послѣдовало, такъ какъ король совершенно потерялъ уже присутствіе духа. Дворъ доставлялъ этому государю безусловно ложныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и о событіяхъ въ Парижѣ. Наконецъ, проникъ къ королю герцогъ де-Ліанкуръ, оберъгардеробмейстеръ двора и членъ генеральныхъ штатовъ; онъ изобразилъ ему дѣйствительное положеніе дѣлъ и разсказалъ, какъ Парижъ вооружился, какъ народъ взялъ Бастилію и какъ ненадежно полагаться на войско.

— Ахъ,—воскликнулъ Людовикъ:—да вѣдь это настоящій бунтъ!

— Нѣтъ, ваше величество, — отвѣтилъ герцогъ де-Ліанкуръ: это революція!

Маршалъ Броліо хотѣлъ ночью съ 14 на 15 іюля напасть на Парижъ въ семи пунктахъ; послѣ покоренія города хотѣли разогнать національное собраніе, и парламентъ долженъ былъ занести въ регистры финансовые эдикты короля. Но между тѣмъ, какъ Людовикъ XVI двумъ депутаціямъ національнаго собранія наотрѣзъ отказалъ въ отозваніи войскъ, послѣ сообщенія Ліанкура онъ немедленно велѣлъ имъ отступить. Дворъ былъ побѣжденъ мужествомъ и храбростью парижскаго населенія. Національное собраніе, возбужденное событіями, только-что разыгравшимися въ Парижѣ, засѣдало всю ночь съ 14 на 15 іюля. 15-го іюля ему было сообщено, что король явится въ собраніе въ сопровожденіи только двухъ своихъ братьевъ. Раздались выраженія одобренія. Но Мирабо, эта могучая натура, подавилъ возвращеніе старой приниженности. Онъ

напомнилъ собранію о крови, пролитой въ Парижѣ. Король былъ встрѣченъ мрачнымъ молчаніемъ, что произвело большое впечатлѣніе. Онъ обратился теперь къ депутатамъ, какъ къ національному собранію, объявилъ, что онъ стоитъ за-одно съ націей, и, наконецъ, воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ: „Хорошо, представители народа моего, я ввѣряю себя вамъ!“ Бурное одобреніе было отвѣтомъ на его слова со стороны увлеченнаго собранія. Оно примирилось съ королемъ. Собраніе послало мирную депутацію въ Парижъ, состоявшую изъ Балльи, Лалльи-Толендаля, Ліанкура и Лафайета. Эта депутація объявила объ отозваніи войскъ, объ увольненіи министерства Бретёля и о возвращеніи Неккера на постъ министра. Народъ встрѣтилъ депутацію съ опьяняющимъ восторгомъ. 16 іюля Бастилія была совершенно стерта съ лица земли. Затѣмъ, былъ избранъ по новой коммунальной конституціи большой совѣтъ изъ представителей 60 секцій и общинный совѣтъ, состоявшій изъ 30 членовъ, также избранныхъ секціями; знаменитый ученый Балльи былъ избранъ мэромъ города Парижа, а Лафайетъ—комендантомъ національной гвардіи, какъ назвали гражданское ополченіе. Лафайетъ далъ національной гвардіи военную организацію; она носила красно-бѣло-синія кокарды. Эти цвѣта стали съ тѣхъ поръ эмблемой національной свободы.

Король вернулся въ Парижъ; у воротъ города встрѣтилъ его новый мэръ Балльи. Народъ молча, мрачно стоялъ съ оружіемъ въ рукахъ, образуя шпалеры, черезъ которыя долженъ былъ пройти король. Въ ратушѣ король прикрѣпилъ къ своей шляпѣ красно-бѣло-синюю кокарду, что̀ вызвало одобрительныя восклицанія народа. Но видно было, что эта роль очень тяготитъ короля. Въ Парижѣ можно было еще замѣтить судорожныя вспышки утихшаго возстанія. Фулонъ, жестокій и ненавистный народу человѣкъ, бывшій министромъ финансовъ въ министерствѣ Бретёля, былъ арестованъ и привезенъ въ Парижъ. При видѣ его, народъ вспомнилъ всѣ притѣсненія, которыя онъ дѣлалъ ему. Онъ былъ вырванъ у прикрытія и повѣшенъ на фонарѣ. Такая же участь и по тѣмъ же причинамъ постигла и его зятя, Бертье. Неккеръ былъ снова призванъ къ власти; онъ въ третій разъ занялъ постъ министра. Онъ былъ встрѣченъ, какъ тріумфаторъ; народъ даже выпрягъ лошадей изъ его экипажа. Но уже первыя его распоряженія вызвали раздраженіе: онъ немедленно объявилъ амнистацію Безанвалю и его то-

варищамъ, затѣвавшимъ государственный переворотъ. Мирабо ожесточенно напалъ на него, и этотъ женевскій банкиръ, не обладавшій ни малѣйшимъ политическимъ талантомъ, скоро совершенно потерялъ расположеніе народа. Онъ палъ такъ низко въ общественномъ мнѣніи, что народъ даже не почувствовалъ ненависти къ нему: онъ просто забылъ этого человѣка, имя котораго было одно время наиболѣе популярнымъ въ странѣ.

При такомъ исходѣ дѣлъ все во Франціи исполнилось самыхъ розовыхъ надеждъ.

* *
*

Побѣда революціи 14 іюля произвела громадное дѣйствіе на всю страну, на всѣ общественныя отношенія.

Началась эмиграція, выселеніе дворянства, которое этимъ путемъ думало спастись отъ грядущей и съ часу на часъ ожидаемой бури. Эмигранты надѣялись съ помощью иностранныхъ державъ возстановить старый порядокъ во Франціи. Графъ д'Артуа, принцъ Конде, принцъ Конти, маркизъ де-Бретёль, семейство Полиньякъ, де-Калонъ и многіе другіе члены стариннаго дворянства оставили Францію и направились въ Туринъ, гдѣ они и принялись за свои конспираціи противъ новаго порядка вещей во Франціи. Все, что осталось при дворѣ, заняло выжидательное положеніе Собраніе спокойно приступило къ исполненію своей задачи, къ выработкѣ для Франціи новой конституціи, соотвѣтствующей потребностямъ времени. Ему бы нужно было выработать полный проектъ конституціи, принять его послѣдовательно, пунктъ за пунктомъ, и затѣмъ все принятое объявить основными законами государства. Но собраніе не сдѣлало этого: оно сразу объявило законами цѣлый рядъ предложеній депутатовъ и создавало новыя учрежденія по мѣрѣ того, какъ они становились необходимыми съ устраненіемъ старыхъ злоупотребленій. И такъ какъ для каждаго изъ этихъ рѣшеній оно нуждалось въ соизволеніи короля, то между собраніемъ и королемъ возникъ рядъ разнообразныхъ конфликтовъ. Прежде всего хотѣли установить основныя положенія конституціи въ видѣ декорараціи правъ человѣка, какъ это было сдѣлано въ Сѣверной Америкѣ. Это предложеніе внесъ Лафайетъ, у котораго съ тѣхъ поръ, какъ онъ принималъ участіе въ войнѣ за независимость, постоянно носился предъ глазами образъ Сѣверной Америки; предло-

женіе Лафайета было принято. Но между тѣмъ, какъ собраніе обсуждало права человѣка, которыя должны были служить путеводной нитью при выработкѣ конституціи,—вспыхнуло возстаніе въ провинціяхъ, и все пришло въ движеніе.

14-е іюля вызвало громадное возбужденіе во всей странѣ, но это возбужденіе проявилось только тогда, когда столица снова уже нѣсколько успокоилась. Всѣ города Франціи ввели у себя муниципальныя учрежденія, образовали общинные совѣты, національную гвардію, устраивая все это по образцу Парижа. Въ провинціяхъ свирѣпствовалъ голодъ; пагубные порядки и непомѣрные налоги еще больше увеличивали бѣдствія, вызванныя голодомъ. При такомъ печальномъ положеніи сельскаго населенія вѣсть о взятіи Бастиліи была искрой, попавшей въ порохъ. Ко всему этому прибавилось еще одно случайное происшествіе. Нѣкто де-Месмэ, ленный владѣлецъ Кенсэ, устроилъ въ своемъ замкѣ большой праздникъ собственно для своихъ крестьянъ; на этотъ праздникъ сошлось чрезвычайно много народа. Забавлялись между прочимъ стрѣльбой и такъ какъ въ праздничной суматохѣ держали себя очень неосторожно, то взорвало одну бочку пороха. Этотъ взрывъ убилъ нѣсколькихъ крестьянъ, и возбужденное сельское населеніе вообразило, будто весь этотъ праздникъ былъ только западней, въ которую господинъ хотѣлъ заманить крестьянъ, чтобы истребить ихъ этимъ взрывомъ. Вѣсть объ этомъ происшествіи быстро распространилась по всей странѣ; крестьяне повсюду собирались въ банды и подпимались противъ свѣтскихъ и духовныхъ господъ. Возставшіе крестьяне мстили своимъ угнетателямъ, какъ это могутъ дѣлать лишь люди, лишенные благъ образованія и цивилизаціи. Дворцы и замки дворянъ, монастыри и дворцы духовенства были взяты приступомъ и разрушены. Въ продолженіе цѣлыхъ недѣль небо Франціи было краснымъ отъ ночныхъ пожаровъ, въ которыхъ гибли замки и монастыри. Въ Франшконтэ, послѣ взятія Бастиліи жгли каждую ночь, по крайней мѣрѣ, одинъ монастырь или замокъ; въ Дофинэ въ теченіе 14 дней было сожжено 240 замковъ. Старинные документы, владѣльческія грамоты бросались въ огонь, и тѣ лица изъ привилегированныхъ сословій, которыя особенно были ненавистны сельскому населенію, избивались. Много землевладѣльцевъ скиталось по странѣ, ища убѣжища, много ихъ бѣжало за границу. Образовались разбойничьи

шайки, которыя наводили страхъ на страну и повсюду жгли, грабили и убивали.

Все пришло въ замѣшательство—и національное собраніе увидѣло, что только быстрымъ принятіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ можно помочь горю. Отмѣна феодальныхъ правъ была поставлена на очередь. Начались совѣщанія, и среди обычныхъ парламентскихъ преній дѣло, вѣроятно, пошло бы медленно, еслибы въ вечернемъ засѣданіи 4-го августа 1789 г. все собраніе не пришло въ рѣдкое воодушевленіе. Опьяняющее воодушевленіе овладѣло собраніемъ; члены его соперничали другъ съ другомъ въ самоотверженіи, съ которымъ они отказывались отъ своихъ привилегій, и, такимъ образомъ, еще до полуночи всѣ старыя привилегіи были уничтожены. Дворянство отказалось отъ своихъ ленныхъ правъ, духовенство — отъ десятины, города—отъ цеховъ. Такимъ образомъ, среди бурныхъ одобреній были положены основы гражданскаго равенства. Въ эту достопамятную ночь были уничтожены: крѣпостное право, патримоніальные суды, право охоты на чужой землѣ, свобода отъ налоговъ дворянства и духовенства, продажа должностей, городскія и провинціальныя привилегіи и цеховыя ограниченія. Кромѣ того, была введена отчуждаемость земли и десятинъ, всѣмъ гражданамъ было дано одинаковое право на занятіе гражданскихъ и военныхъ должностей и уничтожены всѣ незаконно назначенныя пенсіи.

Въ память этой ночи была выбита медаль, и Лалли-Толендаль предложилъ дать королю почетный титулъ „возстановителя французской свободы". Людовикъ XVI принялъ титулъ и даже участвовалъ въ церковномъ празднествѣ, устроенномъ въ ознаменованіе этого событія — точно лишь затѣмъ, чтобы впослѣдствіи отказать въ утвержденіи рѣшеній 4-го августа. Эта легальная революція, совершившаяся парламентскимъ путемъ, была большимъ шагомъ впередъ. Она уничтожила многія привилегіи, хотя далеко не всѣ. И если она способствовала появленію новыхъ привилегій, то полное уничтоженіе феодализма провело рѣзкую границу между старой и новой Франціей.

* * *

До 4-го августа члены національнаго собранія были единодушны, споры возникали только между сословіями, но сила событій заставила ихъ умолкнуть. Теперь же выступилъ вопросъ о конституціи, а при обсужденіи основъ кон-

ституціи и новой организаціи государственной власти національное собраніе обязательно должно было раздѣлиться на партіи. Сторонники стараго порядка должны были отдѣлиться отъ новаторовъ.

Неккеръ готовъ былъ еще отложить обсужденіе конституціи, потому что его угнетали финансовыя затрудненія: ему нужны были деньги, много денегъ. Государственный кредитъ былъ исчерпанъ; двѣ попытки займовъ не удались. Неккеръ предложилъ собранію проектъ подоходнаго налога. Но Мирабо и его сторонники не хотѣли, съ одной стороны, терять время и съ другой,—брать на себя отвѣтственность за такой рѣшительный шагъ. Поэтому Мирабо предложилъ принять новый налогъ въ формѣ выраженія довѣрія правительству. Этимъ онъ хотѣлъ взвалить отвѣтственность за новый налогъ на министра. Собраніе затруднялось принять предложеніе Мирабо. Тогда онъ поднялся и произнесъ одну изъ самыхъ блестящихъ своихъ рѣчей: онъ настолько увлекъ собраніе, что оно немедленно приняло его предложеніе. Онъ задѣлъ самую чувствительную струнку собранія, указавъ на грозящее государственное банкротство, и воскликнулъ: „самое позорное банкротство грозитъ поглотить васъ, вашу собственность, вашу честь—и вы еще колеблетесь?!“ Неккеръ получилъ налогъ, и собраніе снова принялось за прерванное возстаніями въ провинціи обсужденіе правъ человѣка. Декларація правъ должна была предшествовать конституціи; она представляла собой изложеніе естественныхъ и гражданскихъ правъ. „Права человѣка“ выражали собой духъ всѣхъ новыхъ демократическихъ идей и торжественно противопоставляли его предразсудкамъ прожитой эпохи. Здѣсь открыто было указано на верховенство народа, на уравненіе правъ всѣхъ людей — и привилегіи отброшены въ мракъ среднихъ вѣковъ. Свобода была опредѣлена такъ, что человѣкъ можетъ дѣлать все, что только не нарушаетъ правъ его ближнихъ. Здѣсь было высказано, что цѣлью человѣческаго общества должно быть счастье всѣхъ, и декретировано право на существованіе.

Мы позволимъ себѣ привести здѣсь цѣликомъ этотъ знаменитый документъ. Національное собраніе признало, какъ говорится въ этомъ декретѣ, слѣдующія права человѣка и гражданина и установило ихъ „предъ очами Всевышняго“:

„I. Люди родятся свободными и равноправными и остаются такими на всю жизнь. Различія между ними въ об-

щественномъ отношеніи могутъ имѣть свое основаніе только въ общемъ благосостояніи.

II. Цѣль всякаго гражданскаго союза состоитъ въ сохраненіи естественныхъ и никогда не теряющихъ своего значенія правъ человѣка. Эти права суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе насилію.

III. Первоначальный источникъ всякой верховной власти, по самой ея сущности, есть нація. Ни одна корпорація, ни одинъ частный человѣкъ не могутъ имѣть никакого вліянія, если оно не исходитъ отъ нея.

IV. Свобода состоитъ въ томъ, что каждый можетъ дѣлать все, что только не вредитъ никому другому; такимъ образомъ, пользованіе естественными правами каждаго человѣка можетъ быть стѣсненно лишь тѣми ограниченіями, которыя обезпечиваютъ остальнымъ членамъ общества пользованіе ихъ естественными правами. Эти ограниченія могутъ быть опредѣлены только закономъ.

V. Законъ въ правѣ воспретить лишь тѣ поступки, которые вредны обществу. Никто не можетъ дѣлать какихъ бы то ни было препятствій тому, что закономъ не воспрещено, или принуждать кого бы то ни было дѣлать то, чего законъ не предписываетъ.

VI. Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право принимать участіе въ выработкѣ его—лично или посредствомъ своихъ уполномоченныхъ. Какъ охраняющіе, такъ и карающіе законы должны быть одинаковы для всѣхъ. Такъ какъ въ глазахъ закона всѣ граждане равны, то всѣ они должны пользоваться въ одинаковой степени доступомъ ко всѣмъ общественнымъ чинамъ, мѣстамъ и должностямъ—безъ всякихъ различій, кромѣ тѣхъ, которыя устанавливаютъ между ними ихъ добродѣтели и таланты.

VII. Никто не можетъ быть обвиненъ, задержанъ или взятъ подъ стражу, кромѣ тѣхъ случаевъ, которые опредѣлены закономъ, и съ соблюденіемъ закономъ же опредѣленныхъ формъ. Всякій, кто добивается произвольныхъ распоряженій, даетъ ихъ, исполняетъ или позволяетъ исполнять, долженъ понести наказаніе; но всякій гражданинъ, которому будетъ предъявлено какое-либо требованіе на основаніи закона или который на основаніи закона же будетъ задержанъ,—немедленно долженъ повиноваться: всякое противодѣйствіе въ этомъ случаѣ наказуемо.

VIII. Законъ можетъ налагать лишь такія наказанія, которыя въ самомъ строгомъ смыслѣ необходимы, и никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ на основаніи закона, даннаго и обнародованнаго раньше соотвѣтствующаго преступленія, и при томъ со строгимъ соблюденіемъ всѣхъ его требованій.

IX. Такъ какъ каждый долженъ считаться невиновнымъ до тѣхъ поръ, пока его виновность не доказана, то, если окажется неизбѣжнымъ взять кого-либо подъ стражу,—закономъ должны быть строго воспрещены всѣ стѣсненія, необходимыя для его задержанія.

X. Никто не долженъ терпѣть какихъ бы то ни было безпокойствъ изъ-за своихъ мнѣній, включая сюда и мнѣнія религіозныя, если только проявленіе ихъ не нарушаетъ общественнаго порядка, установленнаго закономъ.

XI. Свободный обмѣнъ мыслей и мнѣній есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка; поэтому каждый гражданинъ можетъ свободно говорить, писать, печатать, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что—въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ—онъ отвѣтственъ за злоупотребленіе этой свободой.

XII. Огражденіе правъ человѣка и гражданина дѣлаетъ необходимой общественную власть. Такимъ образомъ, эта власть учреждена для блага всѣхъ, а не для частной пользы тѣхъ, кому она ввѣрена.

XIII. Для содержанія общественной власти и для расходовъ по управленію взносы въ общественную казну необходимы. Они должны быть распредѣлены между всѣми гражданами соотвѣтственно ихъ состоянію.

XIV. Всѣ граждане имѣютъ право непосредственно или посредствомъ своихъ уполномоченныхъ опредѣлять необходимость общественныхъ взносовъ, свободно утверждать ихъ, надзирать за ихъ расходованіемъ, а также опредѣлять часть, которая приходится на долю каждаго, распредѣленіе и способы взиманія ихъ и установлять ихъ продолжительность.

XV. Общество имѣетъ право требовать отъ всякаго общественнаго агента отчета въ его дѣйствіяхъ.

XVI. Всякое общество, въ которомъ права не обезпечены и не установлено раздѣленіе полномочій, лишено прочныхъ установленій (constitution).

XVII. Такъ какъ собственность есть неприкосновенное и священное право, то никто не можетъ быть лишенъ ея, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда этого очевидно требуютъ об-

щественныя и надлежащимъ образомъ взвѣшенныя нужды и то лишь подъ условіемъ справедливаго и заранѣе опредѣленнаго вознагражденія".

Теперь приступили къ обсужденію конституціи; прежде всего предстояло рѣшить важнѣйшіе вопросы: предоставить ли королю право вето, т. е. право объявлять рѣшенія, принятыя собраніемъ, недѣйствительными, и должно ли будущее народное представительство состоять изъ одной, или изъ двухъ палатъ? Тутъ-то и выяснились партіи, которыя раньше въ собраніи были совершенно незамѣтны. Первая изъ нихъ, враждебно относившаяся ко всякимъ нововведеніямъ, хотѣла посредствомъ парламентаризма снова вернуть все, что ея приверженцы потеряли въ бурное время революціи. Это была партія старыхъ привилегированныхъ сторонниковъ абсолютной монархіи, которые допускали лишь нѣкоторыя реформы. Казалесъ, бывшій раньше офицеромъ, и аббатъ Мори были вождями этой партіи. Ближе всего къ ней стояла аристократическо-конституціонная партія: идеаломъ ея былъ англійскій конституціонализмъ. Она примкнула къ Неккеру, но его уже павшее величіе не могло придать этой партіи того значенія, на которое она разсчитывала. Вождями ея были: Мунье, Лалльи-Толяндаль и Клермонъ-Тоннеръ. Третьей и самой многочисленной была либеральная или демократическо-конституціонная партія, которая собственно и была носительницей парламентской революціи. Въ ней, кромѣ представителей третьяго сословія, находились и либеральные члены дворянства и духовенства. Мирабо былъ главой и руководителемъ этой партіи; кромѣ Мирабо, среди выдающихся членовъ ея были: изобрѣтатель новой политической системы, Сійесъ, Лафайетъ, „шпага либерализма,“ и мэръ Балльи. Демократическо-конституціонная партія хотѣла передать законодательную власть народу, но вмѣстѣ съ тѣмъ она хотѣла также оставить часть этой власти и за короной. Этого послѣдняго не хотѣла демократическая партія; она была теперь довольно слаба; въ рядахъ ея находились: Барнавъ, братья Ламетъ и друг. Взаимныя отношенія этихъ партій другъ къ другу впослѣдствіи, какъ мы дальше увидимъ, значительно измѣнились. Для партіи Мори и Казалеса вопросы относительно вето одной или двухъ палатъ совершенно не существовали: она хотѣла видѣть въ народномъ представительствѣ корпорацію, пользующуюся лишь совѣщательнымъ голосомъ. Сторонники

аристократическо-конституціонной партіи добивались абсолютнаго вето для короля и двухъ палатъ: аристократической и народной. Мирабо и его сторонники хотѣли одной только палаты и вето, лишь въ смыслѣ права отсрочки постановленій собранія. Наконецъ, демократическая партія добивалась одной палаты и не хотѣла никакого вето.

Мирабо и его сторонники вышли побѣдителями изъ этой борьбы за преобразованіе государственной власти. 12-го сентября было рѣшено, что народное представительство будетъ состоять изъ одной палаты, которая должна обновляться посредствомъ выборовъ черезъ каждые два года; дѣятельность палаты никогда не пріостанавливается, и король не можетъ ее распустить. Такое рѣшеніе этого вопроса было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всѣхъ предшествовавшихъ событій. За королемъ было оставлено на четыре года право вето—въ смыслѣ отсрочки. Такимъ образомъ, неограниченная королевская власть была превращена въ конституціонную монархію, которая съ теченіемъ времени должна была всецѣло подпасть подъ вліяніе народнаго представительства.

Впослѣдствіи король былъ вынужденъ утвердить рѣшенія 4-го августа, но теперь возникъ новый вопросъ,—вопросъ объ одной палатѣ народнаго представительства и объ отсрочивающемъ вето. Дворъ видѣлъ, что если эти рѣшенія собранія будутъ приняты,—королевская власть будетъ навсегда ослаблена, и королева вмѣстѣ съ графомъ Прованскимъ снова стали подумывать о государственномъ переворотѣ. Франція успѣла за это время вооружиться; повсюду была введена національная гвардія. По парижской національной гвардіи,—даже совершенно игнорируя народныя массы,—можно было заранѣе предвидѣть, что она будетъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать рѣшенія національнаго собранія. Но злоба совершенно помрачила разсудокъ придворной партіи. По соглашенію съ губернаторомъ Лотарингіи, Буллье, который вмѣстѣ со своимъ войскомъ былъ очень преданъ двору, рѣшено было перевезти короля въ Мецъ. Отсюда король долженъ былъ затѣмъ двинуться на Парижъ, распустить національное собраніе и подавить революціонные элементы столицы.

Въ то же самое время,—можетъ быть потому, что планы двора были извѣстны или ихъ предчувствовали,—въ Версалѣ возникъ планъ перевезти короля въ Парижъ. Мысль передать короля въ руки парижскаго населенія и этимъ создать

гарантію отъ все повторяющихся затѣй государственнаго переворота — подалъ Мирабо. Говорятъ, герцогъ Орлеанскій потратилъ много денегъ, чтобы провести эту мысль въ народныя массы. Какъ бы то ни было, все было готово, чтобы заранѣе нанести ударъ двору и этимъ предотвратить затѣваемый государственный переворотъ.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ; его масонская и государственная дѣятельность.

«Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь».
Изъ оды Державина «Фелица».

Изслѣдователи русскаго масонства [1]) выяснили въ своихъ трудахъ главныя, коренныя его черты. При опредѣленіи масонства нужно имѣть въ виду два основныхъ его элемента: нравственно-общественное значеніе и мистицизмъ. Основаніемъ для перваго служили возвышенныя требованія христіанской любви къ ближнему, въ силу которыхъ всѣ помыслы членовъ масонскаго ордена были направлены на дѣла благотворительности и состраданія. Это—лучшая сторона нашего масонства. Дѣйствительно, проповѣдуя уваженіе къ человѣческому достоинству, взаимную любовь и помощь, заботясь о народномъ просвѣщеніи, масоны приносили огромную пользу русскому обществу: они будили общественную мысль, вызывали общество на самодѣятельность, вообще, содѣйствовали его нравственному улучшенію. Вторымъ элементомъ нашего масонства былъ мистицизмъ, что уже составляетъ его худшую сторону, которой мы не можемъ сочувствовать. Мистики задавались цѣлью познать самого себя, твореніе и Творца, познать сущность всѣхъ вещей, божескихъ и человѣческихъ; произвольно толкуя текстъ Св. Писанія, особенно Ветхаго Завѣта, они съ пренебреженіемъ относились ко всякимъ научнымъ изслѣ-

[1]) Лонгиновъ, «Новиковъ и московск. мартинисты»; Ешевскій, соч. т. III; Незеленовъ, «Новиковъ, издатель журналовъ» и «Литературн. направленія въ Екатерининскую эпоху»; Пыпинъ, «Русск. масонство въ XVIII в.»-(«В. Евр.», 1867 г. № 2, 3, 4; 1868 г. № 6, 7) и «Матеріалы для ист. мас. ложъ» («В. Евр.» 1872 г. № 1, 2); Пекарскій, «Дополненія къ ист. масонства въ Россіи» (Сб. II отд. Имп. Ак. Н., томъ VII-й); Тихонравовъ, Лѣт. русск. лит. и древн., т. V («Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ»), Сочиненія, т. III.

дованіямъ природы и жизни, презирали выводы разума и думали понять сущность и всѣ высшія тайны бытія, погружаясь въ самого себя, во внутреннее святилище своей души, прислушиваясь только къ своему внутреннему голосу. Сновидѣнія, предчувствія, самозабвеніе, необыкновенныя явленія природы и загадочныя соотношенія чиселъ—вотъ на что долженъ обращать свое вниманіе мистикъ и что долженъ разгадать, съ цѣлью уловить скрывающійся въ этихъ явленіяхъ внутренній голосъ. Отсюда проистекаетъ безграничное довѣріе масоновъ къ сверхъестественному, чудесному, стремленіе къ символическимъ обрядамъ, желаніе выставить все въ загадочномъ и фантастическомъ свѣтѣ.

Къ чести нашихъ масоновъ XVIII в. слѣдуетъ сказать, что мистицизмъ у нихъ не дошелъ до своихъ послѣднихъ предѣловъ, какъ это было у западно-европейскихъ мистиковъ. Избѣжавъ крайностей мистицизма, общество русскихъ масоновъ поставило себѣ слѣдующія задачи: борьбу съ философіей энциклопедистовъ и вольнодумствомъ, распространеннымъ у насъ въ концѣ XVIII вѣка, нравственное возрожденіе падшаго человѣка, взаимопомощь и благотворительность.

Такое значеніе русскаго масонства яснѣе всего раскрыто въ „Запискахъ“ и другихъ сочиненіяхъ И. В. Лопухина. „Чтеніе его записокъ,—говоритъ проф. Ключевскій,—доставляетъ глубокое нравственное удовлетвореніе: какъ будто что-то проясняется въ нашемъ XVIII вѣкѣ, когда всматриваешься въ этого человѣка, который самымъ появленіемъ своимъ обличаетъ присутствіе значительныхъ нравственныхъ силъ, таившихся въ русскомъ образованномъ обществѣ того времени“ [1]).

По справедливому замѣчанію Ешевскаго, основательная біографія Ивана Владиміровича Лопухина была бы важнымъ пріобрѣтеніемъ для исторіи русской гражданственности [2]). Не беря на себя такой отвѣтственной задачи, мы стремимся въ этомъ очеркѣ обрисовать, хотя бы до нѣкоторой степени, нравственный обликъ одного изъ главныхъ представителей русскаго масонства.

---

[1]) «Русская Мысль». 1895 г. № I, 51. «Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени».

[2]) Сочиненія, т. III, стр. 417.

I.

Дѣтство и отрочество Лопухина.—Домашнее воспитаніе.—Военная служба. Первый литературный трудъ Лопухина.—Лопухинъ дѣлается масономъ.— Выходъ изъ военной службы.—Лопухинъ предсѣдатель московской уголовной палаты.—Пререканія съ гр. Брюсомъ.—Выходъ въ отставку.

Главнымъ источникомъ свѣдѣній о дѣятельности И. В. Лопухина служатъ сочиненныя имъ самимъ „Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы“ [1]). Записки Лопухина являются цѣннымъ автобіографическимъ матеріаломъ, но пользоваться имъ слѣдуетъ осторожно, не упуская изъ виду, что вообще въ мемуарахъ нельзя искать объективной правды, заслоняемой личнымъ, нерѣдко односторонимъ или пристрастнымъ взглядомъ авторовъ. Поэтому, для рѣшенія затронутаго нами вопроса, немаловажное значеніе имѣютъ также показанія современниковъ Лопухина, какъ-то: Лубяновскаго, Невзорова, Воейкова, Жуковскаго, гр. Растопчина, кн. Вяземскаго и др.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ [2]) родился 24 февраля 1756 года въ селѣ Воскресенскомъ (Ретяжи тожъ), Кромскаго уѣзда, Орловской губ. Отецъ его, Владиміръ Ивановичъ (1703—1797 г.), былъ генералъ-поручикомъ и кіевскимъ губернаторомъ; онъ приходился двоюроднымъ племянникомъ царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ. Ѳ. П. Лубяновскій [3]), разсказывая о годахъ своей студенческой жизни, съ удовольствіемъ вспоминаетъ о тѣхъ бесѣдахъ, которыя ему приходилось вести съ Влад. Ив. Лопухинымъ, тогда уже удалившимся на покой и проживавшимъ въ Москвѣ, въ соб-

---

[1]) Записки Лопухина. Чт. общ. ист. и др. 1860 г. Кн. 2 и 3. Другое изд. «Записокъ» въ «Русск. Арх.» 1884 г. Кн. 1. Отрывки изъ «Записокъ» напечатаны въ журн. «Другъ Юношества» 1812. № 1 и въ «Историч. Хрестоматіи». Галахова, изд. 1861 г. и послѣд.

[2]) О Лопухинѣ см. ст. Аѳанасьева въ Арх. ист. и практ. свѣд. 1860 г., кн. I, ст. неизвѣстнаго авт. «Мартинизмъ въ русск. общ. XVIII в.» въ «Отеч. Зап.» 1861 г. Апрѣль, нѣсколько замѣчаній о характерѣ дѣят. Л-на въ «Библ. для чтенія» 1861 г. № 5 (тутъ же изложено содерж. Записокъ), ст. Дубицкаго. «Изъ исторіи обществ. развитія Россіи въ концѣ XVIII и нач. XIX в. И. В. Лопухинъ». «Вѣстн. Слав.» 1883 г. Кромѣ того, Порфирьевъ—Ист. русск. слов. ч. II, отд. II, Карауловъ—Очерки ист. русск. лит., Галаховъ—Ист. русск. слов. Т. I, Ливановъ—Курсъ ист. русск. лит. М. 1877, Незеленовъ—Литерат. направл. въ Екатерининск. эпоху, Ешевскій—Сочиненія, т. III, Пекарскій—Дополн. къ ист. масонства въ Россіи

[3]) Воспоминанія Лубяновскаго въ «Русск. Арх.» 1872 г. Есть и отд. изд. Москва 1872 г.

ственномъ домѣ. Старикъ полюбилъ молодаго человѣка, ласкалъ его („называлъ Ѳедюшей“), а подчасъ уносился мыслью въ прошлыя времена и передавалъ своему юному собесѣднику эпизоды изъ жизни императора Петра I, царицы Евдокіи, Елизаветы Петровны и др. Занятый филантропіею и масонствомъ, Лопухинъ-сынъ не дорожилъ, однако, повидимому, разсказами отца; по крайней мѣрѣ, въ „Запискахъ“ ничего о нихъ не сообщается.

Мать нашего масона, Евдокія Ильинична (1717—1774 г.), была дочерью Ильи Исаевича Исаева, управлявшаго во времена Петра Рижскою таможнею. По разсказамъ того же Лубяновскаго, Исаевъ имѣлъ въ Ригѣ водочный заводъ и скопилъ значительную сумму денегъ, но потомъ „разстроился такъ, что въ приданое дочери, супругѣ Вл. Ив., сберегъ только нитку изумрудовъ“ [1]).

Дѣтство свое И. В. Лопухинъ провелъ въ Кіевѣ. Съ юныхъ лѣтъ „онъ страстенъ былъ къ военной службѣ и, сидя дома, водилъ строи и давалъ баталіи по Пюисегюру и Фолярду“ [2]). Когда въ 1768 году началась война съ турками, тринадцатилѣтній мальчикъ съ живымъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣйствій: „нѣсколько ночей безпокойно спалъ отъ ожиданія, чѣмъ рѣшится кампанія кн. Голицына подъ Хотиномъ“ [3]). Но тихая, спокойная жизнь подъ крыломъ набожныхъ родителей, излишество обрядности, частое посѣщеніе монастырей—способствовали, съ другой стороны, зарожденію въ головѣ мальчика мистическо-религіозныхъ мыслей, обнаружившихся впослѣдствіи съ такою силою. Въ одномъ изъ Кіевскихъ монастырей (Фроловскомъ) жила знаменитая инокиня Нектарія (кн. Наталья Борисовна Долгорукая). „Много я—говоритъ Лопухинъ—наслышался объ ней отъ моей матери, которая имѣла честь быть ея другомъ... Младенцемъ еще бывши тогда, я помню однакожъ черты лица почтенной княгини по тому впечатлѣнію, которое величественности ихъ свойственно производить было“ [4]).

[1]) Эти изумруды были проданы за шесть тысячъ рублей. Вл. Ив. Лопухинъ приложилъ къ нимъ двѣ тыс. рубл. и купилъ въ царствованіе Анны Іоанновны за восемь т. рубл. сер. село Ретяжи въ Кромскомъ уѣздѣ. (Воспомин. Лубяновскаго. «Русск. Арх.» 1872 г. стр. 120).

[2]) «Записки» Лопухина.

[3]) Ibid.

[4]) «Другъ Юношества» 1810 г. № 1, гдѣ впервые были напечатаны извѣстныя записки Долгорукой.

Въ дѣтствѣ Лопухинъ не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, постоянно хворалъ, и потому не удивительно, что „чадолюбивые" родители нѣжили своего хилаго ребенка.

„Воспитанъ я—говоритъ авторъ „Записокъ"—въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ; а со стороны знаній въ большомъ небреженіи". Русской грамотѣ обучалъ Лопухина домашній слуга, отъ котораго врядъ-ли можно было многому научиться. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ произведеній [1]) Иванъ Владиміровичъ чистосердечно признается, что онъ „прямой самоучка и можно сказать, что по грамматикѣ аза не знаетъ въ глаза". Не лучше шло изученіе иностранныхъ языковъ. Учителемъ французскаго языка былъ савояръ, нѣмецкаго—берлинецъ. Первый совсѣмъ не зналъ правилъ языка; второй ненавидѣлъ свой родной языкъ и, всячески стараясь внушить своему питомцу отвращеніе къ нѣмецкому языку, тихонько „училъ его французскому". Нѣмецкія же книги—говоритъ Лопухинъ—держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного виду [2])". Отецъ Лопухина, человѣкъ отъ природы неглупый, но, какъ большинство баръ того времени, мало образованный, и мать, женщина религіозная, заботились, какъ видно, больше о наставленіи сына „въ честности и благонравіи", чѣмъ объ его образованіи. „Расположеніе къ милостыни" было въ Лопухинѣ, по его словамъ, „природною склонностью"; съ дѣтства привыкъ онъ любоваться удовольствіемъ, какое доставлялъ другимъ, и для того нарочно проигрывалъ деньги, «какія у него случались», крѣпостному мальчику, приставленному служить ему [3]). Когда Лопухину исполнилось 16 лѣтъ, уроки его съ учителями прекратились, и молодой человѣкъ предоставленъ былъ собственнымъ своимъ силамъ. Чувствуя слабость своихъ научныхъ познаній и недостаточное знакомство съ иностранными языками, онъ старался пополнить пробѣлы своего образованія и дѣлалъ это съ большимъ успѣхомъ, такъ что впослѣдствіи могъ считаться образованнымъ для своего времени человѣкомъ.

Записанный въ гвардію унтеръ-офицеромъ, Лопухинъ въ 1775 году былъ произведенъ въ прапорщики Преображенскаго полка. Прослуживъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ захворалъ лихорадкою, которая „мучила его цѣлыхъ шесть лѣтъ".

[1]) Примѣры истиннаго геройства. «Другъ Юнош.» 1813 г. № 3.
[2]) «Записки» Лопухина, кн. I.
[3]) Ibid. кн. III.

Но время болѣзни не прошло безплодно для духовнаго развитія юноши: вынужденный, въ самыя бурныя лѣта молодости, сидѣть дома, онъ еще больше пристрастился къ чтенію.

На первыхъ порахъ усердный читатель Вольтера и Руссо, Лопухинъ, подобно Новикову, Фонвизину и другимъ мыслящимъ русскимъ людямъ XVIII в., не могъ не почувствовать вскорѣ „затруднительности своего культурнаго положенія". Служившій русскому образованному человѣку образцомъ строй понятій, чувствъ, общественныхъ отношеній былъ, по выраженію Ключевскаго, осужденъ какъ неразумный [1]). Съ цѣлью найти выходъ изъ неловкаго положенія, русскій человѣкъ долженъ былъ обратиться къ самому себѣ, сосредоточить работу на своей личности, на своемъ личномъ и нравственномъ усовершенствованіи. Такъ было и съ Лопухинымъ. „Никогда не былъ еще я—говоритъ авторъ „Записокъ"—постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу „Systême de la Nature" [2]), съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ Устава натуры (Code de la Nature). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только-что дописалъ первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., которое въ первый разъ напечатано, помнится, въ 1780 году... Сіе происходило за два года до вступленія моего въ общество [3])".

Когда мы читаемъ о подобныхъ пароксизмахъ совѣстливой мысли—замѣчаетъ проф. Ключевскій по поводу этой исповѣди Лопухина—можетъ быть, мы впервые застаемъ

[1]) Записки Лопухина.
[2]) Сочиненіе барона Гольбаха (1723—1789).
[3]) „Русск. Мысль". 1895 г. т. I, стр. 54.

образованнаго русскаго человѣка въ минуту *тяжкаго* раздумья, какое ему не разъ пришлось и не разъ еще придется переживать впослѣдствіи [1]). Иной взглядъ на тотъ же предметъ,высказываетъ другой представитель науки. „Они (Елагинъ, Лопухинъ) отказывались отъ вольнодумства, кажется, *очень легко*, потому что и вольнодумство ихъ не имѣло никакихъ корней въ собственной, логически обдуманной мысли“ [2]).

Разсмотримъ содержаніе перваго сочиненія [3]) Лопухина. Полное заглавіе этого труда слѣдующее: „Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опровերженіе ихъ вредныхъ правилъ, сочиненное Россіяниномъ [4])“.

Въ своемъ сочиненіи, посвященномъ: „Чтущимъ Бога и любящимъ добродѣтель“, авторъ вооружается противъ тѣхъ писателей, которые, отвергая существованіе Бога, „содѣлываютъ свой умъ орудіемъ погубленія людей“. Для болѣе нагляднаго изображенія ужасныхъ слѣдствій, къ которымъ могло бы привести ученіе новыхъ писателей, т. е. энциклопедистовъ, авторъ создаетъ въ своемъ воображеніи такую страну, гдѣ бы принципы,проповѣдуемые ими, возъимѣли силу. Въ такой странѣ,—разсуждаетъ Лопухинъ,— „земледѣльцы, общіе всѣмъ питатели“, съ уныніемъ работали бы надъ плугомъ, такъ какъ у нихъ была бы отнята сладкая надежда, что „Сотворившій нивы обильною жатвою наградитъ ихъ труды“. Добродѣтельные люди не стреми-

---

[1]) „Русск. Мысль“ 1895 г. № I. 53. Воспоминаніе о Новиковѣ.

[2]) А. Н. Пыпинъ. «Русск. масонство». „В. Евр.“ 1868 г. № 7.

[3]) Литературные труды В. И. Лопухина показаны: 1) въ «Опытѣ Россійской Библіографіи» Сопикова подъ №№: 2260, 2725, 3462, 3507, 4440—4441, 4465, 6917, 7672, 8010, 8449, 9574—9575, 12573, 12993; 2) въ «Росписи россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Смирдина» Спб. 1828 г. подъ №№ 330, 710, 1135, 2228, 6548, 6555, 7612 и 1019; 3) въ «Росписи росс. кн. для чт. изъ библіотеки Плавильщикова». Спб. 1820 г. подъ №№ 1477, 1530, 2488, 2489, 5528, 6337, 6406. Краткій біографич. очеркъ Л-на и перечень его сочиненій помѣщены: а) въ «Словарѣ Историческомъ о Россійск. писател.» митроп. Евгенія, б) въ «Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли» Бантышъ-Каменскаго 1836 г. ч. 3-я, в) въ «Справочномъ Энциклопедич. Словарѣ» т. VII, г) въ «Справочн. Словарѣ о русск. писат. и ученыхъ XVIII и XIX вв.» Геннади. Берлинъ. 1880 г. Въ Хронолог. обозрѣніи рѣдкихъ и замѣчат. русск. книгъ XVIII ст., напечатанныхъ въ Россіи гражд. шрифтомъ». Губерти. (Чт. общ. ист. 1879, кн. 3, 1881, кн. 1) указаны 3 соч. Л-на, подъ №№ 154, 210 и 216.

[4]) 1-е изд. М. 1780 г., 2-е изд. М. 1787 г. (Универс. типогр. Новиковъ), 3-е изд. въ «Другѣ Юношества» 1809 г. февраль. У насъ подъ рукою было 2-е изд.

лись бы къ подвигамъ, если бы не были увѣрены, что „Источникъ всякаго блага всевидящимъ окомъ своимъ взираетъ на добрыя дѣла ихъ“. Что стали бы дѣлать бѣдные родители, которые, не имѣя богатствъ, оставляютъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ одну только „любовь къ всещедрому Богу и надежду на Его покровительство?“ Сколь тягостна была бы жизнь людей, обреченныхъ на страданіе въ этой жизни, если бы они не имѣли упованія на вѣчную жизнь, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали. „Но,—обращается авторъ къ проповѣдникамъ новаго ученія,—тщетно ваше витійство старается уничтожить то, чѣмъ все существуетъ“. Благоустройство вселенной, гдѣ всюду господствуетъ порядокъ, согласіе, красота и преудивительное созданіе человѣка, который „одолѣваетъ своимъ искусствомъ сильнѣйшихъ звѣрей, распоряжается стихіями и созерцаніемъ проникаетъ даже тайны небесныхъ странъ“—ясно показываютъ намъ, что Творцомъ всего этого должно быть „Существо, разумное, само собою существующее“. Думать же, подобно „безбожнымъ мудрецамъ“, что такое величественное существо, какъ человѣкъ, могло произойти отъ слѣпаго стеченія случаевъ — значитъ „имѣть разумъ и очи ослѣпленными“. Что все Богомъ сотворено на удовлетвореніе своей „благости“, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія. Попытки новыхъ писателей опровергнуть эту благость описаніемъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ иногда человѣчествомъ, остаются тщетными, такъ какъ намѣренія благости мы видимъ въ превѣчныхъ законахъ, установленныхъ для устроенія человѣческаго блаженства. И если люди не всегда пользуются блаженствомъ, то вина въ этомъ не должна падать на Создателя, а на самихъ людей, которымъ чрезъ разсудокъ и совѣсть открыты всѣ пути, ведущіе къ блаженству. Страсти, по мнѣнію нашего автора, также не могутъ служить для человѣка препятствіемъ на пути къ достиженію спокойнаго и счастливаго конца временной и начала вѣчной жизни, если только не злоупотреблять ими. Тутъ слѣдуетъ анализъ человѣческихъ страстей: славолюбія, властолюбія, самолюбія и наконецъ „пресладкаго чувства“, которое природа сотворила для размноженія рода человѣческаго, а люди обращаютъ „въ источникъ ненависти, вражды, болѣзней и смуты“.

Въ заключеніе авторъ порицаетъ новыхъ мудрецовъ за то, что они всѣми силами стараются отвергнуть безсмертіе

души. Возможно ли допустить,—спрашиваетъ онъ,—чтобы существо, объемлющее своею мыслію предѣлы всего міра, исчезло съ разрушеніемъ тѣла? Конечно, врагамъ человѣчества пріятно надѣяться, что ихъ страданія прекратятся, но надежда эта будетъ тщетна: страданія ихъ будутъ безконечными, если только они не обратятся на путь добродѣтели и не прибѣгнутъ со слезами раскаянія къ Создателю міра, который Божественнымъ своимъ гласомъ вѣщаетъ: „Любите врази ваша, добро творите ненавидящимъ васъ".

Ошибочно было бы, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, относить „Разсужденіе" Лопухина къ числу масонскихъ сочиненій. Никакихъ масонскихъ взглядовъ не проводитъ въ своемъ первомъ трудѣ нашъ авторъ. Онъ отшатнулся отъ философіи энциклопедистовъ, повернулъ въ другую сторону, и результатомъ перемѣны образа мыслей явилось его „Разсужденіе о злоупотребленіи разума". Раскаявшись въ своемъ увлеченіи вольтеріанствомъ, Лопухинъ взялся за перо съ цѣлью опровергнуть, по мѣрѣ своихъ силъ, доводы „безбожныхъ мудрецовъ". При знакомствѣ съ этимъ „Разсужденіемъ" мы видѣли, какими порой наивными и слабыми являются нѣкоторые изъ аргументовъ, приводимыхъ Лопухинымъ въ подтвержденіе своихъ мыслей. Русскому самоучкѣ было, конечно, не подъ силу бороться съ энциклопедистами, хотя бы и представителями философскихъ системъ далеко не неопровержимыхъ... Не мудрено, что, при столь неравныхъ умственныхъ средствахъ, пальма первенства оставалась въ рукахъ „безбожныхъ мудрецовъ", и доводы ихъ противника не отличались особенною убѣдительностью. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что, вообще, строгихъ требованій къ Лопухину, какъ писателю, предъявлять невозможно. Лопухинъ и самъ невысоко ставилъ свой авторскій талантъ, и это надо имѣть въ виду при разборѣ всѣхъ его произведеній. „Авторство,—говоритъ онъ,—не мое ремесло, хотя и не мало разнаго написать на роду своемъ мнѣ случалось. Но я писалъ всегда или по нуждѣ, или для препровожденія времени, для пріятелей, или то, что, казалось мнѣ, можетъ, *несмотря на складъ*, принести пользу".

Первыми книгами, родившими въ Лопухинѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были—по его собственному признанію, Сенъ-Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ" и Арндта—

„О истинномъ христіанствѣ". Книги эти, составленныя извѣстными мистиками, пользовались большимъ уваженіемъ среди русскихъ масоновъ, въ общество которыхъ Лопухинъ, въ поискахъ за истиной, и вступилъ, почувствовавъ уже настоятельную потребность выйти изъ своего затруднительнаго „культурнаго положенія".

Въ началѣ 1782 года Лопухинъ былъ уволенъ, по просьбѣ своей, изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи въ отставку съ чиномъ полковника и уѣхалъ въ Москву. Въ концѣ того же года, при преобразованіи учрежденій Московской губерніи, онъ былъ опредѣленъ совѣтникомъ, а вскорѣ и предсѣдателемъ московской уголовной палаты.

Находясь въ этой должности, Лопухинъ гуманно относился къ обвиняемымъ. Его главною заботою было, чтобы „невинный не былъ осужденъ", а виновный подвергался бы наказанію „насколько можно умѣренному". Лопухинъ возставалъ противъ жестокихъ наказаній, которыя считалъ „плодомъ злобнаго презрѣнія человѣчества", и остерегался быть поспѣшнымъ въ обвиненіи подсудимаго, когда не было для того ясныхъ уликъ.

„Можетъ ли быть,—спрашиваетъ онъ,—правило мудрѣе и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить, и случаи преступленій, коихъ совершенно доказать не можно, предоставлять правосудію Всевидящаго?" Какъ видно, Лопухинъ вполнѣ раздѣлялъ взгляды Екатерины II на правосудіе, высказанные ею въ знаменитомъ Наказѣ. Вся цѣль наказаній должна, по мнѣнію Лопухина, сводиться къ тому, чтобы исправить наказуемаго и другимъ дать примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Ради этой цѣли и не слѣдуетъ опредѣлять наказаній „безконечныхъ въ здѣшней жизни", такъ какъ нѣтъ злодѣя, за котораго нельзя было бы поручиться, что онъ исправится и сдѣлается полезнымъ членомъ общества. Подвергать же преступника смертной казни Лопухинъ считаетъ и безполезнымъ, и богопротивнымъ дѣломъ, потому что „одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка Его божественнаго строенія" [1]).

Въ 1784 году умеръ главнокомандующій Москвы гр. З. Гр. Чернышевъ, отличавшійся честностью и умѣвшій цѣнить людей

[1]) „Записки", изд. 1860 г., стр. 8.

достойныхъ. Графъ Чернышевъ, тоже членъ одной изъ масонскихъ ложъ, оказывалъ полное довѣріе Лопухину и утверждалъ всѣ приговоры палаты, къ прискорбію „неохотниковъ до человѣчества“, говорившихъ, что Лопухинъ разводитъ злодѣевъ и воровъ. Со смертью Чернышева положеніе дѣлъ измѣнилось. Преемникъ его, графъ Брюсъ, почти съ первыхъ дней своего правленія сталъ преслѣдовать Лопухина по службѣ, такъ что послѣдній принужденъ былъ подать въ Сенатъ прошеніе объ отставкѣ. Поводомъ къ „неудовольствіямъ“ главнокомандующаго на Лопухина послужило, по мнѣнію автора „Записокъ“, малое число ударовъ, которое палатою опредѣлялось для наказанія преступниковъ. Палата приговорила одного убійцу къ пятидесяти ударамъ. Гр. Брюсъ возвратилъ внесенный ему на утвержденіе приговоръ предсѣдателю палаты съ тѣмъ, чтобъ было назначено большее число ударовъ. Лопухинъ не согласился исполнить требованіе главнокомандующаго, и между ними произошелъ крупный разговоръ, отрывокъ изъ котораго мы приведемъ въ передачѣ самого Лопухина.

„Какъ, разбойникамъ и смертоубійцамъ давать только по 50-ти ударовъ!“—кричалъ главнокомандующій. — „По скольку жъ бы, ваше сіятельство, думали?“—спросилъ я.— „По скольку?“—отвѣчалъ: „Двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ“.—„Да эдакъ будемъ всегда засѣкать до смерти“.— „Чего жъ ихъ жалѣть?“—говорилъ онъ: „и это же наказаніе вмѣсто смертной казни“.—„Такъ“, отвѣчалъ я, „но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ Россійскаго скипетра, въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія, а ежели, вмѣсто того, чтобъ отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранскій, и всякая мѣра наказанія сего рода, которая можетъ лишить жизни, уже есть большое преступленіе онаго закона милосердія“. („Записки“ Лопухина. Кн. I).

Графъ „сталъ тише“, убѣдился доводами Лопухина и далъ слово „никогда съ нимъ не спорить“. Поводомъ къ дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ со стороны гр. Брюса послужила принадлежность Лопухина къ обществу масоновъ, съ которымъ онъ, несмотря на сильное желаніе главнокомандующаго, не согласился порвать связей.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1785 года Лопухинъ вышелъ въ отставку съ награжденіемъ чиномъ статскаго совѣтника. Проживъ

лѣто, осень и половину зимы 1785 года въ деревнѣ съ отцомъ и братомъ [1]), Лопухинъ вмѣстѣ съ ними возвратился въ Москву, гдѣ и жилъ безвыѣздно въ продолженіе десяти лѣтъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ столицу, восьмидесятилѣтній отецъ Лопухина лишился зрѣнія, и всѣ помыслы почтительнаго сына были сосредоточены на заботахъ о родителѣ, „истинно добромъ и чадолюбивомъ" [2]). Часы досуга посвящалъ Иванъ Владиміровичъ чтенію книгъ, бесѣдамъ съ друзьями и „занятію извѣстнымъ обществомъ, которое, по словамъ нашего масона, и понынѣ называютъ мартинистскимъ и о коемъ много было и есть странныхъ и ложныхъ заключеній, происходящихъ или отъ пристрастія, или отъ злобы, или отъ невѣжества".

II.

Масонство.—Исторія его.—Сочиненіе Лобрейха фонъ-Плуменека.—Основные принципы первоначальнаго масонства.—Различныя системы масонства.—Русскіе масоны.—Провинціальный капитулъ и Директорія.—Русское розенкрейцерство.—Упражненія московскихъ масоновъ.—Дружеское ученое общество.—Типографическая компанія.—Масонскіе журналы.—Лопухинъ—надзиратель русскихъ братьевъ.

Теперь намъ нужно сказать нѣсколько словъ о масонствѣ, вообще, и о московскомъ масонствѣ Новиковскаго кружка, въ частности.

Системъ масонства или вольнаго каменщичества было много. Онѣ отличались тайнами, которыя строго хранились, числомъ степеней, обрядами и пр. Самою простою, первоначальною формою масонства была англійская, и первой масонской ложей была ложа, открытая въ Лондонѣ въ 1717 г. Въ книгахъ же самихъ масоновъ начало масонства возводится къ древнѣйшимъ временамъ за четыре тысячи лѣтъ до Р. Х. или прямо даже ко времени первыхъ людей. Такъ, Карлъ Лобрейхъ фонъ-Плуменекъ, авторъ масонскаго сочиненія: „Вліяніе истиннаго свободнаго каменщичества во всеобщее благо государствъ, обнаруженное и доказанное изъ истинной цѣли первоначальнаго его установленія" [3]) въ введеніи къ своему труду старается доказать древность ма-

[1]) Старшій и единственный братъ Лопухина, бригадиръ Петръ Владиміровичъ (1752—1805).

[2]) Мать Лопухина умерла въ 1774 г.

[3]) Переводъ со 2-го изд. на нѣм. яз., напечатаннаго въ Амстердамѣ въ 1799 г. Москва. 1816 г. Унив. типогр.

сонскаго ордена и возводитъ начало его ко времени Адама. Упражненія въ познаніи натуры, сообщенныя „щедротою Божіею“ Адаму, перешли къ дѣтямъ его. „Отъ патріархальныхъ мудрыхъ мастеровъ познаніе натуры дошло до Ноя, отъ него же и потомковъ его къ египтянамъ“, научившимъ всѣмъ своимъ наукамъ Моисея. „Всякой, кому хотя немного извѣстна исторія сего славнаго народа,—говоритъ Плуменекъ,—согласится, что онъ былъ первый, который привелъ въ систематическій порядокъ таинства тройственнаго свѣта, а именно: естественно-духовной магіи, ангельской кабалы и истиннаго вѣдѣнія натуры, и въ своихъ тайныхъ собраніяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ посвященій, преподавалъ оныя принятымъ, испытаннымъ сочленамъ, подъ нѣкоторыми іероглифическими образами, дабы недостойные, которыхъ называли профанами, къ познанію столь важныхъ вещей не были допущаемы и дабы всякое злоупотребленіе было отвращено“. Затѣмъ, по мнѣнію Плуменека, хранителями масонскихъ тайнъ являются халдеи, отъ которыхъ пріобрѣлъ познанія Даніилъ, далѣе персидскіе маги, пиѳагорейцы, „мастера стула въ таинствахъ Элевзинской Цереры“, брамины у индійцевъ, друиды у кельтовъ, британцевъ, нѣмцевъ. Въ IV, V и VI ст. все собратство было преобразовано и приняло тотъ видъ, „который, по благодати Божіей, до сего времени сохранило“.

Разумѣется, всѣ сказанія масоновъ о древности ихъ ученія относятся къ области фантазіи, а исторически вѣрнымъ остается только то, что масонскія общества въ XVIII в. выродились изъ цеховыхъ строительныхъ обществъ, которыя существовали въ средніе вѣка для построенія храмовъ и разныхъ общественныхъ зданій во всѣхъ странахъ Европы. На это указываетъ какъ самое ихъ названіе (свободные каменщики), такъ и внутреннее ихъ устройство и внѣшніе символы и обряды. Такъ изъ строительныхъ обществъ заимствованы слѣдующіе символическіе знаки масонства: кожаный передникъ, угломѣръ или наугольникъ, ватерпасъ, отвѣсокъ, циркуль и молотокъ [1]). Составъ членовъ масонскихъ обществъ (три степени, извѣстныя подъ именемъ Іоанновскихъ: ученика, товарища и мастера) также указываетъ на происхожденіе ихъ изъ строительныхъ обществъ.

[1]) О значеніи этихъ символовъ и вообще о характерѣ первоначальнаго масонства см. подробнѣе у Геттнера въ „Ист. всеобщ. литерат. XVIII в.“ Т. I, перев. А. Пыпина. Спб. 1863 г. стр. 184—204.

Символомъ первой степени ученика былъ грубый камень булыжникъ, который указывалъ члену, что главное его упражненіе должно состоять въ укрѣпленіи себя для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ камнемъ для зданія храма Всевышнему. Символомъ товарища былъ обтесанный кубическій камень для обозначенія того, что занятія членовъ второй степени должны состоять въ провѣркѣ пріобрѣтаемыхъ познаній и критикѣ собственныхъ дѣйствій. На обязанности мастеровъ лежала забота о нравственномъ усовершенствованіи себя и другихъ членовъ; они должны были хранить тайны масонства и передавать ихъ отъ одного поколѣнія къ другому. Впрочемъ, о храненіи тайнъ общества должны были заботиться всѣ члены. Впослѣдствіи стали распространяться новыя „высшія степени", обладатели которыхъ хвастались преимущественнымъ знаніемъ тайнъ природы.

Что касается внутренняго характера масонства, его цѣлей и стремленій, то и онъ развился не самостоятельно, а подъ вліяніемъ распространенныхъ въ XVIII ст. филантропическихъ и деистическихъ идей. Съ цѣлью противодѣйствовать религіознымъ распрямъ, англійское масонство, тѣсно связанное съ современнымъ ему деизмомъ [1]), выступило съ проповѣдью самой широкой вѣротерпимости; на началахъ этой вѣротерпимости масоны задумали составить такое братство, въ основу котораго легло бы ученіе о свободѣ совѣсти, братской любви и равенства между людьми. Въ братствѣ этомъ должны быть уничтожены всякія различія званія, національности и вѣры. Отъ поступающихъ въ братство требовались только основныя начала всякаго религіознаго ученія: вѣра въ Бога, безсмертіе души и начала нравственнаго закона. Масонство хотѣло воспитать не столько вѣрующихъ, сколько нравственныхъ людей, дѣятельность которыхъ должна выражаться въ подвигахъ благотворительности и филантропіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ масоны должны воздерживаться отъ вмѣшательства въ политическія дѣла государства.

---

[1]) Деизмъ—ученіе, признающее существованіе Бога, но отвергающее Откровеніе и Промыслъ. Локкъ и великіе англійскіе деисты: Шафтсбери, Коллинзъ и Толандъ оспаривали господствующія церковныя понятія и искали такъ называемой естественной религіи, по которой человѣкъ, удовлетворенный простымъ почитаніемъ всемогущаго Творца, извлекаетъ истину и добродѣтель не изъ ученій библейскаго откровенія, а изъ собственнаго человѣческаго разума.

Такова въ краткихъ чертахъ сущность первоначальнаго масонства. „Мыслящій другъ человѣчества—говоритъ Геттнеръ—всегда будетъ только съ самымъ чистымъ удовольствіемъ оглядываться на благородныя и великодушныя стремленія ордена“.

Съ теченіемъ времени масонскія общества принимаютъ въ себя много темныхъ сторонъ (упражненія въ средневѣковыхъ наукахъ, мистицизмъ, обряды и др.), чѣмъ и возбуждаютъ противъ себя недовольство истинныхъ поборниковъ просвѣщенія. Братья занимаются средневѣковыми науками: алхиміей, магіей, кабалистикой; они вѣрятъ въ возможность превращать простые камни въ драгоцѣнные, стремятся отыскать философскій камень, посредствомъ котораго можно было бы дѣлать золото; они думаютъ, что, изучивъ силы природы, найдутъ средство избавляться отъ всякихъ болѣзней и жить нѣсколько сотъ лѣтъ.

Между различными системами масонства замѣчательны были: тампліерство, или система строгаго наблюденія, циннендорфство (слабое наблюденіе), иллюминатство, розенкрейцерство и др.

Новиковскій кружокъ въ Москвѣ остановился на братствѣ златорозоваго креста или розенкрейцерствѣ[1]). Съ дѣятельностью этого кружка мы и познакомимъ читателя, оставляя въ сторонѣ вопросъ о времени появленія въ Россіи первыхъ масонскихъ ложъ.

Въ 1779 году въ Москву пріѣхалъ Н. И. Новиковъ, вступившій въ масонство въ бытность свою въ Петербургѣ. Переѣхавши въ Москву, Новиковъ прекратилъ всякія сношенія съ петербургскими масонами, кромѣ Кутузова, Тургенева и Чулкова, которые вскорѣ и сами переселились въ Москву. Въ концѣ 1780 года, по настоянію Новикова, была въ Москвѣ основана ложа подъ названіемъ „Гармонія“. Въ ней было только 8 членовъ: Новиковъ, кн. Н. Н. Трубецкой, М. Херасковъ, кн. Черкасскій, Ив. П. Тургеневъ, кн. Энгалычевъ и Шварцъ. Вскорѣ присоединился къ этой ложѣ кн. Юр. Н. Трубецкой. Въ 1781 году Шварцъ отправился за границу. Въ Берлинѣ онъ познакомился съ ревностнымъ дѣятелемъ розенкрейцерства Велльнеромъ, отъ котораго по-

---

[1]) Объ исторіи Розенкрейца и розенкрейцерства см. статью А. Н. Пыпина въ «Вѣст. Евр.» 1867 г. Т. III. О первыхъ масонскихъ ложахъ въ Россіи см. подробности у Пыпина («В. Евр.» 1867 и 68 г.) и у Лонгинова въ кн. «Новиковъ и московскіе мартинисты“.

лучилъ наставленіе въ познаніяхъ розенкрейцерскихъ и право на основаніе въ Москвѣ „Ордена златорозоваго креста". Вскорѣ послѣ возвращенія Шварца изъ-за границы, вступилъ въ масонскій орденъ Лопухинъ и сдѣлался однимъ изъ видныхъ дѣятелей московскаго масонства. Согласно предписанію, данному герцогомъ Брауншвейгскимъ Шварцу, московскіе масоны немедленно приступили къ учрежденію двухъ капитуловъ ордена. Одинъ изъ нихъ поступилъ подъ начальство Татищева, другой—кн. Н. Н. Трубецкаго. Верховное завѣдываніе капитулами находилось въ рукахъ Шварца. Подъ управленіемъ этихъ капитуловъ находились московскія ложи вплоть до Вильгельмсбадскаго конвента. Въ Москвѣ тогда были слѣдующія ложи: „Латоны", „Коронованнаго знамени", „Девкаліона", „Свѣтоноснаго треугольника" и „Святаго Моисея". Позже, 31 мая 1784 г., была основана подъ управленіемъ Лопухина ложа „Блистающей звѣзды". На Вильгельмсбадскомъ конвентѣ, 16-го іюля 1782 года, Россія была признана независимою (восьмою) провинціею, въ уваженіе того, что она „есть государство пространное, управляемое сильной государыней, которой непріятно было бы видѣть подданныхъ въ зависимости отъ чужестранной области [1]), и имѣетъ уже многія орденскія учрежденія, желающія приступить къ правленію" (масонскому). Согласно актамъ конвента, въ Москвѣ организованы были „Провинціальный капитулъ" и „Директорія".

Ешевскій въ своей статьѣ „Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія" [2]) приводитъ, между прочимъ, выдержку изъ письма Новикова (отъ 14 февр. 1783 г.) къ брату Алексѣю Eques a bona spe (А. Андр. Вревскому). Въ письмѣ этомъ перечислены всѣ члены провинціальнаго капитула и директоріи 8-й провинціи.

Замѣчательнымъ является то обстоятельство, что въ капитулѣ 8-й провинціи оставалась вакантною первая по своему значенію должность великаго провинціальнаго мастера. Очень возможно, что ее приберегали для наслѣдника престола вел. кн. Павла Петровича, на котораго русскіе масоны возлагали большія надежды, и съ которымъ черезъ

---

[1]) т. е. Швеціи, согласно „деклараціи", выданной въ концѣ 1779 г. герцогомъ Зюдерманландскимъ. Русскіе получили свое масонство изъ трехъ главныхъ источниковъ: англійскаго, нѣмецкаго и шведскаго.

[2]) «Русск. Вѣстн.» 1864 г. № 52; сочин., т. III.

посредство архитектора Баженова велись даже переговоры [1]). Интересно также, что Ив. Вл. Лопухинъ не занималъ никакой должности ни въ провинціальномъ капитулѣ, ни въ директоріи. Вѣроятно, масоны, по свойственной имъ осторожности, боялись довѣриться человѣку, недавно вступившему въ ихъ орденъ.

Когда такимъ образомъ русскіе масоны получили самостоятельное управленіе, Шварцъ задумалъ учредить въ Москвѣ „орденъ златорозоваго креста“. Управленіе московскимъ отдѣломъ розенкрейцерскаго братства берлинскіе начальники возложили на Шварца. Въ 1782 г. въ Москвѣ, независимо отъ работъ масонскихъ, и начались розенкрейцерскія занятія, которыя въ дѣлѣ изученія алхиміи, кабалы и магіи шли далѣе, чѣмъ всѣ прочія масонскія системы.

Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно заключить, что наши розенкрейцеры не дошли до дѣланія золота и отыскиванія панацеи, или универсальнаго, всеобщаго лѣкарства для безконечнаго продленія человѣческой жизни, хотя и считали это возможнымъ. Лопухинъ въ своихъ отвѣтахъ на вопросы, предложенные ему кн. Прозоровскимъ [2]), заявляетъ, что „философскаго дѣла, о которомъ говорится въ герметическихъ [3]) книгахъ, онъ никогда не опровергалъ, не имѣя довольно разуму доказать невозможность онаго, но *никогда не заботился стяжать оное*... Но, ежели оно возможно, думалъ Лопухинъ, не отрицая сей возможности по мнѣнію о безднѣ и непоколебимости всѣхъ сокровищъ божественной премудрости твореній ея, то и сіе дѣло безполезное быть не можетъ“ [4]).

Въ отвѣтахъ Новикова мы находимъ еще болѣе ясныя указанія на этотъ предметъ. «Въ магіи и кабалѣ (говоритъ онъ) и не могли изъ насъ никто упражняться, находясь въ нижнихъ еще только градусахъ, и мнѣ о сихъ наукахъ

[1]) Объ отношеніи масоновъ къ Павлу Петровичу см. подробнѣе ст. Незеленова «Новиковъ въ Шлиссельбург. крѣп.» («Литер. направл.» 363—366 стр.).

[2]) Отвѣты эти напечатаны въ кн. Лонгинова «Новиковъ и московмартинисты».

[3]) Подъ герметической наукой (такъ названной потому, что изобрѣтеніе ея приписывается Гермесу Трисмигисту, египетскому Меркурію) разумѣется алхимія, наука превращенія неблагородныхъ металловъ въ благородные, съ цѣлью отыскать философскій камень, или тайна дѣлать золото.

[4]) Лонг. 0130

кромѣ названія ихъ не извѣстно. А въ химіи должны были мы уже упражняться, но не начинали и по неохотѣ, и потому, что (ни) первыхъ основаній показать намъ было еще некому" [1]).

Такимъ образомъ, кабала, магія и алхимія не имѣли большаго примѣненія у московскихъ розенкрейцеровъ, которые въ этомъ отношеніи отстали отъ своихъ берлинскихъ руководителей; равнымъ образомъ, они были свободны отъ всякихъ политическихъ стремленій [2]). Не то мы видимъ у берлинскихъ розенкрейцеровъ; какъ извѣстно, главные представители ихъ Белльнеръ и Бишофсвердеръ, сдѣлавшись министрами прусскаго короля Фридриха Вильгельма II, играли самую позорную роль въ исторіи прусской политики. Наши розенкрейцеры справедливо могутъ считаться выше берлинскихъ. Проникнутые идеями человѣколюбія и братства, они приходили на помощь бѣднымъ людямъ, устраивали богадѣльни, аптеки; заботясь о просвѣщеніи народномъ, они заводили школы, учителями которыхъ назначались молодые люди, получившіе образованіе на средства тѣхъ же масоновъ. Безспорно, своею филантропическою и просвѣтительною дѣятельностью московскіе масоны оказали громадную услугу русскому обществу; еще съ большимъ уваженіемъ относились бы мы къ памяти этихъ тружениковъ, если бы къ истиннымъ началамъ просвѣщенія они не примѣшивали туманныхъ, мистическихъ бредней.

Но культурные интересы молодости—какъ замѣчаетъ г. Веселовскій—уберегли многихъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія мистической стороной масонства—и, создавъ „Дружеское Ученое Общество" [3]) и „Типографическую Компанію", московскій масонскій кружокъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ важнымъ общественнымъ и литературнымъ центромъ [4]).

Изъ „Записокъ" Лопухина мы можемъ извлечь многое для объясненія дѣятельности этого кружка, а главное познакомиться съ направленіемъ его членовъ.

---

[1]) Лонг. 0112.

[2]) За оппозиціонный характеръ московскихъ просвѣтителей-масоновъ высказался пока едва-ли не одинъ изслѣдователь обществ. движенія Россіи въ XVIII в.—г. Сиповскій, сблизившій, правда, съ оговоркою, Шварца и Новикова съ иллюминатами. „Карамзинъ, авторъ писемъ русск. путешеств.» Спб. 1899 г. Стр. 107, 541, 11, 15, 17 и др.

[3]) «Друж. учен. общество» оффиціально открыто въ 1782 году.

[4]) Веселовскій. Западное вліяніе въ нов. русск. лит. Изд. 2-е М. 1896 г. Стр. 110. По мнѣнію пр. Незеленова, «Друж. Уч. Общ.» нельзя считать масонскимъ только обществомъ. («Литерат. направл.» Спб. 1889 г. Стр. 143.

„Члены общества—говоритъ Лопухинъ—упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости гл. VII, ст. 17—22 [1])... Мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшно, но простолюдинская пословица: вѣкъ живи, вѣкъ учись, гораздо умнѣе такого смѣха.

„Когда человѣкъ сколько-нибудь съ благоразуміемъ помыслитъ о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди, и самыми разумными слывущіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни, которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ. Единое сіе заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка; въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственный источникъ совершенной добродѣтели. Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго; но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна; какъ бы разслабленнаго больнаго, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать. Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродиться: тогда евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго... Сіе моральное перерожденіе, черезъ которое только человѣкъ становится образомъ и подобіемъ Божіимъ, и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій христіанской церкви, не можетъ, конечно, произойти безъ дѣйствія силы всемогущей; но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая... Самопознаніе долженствуетъ руководствовать оное содѣйствіе, открывая человѣку, сколь далеко онъ совратился съ пути истиннаго, съ пути нерушимаго блаженства своего. Познаніе Творца и творенія открываетъ человѣку связь его съ ними и цѣль его созданія. Безъ сего познанія не можетъ быть основательное познаніе самого себя; безъ познанія же самого себя не можно имѣть премудрости. Страхъ Божій есть начало ея. О семъ пишутъ и говорятъ при всякомъ воспитаніи, но нимало не пекутся вселять спасительный страхъ сей въ души“ [2]).

[1]) «Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное, познати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало и конецъ, и средину временъ, возвратовъ премѣны и измѣненія временъ, лѣтъ круги и звѣздъ расположенія, естество животныхъ и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе и помышленія человѣковъ, разнство лѣтораслемъ и силы кореній».

[2]) „Записки“. Стр. 15, 16, 17.

Итакъ, упражненія нашихъ идеалистовъ-масоновъ сводились къ заботамъ о моральномъ перерожденіи, необходимомъ для исполненія заповѣди Божіей: люби Бога, люби ближняго, и къ старанію вселить въ людяхъ страхъ Божій, „соль истинной добродѣтели“. Важнѣйшая изъ цѣлей „Дружескаго общества“ заключалась, по словамъ Лопухина, въ томъ, чтобы „издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно-евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію“. Цѣль эта была достигнута.

Въ учительской семинаріи, открытой Шварцемъ при университетѣ еще въ 1779 году, приготовлялись къ учительскому поприщу лучшіе ученики изъ духовно-учебныхъ заведеній, вызванные „обществомъ“ чрезъ епархіальныхъ архіереевъ.

Въ 1782 году, по настоянію того же Шварца, при университетѣ была учреждена другая, „переводческая или филологическая семинарія“, въ которой молодые люди, получающіе содержаніе онъ „Дружескаго общества“, занимались переводами на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій. 15 января 1783 г. былъ изданъ указъ о вольныхъ типографіяхъ, давшій у насъ сильный толчокъ развитію книгопродавческой дѣятельности. Масонское общество не замедлило воспользоваться столь дорогимъ для него указомъ. Дѣйствительно, въ 1783 году, вскорѣ послѣ изданія указа, на имя членовъ общества, Новикова и Лопухина, учреждаются въ Москвѣ двѣ вольныхъ типографіи, предназначенныя для печатанія только масонскихъ книгъ. Мало того, розенкрейцеры заводятъ еще новую (третью) типографію, которая носитъ наименованіе „тайной“ [1]). Въ этой типографіи печатались книги, переведенныя съ иностранныхъ языковъ и имѣвшія большую цѣнность въ глазахъ розенкрейцеровъ; онѣ предназначались не для продажи, а для обращенія въ избранномъ кружкѣ читателей. „Тайная“ типографія находилась подъ управленіемъ Новикова, хотя de iure хозяиномъ ея числился Лопухинъ. Послѣдній такъ

[1]) „Типографія состояла изъ двухъ только становъ и отдѣлена отъ заведенной подъ именемъ Лопухина типографіи и считалась подъ его именемъ, а между нами она называлась тайною типографіею, потому что она ни въ щетахъ, ни въ чемъ съ университетскою, бывшею у меня, ни съ компанейскою ни въ чемъ сообщенія не имѣла» (отв. Новикова кн. Прозоровскому. Лонгиновъ).

опредѣляетъ свое участіе въ дѣлахъ „тайной“ типографіи: „хотя сею типографіею, подъ именемъ моимъ бывшею, управлялъ и книги отдавалъ печатать Новиковъ, однако я по склонности къ мистическимъ матеріямъ участвовалъ много въ томъ печатаніи и усердіемъ и вѣданіемъ“ [1]). Усердіе Лопухина выражалось, между прочимъ, въ томъ, что онъ отдавалъ книги въ цензуру управы благочинія, а подписанные листы, по напечатаніи каждой книги, бралъ къ себѣ для сбереженія. Корректуру держали сами розенкрейцеры, боясь вручить ее постороннимъ лицамъ [2]).

Въ 1784 г. „Дружеское ученое общество“ было преобразовано въ „Типографическую компанію“. Цѣлью этого учрежденія было укрѣпить на болѣе прочныхъ основаніяхъ дѣло печатанія и распространенія книгъ. Главное завѣдываніе дѣлами компаніи было возложено на Новикова, Гамалѣю, Лопухина, Кутузова, барона Шредера и двухъ князей Трубецкихъ. Прочіе члены собирались только на совѣщаніе [3]).

Преслѣдуя задуманную цѣль, члены компаніи [4]) завели новую обширную типографію, имѣвшую 20 griffin становъ. Такимъ образомъ, дѣятельность московскихъ масоновъ приняла громадные размѣры, имѣя въ своемъ распоряженіи пять типографій (университетскую, Новиковскую, лопухинскую, тайную и компанейскую [5]), они издали массу книгъ духовно-нравственнаго содержанія.

Къ этому же времени относятся попытки масоновъ положить начало мистическо-масонской журналистикѣ. Такъ, въ 1784 г. въ типографіи Лопухина были напечатаны журналы: „Избранная библіотека для христіанскаго чтенія“ (вышло въ свѣтъ 4 части) и „Магазинъ свободно-каменщической“ [6]) (изданъ только 1-й томъ).

---

[1]) Лонгиновъ, 0134 (отв. Л-на на 13-й вопр. пунктъ).

[2]) Лонгиновъ, 093 (отв. Новикова на 15-й пунктъ).

[3]) Лонгиновъ, 089.

[4]) Первоначально компанія состояла изъ 14 членовъ. Это были: Чулковъ, полковникъ Лодыженскій, Черкасскій, Новиковъ, Лопухинъ, Тургеневъ, Кутузовъ, Трубецкій Н. Н., Трубецкій Юр. Н., Гамалѣя, братъ Новикова, Енгалычевъ, баронъ Шредеръ, братъ Лопухина. Въ „актѣ уничтоженія компаніи“ 1791 г. показанъ 15-й членъ—бригадиръ П. Лодыженскій, вступившій, вѣроятно, послѣ ея основанія. Изъ членовъ компаніи не принадлежали къ ордену розенкрейцеровъ только: Лодыженскіе и братъ Лопухина.

[5]) Новик. и Лопух. типографіи впослѣдствіи присоединились къ тип. компанейской.

[6]) Неустроевъ «Историч. розысканіе о русск. повремен. изд. и сборн. за 1703—1802 г.» и Лонгиновъ, «Новик. и моск. март.».

Подводя итогъ издательской и книгопродавческой дѣятельности Новикова въ Москвѣ, проф. Ключевскій находитъ, что, благодаря ей, „стало пробиваться то, съ чѣмъ еще незнакомо было русское просвѣщенное общество: это *общественное мнѣніе*". „Я едва-ли ошибусь—заключаетъ маститый историкъ—если отнесу его зарожденіе къ годамъ московской дѣятельности Новикова, къ этому *новиковскому десятилѣтію* (1779—1789)" [1]). Ближайшимъ же сотрудникомъ Новикова, лицомъ, принимавшимъ самое живое участіе въ издательской дѣятельности „Типографической компаніи", былъ, какъ мы видѣли, Лопухинъ.

Кромѣ просвѣтительной дѣятельности, „Типографическая компанія" оказала русскому обществу немалую услугу и другого рода. Такъ, она учреждала больницы и аптеки, помогала бѣднымъ раздачею хлѣба во время неурожая и т. п. Во время голода въ Москвѣ въ 1787 г. Новиковъ говорилъ въ собраніи общества рѣчь и просилъ присутствовавшихъ помочь несчастнымъ голодающимъ. Рѣчь Новикова возымѣла свое дѣйствіе: богатый отставной премьеръ-маіоръ Г. М. Походяшинъ тотчасъ же отдалъ въ распоряженіе общества значительную часть своего состоянія. На суммы Походяшина была произведена безденежная раздача хлѣба бѣднымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Мы знаемъ также, что И. В. Лопухинъ почти все свое состояніе употребилъ на дѣла благотворительности, распространеніе грамотности и религіозно-нравственнаго воспитанія въ народѣ, и на помощь бѣднымъ. Другъ его, кн. Репнинъ, будучи губернаторомъ въ Бѣлоруссіи, во время голода содержалъ на собственный счетъ всѣхъ бѣдныхъ двухъ обширныхъ бѣлорусскихъ губерній.

Такова была дѣятельность московскихъ розенкрейцеровъ, образовавшихъ между собою товарищество, сильное солидарностью своихъ членовъ, взаимною поддержкою, проникнутое чувствомъ любви къ ближнему, готовностью оказать помощь страждущимъ,—товарищество, стремившееся къ самопознанію и содѣйствовавшее заботамъ правительства о народномъ просвѣщеніи.

Что касается до управленія орденомъ, то со смертью Шварца, послѣдовавшей 17 февр. 1784 года, въ немъ произошли нѣкоторыя перемѣны. По предписанію берлинскихъ начальниковъ, московскіе розенкрейцеры избрали изъ своей

---

[1]) «Русск. Мысль» 1895 г. № 1. «Воспом. о Новиковѣ», стр. 58.

среди двухъ надзирателей: Лопухина—для русскихъ братьевъ и барона Шредера—для иностранцевъ. Шредеръ былъ отправленъ въ Берлинъ съ цѣлью испросить инструкціи для дальнѣйшихъ дѣйствій. Велльнеръ назначилъ его управляющимъ въ орденѣ московскихъ розенкрейцеровъ на мѣсто Шварца. Новый глава московскихъ масоновъ былъ не то, что прежній „неугомонный энтузіастъ просвѣщенія“ [1]), и неудивительно, что братья, особенно Новиковъ, стали его чуждаться. Съ 1784 года розенкрейцеры появляются въ другихъ городахъ Россіи [2]).

Закончимъ наше краткое обозрѣніе дѣятельности Новиковскаго кружка глубоко правдивыми словами, высказанными относительно ея однимъ изъ изслѣдователей русскаго масонства А. Н. Пыпинымъ: „Въ самомъ содержаніи Новиковской пропаганды было много туманной фантастики и вреднаго мистицизма, враждебнаго истинной наукѣ и отвращавшагося отъ нея. Но въ предпріятіяхъ Новикова и его друзей является самостоятельная иниціатива, которую мы можемъ считать первымъ обширнымъ примѣромъ общественной самодѣятельности со временъ реформы; это было служеніе нравственнымъ интересамъ общества, не вызванное никакими оффиціальными указаніями, а внушенное инстинктомъ обязанности къ обществу и внутреннимъ убѣжденіемъ“ [3]).

(*Продолженіе будетъ*).

А. Суровцевъ.

---

[1]) Отзывъ г. Ключевскаго о Шварцѣ.

[2]) См. подробнѣе Лонгинова 0133 (отвѣтъ Лопухина на 11-й вопросн пунктъ).

[3]) «Русск. масонство въ XVIII в.» «Вѣстн. Европы», 1867 г. Т. 2.

Переписка графа І. А. Каподистрія.

(*Продолженіе*) [1].

7.

Zurich, 31 (19) juillet, 1814.

Le Prince Golitzin nous avait quitté lorsque votre lettre du 19 juillet est arrivée à Zurich. Il m'a fait la grâce de venir me voir et de passer une journée chez moi. Je l'ai chargé de quelques lettres, afin de lui procurer les moyens d'utiliser autant que possible le peû de tems qu'il destine à son voyage. J'ai été enchanté de faire sa connaissance. et je suis bien aise de vous donner de ses nouvelles par la lettre ci-jointe.

Venons à la grande affaire, sur laquelle vous avez la bonté de me demander mon opinion. L'idée qui en fait la base est très heureuse. Elle s'est placée très aisément dans mon esprit et dans mon coeur, et en passant de l'un à l'autre elle devient toujours plus féconde en développemens très utiles. Cependant ni la justesse de cette idée, ni l'impression avantageuse qu'elle doit faire sur toutes les âmes nobles, et sur tous les esprits bien pensans, ni la justice qu'il y aurait à la mettre en éxécution, rien ne pourra lui obtenir grâce auprès des Ministres des Alliés de notre Empereur. En motivant seulement ce projet vous ferez bien allonger toutes les figures Ministérielles, qui comme vous savez ne sont pas les plus riantes figures du monde. En y travaillant sérieusement on verrait l'Autriche, la France, l'Angleterre s'y opposer de toutes leurs forces. La première veût s'emparer de la politique Ottomane et se propose par là de nous tenir en échec. La seconde étant hors d'état de prendre une part active à de grandes opérations politiques fera pencher la balance du côté de l'Autriche et de l'Angleterre plutôt que du nôtre. Elle gagne par là du tems, et ne renonce point à l'espoir de se mettre un jour elle-même à la tête d'une Ligue Européenne pour renverser l'Empire Ottoman, et pour placer des bornes à cette énorme puissance de la Russie dont l'Europe n'est que très effrayée. L'Angleterre enfin ayant fait la conquête

---

[1]) См. книжку № 2.

de six Iles, et occupant Corfou au nom des Alliés ne se laissera pas aisément déposséder. Les Anglais tiennent fermement à cette domination insulaire espérant par là d'arrêter et paraliser les progrès que la Russie pourra faire en Orient sous l'influence de la religion et du crédit personnel de l'Empereur.—Si ces obstacles sont grands, ils ne sont pas cependant insurmontables. Je n'oserai pas vous dire ma pensée toute entière relativement à la manière de les applanir. J'ignore l'état de nos négociations avec les Alliés: le plan qu'on peût avoir tracé pour les conduire à un dénouement satisfaisant et les résultats auxquels vise notre Cabinet.—C'est cet ensemble de connaissances qui peût donner un trait de lumière, propre à éclaircir la route qu'on pourrait suivre pour placer heureusement le jeune Prince à la tête de notre Patrie.—Les Grecs verraient dans cet événement l'aurore de leur indépendance. La Porte excitée par la jalousie Européenne sévirait contre ces malheureux. La guerre en Turquie tôt ou tard éclaiterait.—Cette mesure donc ne peût pas être considérée indépendamment des intérêts majeurs de la Russie, et ses succès ne devraient être exclusivement l'ouvrage de la volonté seule et prononcée de notre Empereur. Si notre politique admet des alliances secrètes pour le sort avenir de l'orient, il faudrait en cimenter les bases dès ce moment, et faire agir les Cabinets intéressés à ce système dans un sens favorable au projet sus mentionné. sans que la Russie en fit les avances. L'Empereur plutôt que vouloir donner un Etat au Prince Gustave dans les Sept Iles, devrait consentir à l'accepter pour lui. C'est ainsi que les Turcs et leurs Alliés considéreraient peut être cette nouvelle principauté Ionienne comme une institution destinée à maintenir l'équilibre du système maritime de l'Adriatique et de la Méditerranée, plutôt que comme une mesure propre à favoriser la prépondérance Russe dans les affaires de l'Orient.—Il ne m'appartient pas d'entrer dans de plus grands détails à cet égard. Je ne ferais que bâtir des châteaux en l'air. Si l'Empereur daigne me donner ses ordres sur cette question importante, et me mettre à même d'y travailler, je le ferai avec la meilleure volonté. Ce dont je vous prierai, Mademoiselle, c'est de garder tout ceci pour vous, ou pour les personnes qui peuvent vous avoir engagé à m'en écrire. On ne parle presque jamais impunément de ces matières. Nos amis ont des oreilles et des yeux partout: et là où on le croit le moins. J'ai déjà écrit à mon pays pour l'engager à faire arriver à Vienne une députation pour l'époque du Congrès. Je doute très fort que cette mesure puisse avoir lieu. Les Anglais s'y opposeront. Ils n'aiment pas laisser la parole à de gens qui peuvent utilement plaider leur cause. Dans tous les cas le gouvernement de la République m'a autorisé à porter à son nom aux pieds de l'Empereur les voeux des peuples Joniens... Si Sa Majesté veût le permettre, je pourrai m'acquitter de cette commission d'une manière tout aussi utile aux intérêts de son service, qu'à ceux de ma Patrie... La personne que vous me proposez de m'envoyer ici, aurait peût être peû de chose à me dire, et moi je n'aurai pas beaucoup à lui apprendre sur cette question. Tout cela parait devoir être reunis à Vienne... Et c'est de votre côté qu'on peût assez préparer le terrein. E con questo basta.

Je vais expédier dans 8, à 10 jours un courrier à l'Empereur. Je le ferai passer par Baden, et il y viendra exprès pour prendre les ordres de S. M. l'Impératrice. Je vous prie, Mademoiselle, d'en prévenir Sa Majesté. Je vous ai mandé les nouvelles d'Aleko. Je lui ai écrit ces jours passés. J'attends avec impatience de ses lettres; elles me font infiniment de plaisir. Si vous écrivez à Madame Stourdza, rapellez moi à son souvenir et à celui de Mons. votre Père et de Mademoiselle Hélène.

(Переводъ) Цюрихъ, 19 (31) іюля 1814.

Письмо ваше отъ 19 іюня получено мною въ Цюрихѣ послѣ отъѣзда князя Голицына [1]), который сдѣлалъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ и провелъ у меня цѣлый день. Я снабдилъ его нѣсколькими письмами, чтобы онъ могъ по возможности съ пользой употребить короткое время, предназначенное имъ для путешествія. Я былъ очень счастлívъ познакомиться съ нимъ и очень радъ, что могу доставить вамъ о немъ вѣсти чрезъ прилагаемое письмо.

Перейдемъ къ важному дѣлу, относительно котораго вы пожелали узнать мое мнѣніе. Основная мысль его очень удачна. И умомъ, и сердцемъ я очень легко ее усвоилъ, а переходя отъ одного къ другому, она все болѣе и успѣшнѣе развивается. Тѣмъ не менѣе, ни вѣрность этой идеи, ни благопріятное впечатлѣніе, которое она должна произвести на всѣ благородныя сердца и здравомыслящіе умы, ни самая справедливость ея осуществленія,—ничто не пріобрѣтетъ ей благосклоннаго одобренія со стороны министровъ союзныхъ державъ нашего государя. Изложеніе лишь только мотива этого проекта уже заставило бы вытянуться всѣ министерскія физіономіи, не принадлежащія, какъ вамъ извѣстно, вообще къ числу привѣтливыхъ. Серьезная разработка этого вопроса вызвала бы сильнѣйшее сопротивленіе Австріи, Франціи и Англіи. Первая стремится овладѣть оттоманской политикой и тѣмъ стѣснить наши дѣйствія. Вторая, не имѣя возможности принимать активнаго участія въ великихъ политическихъ вопросахъ, скорѣй склонится на сторону Австріи и Англіи, нежели на нашу. Этимъ она выиграетъ время и не отрѣшится отъ надежды стать когда-либо самой во главѣ европейской лиги, съ цѣлью низверженія Турціи и ограниченія громаднаго могущества Россіи.

[1]) Кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, дѣйст. тайный совѣтникъ, канцлеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ; р. 8 дек. 1773 г., † 22 ноября 1844 г. въ имѣніи Гаспра-Александрія, Ялтинскаго уѣзда въ Крыму.

весьма устрашающаго Европу. Наконецъ, Англія, завоевавшая шесть острововъ и занявшая Корфу именемъ союзниковъ, не такъ легко позволитъ лишить себя своихъ владѣній. Англичане крѣпко держатся этого островнаго владычества, разсчитывая, благодаря ему, остановить и парализовать успѣхи Россіи на востокѣ, которые она можетъ тамъ сдѣлать подъ вліяніемъ религіи и личнаго обаянія самого государя. Но какъ ни велики эти препятствія, все же они преодолимы. Не смѣю высказать вамъ всего, что думаю относительно способа ихъ устраненія. Я не знаю, въ какомъ положеніи находятся наши переговоры съ союзниками: мнѣ равно неизвѣстны—какъ планъ, составленный для приведенія ихъ къ благополучной развязкѣ, такъ и результаты, которыхъ добивается нашъ кабинетъ. Только совокупность этихъ свѣдѣній можетъ пролить лучъ свѣта и озарить путь, котораго слѣдовало бы держаться, чтобы поставить молодаго принца во главѣ нашего отечества. Въ этомъ событіи греки узрѣли бы зарю своей независимости. Порта, возбужденная европейскою завистью, жестоко наказала бы несчастныхъ. Война, рано или поздно, разразилась бы въ Турціи; слѣдовательно, мѣра эта не можетъ быть разсматриваема независимо отъ самыхъ существенныхъ интересовъ Россіи, и успѣхи ея не должны были бы исходить исключительно отъ воли, *изъявленной однимъ* только нашимъ государемъ. Если политика наша допускаетъ возможность тайныхъ соглашеній относительно будущей судьбы востока, то слѣдовало бы укрѣпить фундаментъ ихъ теперь же и заставить заинтересованные въ этой системѣ кабинеты дѣйствовать въ смыслѣ благопріятномъ вышеупомянутому проекту безъ авансовъ со стороны Россіи. Государю слѣдовало бы не *пожелать отдать* семь острововъ принцу Густаву, а лишь *согласиться* на отдачу ему ихъ. Такимъ образомъ турки и ихъ союзники стали бы, быть можетъ, смотрѣть на это новое Іоническое княжество, скорѣй какъ на учрежденіе, предназначенное для поддержанія равновѣсія морской системы Адріатическаго и Средиземнаго морей, чѣмъ на мѣру, благопріятствующую перевѣсу Россіи въ восточныхъ дѣлахъ. Мнѣ не приходится вдаваться въ большія подробности по этому вопросу: я бы лишь строилъ воздушные замки. Если государю угодно будетъ дать мнѣ свои приказанія и поручить мнѣ разработку этого важнаго дѣла, то я возьмусь за него съ величайшей готовностью. Прошу

васъ никому не сообщать высказанное мною, за исключеніемъ лицъ, которыя, быть можетъ, склонили васъ написать мнѣ объ этомъ. Разговоры на эту тему никогда почти не проходятъ безнаказанно. У нашихъ друзей глаза и уши повсюду и, въ особенности тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ожидаешь. Я уже написалъ на родину, совѣтуя прислать депутацію ко времени Вѣнскаго конгресса. Но не думаю, чтобы мѣра эта удалась; англичане воспротивятся ей: они не любятъ предоставлять слово тѣмъ, кто можетъ воспользоваться имъ для успѣшной защиты своего дѣла. Во всякомъ случаѣ, правленіе республики уполномочило меня повергнуть отъ его имени къ стопамъ его величества желанія населенія Іоническихъ острововъ... Если государь разрѣшитъ, то я буду дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ съ одинаковой пользой какъ для интересовъ его величества, такъ и моей родины.

Лицо, которое вы предлагаете прислать ко мнѣ сюда, вѣроятно мало что могло бы мнѣ сообщить, а я также не много имѣлъ бы сказать ему по этому вопросу. Кажется, что слѣдуетъ отложить все до Вѣны... И именно вы, со своей стороны можете подготовить почву. E con questo basta [1]).

Черезъ 8 или 10 дней я отправлю къ государю курьера. Велю ему ѣхать чрезъ Баденъ, чтобы онъ могъ получить приказанія ея величества. Прошу васъ предупредить объ этомъ императрицу. Свѣдѣнія объ Алеко я послалъ вамъ.

На дняхъ писалъ ему. Съ нетерпѣніемъ жду отъ него писемъ; они доставляютъ мнѣ всегда громадное удовольствіе. Если будете писать М-me Струдза, засвидѣтельствуйте ей мое почтеніе, какъ равно и вашему батюшкѣ и m-lle Hélène.

8.

Zurich 29 juillet (11 août) 1814.

Le Capitain Sturler des gardes, aura l'honneur de vous présenter cette lettre. Il est chargé d'une expédition pour l'Empereur. J'ai cru de mon devoir de le faire passer par Baden et de le prier de venir prendre les ordres de S. M. l'Impératrice. J'ai eu l'honneur de vous en prévenir par ma lettre du 18 (30) juillet. Je vous prie maintenant de contribuer à ce que ce courrier soit expédié de chez

[1]) И на семъ—довольно!

vous le plutôt possible, étant très urgent de le faire arriver à Pétersbourg sans perte de tems.

Je suis très impatient de recevoir de vos nouvelles, Mademoiselle, et d'apprendre ce que vous pensez de ma réponse à la dernière lettre que vous savez en la bonté de m'écrire sur la grande affaire τῆς πατρίδος.

Je ne vous écrirai cette fois-ci, une plus longue lettre, étant très-occupé du départ de ce courrier.

Conservez moi votre bienveillance. Croyez à ma dévotion, et agréez mes hommages

Je prends la liberté de vous annexer une lettre pour m-me Villier.

(Переводъ) Цюрихъ 29 іюля (11 августа) 1814.

Капитанъ гвардіи Стюрлеръ [1]) передастъ вамъ это письмо. Онъ отправленъ къ государю съ депешами; я счелъ своей обязанностью направить его черезъ Баденъ, чтобы получить приказанія отъ ея величества государыни императрицы. Я имѣлъ уже честь писать вамъ объ этомъ отъ 18 (30) іюля; теперь же попрошу васъ посодѣйствовать елико возможно скорѣйшему отправленію этого курьера отъ васъ въ виду того, что ему необходимо прибыть въ Петербургъ, не теряя времени.

Съ величайшимъ нетерпѣніемъ жду вѣстей отъ васъ, чтобы узнать какого вы мнѣнія о моемъ отвѣтѣ на ваше послѣднее письмо, въ которомъ вы говорили о важномъ вопросѣ τῆς πατρίδος[2]).—Не могу написать вамъ сегодня больше, такъ какъ очень занятъ вслѣдствіе отъѣзда курьера.

Прошу васъ сохранить мнѣ вашу благосклонность и принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи.

Беру на себя смѣлость приложить при семъ письмо къ М-me Виллье.

9.

Baden 14 (26) Août 1814.

C'est à Baden en Argovie que j'ai reçu votre lettre du 7 du courant. Je suis ici depuis dix jours très content de ma solitude, de mes promenades, des bains, et de la lecture. Ma santé en gagne: elle en avait besoin. Je serai de retour à Zurich au moment où la diète doit s'assembler pour donner la dernière main aux affaires interminables de ce pays.—Ce sera le 7 ou le 8 du mois prochain. C'est à Zurich que j'attendrai les ordres de l'Empereur, par ma dernière expédition j'ai prié très instamment S. M. de me les faire

---

[1]) Л. гв. Семеновскаго полка капитанъ Николай Львовичъ Стюрлеръ.
[2]) Т.-е. касающемся отечества.

parvenir avant son arrivée à Vienne, ou au moins avant l'ouverture du Congrès. J'éspère que l'Empereur daignera approuver mon travail, et les précautions que j'ai pris pour assurer (dans toutes les hypothèses) un succès convenable au système que nous avons suivi... Dès l'apparition de mes nouveaux collègues je me suis trouvé enveloppé dans des difficultés non ordinaires. J'ai taché de m'en tirer ne consultant que mon gros bon sens. Il me parait d'avoir réussi. Si je me trompe ce n'est pas ma faute. Il n'est donné à personne de lire bien clair dans l'avenir, et ce qui plus est dans la pensée et dans les intentions des hommes. Ce que je sais, c'est que je n'ai rien sur ma conscience et que j'ai fait tout ce qui dépendait de moi pour remplir les ordres qu'on m'a donné et pour faire le bonheur véritable de ce beau pays. Si Sturler fait grande diligence et si le Ministère de S. M. veût se donner la peine de songer un instant à moi, j'aurai des réponses et je saurai à quoi m'en tenir. Mais je connais un peû l'allure des choses et je n'ose pas m'en flatter. Ainsi je vous prie, Mademoiselle, faites moi connaître à tems, ce qui parviendra à votre connaissance relativement au voyage de l'Empereur, et de son arrivée à Vienne.—Je viens de recevoir des lettres de mes parens du mois de juillet.—Les affaires marchent très mal, et très bien. Mal si elles doivent aller toujours le même train... bien si c'est par là qu'elles doivent passer pour être reglées comme nous désirons. Ajournons donc cette discussion jusqu'au moment opportun.—Aleko vient de m'écrire une charmante lettre. Il me mande son impatience de vous savoir en route pour Vienne. Il me parle du mois d'octobre, et me fait le tableau d'un salon de compagnie.—Il y place en chef Madame Stourdzo et toute sa famille, le Métropolitain d'autres compatriotes, votre bon ami... Mad. Stourdze m'a soutenu une fois qu'il ne faut jamais trop songer aux événements agréables que notre imagination guidée par notre coeur se plait à prévoir. Elle prétend que ces événements ne se réalisent presque jamais. La bonne opinion, et le respect que j'ai des observations faites par Mad. votre Mère sont cette fois-ci (et pour la première fois) en contradiction, avec les voeux que je forme depuis longtemps. Nous allons être tirés d'inquiétude sous peû de jours.

Ce n'est pas sans surprise que j'ai appris par Aleko l'arrivée de Mad. Villier à Vienne. Je la croyais déjà en Russie, et votre lettre m'en avait donné la certitude. Monsieur Stavro auquel je l'avais dans le tems recommandé me demande de ses nouvelles. Elles ne sont pas bonnes. Sa santé paraît détruite—elle va chercher quelque soulagement à Baden. Lebzeltern qui est toujours d'âme et de coeur un de mes meilleurs amis m'écrit très souvent. Il me charge de le rapeller à votre souvenir. Il n'est pas agréablement à Rome. Il partage mes opinions. Il trouve aussi que nous ne vivons plus dans le siècle des Inocens III et IV et que c'est d'une manière douce et raisonnable qu'on doit ramener les esprits et les consciences... Allez faire entendre ces vérités aux capucins et aux inquisiteurs!

Les gazettes annoncent le prince Esterhazy à la place de Rome. Je ne sais pas ce que Lebzeltern deviendra. Il est encore possible qu'il aille aussi à Vienne... que de monde!..

Adieu, Mademoiselle. Croyez à tous les sentimens les plus sincères et les plus respectueux...

(Переводъ) Баденъ, 14 (26) августа 1814.

Ваше письмо отъ 7-го текущаго мѣсяца я получилъ въ Баденѣ, въ Кантонѣ Ааргау, гдѣ нахожусь уже десять дней, и очень доволенъ своимъ уединеніемъ, прогулками, купаньемъ и чтеніемъ, возстановляющими мое здоровье: оно во всемъ этомъ нуждалось. Въ Цюрихъ я вернусь числа 7-го или 8-го будущаго мѣсяца, т. е. къ тому времени, когда соберется союзное собраніе для окончательнаго рѣшенія нескончаемыхъ дѣлъ этой страны, и тамъ же буду ожидать инструкцій государя императора. Въ послѣдней моей депешѣ я настоятельно просилъ его величество сообщить ихъ мнѣ до прибытія его въ Вѣну или, по крайней мѣрѣ, до открытія конгресса. Льщу себя надеждой, что государь соблаговолитъ одобрить мою работу и мѣры предосторожности, принятыя мною для обезпеченія (при возможныхъ предположеніяхъ) надлежащаго успѣха принятой нами системы... Съ появленіемъ моихъ новыхъ коллегъ, я запутался въ затрудненіяхъ необычайнаго свойства; я старался выйти изъ нихъ при помощи лишь *здраваго своего смысла* и, кажется, успѣлъ въ этомъ. Если я ошибаюсь, то это не моя вина. Никому не дано читать въ будущемъ, а еще менѣе,—знать всѣ мысли и намѣренія людей. Знаю только, что совѣсть моя совершенно чиста, и что я сдѣлалъ все отъ меня зависѣвшее для исполненія данныхъ мнѣ приказаній и доставленія истиннаго благополучія этой прекрасной странѣ. Если Стюрлеръ поспѣшитъ и если министерство его величества даетъ себѣ трудъ хоть немного обо мнѣ подумать, то я получу отвѣтъ и буду знать, чего мнѣ держаться. Но, зная обычный ходъ дѣлъ, я не смѣю льстить себя такой надеждой. Поэтому очень прошу васъ вòвремя извѣстить меня обо всемъ, что дойдетъ до вашего свѣдѣнія, относительно путешествія государя и его пріѣзда въ Вѣну. Недавно получилъ іюльскія письма отъ моихъ родителей. Дѣла идутъ и хорошо и худо; худо — въ томъ случаѣ, если они и впредь пойдутъ также, хорошо,—если, пройдя эту фазу, достигнутся желаемые нами результаты. Поэтому отложимъ эти пренія до болѣе удобнаго момента.

Недавно я получилъ отъ Алеко премилое письмо, въ

которомъ онъ высказываетъ свое нетерпѣніе по случаю скораго свиданія съ вами въ Вѣнѣ. Онъ упоминаетъ въ немъ также объ октябрѣ и рисуетъ все общество съ M-me Стурдза во главѣ всей семьи; затѣмъ митрополита, другихъ соотечественниковъ, а также и вашего добраго друга и т. д... M-me Стурдза убѣждала меня однажды, что никогда не слѣдуетъ слишкомъ мечтать о пріятныхъ для насъ событіяхъ, создаваемыхъ нашимъ воображеніемъ въ угоду сердцу, такъ какъ эти событія никогда почти не осуществляются. Высокое мнѣніе и уваженіе, питаемое мною всегда къ замѣчаніямъ вашей матушки, на этотъ (первый) разъ, не согласуются съ моими давнишними желаніями. Чрезъ нѣсколько дней мы будемъ избавлены отъ безпокойства.

Я былъ не мало пораженъ, узнавъ отъ Алеко о пріѣздѣ m-me Виллье въ Вѣну. Я думалъ, что она уже въ Россіи, а ваше письмо какъ будто подтверждало мое предположеніе. Г-нъ Ставро, попеченіямъ котораго я ее препоручилъ въ свое время, шлетъ мнѣ, къ сожалѣнію, неутѣшительныя о ней вѣсти: ея здоровье, повидимому, совсѣмъ разстроилось, и она ѣдетъ въ Баденъ, чтобы получить хоть нѣкоторое облегченіе. Лебцельтернъ, и душой, и сердцемъ мой неизмѣнный, лучшій другъ, пишетъ мнѣ очень часто и проситъ напомнить вамъ о немъ. Римъ ему не по душѣ. Онъ раздѣляетъ мое мнѣніе и тоже находитъ, что для насъ миновалъ вѣкъ Иннокентія III и IV и что для успокоенія умовъ и совѣсти слѣдуетъ прибѣгать къ мѣрамъ кротости и увѣщеванія... Попробуйте убѣдить въ этомъ капуциновъ и инквизиторовъ!.. Газеты сообщаютъ о назначеніи князя Эстергази [1]) въ Римъ. Не знаю, что будетъ съ Лебцельтерномъ. Возможно, что и онъ поѣдетъ въ Вѣну... Какое собраніе!..

Пока до свиданія...

10.

Baden en Argovie, le 20 Août (2 Septembre).

Je vous félicite, Mademoiselle, de bonnes nouvelles que vous avez reçu, des arrangemens de voyage qui ont fait la suite, et du bonheur qui vous attend à Vienne au sein de votre famille. Agréez aussi tous mes remerciemens de la peine que vous êtes donnée de me faire part de ces nouvelles. J'espère que vous m'en manderez encore de plus positives de Munich. Si je n'étais pas en gage à

[1]) Esterhazy de Galantha (Paul-Antoine, prince d')—австрійскій дипломатъ (р. 1776 г. † 1866).

faire une course dans le canton de Soleure et dans celui de Lucerne, et s'il était dans mon pouvoir de reculer les affaires qui m'obligent à y paraître ces jours-ci, je serais arrivé le 10 à Schaffhaouse dans l'espoir de mettre aux pieds de S. M. mes hommages, et dans celui de vous offrir de vive voix les témoignages de mon amitié respectueuse. Cependant puisque vous ne partez de Carlsrube que le 8, je ferai tout ce qui dépend de moi pour être en mesure de m'y trouver à votre passage par Schaffhaouse, si toutefois le bavardage des ces magistrats et les complications sans fin de leurs mauvaises affaires me permettent de m'en délivrer une heure plutôt.—J'ai aussi reçu la lettre que vous avez eu la bonté de soigner. Elle est de mon ami Monsieur Fluissières et elle me parle de quoi payer les dettes que le Collège des affaires étrangères a en la bonne grâce de me faire faire, malgré la liberalité avec laquelle l'Empereur a fixé mon traitement.

Je ne vous écris une plus longue lettre pour ne pas vous fatiguer de mon griffonage.

(Переводъ) Баденъ въ Ааргау 10 августа (2 сентября).

Поздравляю васъ, м. г., съ хорошими вѣстями, полученными вами, съ слѣдующими за ними сборами въ путь и со счастіемъ, ожидающимъ васъ въ Вѣнѣ, въ кругу семьи. Примите мою глубокую благодарность за то, что соблаговолили сообщить мнѣ эти новости. Надѣюсь имѣть отъ васъ изъ Мюнхена еще болѣе обстоятельныя извѣстія.

Если бы не обязательная поѣздка въ Золотурнскій и Люцернскій кантоны и полное отсутствіе возможности отсрочить дѣла, заставляющія меня быть тамъ на-дняхъ, я пріѣхалъ бы 10-го въ Шафгаузенъ, чтобы повергнуть къ стопамъ ея величества мои вѣрноподданнѣйшія чувства и живымъ словомъ засвидѣтельствовать вамъ мою дружбу и почтеніе. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ вы выѣзжаете изъ Карльсруэ только 8-го числа, я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы повидаться съ вами при проѣздѣ вашемъ чрезъ Шафгаузенъ, если только словопренія магистратовъ и безконечныя осложненія ихъ противныхъ дѣлъ позволятъ мнѣ избавиться отъ нихъ пораньше. — Получилъ также письмо, которое вы были такъ добры сохранить. Оно отъ моего друга Флюисьера, который сообщаетъ мнѣ, какъ заплатить долги, сдѣланные мною по милости коллегіи иностранныхъ дѣлъ, несмотря на щедрость оклада, назначеннаго мнѣ государемъ.

Кончаю свое письмо, чтобы не утомлять васъ долѣе.

11.

Vienne, 12 Mai 1815.

Senesto vient vous porter, Mademoiselle, le résultat de nos délibérations. J'espère que vous aurez lieu d'en être satisfaite.—J'écris aussi à Monsieur Boader, je me propose de poursuivre l'objet de notre académie sans me laisser arrêter par aucun obstacle. L'idée que vous avez eû d'établir auprès des jeunes grecs un prêtre est excellente. Je tacherai d'y contribuer. Le comte Pallen sera notre ministre à Munich. Je prierai l'Empereur de lui accorder la chapelle. Ensuite je concerterai avec le comte la manière de lier ces deux établissemens. Il faut cependant aller fort doucement, à l'effet de ne point effrayer les petits esprits. Et il y en a malheureusement par tout.—Mon premier fils adoptif Georgos est déjà établi chez Tellenberg. J'en attends trois autres de mon Pays, et je me propose de les entretenir tous les quatre à mes frais. Je l'ai dit dernièrement au Maitre, et il a eû la bonté de me témoigner sa satisfaction. L'Empereur me donne plus d'argent qu'il m'en faut. L'emploi que je tâche d'en faire vaut certainement beaucoup mieux que celui que d'autres en font pour se donner les airs de grands seigneurs... Nous sommes toujours ici. L'on parle de départ. — Quant à moi, je n'en sais rien directement, et ce qui plus est, je ne sais non plus ce que je dois devenir. Si j'avais à m'en tenir aux conjectures, je pourrais croire que l'intention de l'Empereur est de m'employer encore devant la guerre auprès de sa personne, et dans les formes usitées jusqu'ici. Elles sont toujours très agréables pour moi. Je ne sais pas cependant si tous mes collègues sont dans le cas d'en dire autant.—La guerre qui se prépare est d'un très grand intérêt. Elle va décider une question immense. Savoir—si c'est l'esprit du siècle (qui est mauvais) qui doit l'emporter sur la mouvaise politique, ou si c'est, par contre, la mauvaise politique qui doit l'emporter sur l'esprit du siècle.—Vous connaisez à cet égard mon opinion. Je crois constamment que l'idée de rétablir la paix générale en Europe sur les bases tracées par la mauvaise politique, est une idée absurde. Je l'ai dit le mois d'Octobre, je le répète aujourd'hui. Napoléon et la guerre que nous allons faire est une preuve de cette vérité... Sans Napoléon les mêmes événemens auraient eû lieu un mois plus tard... Sans cela une guerre aurait été nécessaire—avec cette différence qu'au lieu de nous battre en France, ce serait peut-être sur l'Elbe ou sous l'Oder, que nos soldats auraient dû résister à une grande coalition. Ce que je vous dis ici, est prouvé par des faits. Ces faits viennent à l'appui de ce que j'ai pris la liberté de dire à S. M. le mois de décembre. Ce n'est pas un grand mérite que de voir clair à midi.

Je vous ai promis de vous écrire souvent.— Aleko qui partage mon travail et toutes mes tracasseries vous dira quelle est la misérable existence que l'on me fait traîner tous les jours.—Ma santé s'en ressent. Et j'espère que l'Empereur ne me refusera pas la permission, de la soigner un peû avant de commencer la campagne...

Je ne lui demanderai qu'une quinzaine de jours. Et je compte de les passer ou à Baden ici, ou à Egra.

Adieu, Mademoiselle. Conservez moi une petite place dans votre souvenir, et croyez aux sentimens d'amitié et de respect.

(Переводъ) Вѣна 12 мая 1815.

Спѣшу сообщить вамъ результатъ нашихъ совѣщаній. Надѣюсь, что вы останетесь имъ довольны. Пишу также г. Боадеръ. Я рѣшилъ не останавливаться ни передъ какимъ препятствіемъ въ дѣлѣ устройства нашей академіи Ваша мысль о назначеніи къ молодымъ людямъ священника—прекрасна, и я постараюсь посодѣйствовать ея осуществленію. Графъ Паленъ будетъ нашимъ посланникомъ въ Мюнхенѣ, и я попрошу государя разрѣшить ему имѣть домовую церковь, а затѣмъ уговорюсь съ графомъ, какъ соединить эти два учрежденія. Но надо дѣйствовать осторожно, чтобъ не испугать малодушные умы, которые, къ несчастью, встрѣчаются повсюду. Мой первый пріемный сынъ Георгій уже помѣщенъ къ Телленбергу; ожидаю еще трехъ остальныхъ съ родины и намѣреваюсь содержать ихъ всѣхъ на свой счетъ. Недавно я доложилъ объ этомъ государю, и онъ соблаговолилъ выразить мнѣ свое удовольствіе. Государь даетъ мнѣ денегъ больше, чѣмъ нужно, но употребленіе, которое я имъ даю, навѣрное, лучше того, которое дѣлаютъ изъ нихъ многіе, желающіе разыгрывать изъ себя большихъ баръ... Мы все еще здѣсь, хотя и поговариваютъ объ отъѣздѣ; я же непосредственно ничего не знаю и даже, болѣе того, не знаю, какъ мною распорядятся. Если основываться на догадкахъ, то думаю, что государь намѣренъ до войны еще удержать меня при себѣ и на прежнемъ положеніи. Послѣднее для меня очень пріятно, но не знаю, такого же ли мнѣнія объ этомъ и мои коллеги. Предстоящая война очень интересна, такъ какъ должна разрѣшить слѣдующій важный вопросъ: возьметъ ли верхъ надъ дурной политикой духъ времени (тоже скверный) или же, наоборотъ, дурная политика побѣдитъ духъ времени. Вы знаете мое мнѣніе на этотъ счетъ. Я не перестаю находить, что идея установить въ Европѣ всеобщій миръ на основаніяхъ, положенныхъ скверной политикой—нелѣпа. Я говорилъ это въ октябрѣ мѣсяцѣ и повторяю теперь. Наполеонъ и предстоящая намъ война служатъ тому подтвержденіемъ. Безъ Наполеона тѣ же событія совершились

бы мѣсяцемъ позже... И безъ того война была бы неизбѣжна, съ той лишь разницей, что наши солдаты должны были бы оказывать сопротивленіе огромной коалиціи на Эльбѣ или на Одерѣ, вмѣсто того, чтобы сражаться во Франціи. Все сказанное мною доказано событіями, которыя подтверждають и все то, что я имѣлъ смѣлость высказать его величеству въ декабрѣ. Не большая заслуга хорошо видѣть то, что ясно, какъ Божій день.

Я обѣщалъ часто писать вамъ.—Алеко, дѣлящій со мной всѣ труды и хлопоты, разскажетъ вамъ, какую жалкую жизнь заставляютъ меня тутъ вести. Это отзывается и на моемъ здоровьѣ. Надѣюсь, что государь не откажетъ мнѣ въ разрѣшеніи полѣчиться до начала кампаніи... Я попрошу у него отпускъ всего только недѣли на двѣ, которыя разсчитываю провести здѣсь въ Баденѣ, или въ Эгра.

До свиданья. Не забывайте меня и примите увѣреніе въ почтительной дружбѣ...

12.

Paris, 10 octobre 1815.

Votre frère me quitte. Il se propose d' aller vous voir en Allemagne, où il espère de vous trouver encore, je le désire du fond de mon âme. A Heidelberg vous m'avez recommandé sa santé physique et morale. J'ai soigné l'une et l'autre en ami et frère. Je suis un peu médecin, et je crois en effet qu'il a besoin d'être traité... Mais ce n'est pas là que réside sa maladie. Depuis Vienne je le trouve changé... Son âme est préoccupée. L'objet de cette préoccupation est pour moi un mystère qui je n'ai pas un devoir, ni pouvoir de découvrir. La mélancolie d'Aleko est plus sombre, plus constante, plus invariable qu'à l'ordinaire. Elle ne dérive pas de sa situation morale dans le monde, elle se fonde dans une affection, qui ne peût pas s'allier aisément avec les devoirs de sa situation... Peut-être que je me trompe. Mais voici de quoi justifier mes conjectures.

Il aime ses parens. Il désire leur être agréable et utile. Il sait qu'il n'aspirent qu'à le faire connaître, et apprécier, et employer. Il a été connu, apprécié, employé, autant qu'un homme à son âge peût l'être. l'Empereur a daingé souvent parler de lui. Il lui donnera sous peû une marque de sa bienveillance. Désirant faire plus, j'avais prié S. M. de lui témoigner de vive voix la bonne opinion qu'il a de ses talens, et de son zèle. L'Empereur me l'avait promis. Mais je ne sais pas trop quel contretems fit manquer cette audience. Il a été constamment auprès de moi, j'en appelle à lui-même. Il a joui de toute son indépendance, et tous ses avantages. Je me suis fait une loi de lui faire rendre toute la justice qui lui est due, en respectant avec une délicatesse, peû ordinaire, les droits

de la propriété. Son ouvrage a été fidélement présenté comme le sien, et le mien n'a jamais emprunté secrètement de lui ce qu'il lui doit. Je l'ai dit dernièrement à l'Empereur à l'occasion d'une pièce qui était mal pensée, et mal écrite. Sire, ce qui se fait chez moi, peut avoir le premier défaut, jamais le second.— Monsieur Stourdza ne me laisserait pas passer une phrase mal tournée. C'est alors que l'Empereur a voulu connaître en détail ma manière de travailler... Je n'ai pas laissé ignorer à S. M. la part que votre frère avait, à la précision, et à la correction de notre travail... J'ai de la facilité à émouvoir des idées et à les placer dans un ordre logique. Ma plume peut aussi les tracer sur papier. Il faut cependant, qu'un homme à moyens intellectuels et moraux ait la capacité et la bonne volonté, de me comprendre et de me traduire dans une langue correcte et pure, c'est ce qui fait Monsieur Stourdza, et c'est ce que nul autre pourrait faire aussi bien que lui. Ce qu'il me prête en stile, il le gagne en idées pratiques, et en expérience. L'Empereur a fort, goûté cet aveu sincère, et m'a comblé des témoignages de bienveillance.—Votre frère ne connait pas tous ces détails. Ce serait trop que de lui en dire autant.— Sa sagesse ne le met pas encore assez à l'abri des séductions de l'amour propre. Ce qu'il n'ignore pas cependant, c'est que son mérite est connu du Maître et de toutes les personnes à l'estime desquelles il vaut la peine de mettre quelque prix.

De tout ceci, je tire une première conclusion, et c'est que votre frère ne peut pas, ne doit pas être mécontent de moi, de sa carrière du service, et de tout ce qu'il peût s'attendre en peu de tems.— Pourquoi donc ne rève-t-il pas qu'à se débarasser de moi, des affaires, de la Russie?.. Pourquoi de voir de salut que dans son retour à Vienne? Pourquoi ne pas me premettre qu'il sera auprès de moi, dès ma première arrivée à Pétersbourg...

Je lui ai parlé avec candeur et franchise, sur la nouvelle destination qui m'attend et de laquelle je n'ai pu me soustraire malgré toutes les peines que je me suis données. Je vais en effet me perdre dans un labyrinthe, duquel il me sera impossible de sortir honorablement.—L'Empereur me veût auprès de sa Personne. Et pourquoi?.. Pour faire de moi l'un des instrumens dont il se propose de se servir pour opérer des grandes réformes dans son Empire... Quelle idée, Seigneur Dieu?.. Mais enfin j'ai pris mon parti—je suivrai l'Empereur, en m'abandonnant à la pureté de ma conscience, et à l'assistance Divine.

Votre frère, pour lequel je n'ai jamais eu de secret, connait toutes mes inquiètudes et toutes les peines que je souffre d'avance. Je lui ai fait sentir que ce qui pouvait les mitiger, c'était l'espoir de les partager avec lui, que c'est sur lui que je comptais le plus, parce que le travail auquel je m'attendais d'être destiné à Pétersbourg était essentiellement plus de son ressort que du mien... La perspective de cet avenir n'a pû le décider ni à me promettre de venir me rejoindre sous peû à Pétersbourg, ni à me priver de cet espoir.—Il parle toujours de sa santé, et du besoin qu'il a de la soigner hors de la Russie... C'est à dire à Vienne... Je ne puis

pas me dire en quoi consiste cette force salutaire du ciel de Vienne, durant l'hiver.

L'ensemble de ces observations, et son embarras à l'expliquer avec moi, m'a fait croire que le véritable motif de ses décisions, ou lui est inconnu, ou il doit l'être à mon égard... Et l'une et l'autre idée m'afflige également.—Je désire me tromper sur toutes ces conjectures. Et ce sera très agréable pour moi de l'apprendre... S'il est décidé à faire une autre carrière, ou en chercher une qui le place à une grande distance de moi, j'en serais très peiné, mais je ne lui en voudrai pas: tout homme est libre, et ce n'est qu'en jouissant de sa liberté à sa manière qu'il peut se croire heureux.—Mais si par contre votre frère veût encore servir avec moi, il faut bien qu'il se donne la peine de me le dire à tems, afin qu'à mon arrivée à Pétersbourg je puisse compter sur lui, et faire consequemment dès arrangemens d'une convenance réciproque. J'ai taché d'approfondir moi-même ses intentions à cet égard... Ayant compris qu'il lui était très pénible de l'expliquer, je me suis résolu de le laisser en paix et d'attendre qu'il ait respiré l'air désiré de Vienne pour revenir sur cette question—peut-être avec plus d'utilité... Je compte passer quelques jours en Suisse... Je vais m'y rendre dès que les affaires de Paris seront terminés... C'est là où j'attendrai vos lettre ou celles qu'Aleko voudra bien m'écrire... Tachez de le déchiffrer... Et de lui faire comprendre ce qu'il n'est pas assez en état de saisir... C'est à dire que l'intérêt qu'il m'inspire n'est pas tout à fait l'impression de mon propre intérêt. Il se compose au moins avec une égalité parfaite et du mien et du sien.—Je crois en effet qu'en travaillant quelque tems sous les yeux de l'Empereur Aleko pourra servir mieux que personne S. M. dans les affaires de l'intérieur.—Et c'est dès à présent qu'il doit commencer cette carrière, pour la finir rapidement et avec honneur et utilité... Quant à moi je me trouve le moins capable de tous les employés pour cette partie... Je puis avoir du gros bon sens, mais je ne pourrai jamais l' exercer sur des objets qui me sont et demeureront éternellement étrangers.

L'Empereur connait ma profession de foi sur ce chapitre. Et l'une des conditions auxquelles j'ai accepté le titre de son sécrétaire d'Etat, c'est d'obtenir l'été prochain un sémestre pour aller voir mes parens. C'est à dire—de ne le servir en Russie que cette année, et notam... cet hiver...

D'après tout ce que je me suis fait un devoir de vous dire sur votre frère, je me crois dispensé d'en écrire à Madame Stourdza... Vous lui expliquerez les choses de la manière que vous jugerez la plus convenable. Ma lettre s'en rapporte à ce que vous lui direz.—Il se peût que pour aller en Russie, je me décide de passer par Vienne. J'ai plusieurs petites affaires à arranger, un neveu à revoir, mes pensionnaires chez Tellemberg à pourvoir etc...

Si votre frère se laisse persuader, et sa santé devient meilleure comme je l'espère, il pourrait faire le voyage avec moi. Je suis sur le point de terminer aussi la grande affaire de mon pays. J'ai en grande partie gagné mon procès... La République sera rétablie...

Mais à quelles conditions?... N'importe... C'est toujours quelque chose que d'avoir conservé notre nationalité...

Pour le reste je ne puis pas me vauter d'avoir bien avancé les affaires qu'on m'a confié ici... Elles sont très difficiles. Elles ont miné ma pauvre santé. Et je compte aller la restaurer pour une dizaine de jours dans les montagnes de la Suisse.

Excusez ce griffonage et croyez à tous les sentimens d'amitié...

(Переводъ). Парижъ, 10-го октября 1815 г.

Вашъ братъ меня покидаетъ. Онъ намѣревается поѣхать повидаться съ вами въ Германіи, гдѣ надѣется еще застать васъ, чего я отъ души желаю. Въ Гейдельбергѣ вы поручили мнѣ заботиться о его здоровьи и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Я исполнялъ и то, и другое, какъ братъ и другъ. Я имѣю нѣкоторыя познанія въ медицинѣ и нахожу, что ему нужно полѣчиться... Но болѣзнь его особаго рода. Я нахожу въ немъ перемѣну со времени пріѣзда его изъ Вѣны... Онъ чѣмъ-то озабоченъ, но чѣмъ—это для меня тайна, проникнуть въ которую не имѣю ни права, ни возможности. Меланхолія Алеко проявляется въ формѣ болѣе мрачной, упорной и продолжительной, нежели обыкновенно. Она не происходитъ отъ его нравственнаго положенія въ свѣтѣ, а отъ какой-то привязанности, трудно согласующейся съ обязанностями его положенія...

Можетъ быть, я ошибаюсь, но вотъ на чемъ я основываю свои предположенія.

Онъ любитъ своихъ родителей и желаетъ быть имъ полезнымъ и пріятнымъ. Онъ знаетъ, что они только и мечтаютъ о томъ, чтобы онъ былъ узнанъ, оцѣненъ и пристроенъ къ дѣлу. Всего этого онъ достигъ, насколько это возможно въ его годы. Государь часто удостоиваетъ говорить о немъ и въ скоромъ времени дастъ ему доказательство своего благоволенія. Желая сдѣлать для него возможно больше, я просилъ его величество лично выразить ему свое лестное мнѣніе о его способностяхъ и усердіи; государь обѣщалъ мнѣ, но не знаю, что помѣшало этой аудіенціи.

Алеко постоянно находился при мнѣ и самъ можетъ это засвидѣтельствовать. Онъ пользовался полной независимостью и всѣми своими преимуществами. Я поставилъ себѣ цѣлью добиться, чтобы ему была отдана полная и

должная справедливость и самымъ деликатнымъ образомъ уважалъ права его собственности. Работа его всегда представлялась мною, какъ его личная и никогда я не пользовался ею *тайно* для своихъ цѣлей, о чемъ еще недавно заявилъ государю по поводу одной плохо обдуманной и изложенной бумаги: „Ваше величество, то, что сдѣлано мною, можетъ грѣшить въ содержаніи, но не въ изложеніи, г. Стурдза не пропуститъ мнѣ ни одной плохо составленной фразы“. Тогда Государь поинтересовался узнать подробно, какъ я работаю, и я, конечно, не скрылъ отъ него участія, которое вашъ братъ принимаетъ въ нашей совмѣстной работѣ, для приданія ей точности и ясности. Я обладаю способностью легко формулировалъ мысли и излагать ихъ въ логическомъ порядкѣ, какъ словесно, такъ и на бумагѣ; но мнѣ необходимъ человѣкъ умственно и нравственно развитый, который обладалъ бы умѣніемъ и желаніемъ понимать меня и излагать мои мысли точно и правильно. Въ этомъ отношеніи г. Стурдза незамѣнимъ. То, что онъ дастъ мнѣ въ отношеніи изложенія, возмѣщается ему путемъ пріобрѣтенія практическихъ идей и опыта. Государю очень понравилось это откровенное признаніе, и онъ осыпалъ меня изъявленіями своего благоволенія. Братъ вашъ не знаетъ всѣхъ этихъ подробностей, и было бы лишнимъ посвящать его въ нихъ. Его умъ еще не можетъ въ достаточной мѣрѣ оградить его отъ соблазновъ самолюбія, но ему все-таки не безъизвѣстно, что его заслуги оцѣнены монархомъ и тѣми лицами, мнѣніемъ которыхъ стоитъ дорожить.

Изъ всего этого я вывожу свое первое заключеніе, что братъ вашъ не можетъ и не долженъ быть недовольнымъ ни мною, ни своей карьерой, ни службой и всѣмъ, чего онъ можетъ ожидать въ самомъ непродолжительномъ времени. Почему же въ такомъ случаѣ онъ только и стремится, какъ-бы отдѣлаться и отъ меня, и отъ дѣлъ, и отъ Россіи? Почему онъ только и видитъ свое спасеніе въ возвращеніи въ Вѣну? Почему не хочетъ мнѣ обѣщать своего сотрудничества по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ?

Я чистосердечно и откровенно говорилъ съ нимъ о новомъ ожидающемъ меня назначеніи, отъ котораго я не могъ уклониться, несмотря на всѣ мои старанія. Я, дѣйствительно, непремѣнно запутаюсь въ этомъ лабиринтѣ, изъ котораго мнѣ невозможно будетъ выйти съ достоинствомъ. Государь желаетъ имѣть меня при своей особѣ. Зачѣмъ?..

Затѣмъ, чтобы пользоваться мною какъ орудіемъ въ дѣлѣ великихъ реформъ въ своей имперіи... Что за идея, Создатель!?. Но въ концѣ концовъ я рѣшился и послѣдую за государемъ, препоручивъ себя своей чистой совѣсти и покрову Всевышняго.

Вашъ братъ, отъ котораго у меня нѣтъ тайнъ, знаетъ всѣ мои безпокойства и огорченія, тревожащія меня заранѣе. Я далъ ему понять, что могъ бы найти себѣ облегченіе лишь въ надеждѣ раздѣлить свои труды съ нимъ, что разсчитываю именно на него, такъ какъ предстоящая мнѣ въ Петербургѣ работа гораздо болѣе подходитъ къ нему, чѣмъ ко мнѣ... Но и эта перспектива не могла заставить его ни обѣщать въ скоромъ времени пріѣхать въ Петербургъ, ни окончательно отказать въ моей просьбѣ. Онъ все ссылается на свое здоровье и на необходимость полѣчиться внѣ Россіи, *т. е. въ Вѣнѣ*... Не могу понять, въ чемъ заключается цѣлебное свойство вѣнскаго климата въ зимнюю пору...

Совокупность моихъ наблюденій въ связи съ его смущеніемъ при объясненіяхъ со мной, заставляютъ меня думать, что дѣйствительная причина его колебанія или не вполнѣ ясна ему самому или должна относиться ко мнѣ. И та и другая мысль меня очень огорчаетъ. Желалъ бы ошибиться въ своихъ догадкахъ и очень буду радъ узнать объ этомъ... Если онъ рѣшилъ избрать другую карьеру или искать такую, которая отдалитъ его отъ меня, то я буду очень огорченъ этимъ, но не стану претендовать на него. Каждый человѣкъ воленъ въ своихъ поступкахъ и, лишь пользуясь по-своему своей свободой, можетъ чувствовать себя счастливымъ. Но если, наоборотъ, вашъ братъ пожелаетъ продолжать совмѣстную со мной службу, то пусть онъ во-время скажетъ мнѣ объ этомъ, чтобы, съ пріѣздомъ въ Петербургъ, я могъ на него разсчитывать и сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія съ соблюденіемъ взаимныхъ приличій. Я старался самъ проникнуть въ его намѣренія въ этомъ отношеніи... но, понявъ, что ему тяжело со мною объясняться, я рѣшилъ оставить его въ покоѣ и подождать, когда онъ надышется *желаннымъ воздухомъ* Вѣны, чтобы возобновить этотъ вопросъ, съ большимъ, быть можетъ, успѣхомъ... Думаю провести нѣсколько дней въ Швейцаріи... Уѣду туда, какъ только окончу дѣла въ Парижѣ Тамъ я буду ожидать писемъ вашихъ и отъ Алеко, если онъ пожелаетъ мнѣ написать. Постарайтесь разгадать его... и

заставить его понять то, чего онъ никакъ не можетъ вполнѣ постичь, т. е., что участіе, которое я въ немъ принимаю, отнюдь не проистекаетъ исключительно изъ моихъ личныхъ интересовъ, но совмѣщаетъ въ себѣ и его собственные, по крайней мѣрѣ въ равной степени съ моими. Дѣйствительно, я полагаю, что, проработавъ нѣкоторое время на виду у государя, Алеко лучше, чѣмъ кто-либо другой, могъ бы служить его величеству въ дѣлахъ внутренняго управленія, и карьеру эту онъ долженъ начать немедленно же, чтобы въ недалекомъ будущемъ окончить ее съ честью и пользой... Что касается меня, то я менѣе всѣхъ чувствую себя способнымъ къ этой дѣятельности... Я хочу имѣть достаточный запасъ здраваго смысла, но никогда не сумѣю примѣнить его къ дѣламъ, которыя навсегда останутся мнѣ чуждыми. Государю извѣстно мое мнѣніе по этому вопросу, и однимъ изъ условій, на которыхъ я согласился принять званіе статсъ-секретаря его величества, было обѣщаніе дать мнѣ на будущее лѣто четырехмѣсячный отпускъ, для свиданія съ родными, т. е. я буду служить его величеству въ Россіи только одинъ годъ, именно въ продолженіе только этой зимы...

Послѣ всего того, что я счелъ своимъ долгомъ написать вамъ о вашемъ братѣ, я полагаю лишнимъ писать m-me Стурдза... Вы объясните ей настоящее положеніе дѣлъ, какъ найдете это болѣе удобнымъ, мое же письмо послужитъ тому подтвержденіемъ.

Очень возможно, что по пути въ Россію я заѣду въ Вѣну, гдѣ мнѣ нужно устроить кое-какія свои дѣла: повидать племянника, снабдить деньгами своихъ пенсіонеровъ у Телленберга и пр., и пр. Если удастся уговорить вашего брата и если его здоровье поправится, какъ я надѣюсь, то остальной путь мы могли бы совершить вмѣстѣ. Въ скоромъ времени я окончу также великое дѣло моей родины. Оно почти совсѣмъ выиграно... Республика будетъ возстановлена... Но на какихъ условіяхъ!?. Все равно... Хорошо и то, что сохранена наша національность...

Что касается остальныхъ порученныхъ мнѣ тутъ дѣлъ, не могу похвалиться ихъ успѣшнымъ ходомъ. Они очень и очень нелегки и совсѣмъ подорвали мое слабое здоровье. Разсчитываю отправиться недѣли на полторы въ горы, въ Швейцарію, чтобы немного возстановить свои силы.

Продолженіе слѣдуетъ.

ПРОЙДОХА.

Воспоминанія именитаго купца стараго времени.

На улицѣ грязь—сапожникъ князь.
Пословица.

(*Продолженіе*) [1].

VI.

Какъ только крестьянамъ, по-моему, напрасно, дали волю (наше село барыня-старуха гораздо раньше отпустила, по своей добротѣ,—они сразу же занялись пьянствомъ и лодырничествомъ,—такъ въ третьегильдійные купцы поползла всякая шентрапа. Мнѣ претило съ нею смѣшиваться, да хотѣлось пустить пыль въ глаза своимъ завистникамъ, я и переписался въ постоянные здѣшніе купцы 2-ой гильдіи. Сдѣлалъ я это, впрочемъ, и потому еще, что содержалъ уже обширную лавку, кладовую и 20 чел. служащихъ, а третьегильдійному, да еще временному купчишкѣ, за это могъ влетѣть здоровый штрафъ чрезъ своего же брата: торговцы, по мстительности, частенько доносили другъ на друга; платежъ же за второгильдійныя права составлялъ для меня сущій пустякъ: торговля моя быстро разросталась въ ширь и въ даль...

Года черезъ полтора въ Духовъ день погода, съ утра, стояла славная. Весь торговый людъ со своими домочадцами съ самаго послѣобѣденнаго времени повалилъ въ Лѣтній садъ и слонялся тамъ: по старинному обычаю—невѣстъ показывалъ и смотрѣлъ. На мое счастье старшій мой прикащикъ, по случаю своихъ именинъ, съ моего разрѣшенія, угощалъ, у меня дома, всѣхъ моихъ служащихъ, а я съ женой тоже домовничалъ, по болѣзни моей сестренки.

— Пожаръ, пож-жаръ,—вдругъ заголосила она, сидя возлѣ окна.—Братецъ! въ рынкѣ гор-ритъ...

Я подскочилъ къ окну,—мы жили супротивъ рынка,—увидѣлъ клубившійся дымъ и бросился въ молодцовскую.

— Ребята,—гаркнулъ я,—бѣжимте, будьте други, товаръ спа-

---

[1]) См. книжку № 2.

сать: рынокъ гор-ритъ. Я награжу васъ за трудъ, ей-ей награж-жу...

Мигомъ всѣ мы очутились возлѣ моей лавки.

— Приложите, братцы, стараніе, довольны останетесь,—подбадривалъ я ихъ.—Награжденье сего дня же получите, а ужо, клянусь вамъ, я жалованья всѣмъ прибавлю.

— Въ этакое время ни лѣниться, ни торговаться нельзя,—замѣтилъ одинъ изъ младшихъ прикащиковъ;—Богъ за это накажетъ. Дружнѣй, товарищи!

Покамѣстъ огонь приближался къ нашему ряду, мы вытащили изъ лавки весь хорошій товаръ, переносили его домой—въ сарай и въ подвальную кладовую. Тѣмъ временемъ поднявшійся рѣзкій вѣтеръ все крѣпчалъ и ретиво перебрасывалъ съ мѣста на мѣсто искры и горѣвшіе куски досокъ, холста, мочалы, войлоковъ и прочаго матерьяла, отчего пожаръ все усиливался: старыя деревянныя лавки гнѣздились одна къ другой, и во всякой было вдоволь горючаго вещества. Когда мы совсѣмъ справились, рынокъ уже пылалъ во всю окружность. Пожарные неистово ломали крыши, стѣны и двери лавокъ, швыряли, куда попало, товаръ кипами и штуками; головешки и снопы огня летали внутрь лавокъ и около нихъ и зажигали все, что вездѣ зря валялось. Сквозь густой дымъ трудно было разсмотрѣть даже, что именно воспламенялось: огненные языки все пожирали. Зѣваки любовались зрѣлищемъ, мазурики прятали по карманамъ и за пазухи все, что плохо лежало, а хозяева этого добра все еще прохлаждались въ саду и зарились на невѣсть...

Я далъ своимъ молодцамъ два четвертныхъ билета на прогулъ и отпустилъ ихъ, а самъ остановился посреди ряда и задумался объ ожидавшей торговцевъ нищетѣ: они, видите ли, не довѣряли страховому обчеству, и потому одинъ изъ ста только страховалъ товаръ; я же, чтобы надо мной не трунили, по секрету даже и отъ своихъ домашнихъ, застраховалъ свою лавку въ двадцать тысячъ. Поглядѣлъ я вокругъ и вдругъ меня свыше осѣнила чудная мысль, оправдавшая, потомъ, на мнѣ пословицу: „всѣмъ извѣстно, что оборотистымъ житъ лестно“. Я выбрался на улицу, полетѣлъ на московскій вокзалъ, послалъ оттуда тестю депешу: „скупай больше товару: цѣна шибко поднялась“, а потомъ поѣхалъ къ общему рыночному нашему лѣкарю (лѣчилъ больше отъ запоевъ и худой болѣзни), человѣку капитальному и ссужавшему, какъ я слыхалъ, торговцевъ деньгами за проценты.

— Дайте мнѣ, Иванъ Петровичъ, денегъ взаймы,—брякнулъ я ему безъ обиняковъ. Пожалуйста не откажите.

— Вамъ взаймы денегъ?—удивленно спросилъ онъ.—Да вѣдь вы сами капиталистъ!

— Я, совершенно вѣрно изволите говорить,—капиталистъ, но мнѣ неожиданно такой случай подошелъ, что на короткое, увѣряю васъ, время занимать приходится. Дайте же, не сумлѣвайтесь: отдамъ съ бладарностью, да съ лихвою.

— Извольте, но сколько же?

— Чѣмъ больше, чѣмъ лучше. Тысячъ пятнадцать можете одолжить мнѣ?

— Десять, пож-жалуй, дамъ, — отвѣтилъ онъ, подумавъ маленько,—но знайте: три процента въ мѣсяцъ: охотниковъ на деньги ко мнѣ много ходитъ. Проценты я, для порядка, впередъ вычитаю за весь срокъ займа.

— Великонёкъ процентъ-то—Иванъ Петровичъ, берете, ну да коли „назвался груздемъ—такъ полѣзай въ кузовъ". Пож-жалуйте только сичасъ денежки: очень тороплюсь.

Онъ досталъ вексельный листъ, вписалъ въ него, что требовалось, я прочелъ, подписалъ, получилъ деньги, попросилъ его побывать ко мнѣ на другой день—сестренку посмотрѣть, и домой. Дома я сосчиталъ весь свой наличный капиталъ, отложилъ на расходы пять, пятьдесятъ тысячъ уложилъ въ сумку, а ее въ ручной сакъ-вояжъ.

— Когда завтра придетъ лѣкарь,—шопоткомъ наказалъ я женѣ,—усердно попроси его распустить слухъ, быдто я, обожженный на пожарѣ,—лежу въ постелѣ. Робятамъ тоже говори, что я боленъ, а какъ торговать негдѣ, такъ пусть болтаются. Старшому прикащику вели келейно слѣдить за всѣмъ, что будетъ тутъ твориться. Наконецъ ключей отъ кладовой и сарая рѣшительно никому не дав-вай.

— Куда же и зачѣмъ ты, скажи на милость, отправляешься въ эдакое-то время?—освѣдомилась она.—Мы со страху умремъ...

— Я за товаромъ, а гдѣ онъ—сама знаешь. Ѣду я тайкомъ отъ всѣхъ, потому заклинаю тебя молч-чать объ этомъ; ежели же ты хоть кому-нибудь заикнешься,—я тебя, вотъ истиннымъ Богомъ божусь, до смерти исколоч-чу. Удастся моя затѣя,—настоящимъ богатѣемъ будемъ, а не удастся—подъ машину брошусь, ей-ей брошусь. Помни же мои слова. Будутъ къ тебѣ приставать съ разспросами про меня,—тверди всѣмъ одно: въ бреду или холерѣ мается и дохтура запретили подпущать къ нему, чтобъ не заразилъ. Такъ никого, рѣшительно никого и не подпущ-щай ко мнѣ. Сестренку тоже, смотри, береги. Прощ-щай: спѣшу.

На дворѣ уже смерклось. Народъ бѣгалъ по улицамъ ошалѣвши, а я, крадучись, быдто тать, юркнулъ за ворота, никѣмъ не замѣченный отравился на вокзалъ, взялъ билетъ въ отдѣльномъ купѣ, чтобы меня не обокрали, и заперся на ключъ. Поѣздъ былъ скорый,—несся на всѣхъ парахъ, а мнѣ казалось, что двигался черепашьимъ шагомъ: забота, сомнѣніе и нетерпѣніе грызли, снѣдали меня. Во время остановокъ я изъ окна пялилъ на всѣхъ глаза,—все боялся, не ѣдетъ ли еще кто изъ торговцевъ за тѣмъ же, зачѣмъ ѣхалъ я, а выйдя на нашей станціи благополучно,—я нарочно поискалъ, но не нашелъ попутчика и перекрестился отъ радости, что никто, какъ я увѣрился, не отбивалъ отъ меня товара. Я нанялъ тройку и помчался стрѣлой...

Въ селѣ я заѣхалъ прямо въ свою лавку и засталъ тамъ тестя.

— На много ли накупили товара по моей депешѣ?,—торопливо спросилъ я тестя и старшаго прикащика разомъ, поздоровкав-

шись съ ними въ комнатѣ послѣдняго. По какимъ, скажите мнѣ также, цѣнамъ купили и нѣтъ ли еще въ виду товара?

— По цѣнамъ, достали мы, обнаковеннымъ,—отозвался тесть,—тысячъ на двадцать одну, на платежъ чрезъ три недѣли, до присылки тобой денегъ: хватило только на 16.000 паръ. Можно, правда, собрать еще тысячъ на десятокъ, но уже не иначе, кажется, какъ съ прибавкой два-три гривенника на пару: народъ чуетъ, что не спроста забираешь такъ много товара сразу.

— Ты, Филиппъ, знаешь: гдѣ сколько еще есть товара?—обратился я къ старшому прикащику.—Говори скорѣй.

— Какъ же, знаю... Ежели угодно, соберу, даже съ прикащиками стакнусь: уступятъ за малую прибыль въ ихъ пользу.

— Такъ иди, накидывай противъ настоящихъ цѣнъ отъ 10 до 20 коп. на пару, столковывайся съ прикащиками по-товарищески, но весь, рѣшительно весь товаръ безотлагательно сюда, а здѣсь за все наличными сію же минуту получатъ. Оборудуешь—щедро награж-жу тебя. Мар-ршъ!

Онъ схватилъ шапку и скрылся.

— Увеличивать цѣну можно смѣло,—разъяснилъ я тестю, когда мы остались вдвоемъ.—Какъ загребемъ весь товаръ, такъ по такой станемъ его продавать цѣнѣ, по какой намъ забларазсудится: въ Питерѣ въ рынкѣ весь товаръ до тла сгор-рѣлъ, прибавлю тебѣ, дорогой тестюшка, по секрету, помни, а ты чуръ никому объ этомъ ни гу-гу...

— Вотъ что-о-о?... теперь я все понялъ, пон-нялъ, куда ты, любезный зятекъ, гнешь... Ты, бестія, право, уменъ, а за это-то я и люблю тебя. Торговецъ не долженъ зѣвать, чтобы солоно не хлебать.

Я разсказалъ ему, какъ спасъ свой товаръ и какъ занялъ деньги больше для того, чтобы онѣ не попали въ руки другихъ торговцевъ нашего товара, на разживу. Онъ слушалъ меня, розиня ротъ отъ удивленія. По моему распоряженію чрезъ часъ поѣхали въ разныя стороны: три молодца и мой братъ съ подробнымъ наказомъ, какъ гдѣ ловчѣй и сходнѣй заграбастать весь товаръ, тесть—на кожевенные заводы скупить тамъ, по знакомству съ управляющими, всю готовую кожу, а самъ я остался принимать товаръ и выдавать деньги продавцамъ, чтобы прикащики не стакнулись съ ними, да заодно распоряжался затюковкой товара въ ящики, нагрузкою ихъ на воза и отсылкою на чугунку. Платежъ наличными считался, въ нашихъ мѣстахъ, рѣдкостью. Мелкіе скупщики и мастера, по предваренію моихъ гонцовъ, опрометью бросились и льнули ко мнѣ, какъ мухи къ меду. Лучшихъ мастеровъ я заподрядилъ шить обувь изъ моей уже кожи. Короче—я опустошилъ всю окружность и чрезъ недѣлю весь товаръ въ десяти вагонахъ покатилъ въ Питеръ, на мое имя, а слѣдомъ пустился и я во-связи, съ пустымъ уже сакъвояжемъ. На Бологовской станціи я столкнулся съ знакомымъ Питерскимъ сапожнымъ оптовщикомъ, который очень чванился предо мной.

— Откуда вы ѣдете?—спросилъ онъ меня.

— Изъ Москвы, отъ дяди: ѣздилъ къ нему просить помощи отъ пожара, потому какъ весь товаръ мой сгор-рѣлъ...

— Мой тоже сгорѣлъ. Никто ничего не спасъ, и теперь ни одной, кажется, пары въ продажѣ не осталось. Всѣ плачутъ отъ разоренія. Да, наказалъ Господь...

— А куда вы катите?

— Извѣстно, въ село за товаромъ на собранныя деньги, для всѣхъ понемножку.

— Купите, пожалуйста, и на мою долю хоть на нѣсколько тысячъ? Какъ товаръ прiѣдетъ—съ бладарностью разсчитаюсь съ вами: дядя на-дняхъ пришлетъ мнѣ денегъ.

— Извольте; но никому,—беру съ васъ честное слово,—не проговаривайтесь, что видѣли меня: могутъ пуститься слѣдомъ за мной и испортить цѣну, какъ разболтаютъ про пожаръ.

— Не сумлѣвайтесь: не выдамъ васъ, а вы за это дорого съ меня потомъ не берите за товаръ.

— Накину противъ своей цѣны лишь пятьдесятъ процентовъ,—сфанаберничалъ онъ,—а это будетъ вамъ вѣдь дешево.

Мы разстались.—Поѣзжай, молъ, галокъ ловить,—подумалъ я про себя,—а отъ товара-то братъ отскочишь; не даромъ говорится: „на чужой каравай ротъ не разѣвай, а раньше вставай, да свой затѣвай“...

VII.

Вернулся я домой также невидимкой въ сумеркахъ. Жена обрадовалась, что я невредимъ.

— Изъ торговцевъ,—божилась она,—рѣшительно никто къ намъ не заглядывалъ: всѣ, разоренные, бѣгаютъ, какъ угорѣлые... Все ли обладили вы тамъ?

— Да, чудесно вышло. Твой отецъ,—спасибо ему,—во многомъ мнѣ помогъ. Вели-ка позвать сюда старшаго прикащика.

Я раздѣлся, повязалъ голову полотенцемъ, легъ, въ халатѣ, на кровать и откинулся на подушки, быдто больной.

— Здраствуй, Фалеичъ,—молвилъ я на его поклонъ.—Отъ хворости я давно никого не видалъ и ничего не знаю про дѣла. Каковы онѣ, скажи, братъ, по совѣсти?

— Плохи, очень плохи-съ,—отвѣтилъ онъ.—Хоть казна и смастерила на Семеновскомъ плацу деревянные сараи и отдала ихъ даромъ для торговли,—я тоже занялъ одинъ на ваше имя,—но торговать-то нечѣмъ и почти всѣ хозяева въ большомъ уныніи обрѣтаются. Правда, велѣно подавать въ Комитетъ просьбы о пособіи, съ обозначеніемъ, на сколько кто понесъ убытку за сгорѣвшій товаръ, но на цифру требуется удостовѣреніе полиціи, а она прижим-маетъ... расходоваться же, когда не извѣстно, выйдетъ ли прокъ изъ самаго прошенія,—никому не охота, а многимъ просто и не изъ чего: въ нищихъ обратились.

— Объ цѣлости нашего-то товара никто, надѣюсь, не пронюхалъ и ни ты, ни молодцы, говори по чести,—не болтали?

— Нѣтъ, видитъ Богъ, не болтали: я всѣхъ остерегалъ и постоянно твердилъ имъ: „чей хлѣбъ ѣшь, на того не брешь".

— Спасибо, Фаленчъ, спасибо. За молчанье сто цѣлковыхъ вотъ тебѣ, а при жалованьи накину еще двѣсти. Мнѣ надо бы еще полежать, да нельзя: тесть, дай Богъ ему здоровья, товаръ прислалъ на коммиссію, такъ завтра спозаранку распорядись дровяной сарай очистить для товара (дрова на дворѣ сложить), да еще найми сарай-другой. Ступ-пай.

На утро я спустился въ молодцовскую, обласкалъ всѣхъ, роздалъ имъ по три цалковыхъ на радость за мое выздоровленье, осмотрѣлъ снятые Фаленчемъ надворные три громадные сарая, прошелъ на мѣсто пожарища и не нашелъ даже слѣдовъ отъ лавокъ: все было срыто и обращено въ обгорѣлый пустырь. Оттуда я направился на плацъ, повстрѣчалъ тамъ знакомыхъ торговцевъ, выслушалъ ихъ плаксивыя рѣчи, самъ жаловался имъ на тотъ же пожаръ и на свою болѣзнь, услышалъ отъ нихъ объ вспомоществовательномъ Комитетѣ и объ счастьи тѣхъ, чей товаръ былъ застрахованъ, такъ какъ страховымъ обчествамъ приказано, дескать, разсчитываться со страхователями безъ придирокъ. Наконецъ, на ихъ сѣтованія, что негдѣ взять товару, я, на ушко, сообщилъ имъ, что скоро получу, какъ коммиссіонеръ, большое количество товара и всѣхъ имъ одѣлю для торговли. Это ихъ ободрило, и они рѣшились запасаться деньгами на этотъ товаръ.

Съ плаца я отправился въ страховое обчество, вызвалъ въ трактиръ писарька, угостилъ его и сунулъ ему красненькую, чтобы научилъ меня какъ получить страховое вознагражденіе.

— Генералъ-губернаторъ звалъ къ себѣ предсѣдателя правленія и приказалъ ему всячески облегчить рыночнымъ страхователямъ полученіе преміи,—подтвердилъ мнѣ писарекъ; поэтому правленіе рѣшило: тѣмъ, которые добиваются всей преміи—выдавать ее только послѣ формальнаго опроса всѣхъ ихъ служащихъ и окольныхъ людей—сосѣднихъ лавочниковъ, а также по удостовѣреніямъ полиціи, торговой депутаціи и купеческой управы, что домогательства страхователей справедливы; тѣмъ же, которые согласятся на уступки—выдавать до трехъ четвертей страховой преміи безъ перечисленныхъ формальностей и проволочекъ. Изъ первыхъ никто еще ничего не получилъ, а изъ послѣднихъ лишь нѣсколько человѣкъ осталось неудовлетворенныхъ. И вамъ я совѣтую лучше на мировую сдѣлку идти, чтобы не ждать мѣсяцами и не тратиться на всѣ стороны, что̀ составитъ, въ сложности, тоже кушъ.

Въ добавокъ къ своимъ людямъ нанялъ я ломовиковъ, живо принялъ товаръ, перевезъ его къ себѣ и такъ аккуратно набилъ имъ кладовую и сараи, что рѣшительно никто не могъ бы доискаться, какой товаръ спасъ я съ пожара, а кончивъ эту операцію, я, съ полисомъ въ карманѣ, явился въ правленіе къ главному начальнику.

— Я, апраксинскій погорѣлецъ,—началъ я казанскимъ сиротой, низко ему кланяясь,—будьте столь добры—велите меня разсчитать.

— Подайте заявленіе,—отвѣтилъ онъ, произведемъ дознаніе, и если подтвердится ваше показаніе,—удовлетворимъ васъ.

— Нельзя ли, сдѣлайте милость, безъ оттяжекъ: мнѣ нечѣмъ кормить семью, служащихъ (до 30 человѣкъ) и оправдывать срочныхъ платежей, а въ несостоятельные попасть зазорно.

— Въ такомъ случаѣ мировою сдѣлкою, если хотите, можно сейчасъ же кончить.

— Надѣюсь, по совѣсти не обидите меня.

Мы поторговались; я ему въ ноги поклонился и славно его обчекрыжилъ: унесъ ровнехонько пятнадцать тысячъ!.. „Куй желѣзо—пока горячо", гласитъ пословица. Въ тотъ же вечеръ я сунулся въ фарталъ, поклонился письмоводителю двумя красненькими, и онъ сочинилъ мнѣ просьбу въ вспомоществовательный Комитетъ о пособіи, а за удостовѣреніемъ направилъ меня къ фартальному.

— На сколько у тебя сгорѣло?—озадачилъ онъ меня. Ты, слышалъ я, изъ ловкачей.

— Тысячъ на пятьдесятъ, ваше бродье.

— Врешь, выжига! Настоящіе погорѣльцы всѣ давно уже подали, а ты, видно, все счеты сводилъ, чтобы больше вышло. Знаю я васъ, обманщиковъ.

— Помилуйте, ваше бродье, мы раззорены, въ нищету впали...

— Торговали дрянью и, слава Богу, что она вся сгорѣла. Жаль только, сами вы, мазурики, уцѣлѣли. Гдѣ же ты пропадалъ?

— Болѣлъ отъ обжоговъ и страху.

— Принеси докторское свидѣтельство и за удостовѣреніе на 30000 руб.—пятьсотъ. Пошелъ, ярыжникъ.

Я махнулъ къ лѣкарю-ростовщику.

— А, должникъ, что скажешь?—началъ онъ. Не долгъ ли принесъ?

— Коли угодно—завтра принесу: разжился.

— Такъ что же тебѣ надо?

— Свидѣтельство, что я отъ дня пожара былъ боленъ, и вы меня лѣчили отъ обжоговъ.

— Въ Комитетъ, значитъ, за пособіемъ? Смек-каю... Сорвать хочется. А отлучался ты, разумѣется, за товаромъ?

— Такъ точно, отгад-дали.

— Ловкачъ, нечего сказать. Я, какъ узналъ о пожарѣ, признаться, струхнулъ: думалъ, капиталу моему капутъ, но какъ побывалъ у тебя—успокоился: понялъ, куда ты махнулъ и на что понадобилось тебѣ много денегъ.

— Не разсказывайте объ этомъ, пожалуйста, рыночникамъ...

— Я знаю секреты всѣхъ, но никогда еще никто ни о комъ отъ меня ничего не слыхалъ: я этимъ товаромъ не торгую. Свидѣтельство же для васъ, человѣка состоятельнаго, стоитъ сотенную.

— Пишите только скорѣй, за платою не постою.

На слѣдующее утро я подалъ въ Комитетъ прошеніе, удостовѣреніе и свидѣтельство, которые стоили мнѣ около семисотъ целковыхъ.

Оптовщики и розничники повалили ко мнѣ за товаромъ, а я смѣло началъ его разбазаривать: за наличныя—втрое, а на срочные шестимѣсячные векселя—въ шестеро дороже того, во что онъ, со всѣми накладными расходами, мнѣ обошелся. Покупатели мои, правда, роптали, даже побранивали меня, но я напоминалъ имъ, что я, какъ коммиссіонеръ, творю волю хозеевъ товара, моихъ сродственниковъ, стало быть, на скидки не воленъ, ежели же кому дорого—пусть ищетъ дешевле, а меня оставитъ въ покоѣ. И они, пошлявшись по городу, смирялись, иные даже благодѣтелемъ своимъ меня называли, да отчасти оно такъ и было: опричь меня не у кого было добыть и пары кимряцкихъ сапогъ... Это подтвердилъ имъ вернувшійся съ носомъ оптовщикъ, встрѣтившійся мнѣ въ Бологовѣ.

— Я, давнишній столичный, первостепенный, опытный торговецъ опростоволосился,—признался онъ мнѣ,—а вы, новоиспеченный, изъ глуши, второстатейный торговецъ, всѣхъ насъ облопошили. Вы, извините меня, удив-вительный пройдоха.

— Зовите какъ хотите, только барыши мнѣ приносите, а съ ними я, Богъ дастъ, всѣхъ васъ за поясъ заткну.

И я дѣйствительно забиралъ, среди торговцевъ, такую силу, что всѣ гордыни склонялись предо мной, а капиталъ мой росъ не по днямъ, а, можно сказать, по часамъ. Даже пособія,—я о немъ не очень-то и хлопоталъ,—назначили мнѣ пять тысячъ, но изъ нихъ одну я долженъ былъ уступить фартальному: онъ угрожалъ мнѣ доносомъ, что я не только не нуждаюсь, но всѣхъ торговцевъ еще обираю при распродажѣ имъ полученной мною громадной партіи, да еще намекалъ на сокрытіе товара. Короче, пожаръ далъ мнѣ, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, около ста тысячъ бар-рыша. Пожаръ этотъ обогатилъ, впрочемъ, не одного меня, а десятокъ-другой оборотистыхъ торговцевъ, особливо фруктовщиковъ Щукина рядовъ: товаръ ихній хранился въ подвалахъ, куда огонь не проникалъ и остался цѣлехонькимъ, но они, благодаря общей сумятицѣ, совсѣмъ завалили доступъ къ нему, получили за него страховыя деньги и пособія, а потомъ достали его и торговали имъ преспокойно...

VIII.

„Шила въ мѣшкѣ не утаишь“. И про мою разживу молва среди торговцевъ живо распространилась, а мнѣ скрываться тоже не было надобности: платилъ я, кому слѣдовало, исправно, отнять никто у меня ничего не могъ; напротивъ, слава о моемъ богатствѣ давала мнѣ больше кредита, вѣса и почета, а все это мнѣ ндравилось. Ни казенныхъ, ни частныхъ банковъ, куда бы можно было класть капиталъ и получать на него прибыль—въ Питерѣ въ ту пору еще не было, а хранить капиталъ въ лавкѣ или дома казалось мнѣ опаснымъ. Я и купилъ у отъѣзжавшаго, въ имѣніе, барина, за сходную цѣну—(70.000) каменный домъ. Это подняло меня еще выше: домъ сдѣлалъ меня осѣдлымъ, солиднымъ купцомъ.

Отстроили на Садовую улицу часть новаго рынка. Я занялъ

въ немъ просторныхъ, свѣтлыхъ три нумера, и къ сапожному присоединилъ, для торговли, еще и резиновый товаръ, благо нѣмцы открыли здѣсь фабрику и чрезъ меня—перваго, пустили въ продажу резиновыя калоши, польты и надувныя подушки, которыя ходко пошли въ публику. Нѣмцы,—народъ дальнозоркій,—въ чаяніи большей выгоды, пристали ко мнѣ, чтобы я взялся быть главнымъ ихнимъ оптовымъ продавцомъ, или коммиссіонеромъ.

— Достаньте мнѣ орла на лавку,—смѣючись, молвилъ я директорураспорядителю фабрики,—а тогда я распространю ваши издѣлія не токма здѣсь, но и въ Москвѣ, Харьковѣ и Кіевѣ, по знакомству съ тамошними торговцами.

— Постараемся, если запишетесь въ первую гильдію.

— Это я завтра же сдѣлаю.

— И мы вамъ орла выхлопочемъ, ради взаимной пользы.—

Мы исполнили свои обѣщанія. Орелъ стоилъ мнѣ шестьсотъ, но я охотно бы далъ за него и шесть тысячъ: онъ показывалъ всѣмъ, что его хозеинъ именитый купецъ. Какъ навѣсилъ я орла, такъ всѣ торговцы: сперва—ахнули и руками всплеснули отъ удивленія, а потомъ,—раскусивши, что онъ значилъ,—чуть, кажись, не лопнули отъ зависти.

— Ты насъ совсѣмъ въ лоскъ забилъ, кимрскій ты выходецъ, укоряли они меня;—накось, до чего додумался? орла подхватилъ, архаровецъ...

— Дерите свои глотки звѣриныя,—огрызался я;—ужо не то еще увидите...

— Развѣ самъ на орлѣ пригвоздишься,—вотъ что приходится еще ожидать отъ тебя, проныры.

Нѣмцы, убѣдившись, что народъ и заказы ко мнѣ повалили,—принялись возить ко мнѣ, точно къ себѣ, свой товаръ, а я посматривалъ только, до какого они обо мнѣ усердія дойдутъ? Росписокъ въ пріемѣ отъ нихъ товара, по мѣрѣ его доставки ко мнѣ,—они съ меня не спрашивали, а когда кончили привозку — сразу огорошили меня общимъ счетомъ въ восемьдесятъ тысячъ. Тутъ-то я и призадумался. Вы, молъ, нѣмцы, народъ хитрый, обезьяну выдумали, а ну-ка нельзя ли мнѣ, русскому простецу, васъ перехитрить? И вотъ я счета-то и не подписалъ, подъ предлогомъ провѣрки его съ наличностью товара, самую провѣрку оттягивалъ, напоминанія нѣмцевъ пропускалъ мимо ушей, либо кормилъ ихъ „завтрами“, а товаръ продавалъ и отсылалъ, на выгодныхъ, для себя, условіяхъ, въ провинціи. Нѣмцы ждали, ждали, покамѣстъ я большую половину товара спурилъ, да наконецъ терпѣніе ихъ лопнуло... Младшій изъ четырехъ директоровъ фабрики явился ко мнѣ въ лавку и грозно потребовалъ, чтобы я при немъ же подписалъ счетъ и заплатилъ имъ часть денегъ, не мало, не много,—двадцать тысячъ.

— Двадцать тысячъ?—спросилъ я,—вотъ такъ сюрпризъ! Нешто я вамъ долженъ? Господь съ вами!..

— Вы, разумѣется, должны намъ за товаръ восемьдесятъ тысячъ, а двадцать—четвертая только часть долга.

— Ни товару, ни счета я отъ васъ не бралъ.

— Ка-акъ?.. Да вонъ нашъ товаръ, за который мы ничего еще не получали отъ васъ.

— Все, что въ моей лавкѣ—мое, значитъ, я вамъ ничего и не долженъ, тѣмъ паче, что я въ кредитъ ничего не покупаю.

— Я вамъ не поз-вволю со мною шутить.

— Шутите вы, а я говорю въ серьезъ.

— Если вы осмѣливаетесь отпираться, мы васъ въ судъ потянемъ, въ Сибирь сошлемъ.

— Ну ужъ дудки, чтобы вы меня сослали, а суда я не боюсь: документовъ моихъ у васъ нѣтъ, ни ваши люди—за васъ, ни мои люди—противъ меня не свидѣтели; стало быть, шишь возьмете.

— Но вѣдь вы же намъ не платили?

— Напротивъ, по мѣрѣ полученія товара, я съ вами разсчитывался чистоганомъ, слѣдовательно, конченъ балъ.

— Вы намъ плат-тили?

— Да, заплатилъ сполна.

— Если вы это осмѣливаетесь говорить мнѣ въ глаза,—то вы просто лжецъ, подл-лецъ!..

— Вы здѣсь не ругайтесь: я васъ съ лѣстницы спущу, ребра вамъ переломаю.

Онъ испугался и улетучился, а я къ стряпчему,—славный былъ онъ дока по крючкотворскимъ оказіямъ. Разсказалъ я ему безъ фамилій, какъ и что произошло у меня съ нѣмцами, и спросилъ его: можетъ ли судъ, при такихъ обстоятельствахъ, присудить восемьдесятъ тысячъ?

— По закону движимое имущество, а въ числѣ таковаго и всякіе товары, принадлежитъ тому, въ чьемъ владѣніи находится, доколѣ не будетъ доказано противное,—просвѣщалъ меня стряпчій; поэтому, коль скоро истецъ не имѣетъ документальныхъ доказательствъ своего иска, а отвѣтчикъ утверждаетъ, что разсчитался съ истцомъ, то и никакихъ денегъ нельзя, гражданскимъ судомъ, съ него взыскать. Правда, истецъ воленъ, если захочетъ, привлечь отвѣтчика къ уголовному суду за обманъ, но коль скоро прямыхъ, противъ отвѣтчика, уликъ, напримѣръ постороннихъ обѣимъ сторонамъ свидѣтелей, нѣтъ,—то дѣло можетъ кончиться лишь оставленіемъ обвиняемаго въ подозрѣніи.

— И вы бы такое дѣло, скажите по совѣсти, провели за отвѣтчика?

— Непремѣнно. Я бы даже взялся съ условіемъ, если выиграю—10.000 получаю съ него, а проиграю,—самъ плачу ему 5.000 руб.,—такъ я увѣренъ въ правильности того, что говорю вамъ. Приведите мнѣ, пожалуйста, этого отвѣтчика, и я дамъ ему, въ подтвержденіе моихъ словъ, маклерскую даже росписку.

— Вотъ вамъ за совѣтъ сотенную, а коли дѣло затѣется—отвѣтчикъ явится къ вамъ. А что такое, объясните мнѣ, означаетъ: оставить въ подозрѣніи?

— Совершенно то же самое, что пословицы: „не пойманъ—не воръ“, „брань на вороту не виснетъ“. Напишутъ объ этомъ на бумагѣ и онъ лишитъ права быть, напр.; старшиною купечества,

опекуномъ сиротъ, свидѣтелемъ и т. под. но при умѣньи можно и бумагу скрыть, а тогда самое подозрѣніе незамѣтно сойдетъ, какъ съ гуся вода...

— Гм... Просимъ прощенья...

„За восемьдесятъ тысячъ „подозрѣніе", да это лаф-фа,—весело размышлялъ я, ѣдучи отъ стряпчаго домой. Влопались же нѣмцы, нечего сказать!.. Дома,—это было уже вечеромъ, послѣ запора лавокъ,—ждалъ меня самый старшій изъ четырехъ директоровъ, сѣдой, обрусѣлый нѣмецъ.

— А, Карлъ Иванычъ, здравствуйте,—привѣтствовалъ я его.— Милости просимъ садиться.—Чайку выпьете?

— Мнѣ не до питья,—рѣзко отозвался онъ.—Я къ вамъ для очень важныхъ объясненій.

— Что прикажете? Я васъ слушаю.

— Мы завели съ вами дѣло для взаимной выгоды...

— Тыкъ-съ, для взаимной выгоды, тыкъ-съ, это точно...

— Мы люди честные, затратили на фабрику и ея развитіе больше милліона не собственныхъ, запомните, а чужихъ, складочныхъ капиталовъ, которые намъ ввѣрены, какъ людямъ, повторяю вамъ, честнымъ...

— Вѣрю вамъ, Карлъ Иванычъ, вѣрю. Я и самъ люблю васъ за честность, ей, ей, люблю.

— Какъ люди честные, мы довѣряемъ и другимъ...

— Безъ довѣрія, извѣстно, никакого дѣла вести нельзя.

— Однако вы первый не оправдываете оказаннаго вамъ нами довѣрія...

— Что-о-съ? Я не оправдываю? Сумнительно...

— Вы, къ прискорбію, уже доказали намъ это. Въ интересахъ сближенія съ вами, мы вамъ доставили право располагать орломъ, что̀ стоило намъ много хлопотъ и даже денегъ, но мы сдѣлали вамъ сюрпризъ...

— Спасибо, Карлъ Иванычъ, спасибо вамъ большое за орла: онъ намъ очень пріятенъ.

— Не смотря, однако, на то, что мы вамъ угодили—вы отказываетесь признать долгъ за сданный вамъ товаръ на восемьдесятъ тысячъ,—годовой доходъ нашей фабрики! А это такой поразительный для насъ поступокъ вашъ, что я затрудняюсь назвать его...

— Пожалуйте, Карлъ Иванычъ, мои росписки, либо векселя, и я заплачу вамъ до копѣйки все, что по нимъ вамъ причкется.

— Росписки-то мы своевременно и оплошали съ васъ взять, исключительно, впрочемъ, изъ довѣрія къ вамъ, какъ къ солидному коммерсанту, получающему чрезъ насъ значительную прибыль...

— Оплошали и вините себя: „кто зѣваетъ, тотъ воду хлебаетъ".

— Не прерывайте меня, а выслушайте все до конца.

— Извольте, Карлъ Иванычъ, буду молча васъ слушать хоть до утра, потому умную рѣчь всегда пріятно слушать.

— Мы можемъ, повѣрьте, привлечь васъ къ суду граждан-

скому, а если онъ намъ откажетъ, то къ уголовному суду, но кто изъ насъ выиграетъ—это, не скрою отъ васъ: во-первыхъ—вопросъ, который затянется на цѣлые годы, а во-вторыхъ—самый процессъ принесетъ и вамъ и намъ одинаковый вредъ: васъ затаскаютъ, либо и въ тюрьму засадятъ и тѣмъ самымъ разорятъ, а мы утратимъ довѣріе нашихъ довѣрителей и свои мѣста, а это испортитъ начинающееся лишь наше предпріятіе, имѣющее между тѣмъ, хорошую будущность. Чтобы ничего этого не случилось,—мы, за свою оплошность, готовы сдѣлать вамъ изъ восьмидесяти тысячъ нѣкоторую уступку, если вы теперь же выдадите намъ срочные векселя на остальную сумму. Убѣдительно прошу васъ не разрушать своей и нашей карьеры и не вынуждать насъ брать отъ компаніоновъ на себя этого огромнаго долга, равнаго двухлѣтнему жалованью всѣхъ насъ, четверыхъ, тѣмъ болѣе, что мы люди семейные, дорожимъ своимъ положеніемъ и репутаціями. Будьте же, сдѣлайте милость, порядочнымъ человѣкомъ и не грѣшите противъ Бога и людей, дѣлающихъ вамъ добро.

— Какую же дасте вы мнѣ скидку?—освѣдомился я, пожалѣвъ старика, который тронулъ меня своею рѣчью.

— Пять, а если вамъ мало—десять тысячъ—уступ-паемъ вамъ, цѣлый вѣдь капит-талъ.

— А я, Карлъ Иванычъ, скажу вамъ, любя только васъ: хотите грѣхъ пополамъ—наличными сейчасъ же плачу вамъ.

— Ой нѣ-ѣтъ: мы, значитъ, годъ должны будемъ работать даромъ, за свою довѣрчивость къ вамъ?

— Это ужъ ваше дѣло, а я предлагаю вамъ чистоганомъ сорокъ тысячъ собственно, повторяю, любя васъ; прочимъ же вашимъ распорядителямъ, ферфлюхтерамъ, которые ходятъ ругаться ко мнѣ,—я бы и десяти тысячъ не далъ. Желаете—по рукамъ, а нѣтъ—будемте судиться.

— Умоляю васъ, пощад-дите наши семейства и насъ—возьмите нашихъ—ну пятнадцать, наконецъ двадцать тысячъ.

— Не мог-гу-съ, ей, ей, никакъ не мог-гу: такой оказіи не скоро дождешься, значитъ, упускать ее—мнѣ рѣшительно не къ лицу: даракомъ прослыву.

— Вы хотите насъ ограб-бить?..

— Называйте какъ угодно, а послѣднее мое вамъ слово—сорокъ, или нич-чего...

— Дѣлать нечего, дав-вайте деньги... безчувственный, безчестный вы человѣкъ!..

— Въ торговлѣ ни чувствъ, ни чести не полаг-гается. Это любой купецъ вамъ, Карлъ Иванычъ, подтвердитъ, потому только я и не обижаюсь вашими словами. Счетъ при васъ?

— Да, при мнѣ и счетъ и вексельная бумага, но я еще послѣдній разъ прошу васъ выдать намъ векселей на шестьдесятъ, или хоть на пятьдесятъ тысячъ?

— Извините, Карлъ Иванычъ, я отъ своего рѣшенія ни на волосъ не отступ-плюсь. Мы кончили.

— Жаль, очень жаль терять цѣлое состояніе изъ-за того только, что мы въ васъ ошиб-блись...

— Не желѣйте, Карлъ Иванычъ: деньги дѣло наживное, что „съ воза упало, то пропало“, а впередъ не плошайте, потому „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дрем-малъ“.

— Нд-да, впередъ наук-ка... будемъ помнить, какъ поступать съ вами, купечествомъ...

Я вышелъ въ спальню за деньгами, велѣлъ женѣ послать за шампанскимъ, вернулся къ Карлу Иванычу со шкатулкой, насчиталъ серіями тридцать девять тысячъ пятьсотъ рублей, разсчиталъ на нихъ проценты, прибавилъ остальные до сорока тысячъ бумажками и подалъ ему. Онъ молча пересчиталъ весь капиталъ, вздохнулъ, росписался на счетѣ въ 80.000 руб.: „получилъ разсчетъ сполна, Цциглеръ“, перекинулъ его мнѣ, напротивъ, напихалъ капиталомъ всѣ карманы, наглухо застегнулся и всталъ.

— Кончивши миролюбиво дѣло—выпьемте, Карлъ Иванычъ, съ меня литки,—дружески предложилъ я, спрятавъ счетъ въ шкатулку. Эй! Ванюшка, подав-вай...

Мальчикъ внесъ на подносѣ бутылку и налитое въ бокалы шампанское.

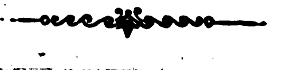
— Ну-те, Карлъ Иванычъ, чокнемся по обычаю.

— Я съ обманщиками не пью,—отчеканилъ онъ, вскинувъ на меня глаза, налитые кровью. Прощайте, мошен-никъ!...

Онъ быстро исчезъ, а я, какъ стоялъ, разиня ротъ, такъ и остался, точно ошеломленный полѣномъ по башкѣ. Долго ли это длилось, не помню, но очнувшись, я осушилъ оба бокала, хватилъ третій и четвертый, но не хмѣлѣлъ, хотя впервые въ жизни пилъ вино: стыдъ и совѣсть зазрила меня!.. Желая ихъ заглушить—я допилъ все шампанское, спряталъ въ желѣзный шкафъ шкатулку, раздѣлся и легъ было спать, но вѣки мои не смыкались, а слова Карла Иваныча: „я съ обманщиками не пью, прощайте, мошенникъ“ такъ и звучали въ моихъ ушахъ, да кололи мнѣ сердце... Я вскочилъ, опустился на колѣни предъ св. Иконою и горячо молился, каялся, слезы струились изъ моихъ глазъ, и я разрыдался... Мои всхлипыванія разбудили давно уже спавшую жену, и она, ничего не понимая, принялась утѣшать и допрашивать меня: о чемъ я хнычу? Горло мое сдавилось, точно клещами, я только хрипѣлъ, а нутро мое еще пуще грызло, терз-зало... Едва подъ утро я успокоился и заснулъ, а всталъ со страшною болью въ головѣ, вылилъ на нее, почитай, ведро холодной воды, но меня все коробило, передергивало... Я дерябнулъ два чайныхъ стакана хересу и помаленьку пришелъ въ себя. Съ тѣхъ самыхъ поръ временами, какъ жутко станетъ на душѣ, я, нечего грѣха таить,—загул-ливаю...

В. Никитинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Странички прошлаго.

I.

Деревенскій Грозный старыхъ временъ.

(Изъ старыхъ сенатскихъ дѣлъ. Процессъ орловскаго помѣщика Николая Шеншина о мучительствѣ своихъ крестьянъ и людей другихъ сословій).

Русское крѣпостное право, возникшее на почвѣ экономическихъ земельныхъ отношеній между владѣльцами земли—помѣщиками и рабочей силой—крестьянствомъ, волею судебъ съ теченіемъ времени превратилось въ государственно-правовое установленіе, благополучно существовавшее болѣе двухъ съ половиною столѣтій.

Существованіе этого мрачнаго явленія запятнало страницы русской исторіи рядомъ ужасающихъ картинъ человѣческаго насилія и жестокости надъ беззащитной массой. Уже Великимъ Преобразователемъ былъ замѣченъ чудовищный ростъ помѣщичьяго произвола. Петръ пытался положить ему извѣстныя границы съ помощью мѣстнаго правительственнаго надзора. Въ Наказѣ воеводамъ 1719 г. Царь писалъ: „понеже есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ самые безпутные раззорители суть, что ради пьянства, или инаго какого непостояннаго житія вотчины свои не токмо снабдѣваютъ или защищаютъ въ чемъ, но и раззоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости и въ томъ ихъ бьютъ и мучатъ и оттого крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ“. Такихъ раззорителей-мучителей Петръ приказывалъ брать „подъ началъ“ (въ опеку).

Однако предписаніе это почему-то осталось безъ исполненія, и въ „Наказѣ“ Екатерины II упоминается о томъ, что Преобразователемъ было узаконено брать подъ опеку безумныхъ и мучителей; но, писала Императрица: „по первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталась—неизвѣстно“. И по странной ироніи судьбы на царствованіе государыни, для восемнадцатаго вѣка наиболѣе проникнутой идеями человѣколюбія, палъ едва-ли не наибольшій процентъ особенно выдающихся громкихъ дѣлъ въ области безчинства помѣщиковъ,

добивавшихся вольностей по благородству происхожденія и забывавшихъ о благородствѣ души, необходимомъ для представителей перваго сословія въ государствѣ.

Скорбная лѣтопись помѣщичьяго мучительства въ эту эпоху въ достаточной мѣрѣ богата фактами самаго удручающаго содержанія[1]). Подвиги знаменитой Дарьи Николаевой, въ просторѣчіи Салтычихи, замучившей болѣе сотни человѣкъ, безспорно занимаютъ въ мартирологѣ жертвъ крѣпостничества первое мѣсто. Какъ извѣстно, дѣянія Салтычихи замѣчательны тѣмъ, что они представляли собой не случайныя вспышки помѣщичьей необузданности, а цѣлую систему мучительства, сладострастіе жестокости. Салтычиха была душегубицей по призванію, въ силу природныхъ свойствъ характера. При другихъ условіяхъ изъ нея выработалась бы простая преступница по инстинкту; и только особенности общественнаго строя восемнадцатаго вѣка превратили ее въ своеобразную героиню.

Дарья Николаева стяжала себѣ безсмертіе: память о ней перешла въ потомство; и, казалось, повидимому, что среди мрачной эпохи разростанія крѣпостнаго права, она все-таки стояла особнякомъ въ качествѣ единичнаго явленія. Однако подобный взглядъ въ дѣйствительности оказывается ошибочнымъ.

Въ протоколахъ Сената за 1774 г. сохранились свѣдѣнія о другой не менѣе замѣчательной въ этомъ отношеніи личности, отставномъ подпоручикѣ Николаѣ Шеншинѣ.

Дѣло Шеншина въ свое время надѣлало много шума, но въ исторіи почему-то не оставило такого рѣзкаго слѣда, какъ процессы Демидова, Салтыковой, Эттингеръ. Въ данномъ случаѣ судьба обидѣла почтеннаго дворянина, обнаружившаго, однако, черты цѣльнаго типа людей опредѣленной эпохи. Соловьевъ, отмѣчая нѣкоторыя имена въ скорбномъ листѣ помѣщичьяго мучительства, высказываетъ мысль, что развращенію дворянства въ смыслѣ косвеннаго поощренія крайностей жестокости, значительно способствовалъ скороспѣлый указъ Петра III о правѣ дворянъ выходить съ военной службы въ отставку по желанію [2]). Въ самомъ дѣлѣ, на службѣ человѣкъ и при дурныхъ наклонностяхъ сдерживался дисциплиной. Петровскій Воинскій уставъ преслѣдовалъ произвольную расправу съ рядовыми. Въ отставкѣ дворянинъ, по большей части офицеръ, получалъ безъ стѣсненій право предаваться праздности и изъ недавняго трепетавшаго передъ начальствомъ подчиненнаго превращался въ полновластнаго господина надъ рабствующимъ безгласнымъ мужикомъ.

Степень просвѣщенности въ массѣ тогдашняго дворянства сводилась къ величинѣ ничтожной. Большинство „благороднаго“ сословія коснѣло въ ужасающемъ невѣжествѣ. Въ 1768 г. въ Сенатѣ разсматривалось дѣло поручика Тарбѣева, собственноручно истязавшаго дворовую женщину Марью Емельянову за то,

---

[1]) См. В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXIX, стр. 1017.

что Емельянова, какъ ему показалось, наговоромъ и другими средствами стремилась отвратить его отъ жены и привязать къ себѣ. Истязуемая умерла, а Тарбѣевъ поплатился только лишеніемъ дворянства и ссылкой въ дальній монастырь. Это почти повальное невѣжество и потворство мѣстной власти, въ связи съ замашками грубаго солдатства, легко приводили помѣщиковъ къ полному нравственному паденію, одной стороной котораго являлась безграничная жестокость. И чѣмъ ниже былъ дворянинъ по чину своему на службѣ, чѣмъ больше онъ подчинялся въ свое время, тѣмъ болѣе повиновенія онъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ. Женщины отражали примѣръ мужчинъ. Подпоручики Карповы, поручики Тарбѣевы, капитаны Турбины порождали подполковницъ Салтыковыхъ, майоршъ Эттингеръ, капитаншъ Кашинцевыхъ [1]), отмѣчавшихъ свое существованіе единичными или массовыми убійствами крѣпостныхъ.

Николай Шеншинъ въ свое время также служилъ въ арміи и находился въ условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ проживали всю свою жизнь его собратія по сословію.

Однако въ отличіе отъ большинства помѣщиковъ, дававшихъ себѣ волю въ ручной расправѣ всякаго рода съ подвластными, Шеншинъ свое мучительство возвелъ въ систему.

Въ головѣ этого грубаго, невѣжественнаго человѣка сложилось особое представленіе о существѣ помѣщичьей власти и значеніи дворянства. Какъ бы предвосхищая мысль о дворянскомъ сословіи какъ природной полицейской власти надъ крестьянами, Шеншинъ завелъ вокругъ себя нѣкоторый внѣшній аппаратъ правительственнаго агента. Онъ завелъ у себя въ имѣніи градаціи подчиненныхъ, опричнину, оффиціальныхъ исполнителей его велѣній съ различіемъ обязанностей, по имѣнію учредилъ свою почтовую гоньбу, при чемъ ямщиковъ украсилъ государственными гербами.

Отражая темныя стороны тогдашняго строя въ домашнемъ обиходѣ, Шеншинъ не билъ и не наказывалъ попадавшихся ему подъ руку безъ толку или за какую-нибудь провинность. Его призваніе было не въ томъ, чтобы наказывать, а чтобы пытать. Въ обширномъ имѣніи отставнаго подпоручика въ Орловской губерніи въ селѣ Шумовѣ по его приказу соорудили особое зданіе со всѣми усовершенствованными приспособленіями пытки. Центръ занимала дыба: пытаемый за руки прикрѣплялся къ верхней части дыбы; къ ногамъ привѣшивалось бревно. Главный палачъ наблюдалъ за ходомъ истязанія; работу исполняли помощники. Шеншинъ руководилъ всѣмъ ходомъ дѣйствій. Несчастнаго мучили утонченно. Бревно сперва само дѣйствовало своей тяжестью, потомъ по указанію помѣщика палачи начинали потряхивать сперва слабо, потомъ все сильнѣе, сильнѣе. Ноги и руки пытаемаго вытягивались, кости вывихивались, сухожилія лопались. Тутъ же велся допросъ по вымышленному преступленію. Это была ужасная игра въ застѣнокъ.

Послѣ дыбы для претерпѣвшаго готовились новыя испытанія:

---

[1]) См. Соловьевъ. Ibid, стр. 1015.

ему палили ноги горящимъ вѣникомъ, сѣкли кнутомъ, батогами. Женщины были подвергаемы утонченному мучительству, соединенному съ садизмомъ.

Штатъ застѣнка у Шеншина былъ значительный: кромѣ палача помощниковъ насчитывалось до тридцати человѣкъ, такъ какъ работы всегда оказывалось много. Рядовыхъ жертвъ кровожаднаго подпоручика, жертвъ, большинства именъ которыхъ не сохранилось, слѣдствіе насчитывало пятьдесятъ девять человѣкъ; многихъ изъ нихъ Шеншинъ пыталъ главнымъ образомъ сѣченіемъ собственноручно. Изъ пятидесяти девяти сохранилось между прочимъ имя Мирона Волченкова, за неизвѣстныя вины получившаго въ теченіе двухъ дней пятьсотъ ударовъ кнута и батоговъ. Несчастный умеръ подъ ударами, не успѣвъ исповѣдаться, хотя Шеншинъ допускалъ эту льготу для пытаемыхъ. Онъ нарочно держалъ для этой цѣли при себѣ священника, на обязанности котораго лежало напутствовать умиравшихъ отъ истязаній. Такъ въ русскомъ дворянинѣ соединялись крайности безчеловѣчія съ отъявленнымъ кощунствомъ.

Изъ отдѣльныхъ выдающихся случаевъ пытки въ шумовскомъ застѣнкѣ замѣчательны слѣдующіе. Нуждаясь въ деньгахъ, Шеншинъ потребовалъ у однодворца Зубкова сто рублей. Зубковъ отказалъ въ просьбѣ. Тогда Шеншинъ вздернулъ однодворца на дыбу. Зубковъ покорился и приказалъ своему семейству выдать деньги посланнымъ къ нему въ домъ шеншинскимъ опричникамъ. Получивъ сто рублей, доблестный подпоручикъ запретилъ однодворцу жаловаться подъ угрозой сжечь его домъ, и когда Зубковъ все-таки пожаловался, Шеншинъ приказалъ своимъ людямъ насильно захватить его изъ дому, привести къ себѣ, и тутъ въ знаменитомъ сараѣ въ виду дыбы Зубковъ при постороннихъ свидѣтеляхъ кланялся въ ноги помѣщику, прося прощенія за ложный доносъ. Вслѣдствіе такого заявленія дѣло объ истязаніи несчастнаго было властями прекращено.

Въ другой разъ отыскивая какого-то своего бѣглаго дворового, Шеншинъ схватилъ чужаго крестьянина Андрея Гурова, подвергъ его пыткѣ на дыбѣ, палилъ ноги пылающими вѣниками, допрашивая, не знаетъ ли Гуровъ, куда скрылся бѣглецъ? Бѣднякъ не вытерпѣлъ и обѣщалъ, во что бы то ни стало, сыскать дворового. Только тогда Шеншинъ отпустилъ его на свободу, взявъ клятвенное обѣщаніе въ недонесеніи о случившемся.

Далѣе, пригласивъ къ себѣ Болховскаго мастера-серебряника Невструева, Шеншинъ произвольно задержалъ его у себя на полгода въ заключеніи, все время заставляя на себя работать, переливать серебряные рубли въ различныя вещи. Когда Невструевъ уставалъ или отказывался трудиться даромъ, мучитель немилосердно сѣкъ его въ сараѣ или билъ у себя въ домѣ палкой. Серебряникъ былъ выпущенъ на свободу только послѣ того, какъ выплатилъ наличными деньгами сто рублей. Жаловаться ему тоже было заказано. Какъ истый любитель своего дѣла, испытавъ всякаго рода мучительство надъ своими людьми, Шеншинъ пожелалъ попробовать свѣжаго матерьяла: людей чужихъ и свобод-

пыхъ. Первые опыты въ этомъ направленіи ему удались. Ободренный удачей, помѣщикъ расширилъ кругъ своихъ дѣйствій.

Съ чужими крестьянами впрочемъ онъ не церемонился. Какъ видно изъ примѣра съ Гуровымъ, высѣчь, припалить или встряхнуть на дыбѣ сосѣдскаго мужичка для Шеншина ничего не стоило. Самоуправствуя самъ, подпоручикъ распускалъ и поощрялъ къ тому же своихъ крестьянъ, которые въ случаѣ столкновенія съ чужаками подъ разными предлогами тащили ихъ на расправу къ помѣщику. Такъ въ чемъ-то сопротивлявшагося прокурора Кожина человѣка Огурцова шеншинскіе крестьяне бросили въ роспуски и привезли къ барину. Шеншинъ обвинилъ схваченнаго въ порубкѣ лѣса, нещадно высѣкъ его, лично отколотилъ палкой и съ заткнутымъ ртомъ приказалъ выбросить въ поле, гдѣ Огурцовъ былъ найденъ въ безсознательномъ состояніи.

Считая истязаніе непривилегированныхъ пустымъ обычнымъ дѣломъ, Шеншинъ постепенно подымалъ свои требованія все выше и выше. Нѣкто Григорій Телѣгинъ, подканцеляристъ чернской воеводской канцеляріи, одолжилъ бѣдовому помѣщику двадцать пять рублей, не принявъ въ соображеніе, что Шеншинъ не такой человѣкъ, чтобы платить подканцеляристамъ свои долги. Конечно, вступая съ поручикомъ въ обязательственныя отношенія, Телѣгинъ надѣялся на свое положеніе должностнаго лица. Но оффиціальность не помогла бѣдняку. Шеншинъ приказалъ своимъ опричникамъ схватить Телѣгина съ довѣреннымъ его лицомъ—солдатской женкой Мариной Ивановой, и доставить въ Шумово. Приказаніе было исполнено въ точности, при чемъ опричники предварительно избили обоихъ схваченныхъ, а Телѣгина кромѣ того забили въ колодку. Баринъ одобрилъ дѣйствія подчиненныхъ и приказалъ имъ отправиться въ домъ къ Телѣгину съ Ивановой и привезти оттуда Шеншинское заемное письмо на злополучные двадцать пять рублей. Письмо было привезено и изорвано. Тогда Шеншинъ потребовалъ у подканцеляриста еще двѣсти рублей уже безъ всякихъ росписокъ. Телѣгинъ имѣлъ мужество отказать. Не терпя противорѣчія, помѣщикъ свалилъ своего заимодавца на полъ, истопталъ ногами и затѣмъ распорядился бить нещадно по пяткамъ палками. Усердные исполнители обили съ пятокъ канцеляриста всю кожу. Телѣгинъ уступилъ. Онъ послалъ Иванову занять денегъ у знакомаго помѣщика. Иванова пошла, но денегъ не принесла. Шеншинъ подержалъ канцеляриста еще четыре дня и, убѣдившись, что съ него ничего не возьмешь, распорядился отвезти его въ Орелъ и тамъ выпустить на свободу. Съ Телѣгина помѣщикъ даже не бралъ никакихъ клятвъ въ молчаніи о происшедшемъ, сославшись, что Телѣгинъ склонялъ людей помѣщика къ умерщвленію барина.

Точно также въ злоумышленіи противъ своей особы Шеншинъ обвинилъ священника села Введенскаго Ивана Родіонова. Священнику было приписано, будто бы онъ давалъ Шеншинскимъ крестьянамъ „чародѣйскій корень" съ цѣлью извести барина. Очевидно, въ это время у Шеншина начала развиваться

болѣзненная подозрительность свойственная всѣмъ тираннамъ. Онъ утверждалъ, что чувствуетъ въ ѣдѣ отраву. По приказанію помѣщика опричники схватили Родіонова прямо изъ дому, подвергли его нещадному битью батогами, при чемъ вся спина была превращена въ сплошную рану, которая поджива̀ла три недѣли. Это время священникъ содержался въ Шумовѣ подъ карауломъ и обязанъ былъ неустанно служить всенощныя, утрени и обѣдни, такъ какъ Шеншинъ былъ набоженъ и богомоленъ. Отпуская священника, помѣщикъ взялъ съ него клятвенное передъ образомъ обѣщаніе, что о случившемся никто не узнаетъ. И долго бы еще никто не зналъ бы о дѣяніяхъ подпоручика, т. е. никто не возбуждалъ бы противъ него законнаго преслѣдованія, если бы онъ самъ, какъ говорится, не зарвался.

Въ Орловской губерніи Шеншинъ былъ свой человѣкъ, здѣсь его боялись, здѣсь онъ имѣлъ связи, знакомства и покровительство сильныхъ. Но человѣкъ, привыкнувъ къ безнаказанности въ цѣломъ рядѣ вопіющихъ дѣлъ, понемногу вошелъ во вкусъ свободнаго издѣвательства надъ человѣческой личностью. Случилось ему по дѣламъ побывать въ Москвѣ и остановиться въ домѣ своей матери. Здѣсь, хоть и въ чужомъ городѣ, помѣщикъ по привычкѣ не могъ отказать себѣ въ развлеченіи. Онъ обвинилъ своего двороваго, по фамиліи Слесарева, въ кражѣ, устроилъ на-скоро дыбу и подвергнулъ несчастнаго пыткѣ. Встряхнувъ нѣсколько разъ обвиняемаго, Шеншинъ завинтилъ ему руку въ клещи и началъ сѣчь батогами; послѣ часоваго сѣченія онъ перешелъ къ палкамъ и двѣ изъ нихъ обломалъ о спину заподозрѣннаго; не удовольствовавшись этимъ, взялся за арапникъ и „ѣзжалые кнуты“. Часть этой программы исполняли сопровождавшіе барина въ Москву опричники, часть—онъ самъ. Слесаревъ не выдержалъ истязаній и хотя ему пускали кровь изъ руки и ногъ умеръ, но передъ смертью подъ вліяніемъ мученій оговорилъ московскаго купца Иванова.

Этого только и нужно было Шеншину. Ивановъ подъ постороннимъ предлогомъ былъ приглашенъ къ помѣщику, и у него обвиненъ въ принятіи на сохраненіе отъ Слесарева восемнадцати украденныхъ рублей. Изумленный купецъ рѣшительно отказался подтвердить обвиненіе. Шеншинъ обрадовался. Онъ избилъ оговореннаго по щекамъ, а затѣмъ приказалъ высѣчь батогами и посадить его въ чуланъ. Купецъ пошелъ на уступки, но, вырвавшись на свободу, тотчасъ же заявилъ въ полицію о поступкахъ Шеншина. Зазнавшійся поручикъ во-время не захотѣлъ дать удовлетвореніе пострадавшему и очутился подъ слѣдствіемъ и судомъ. Слѣдствіе по одной пыткѣ размотало весь клубокъ шеншинскихъ преступленій. Истязаніе купца въ Москвѣ случилось въ 1769 г.; учрежденіе же Шеншинымъ застѣнка въ Шумовѣ относилось къ 1767; значитъ, цѣлыхъ два года Шеншинъ предавался своимъ развлеченіямъ безъ всякой помѣхи съ чьей бы то ни было стороны, да и въ послѣдній моментъ попался только по неблагоразумію. Таковы были нравы времени.

Императрица глубоко возмутилась подробностями этого вне-

запно всплывшаго дѣла. Она дала словесное повелѣніе генералъ-прокурору, объявленное Сенату 2 іюля 1774 г. и заключавшееся въ томъ, чтобы „когда содержащійся въ Московской розыскной экспедиціи подпоручикъ Николай Шеншинъ по винѣ его присужденъ будетъ къ наказанію, то при томъ рѣшеніи причесть ему въ вину учиненныя имъ продерзости и то наказаніе пріумножить“. Подъ продерзостями императрица понимала переливаніе Шеншинымъ серебряныхъ рублей и самовольное пользованіе государственнымъ гербомъ на шляпахъ ямщиковъ.

Признавая свою виновность, Шеншинъ просилъ у суда снисхожденія въ виду молодости, хотя ему въ моментъ разбирательства дѣла въ Сенатѣ въ 1774 г. было тридцать лѣтъ. Сенатъ не внялъ этой просьбѣ и приговорилъ мучителя по призванію къ смертной казни, которую, въ виду Елизаветинскаго указа 1754 г., замѣнилъ лишеніемъ дворянства, чиновъ, наказать кнутомъ, вырѣзать ноздри и, поставивъ на лицѣ знаки, сослать въ пожизненныя каторжныя работы.

В. Грибовскій.

II.

Былъ ли царевичъ Димитрій больной мальчикъ?

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей смутнаго времени склонны видѣть въ названномъ царѣ Димитріи истиннаго царевича, сына Грознаго, будто бы спасшагося въ Угличѣ. Въ виду этого, поставленный нами вопросъ нельзя назвать празднымъ, и въ то же время едва-ли можно рѣшить его отрицательно.

Нельзя отвергать, что царевичъ Димитрій былъ дѣйствительно больной мальчикъ. Помимо слѣдственнаго дѣла, указаніе на этотъ фактъ встрѣчается и въ сказаніяхъ о его смерти, напр. въ извѣстной повѣсти, напечатанной въ Чтен. общ. исторіи и древн. за 1864 г. (кн. IV, смѣсь, стр. 1—4). Хотя повѣсть эта, какъ и всѣ сказанія такого рода, написана также не ранѣе 1606 г., однако въ ея авторѣ виденъ человѣкъ или близкій ко двору царевича, или имѣвшій знакомство съ лицами, къ нему принадлежавшими [1]). Въ цѣли его, разумѣется, вовсе не входило подкрѣпленіе данныхъ слѣдственнаго дѣла. Къ чему же онъ сталъ бы говорить о болѣзни царевича, если бы ея не было? Такимъ образомъ на этомъ пунктѣ сходятся и оффиціальные акты и частныя сказанія. Затѣмъ: царица Марія, видя хилость своего сына, приписывала ее порчѣ. Въ одной изъ своихъ грамотъ названный Димитрій заявлялъ, что „измѣнники посылали (въ Угличъ) многихъ воровъ портити насъ“ [2]). Разумѣется, говорить такъ онъ могъ лишь со словъ лицъ, окружавшихъ въ дѣтствѣ истиннаго царевича. Слѣдовательно при угличскомъ дворѣ боялись порчи и ею именно объясняли недомоганія царевича. Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что и самую смерть его царица приписала порчѣ. Спустя два дня послѣ событія 15 мая, она велѣла сыскать и убить

---

[1]) Сказ. и пов. о Смутн. вр., Платонова, стр. 288—92.
[2]) Акты Археогр. Эксп., II, № 84.

„жоночку уродливую“ (юродивую) за то, что будто бы та портила царевича [1]). Къ чему же было убивать ее, если царевичъ погибъ отъ ножа? Царица должна же была сознавать въ такомъ случаѣ, что не порча жоночки извела ея сына? Приходится допустить, что въ представленіи царицы смерть Димитрія связывалась съ послѣдствіями порчи. Эти заявленія о порчѣ имѣютъ не маловажное значеніе: они доказываютъ, что царица и ея родные считали царевича „порченымъ“, т. е. больнымъ, ненормальнымъ. Какъ люди XVI вѣка, они порчею объясняли себѣ тѣ болѣзненныя явленія въ его организмѣ, которыя, конечно, имѣли болѣе глубокое происхожденіе и обусловливались, безъ сомнѣнія, общимъ его разстройствомъ. Не надо забывать, что Димитрій родился въ то время, когда отецъ его былъ уже физически разстроенъ своими бѣшеными страстями, да и вообще-то былъ человѣкъ ненормальный. Печать вырожденія расы явно лежитъ на Грозномъ: немудрено поэтому, что одинъ сынъ его былъ полу-идіотъ, другой—эпилептикъ. А каково было положеніе матери Димитрія въ качествѣ супруги Грознаго? Вѣдь извѣстно, что вскорѣ послѣ брака онъ не взлюбилъ ее и,—хотя она была уже беременна Димитріемъ,—задумалъ свое англійское сватовство. Бѣдная женщина должна была каждый часъ трепетать за свою судьбу... Но даже и помимо этого, безграничные капризы Грознаго [2]) и печальная участь ея предшественницъ должны были отравлять ей существованіе и держать въ постоянномъ волненіи и страхѣ. По истинѣ, было бы удивительно, если бы плодомъ *такого* брака явился здоровый ребенокъ. Природа, конечно, не могла сдѣлать исключеніе для сына Грознаго, и онъ дѣйствительно оказался болѣзненнымъ и хилымъ. Какимъ же образомъ изъ хилаго эпилептика могъ бы развиться такой крѣпышъ, какимъ былъ названный Димитрій?

А. Мерцаловъ.

VIII.

Справка о заливѣ Делагоа.

Заливъ Делагоа, обладаніе которымъ для Англіи, въ виду ея борьбы съ бурами, пріобрѣтаетъ особенное значеніе, былъ открытъ въ 1502 Васко-де-Гама и затѣмъ тщательно изслѣдованъ въ 1804 году Лоренцомъ Маркезъ, имя котораго увѣковѣчено португальцами и до сихъ поръ названіемъ одного изъ мѣстныхъ фортовъ. Съ этого времени бухта Делагоа считалась португальскимъ владѣніемъ, права же верховнаго владычества Португаліи надъ ближайшей территоріей признаются съ начала XVII столѣтія согласно съ заключеннымъ португальцами въ то время договоромъ съ мѣстнымъ царемъ Мономатаго, государство котораго распалось приблизительно сто лѣтъ спустя. Надо замѣтить, что въ то время португальцы мало обращали вниманія на эти новыя владѣнія, чему сильно способствовалъ мѣстный климатъ, котораго почти

---

[1]) Слѣд. дѣла въ Собр. Государ. Грам. и догов., II, стр. 106.

[2]) Между прочимъ, благодаря одному изъ нихъ, былъ замученъ отецъ царицы, Ѳедоръ Нагой.

не могли переносить не только европейцы, но и колонисты—буры, пришедшіе сюда по изгнаніи ихъ англичанами изъ Капландіи.

Въ 1823 году капитанъ англійской службы Овенъ посѣтилъ, по порученію своего правительства, восточный берегъ Африки и пріобрѣлъ отъ вождей туземныхъ племенъ право владычества надъ бухтой. Съ этого времени начали здѣсь возникать англійскія поселенія, хотя Португалія и не думала никому уступать своихъ правъ, и конечно результатомъ всего этого явились частыя столкновенія между Англіей и Португаліей, окончившіяся пока миролюбиво.

Между тѣмъ обладаніе бухтой Делагоа составляетъ давнишнюю мечту буровъ Трансвааля и представило бы имъ единственную возможность достигнуть моря. Въ 1869 году бурамъ удалось заключить съ Португаліей выгодный торговый договоръ, явившійся результатомъ ихъ дружественныхъ отношеній шестидесятыхъ годовъ съ этимъ государствомъ. Это, однако, не обезпечивало буровъ въ будущемъ, и поэтому послѣдовали изъ Преторіи различныя предложенія объ уступкѣ бухты Трансваалю, не увѣнчавшіяся однако успѣхомъ. Англія снова предъявила свои претензіи на бухту, ссылаясь на концессію Овена, а такъ какъ и Португалія, съ своей стороны, не захотѣла уступить, то обѣ спорящія стороны рѣшили подчиниться третейскому рѣшенію тогдашняго президента французской республики.

Это было въ 1872 году. Только спустя нѣсколько лѣтъ Макъ Магонъ высказалъ свое рѣшеніе, по которому были признаны законныя права Португаліи на бухту Делагоа и на всѣ пограничныя сѣверныя провинціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Португалія обязалась, въ случаѣ позднѣйшей переуступки или перепродажи бухты Делагоа и мѣстныхъ колоній, предложить эти территоріи Англіи преимущественно передъ всѣми другими державами. Съ этимъ рѣшеніемъ какъ бы исчезала надежда Трансвааля пріобрѣсти заливъ Делагоа.

Дальнѣйшіе договоры между Великобританіей и Португаліей дали еще нѣкоторыя существенныя преимущества Англіи. Однимъ изъ договоровъ, заключеннымъ въ 1879 году, предоставлялось право безпошлиннаго ввоза и вывоза въ Трансвааль чрезъ заливъ Делагоа англичанамъ. Однако, мѣстные португальцы, какъ оказалось, не особенно расположенные къ англичанамъ, сильно этому противились, и потребовалось немало времени, чтобы побороть ихъ сопротивленіе такому соглашенію.

Несмотря на состоявшееся соглашеніе Великобританіи съ Португаліей, заманчивыя предложенія Трансвааля не прекратились, и, если вѣрить слухамъ, они были повторены еще весьма недавно и снова безуспѣшно.

По своимъ качествамъ заливъ Делагоа мало привлекателенъ: прилегающая къ нему мѣстность очень болотистая и своими вредными испареніями поддерживаетъ постоянную эпидемію маляріи; гавань, хотя и вмѣстительна, но входъ въ нее, вслѣдствіе массы песчаныхъ отмелей и островковъ, очень неудобенъ, и фарватеры

для прохода судовъ узки. Вслѣдствіе невозможнаго для европейцевъ климата, португальскія владѣнія очень скудно заселены бѣлыми, и даже ихъ мѣстный центръ Лоренцо Маркезъ, расположенный при сліяніи двухъ рѣкъ, не отличается многолюдствомъ; главнымъ контингентомъ населенія являются туземцы, которые и исполняютъ всю физическую работу.

Такимъ образомъ все значеніе залива Делагоа сводится къ географическому положенію его относительно Трансвааля: черезъ заливъ проходитъ кратчайшій путь къ золотымъ пріискамъ Іоганнинсбурга; кромѣ того бухта Делагоа служитъ портомъ для всей торговли Трансвааля, представляя въ то же время единственную надежду для буровъ „прорубить окно“ къ морю, а слѣдовательно и упрочить свое государственное развитіе.

При настоящемъ положеніи дѣлъ въ Южной Африкѣ, нейтралитетъ этой гавани мѣшаетъ Англіи запереть Трансвааль отъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, что, конечно, составляетъ ахиллесову пяту всей борьбы Англіи. Это и заставило англичанъ предложить въ этомъ году Португаліи продать колонію, что, какъ извѣстно, было отклонено. **С. Л.**

IV.

Романическая женитьба Генриха австрійскаго [1].

Въ 1827 году разнесся удивившій всѣхъ слухъ о женитьбѣ эрцгерцога Генриха австрійскаго на дочери почтмейстера села Стейермаркъ. Свадьба эта имѣла очень романическую подкладку. Эрцгерцогъ Генрихъ спѣшилъ изъ Италіи въ Вѣну. На одной изъ станцій не оказалось ни одного почтальона, и эрцгерцогу пришлось бы прождать нѣсколько часовъ. Почтмейстеръ, не долго думая, нарядилъ свою дочку въ одежду почтальона, которая и доставила высокаго путешественника на слѣдующую станцію. Но во время пути эрцгерцогъ узналъ въ почтальонѣ красавицу-дѣвушку, влюбился въ нее, а потомъ и женился. Дочери почтмейстера предоставлено было право носить имя баронессы Брандгофъ, а въ 1850 году австрійскій императоръ произвелъ ее въ графини фонъ Меранъ.

---

[1]) Deutsche Warte отъ 3 февраля 1900.

ИЗЪ ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГІИ.

Славяно-русская палеографическая выставка въ Археологическомъ Институтѣ. Директоръ Спб. Археологическаго Института проф. Н. В. Покровскій задался мыслью распространить какъ можно шире археологическія знанія среди русскаго общества.

Однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе достигающихъ этой цѣли средствъ является устройство періодическихъ выставокъ древнихъ памятниковъ по разнымъ отраслямъ археологіи и археографіи.

Въ 1898 году впервые была устроена въ стѣнахъ Археологическаго Института выставка памятниковъ иконографіи и древнерусскаго искусства.

Выставка эта имѣла значительный успѣхъ. Посѣтило ее около 2.000 человѣкъ,—число относительно небольшое, но достаточное для выставки, имѣющей совершенно спеціальный характеръ.

Этотъ первый успѣхъ и видимый интересъ, возбужденный выставкою въ публикѣ, послужили поводомъ къ рѣшенію ежегоднаго устройства археологическихъ выставокъ въ помѣщеніи Института. Результатомъ такого рѣшенія и было устройство во время рождественскихъ вакацій нынѣшняго академическаго года выставки памятниковъ славяно-русской палеографіи и археографіи. Научная организація выставки была поручена профессору А. И. Соболевскому.

Первое стремленіе при устройствѣ выставки было дать не обиліе матеріала, но въ немногомъ указать наиболѣе важное.

Составилась выставка изъ рукописей и старопечатныхъ книгъ изъ частныхъ собраній и снимковъ, которые въ цѣломъ даютъ полное и ясное понятіе о нашей древней письменности XVI—XVIII вѣковъ. Какъ крайняя рѣдкость на выставкѣ были памятники и болѣе глубокой древности XII—XIII вѣка.

Кромѣ того отдѣлъ выставки представляли памятники древнерусскихъ нотъ, экспонируемыхъ московскимъ синодальнымъ училищемъ церковнаго пѣнія.

На общемъ собраніи членовъ Института 16 декабря 1899 г. директоръ Института въ краткой вступительной рѣчи далъ общую характеристику выставки и затѣмъ объявилъ ее открытою.

Организаторъ выставки проф. А. И. Соболевскій болѣе подробно остановился на разъясненіи многихъ экспонируемыхъ памятниковъ. По его мнѣнію, настоящая выставка выяснила въ достаточной степени количество и достоинство частныхъ собраній рукописей.

Прежде всего кидается въ глаза крайняя скудость находящихся въ частныхъ рукахъ древнихъ пергаменныхъ рукописей и нашихъ и южно-славянскихъ. Ихъ мало даже въ богатыхъ собраніяхъ графовъ Уваровыхъ. Рукописи эти сосредоточились въ настоящее время большей частью въ Императорской Публичной библіотекѣ и Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. —

Тѣмъ не менѣе на выставкѣ находились нѣкоторыя изъ подобныхъ рукописей: въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ „Болгарское Евангеліе XII вѣка", изъ собранія проф. Н. П. Лихачева; рукопись эта представляетъ пріятное исключеніе изъ большинства подобныхъ извѣстныхъ рукописей, написанныхъ далеко не изящно—она отличается изяществомъ письма, языкъ же ея--довольно рѣзко встрѣчающимися особенностями. Изъ памятниковъ XV—XVI вѣка выдаются два роскошно написанныя молдавскія Евангелія, много цѣнныхъ рукописей XVII вѣка, но наиболѣе важный матеріалъ относится къ XVIII вѣку. Не послѣднее мѣсто на выставкѣ занимали старообрядческія рукописи (поморскія) съ изящнымъ письмомъ и орнаментаціей. Какъ нѣчто единственное представляли собою рукописи Угорской Руси, этого забытаго уголка русской территоріи. Собранія рукописей наиболѣе важныя принадлежали проф. Н. П. Лихачеву, В. Г. Дружинину, П. А. Овчинникову и др. лицамъ. Нѣкоторые торговцы рукописей также экспонировали наиболѣе интересные изъ принадлежащихъ имъ экземпляровъ.

Проф. А. И. Соболевскій обратилъ вниманіе на имѣющіеся на выставкѣ, такъ называемые, „листы": картины, представляющія подражаніе привознымъ иностраннымъ гравюрамъ. „Листы" эти были сильно распространены въ XVII столѣтіи среди русскаго общества, и ихъ покупали даже для царской семьи. Въ XVIII вѣкѣ они мало-по-малу были вытѣснены „лубочными" картинами.

Важныя и интересныя рукописи, хранящіяся въ малодоступныхъ правительственныхъ и общественныхъ музеяхъ и библіотекахъ, имѣлись на выставкѣ въ видѣ фотографическихъ снимковъ, произведенныхъ и частными лицами, и самимъ Археологическимъ Институтомъ.

Снимки сдѣланы съ рукописей, хранящихся въ Аѳонскомъ монастырѣ, Чешскомъ музеѣ въ Прагѣ, музеяхъ Львова и Кракова,

городской библіотекѣ въ Познани, Британскомъ музеѣ, Берлинской королевской библіотекѣ, собраніи проф. Дринова и проч.

Снимки эти даютъ довольно ясное понятіе о письмѣ и орнаментаціи наиболѣе интересныхъ памятниковъ. Весьма важны снимки съ южно-славянскихъ рукописей, въ виду слабой разработки южно-славянской палеографіи. Благодаря этому крайне не ясна судьба „устава“ въ этомъ письмѣ, и трудно установить даже крупные періоды въ его развитіи. Снимки, имѣющіеся на выставкѣ, даютъ значительный матеріалъ для разрѣшенія хотя нѣкоторыхъ вопросовъ.

Много снимковъ съ орнаментовъ и миніатюръ русскихъ и южно-славянскихъ украшали выставку. Огромный матеріалъ для миніатюръ представили рукописи XVII столѣтія.

Снимки съ рукописей царской библіотеки XVII вѣка представляли значительный интересъ. Рукописи этой библіотеки сохранились сравнительно въ небольшомъ числѣ, такъ какъ библіотека во время перевозки въ С.-Петербургъ въ первой половинѣ XVIII вѣка была раскрадена.

Въ небольшомъ количествѣ на выставкѣ находились автографы древне-русскихъ литературныхъ дѣятелей: Максима Грека, Симеона Полоцкаго и др.

Старо-печатныя книги выставлялись въ ограниченномъ количествѣ, вовсе не были выставлены плохо-сохранившіеся экземпляры. Изъ нихъ встрѣчались „уники“: брошюры Лазаря Барановича, экземпляръ Евангелія, вышедшій, по предположенію, во 2-й половинѣ XVI столѣтія.

По поводу экспонируемыхъ Московскимъ синодальнымъ училищемъ церковнаго пѣнія снимковъ съ древнихъ русскихъ пѣвческихъ рукописей директоромъ училища В. В. Смоленскимъ были предложены объясненія и изложенъ краткій очеркъ развитія у насъ нотнаго пѣнія.

Настоящая нотная система—явленіе сравнительно позднее; въ древней Руси въ употребленіи была, такъ называемая, крюковая система пѣнія. И до настоящаго времени эта система сохранилась у нашихъ старообрядцевъ. Крюковая система до послѣдняго времени была для науки „terra incognita“, но теперь, благодаря работамъ проф. Разумовскаго и директора Московскаго синодальнаго училища В. В. Смоленскаго, брошенъ нѣкоторый свѣтъ въ эту область. Несмотря на то, что вмѣстѣ съ богослужебными книгами перешло къ намъ изъ Греціи церковное русское пѣніе, развивалось самостоятельно и существовало у насъ „демественное пѣніе“—національно-русское, имѣющее замѣтную связь съ народной пѣсней.

Умѣло подобранные снимки съ древнихъ русскихъ нотныхъ рукописей и нѣкоторыхъ греческихъ рисуетъ намъ ясно исторію развитія церковнаго пѣнія въ Россіи.

Выставка имѣла значительный успѣхъ, посѣтило ее около 2.000 человѣкъ.

Обращали на себя изъ снимковъ синодальнаго училища (рукописи собственной библіотеки) интересные рисунки, иллюстрирую-

щіе нотную рукопись „Рѣка Вавилонская“, а именно стихи: „Прильпни языкъ мой“ и „Блаженъ иже иметъ и разбіетъ младенцы о камень“. Рукопись эта относится къ XVIII вѣку и представляетъ рѣдкій образчикъ рукописи поморскаго письма, написана и разлицована (иллюстрирована) превосходно.

Отмѣтимъ еще пѣвческія рукописи своеобразной 3 линейной нотаціи начала XVIII вѣка, введенной съ цѣлью наибольшаго упрощенія 5-ти линейныхъ нотъ.

Изъ не славянскихъ книгъ проф. Н. П. Лихачевымъ выставленъ „латинскій антифонарій“ итальянскаго письма и „уникъ“ грузинская лицевая псалтирь XIII—XIV в. съ 70 раскрашенными гравюрами, изъ собраній Г. М. Казакова. Послѣдняя оцѣнивается владѣльцемъ въ 5.000 рублей.

Рисунки книгъ крайне тонкой изящной работы золотомъ и различными красками, съ замысловатыми узорами.

Знаменитые „Поморскіе отвѣты“ встрѣчаются въ нѣсколькихъ собраніяхъ.

Интересны рисунки русской рукописи 17 вѣка „Притча о хромцѣ и слѣпцѣ“.

Снимки миніатюръ русскихъ рукописей XII—XVII вѣковъ довольно многочисленны.

Во многихъ экземплярахъ встрѣчался лицевой (иллюстрированный) Апокалипсисъ.

На выставкѣ можно было пріобрѣтать вышедшія за послѣдніе годы книги по палеографіи и иконографіи:

Палеографическій атласъ и снимки рукописей XI—XVI в., изданный подъ редакціей проф. Соболевскаго 1899 г., цѣна 4 р.

Изданіе гг. Успенскихъ „Молитва на дьявола“, снимокъ съ рукописи XIII в., находившейся въ библіотекѣ ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря.

Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV в. Трудъ И. И. Срезневскаго, ц. 5 р.

Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русской письменности въ XV—XVIII вѣкахъ, изданіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, вып. I. Цѣна 5 р.

Изъ упомянутыхъ нами „листовъ“ отмѣтимъ акварельные рисунки „Священная исторія Ветхаго и Новаго завѣтовъ“, мелкіе замѣчательно изящно отдѣланные рисунки, изъ собран. Г. М. Казакова, птицы „Сиринъ“ и „Алконостъ“, „Тѣло златое“, „Монархическій колоссъ“, члены тѣла котораго изображаютъ государства и народы и „Птоломей царь“, послѣдняя изображаетъ царя, сидящаго на тронѣ. Передъ нимъ столъ, на столѣ черепъ. Придворный, обращаясь къ царю, напоминаетъ ему, что и съ головой царя будетъ то же самое, что и съ этимъ черепомъ.

Продолжалась выставка съ 17 декабря по 14 января. Входъ былъ безплатный. Многіе изъ членовъ и слушателей Института посвящали свое время присутствованію на выставкѣ для разъясненія посѣтителямъ экспонируемыхъ памятниковъ. **А. М.**

Обзоръ иностранныхъ историческихъ журналовъ.

Le Carnet historique et litteraire, № 1.

15 января 1900 года.

Въ этомъ журналѣ помѣщена крайне интересная статья г-на *Л. Пенго:* „Императоръ Александръ и вторая реставрація“ (1815). L'Empereur Alexandre et la seconde Restauration. M. Léonce Pingaud.

Въ апрѣлѣ 1815 года императоръ Александръ I былъ настоящимъ властелиномъ Франціи. Въ то смутное время всѣ лица, такъ или иначе скомпрометтированныя своею приверженностью къ Наполеону, подвергались гоненіямъ, арестамъ. Поэтому всѣ они обращались за заступничествомъ къ императору Александру I. Къ нему писали: московская принцесса (princesse de Moskowa)— супруга маршала и пэра Франціи Нея, Суше, Бертье, Даву, генералы Груши, Мутонъ, Калянкуръ и многіе другіе. На всѣ эти слезныя просьбы императоръ принужденъ былъ отвѣчать отказомъ.

Между прочимъ, къ императору Александру обратилась съ просьбою и королева Юлія разрѣшить ей и ея мужу жить въ Ливоніи или Курляндіи, чтобы быть поближе къ ея сестрѣ принцессѣ шведской. Государь предложилъ Кіевъ и приказалъ выдать паспорта на имя господина и госпожи Іосифъ Бонапарте.

Особенно рѣзко отвѣтилъ Государь генералу Груши, который обратился съ просьбою принять его на русскую службу, съ сохраненіемъ маршальскаго званія. „Я первый буду противъ того— писалъ онъ,—чтобы вамъ оставили званіе, которое вы получили, сражаясь снова за Бонапарте, принеся присягу королю. Тѣмъ менѣе могу я принять васъ въ русскую армію, главная заслуга которой именно вѣрность своему долгу“.

Очень интересны письма къ Государю: графини Лабедоаеръ съ ходатайствомъ за ея мужа отъ 8 августа 1815 года (былъ арестованъ наканунѣ) и герцогини курляндской Анны-Доротеи, просившей также за графа Лабедоаера отъ 18 августа; послѣдній былъ разстрѣлянъ 19 августа. Сохранились черновыя отвѣтныя письма императора Александра I отъ 12, 17 и 21 августа, изъ которыхъ видно, въ какомъ замѣшательствѣ былъ Государь;

онъ отвѣтилъ, что не считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла французскаго суда, а въ послѣднемъ письмѣ графинѣ Лабедоаеръ совѣтовалъ искать утѣшенія въ религіи, въ долгѣ и материнской любви.

Особенно интересна переписка Императора Александра I съ принцессою московскою, супругою маршала Нея. Первое ея письмо было получено 4 августа. Государь отвѣтилъ ей, что ему ничего не остается, какъ предоставить Нея его участи. Второе же письмо еще болѣе убѣдительное Государь получилъ уже по отъѣздѣ своемъ изъ Франціи.

Ней обращалась, кромѣ того, ко всѣмъ представителямъ союза и къ принцу регенту Англіи, но ничего не могла добиться, и такимъ образомъ „храбрецъ изъ храбрецовъ", славнѣйшій полководецъ Наполеона, бывшій нѣкогда генералъ-инспекторомъ русской кавалеріи и оказавшій чудеса храбрости въ Россіи, былъ такъ же, какъ и другіе, разстрѣлянъ въ 1815 году.

Не лишены интереса и помѣщенныя въ журналѣ копіи съ писемъ маршала Бертье, переданныя въ редакцію извѣстнымъ французскимъ историкомъ и академикомъ Альбертомъ Вандалемъ (M. Albert Vandal, de l'Académie française.—Le Mariage par procuration de Marie-Louise. Correspondance de Berthier, prince de Neuchâtel).

Маршалъ Бертье былъ отправленъ императоромъ Наполеономъ въ мартѣ 1810 года въ Вѣну экстраординарнымъ посломъ съ особою миссіею для переговоровъ о женитьбѣ Наполеона на герцогинѣ Маріи-Луизѣ, старшей дочери австрійскаго императора Франца I, и подписанія брачнаго контракта. Письма эти заключаютъ въ себѣ ежедневныя донесенія Бертье, въ которыхъ описываются придворныя и церковныя торжества.

Deutsche Revue.

Январь и февраль 1900 года.

Въ двухъ книжкахъ этого журнала помѣщено нѣсколько писемъ графа Фридриха Эйленбурга къ князю Бисмарку (Aus des Korrespondenz des Grafen Friedrich zu Eulenburg mit dem Fürsten Bismarck. Von Host Kohl). Имъ предпослана замѣтка, что письма эти предназначались самимъ Бисмаркомъ къ напечатанію, но въ виду слишкомъ недостаточнаго количества матеріала для отдѣльной книги, они печатаются въ журналѣ „Deutche Revue".

Большинство изъ этихъ писемъ носятъ чисто дѣловой характеръ, поэтому мы приводимъ тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ наибольшій общественный интересъ.

Изъ Варшавы, отъ 28 іюня 1859 года, графъ Эйленбургъ сообщалъ между прочимъ: „Въ оффиціальныхъ кругахъ нигдѣ не видѣлъ непріязненныхъ отношеній къ Пруссіи, но общее настроеніе противъ Австріи. Поляки очень веселы. Третьяго дня въ общественномъ саду оркестръ сыгралъ мѣсто изъ мазурки „еще Польша не сгинѣла" въ присутствіи русскихъ офицеровъ;

раздался взрывъ рукоплесканій. Говорятъ, что этого давно уже здѣсь не бывало".

Берлинъ. 4 іюня 1863 года. „Со вторника въ Ораніенштрассе на площади Морица и въ окрестностяхъ бушуетъ чернь [1]). Вчера вечеромъ опять было сборище, толпу разогнали полицейскіе; пока арестовано до 170 человѣкъ.

Хотя политика здѣсь и не замѣшана, но оставлять такъ дѣло нельзя. Сегодня я посѣтилъ мѣсто сходбищъ и совѣщался съ фельдмаршаломъ фонъ-Врангелемъ, обербюргермейстеромъ Зейделемъ и президентомъ полиціи фонъ-Бернутъ. Рѣшили сдѣлать попытку удалить полицію, но въ случаѣ новаго сборища послать усиленные полицейскіе взводы и держать наготовѣ войско.

Вамъ лучше знать, какъ доложить обо всемъ королю; но увѣряю васъ, что политика тутъ ни при чемъ, хотя дѣло можетъ дойдти и до этого, почему и необходимо какъ можно скорѣе положить всему конецъ".

Берлинъ. 30-го іюля 1863 года. „Арестовано 67 человѣкъ поляковъ изъ высшаго общества за государственную измѣну; ихъ привезли сегодня утромъ сюда и размѣстили въ предназначенномъ помѣщеніи".

Въ нѣсколькихъ письмахъ за 1865 годъ упоминается съ пренебреженіемъ о французскомъ послѣ въ Берлинѣ, настойчиво всѣхъ увѣрявшемъ, что „Франція никогда не вмѣшается въ распрю между Австріею и Пруссіею".

Берлинъ. 12-го сентября 1870 года. „Сегодня получены печальныя извѣстія изъ подъ Парижа: герцогъ Вильгельмъ раненъ. Со всѣхъ сторонъ обращаются ко мнѣ, чтобы вы ни подъ какимъ видомъ не допускали короля и кронпринца вступать въ Парижъ и просили бы ихъ держаться подальше отъ кровожаднаго соціалъ-демократическаго народонаселенія Парижа.

Когда же, наконецъ, будетъ взята французская столица? Помоему было бы очень хорошо пригрозить французамъ, что за каждый день сопротивленія имъ придется уплатить по 20 милліоновъ франковъ. Это навѣрно заставило бы ихъ нѣсколько поостыть.

Вся Пруссія очень недовольна, что Наполеону предоставили жить въ Вильгельмсгое, въ особенности еще тѣмъ, что ему разрѣшено имѣть въ своемъ распоряженіи слугъ и поваровъ. Въ Берлинѣ по этому поводу ужасно волнуются и негодуютъ. Я опасался даже демонстрацій".

Берлинъ. 19-го сентября 1876 года. „Только-что вернулся изъ отпуска. Въ первый разъ въ жизни побывалъ въ Швейцаріи. На Женевскомъ озерѣ встрѣтилъ старика Тьера, съ которымъ долго и часто бесѣдовалъ. Онъ въ восторгѣ отъ васъ, отъ вашей политической мудрости. Про маршала Макъ-Магона иначе не говоритъ какъ „cet idiot".

---

[1]) Поводомъ къ буйству черни послужило удаленіе одного кабатчика. Чернь съ 29 іюня ежедневно собиралась и бунтовала, и ночью на 4-е іюля берлинская полиція принуждена была прибѣгнуть къ оружію.

Затѣмъ былъ въ Штутгартѣ. Тамошній русскій посланникъ фонъ-Стааль, только-что вернувшійся изъ Фридрихсгафена, разсказалъ мнѣ, что Вюртембергскій король сообщилъ ему, что онъ и васъ пригласилъ на празднество въ Штутгартѣ, при чемъ прибавилъ: „мы во многомъ расходимся съ княземъ Бисмаркомъ, но я все-таки признаю его за великаго государственнаго человѣка. Мое приглашеніе онъ, вѣроятно, не приметъ, но я былъ бы очень радъ, если бы онъ пріѣхалъ. Было бы очень хорошо и полезно для многаго, если бы мы столковались съ нимъ".

Берлинъ. 27-го іюля 1877 года. „Во время двухдневнаго пребыванія я удостоивался чести нѣсколько разъ бесѣдовать съ императоромъ Вильгельмомъ и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что онъ совершенно одинаково съ вами смотритъ на событія во Франціи.

Эмцы на променадѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ его величество въ 1870 году имѣлъ послѣдній рѣшительный разговоръ съ Бенедетти, положили простой камень съ надписью: „13-го іюля 1870 года". Въ день отъѣзда императоръ прогуливался со мною утромъ, и я подвелъ его къ камню. „Это хорошо, что вы сюда меня привели—сказалъ онъ—я еще не видѣлъ этого камня, а одинъ идти я не хотѣлъ, это было бы слишкомъ претенціозно".

Развѣ это не трогательно!

Deutsche Rundschau.

Heft 4 и 5 январь и февраль 1900 г.

Въ воспоминаніяхъ генерала Верди дю Вернуа о войнѣ Пруссіи съ Австріей (въ главной квартирѣ II (силезской) арміи подъ командою кронпринца Фридриха Вильгельма прусскаго), подробно описывается битва при Кенигтрецѣ и дѣйствія кронпринца и его заслуги. Верди дю Вернуа представляетъ въ совершенно новомъ освѣщеніи характеръ и военныя способности покойнаго императора Фридриха. Въ воспоминаніяхъ его описывается очень трогательная сцена встрѣчи прусскаго короля Вильгельма I со своимъ сыномъ кронпринцемъ послѣ побѣды надъ австрійцами; они со слезами на глазахъ обнялись, кронпринцъ поцѣловалъ руку у отца и былъ имъ пожалованъ высшимъ прусскимъ орденомъ pour le mérite. Интересная подробность: орденъ этотъ былъ посланъ кронпринцу еще раньше, но телеграмма короля попала въ руки австрійцевъ и была ими задержана.

Верди приводитъ, между прочимъ, слѣдующій курьезъ изъ области случайностей во время военныхъ дѣйствій: во время битвы при Кенигтрецѣ прусскій главный штабъ съ кронпринцемъ во главѣ очутился среди падающихъ гранатъ, и, какъ оказалось впослѣдствіи, гранаты эти были изъ прусскихъ батарей.

По поводу событій 3-го іюля кронпринцъ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: „Чувствую, что сегодняшній день одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ для Пруссіи, и молю Бога, чтобы онъ просвѣтилъ короля и его совѣтниковъ, дабы для Пруссіи и Германіи день этотъ имѣлъ добрыя послѣдствія и принесъ пользу въ будущемъ".

Молитва кронпринца была услышана, если сравнить прежнюю Пруссію съ настоящею соединенною Германіею.

Максъ Ленцъ помѣстилъ въ этомъ же нумерѣ не лишенную интереса статью подъ заглавіемъ „Великія державы", обзоръ минувшаго столѣтія. Ленцъ разбираетъ статью извѣстнаго германскаго историка Ранке, появившуюся въ 1833 году во второмъ томѣ его „Историко-политическаго журнала" подъ тѣмъ же заглавіемъ „Великія державы", и говоритъ, что новыя идеи, рожденныя французской революціей, распространились по всей Европѣ. Всѣ ими увлеклись и въ особенности Императоръ Александръ I. Онъ надѣлилъ Польшу конституціей, надѣясь этимъ привязать поляковъ къ себѣ, первый высказалъ господствующую нынѣ идею объ объединеніи всѣхъ славянъ подъ русской гегемоніей и началъ проводить либеральныя реформы въ Россіи. Остальныя правительства тоже готовы были покровительствовать либеральнымъ идеямъ, за исключеніемъ Испаніи, которая мечтала воскресить католическую монархію Филиппа II, съ которой были связаны воспоминанія о прошломъ величіи.

Одна изъ самыхъ сильныхъ идей новаго вѣянія была идея о политическомъ самосознаніи.

Вездѣ національный духъ окрѣпъ и поднялъ голову.

Затѣмъ наступила реакція: Александръ разочаровался, увидя, что поляки думаютъ только о томъ, какъ бы сбросить съ себя русское владычество. Въ русскомъ народѣ распространилось недовольство по поводу реформъ, даже въ гвардіи началось броженіе, благодаря польскимъ вліяніямъ. Австрія, въ интересахъ которой было не допускать развитія національнаго самосознанія въ населявшихъ ее народностяхъ, тоже стала подавлять новыя идеи, гдѣ онѣ ей казались опасными, Пруссія, намѣревавшаяся ввести у себя новый либеральный образъ правленія, перестала и думать объ этомъ. Изъ союза державъ первая выступила Англія и пошла своей дорогой, по которой влекли ее ея интересы.

Такимъ образомъ, новыя идеи нашли себѣ противовѣсъ въ личныхъ, такъ сказать, интересахъ каждой изъ державъ и хотя и дали толчокъ ко многимъ событіямъ, но все-таки жизненные интересы народовъ остались на первомъ планѣ. Этотъ европейскій кризисъ былъ пробнымъ камнемъ и показалъ, что тѣ державы, основы которыхъ были крѣпче и надежнѣе, скорѣе другихъ шли впередъ.

Jugenderrinnerungen. König Max. und alte München. *von Paul Heyse.*

Баварскій король Максимиліанъ (1848—1854), покровитель наукъ и искусствъ, находился въ дружескихъ сношеніяхъ со многими германскими либералами. Особенно близокъ онъ былъ съ писателемъ Гейзе, съ которымъ часто бесѣдовалъ объ искусствѣ и поручалъ ему разныя работы.

19 ноября въ Мюнхенѣ узнали о началѣ войны изъ-за Шлезвига и Голштиніи. Всѣ были противъ Пруссіи и Австріи, собирались народныя собранія, образовался комитетъ для помощи, въ которомъ участвовалъ и Гейзе, составляя воззванія къ гражданамъ и адресъ къ королю. Послѣдній, хотя и раздѣлялъ взгляды своихъ подданныхъ, но былъ недоволенъ ихъ вмѣшательствомъ въ дѣла правленія, особенно тѣмъ, что одинъ изъ членовъ его „кружка поэтовъ" согласился сдѣлаться выразителемъ желаній народа, и далъ это понять Гейзе, когда тотъ явился къ королю 3 марта на одно изъ литературныхъ чтеній (Symposion). Недѣлю спустя король скончался. Всѣ начинанія его въ области искусства остались неоконченными, но успѣли пустить глубокіе корни. „Мюнхенскіе идеалисты" разсѣялись. Молодой король Людовикъ II, стремленія котораго въ области искусства сильно расходились съ стремленіями короля Максимиліана, утвердилъ пенсіи, данныя его отцомъ тремъ поэтамъ его, но когда онъ, 4 года спустя, лишилъ Гейбеля пенсіи за то, что тотъ встрѣтилъ короля прусскаго Вильгельма въ Любекѣ пожеланіемъ, чтобы онъ въ будущемъ увидѣлъ прусскаго орла парящимъ надъ всей Германіей, — Гейзе тоже отказался отъ пенсіи, не желая изъ-за нея скрывать своихъ убѣжденій.

Journal des Savants.

Декабрь 1899.

Fragments d'une paraphrase des Institutes de Gaïus tirés d'un manuscrit palimpseste du séminaire d'Autun.

Разборъ этого палимпсеста наконецъ оконченъ. Шателену, предпринявшему такую трудную работу, удалось, противъ всякаго ожиданія, возстановить текстъ, и такимъ образомъ, благодаря ему, римское право обогатилось еще нѣсколькими страницами, каковыя теперь можно прочесть въ новомъ изданіи Гайя, недавно напечатанномъ въ Берлинѣ Павломъ Крюгеромъ. Понятно, разобранный Шателеномъ текстъ еще неполный, остается еще замѣстить нѣкоторые пропуски, но, во всякомъ случаѣ, сдѣланное имъ открытіе очень важно. Правда, текстъ этотъ представляетъ большею частью лишь парафразъ уже извѣстнаго текста, тѣмъ не менѣе онъ все-таки даетъ нѣсколько новыхъ толкованій особенно въ дѣлахъ ноксальныхъ (sur les actions noxales). (Этотъ парафразъ въ текстѣ Гайя то же, что парафразъ Теофила къ институтамъ Юстиніана).

Теперь остается лишь знатокамъ римскаго права разсмотрѣть эти тексты и уяснить, какую можно извлечь изъ нихъ пользу для римскаго права.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Г. Рибо. **Философія Шопенгауера.** Перев. съ 5 франц. изд., Супе-ранскаго. Спб., 1898 г.

Рибо написалъ свою книгу о Шопенгауерѣ въ 1888 г. по *случаю*—по поводу столѣтней годовщины рожденія философа. На такихъ книгахъ обыкновенно лежитъ отпечатокъ скороспѣлой работы. Такъ случилось и съ Рибо. Въ семи небольшихъ главахъ у него изложено все содержаніе философіи Шопенгауера, вслѣдствіе чего въ изложеніи встрѣчаются существенныя недомолвки. Главный и основной принципъ шопенгауеровской философіи— „міръ, какъ явленіе, какъ представленіе, и міръ реальный, міръ воля"—изъясняется Рибо настолько малопонятно, что объясненіе только затемняетъ предметъ и безъ того крайне неясный. Дѣло прежде всего заключается въ томъ, что самъ Шопенгауеръ подъ словомъ *воля* разумѣетъ понятіе не въ обыденномъ смыслѣ, какъ нѣчто сознательное, какъ извѣстный психическій актъ, а что-то другое, въ родѣ стремленія къ самосохраненію, при чемъ и такому пониманію онъ придаетъ еще оттѣнокъ метафизическій. Шопенгауеръ говоритъ, что *воля* есть основаніе души, нѣчто вѣчное и неразрушимое, выше разума, надъ-разумъ, X, котораго нельзя передать никакимъ терминомъ, и выраженіе *воля* будетъ лишь наименѣе неточнымъ терминомъ. То же слѣдуетъ сказать о шопенгауеровскомъ *представленіи*. Человѣческое разумѣніе несовершенно, разсудокъ обманчивъ, насъ окружаетъ мракъ, но человѣкъ все-таки можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о существующемъ посредствомъ опыта, но не того опыта, который называется научнымъ, а опыта вообще, въ составъ котораго входитъ и наблюденіе и интуиція и среда опыта, сфера и природа его, все то, что называется въ самомъ широкомъ смыслѣ *познаваніемъ*. Это Шопенгауеръ называетъ *представленіемъ*. Такое объясненіе основнаго положенія философіи Шопенгауера, думаемъ, достаточно близко къ смыслу подлинника, хотя для произвольныхъ метафизическихъ гипотезъ не можетъ существовать вполнѣ удовлетворительнаго объясненія. Рибо думаетъ иначе. Онъ *волю* Шопенгауера отождествляетъ съ *силой*, съ тѣмъ понятіемъ о силѣ, которое присуще положительной наукѣ. Онъ говоритъ: „Въ наше

время самыя различныя школы сходятся на силѣ, какъ на последнемъ объясненіи. Спиритуалисты стараются доказать, что въ матеріи все сводится къ протяженію, которое само сводится къ силѣ. Противоположная (?) школа даетъ понять, что для нея всѣ явленія природы, безъ исключенія, суть концентраціи силы". По мнѣнію Рибо, Шопенгауеръ подъ словомъ *воля* разумѣлъ именно первичную силу. Значительную часть заключительной главы своей книги Рибо употребилъ на это доказательство. Если читатель потрудится прочесть эту главу, то онъ увидитъ, что Рибо пришелъ къ такому выводу совершенно бездоказательно. По Шопенгауеру, не *воля* произвела міръ, воля есть только атрибутъ міра; міра даже мы не знаемъ, а матерія есть только относительное понятіе субъекта. Слѣдовательно, *воля* Шопенгауера не есть *первопричина* положительной науки, какъ не будутъ такими первопричинами другія метафизическія положенія: *я* Фихте, *субъектъ-объектъ* Шеллинга, *абсолютное* Регеля. Другой терминъ Шопенгауера *представленіе* объясненъ у Рибо тоже неудовлетворительно. Въ концѣ-концовъ перестаешь понимать, да самъ-то Рибо кто: позитивистъ или метафизикъ?

Шопенгауеръ извѣстенъ также какъ философъ пессимизма. Подъ *волею* Шопенгауеръ разумѣетъ безсознательный и всегда-присущій міру атрибутъ. Такъ какъ интеллектъ всегда находится въ подчиненіи у воли, то онъ всегда страдаетъ, и вся наша жизнь есть рядъ страданій. Отсюда, все міровое устройство признается дурнымъ, и жизнь не представляетъ ничего отраднаго. Единственнымъ исходомъ изъ такого тягостнаго состоянія остается только одно—небытіе, погруженіе въ *нирвану* буддизма, передъ моральнымъ ученіемъ котораго Шопенгауеръ преклоняется. Глава о „морали", гдѣ излагается ученіе Шопенгауера о пессимизмѣ, лучше и проще другихъ написана Рибо. Это и понятно. Здѣсь философія Шопенгауера достигла до геркулесовыхъ столповъ нелѣпости. Немного требуется умѣнья, чтобъ отнестись къ ней критически. Рибо замѣчаетъ, что здѣсь Шопенгауеръ даже перестаетъ быть философомъ и поступаетъ по примѣру теологовъ, приводя вмѣсто всякихъ доказательствъ тексты и цитаты, которые беретъ отовсюду, у аскетовъ всѣхъ вѣковъ и мистиковъ всѣхъ странъ.

Въ главѣ „объ искусствѣ" Рибо ограничился изложеніемъ взглядовъ Шопенгауера на этотъ предметъ. Нѣтъ надобности говорить объ этихъ взглядахъ философа. Всѣ читали статью Л. Толстаго „Что такое искусство", слѣдовательно, тамъ встрѣчались и съ Шопенгауеромъ, котораго Толстой во многихъ мѣстахъ воспроизводитъ, вполнѣ съ нимъ соглашаясь.

Основное сочиненіе Шопенгауера „Міръ, какъ воля и представленіе" читается трудно, и хотя къ книгѣ Рибо большихъ требованій предъявлять нельзя, но она можетъ дать понятіе о всей философіи Шопенгауера, и въ этомъ смыслѣ вполнѣ удовлетворительный переводъ г. Суперанскаго полезенъ.

И. М.

Профессіональное нищенство, его причины и формы. Бытовые очерки *А. Левенстима*, Спб. 1900 г. „За недѣлю, со 2-го по 9-е января, чинами сыскной полиціи задержано, во время обхода ночлежныхъ домовъ, постоялыхъ дворовъ и притоновъ на окраинахъ столицы, 423 человѣка. Изъ нихъ выслано на родину 87 человѣкъ, неимѣвшихъ паспортовъ, и 71 человѣкъ, самовольно возвратившихся въ Петербургъ, лишенныхъ права жительства въ немъ. Относительно остальныхъ производится повѣрка данныхъ ими заявленій о родѣ занятій". Такимъ краткимъ, сухимъ и категорическимъ сообщеніемъ читатели петербургскихъ газетъ еженедѣльно поставляются въ извѣстность, что недреманное око прилагаетъ всѣ усилія къ огражденію спокойствія благонамѣреннаго обывателя и благополучнаго россіянина. Если цифру 423 помножить на 52, то получится почти 22.000, чтó и будетъ выражать число всѣхъ подозрительныхъ субъектовъ, задерживаемыхъ петербургскою полиціею въ теченіе года. Спрашивается, сколько же остается незадерживаемыхъ? Въ этомъ числѣ, безъ сомнѣнія, заключается значительная часть нищихъ и при томъ нищихъ—профессіональныхъ, которые и составляютъ предметъ интересныхъ очерковъ г. Левенстима. Онъ говоритъ, что въ одномъ Петербургѣ было зарегистрировано въ 1897 г. нищихъ 8.016 челов., прошедшихъ черезъ Комитетъ по призрѣнію и разбору нищихъ. Количество нищихъ въ Россіи изъ года въ годъ все увеличивается, даже пропорціонально росту населенія: въ 1877 г. въ Петербургѣ ихъ было вдвое меньше. Если такое увеличеніе допустить для всей Россіи, то въ настоящее время мы будемъ имѣть дѣло съ арміей нищихъ въ 600 т. человѣкъ (въ 1877 г. ихъ считалось 293 т.). Всѣхъ нищихъ авторъ „очерковъ" раздѣляетъ на нѣсколько типовъ; а) богомолы и могильщики, толпящіеся около церквей и могилъ: б) горбачи — сгорбленные и убогіе по виду; в) іерусалимцы—мнимые странники и странницы, одѣтые въ черное платье, на-подобіе монашествующихъ; г) погорѣльцы, просящіе „на погорѣлое мѣсто"; д) переселенцы, бѣдствующіе, будто бы отъ страшной нужды, сопряженной съ переселеніемъ; е) калѣки, несчастные, изуродованные люди, и, наконецъ, „сочинители", занимающіеся составленіемъ просительныхъ писемъ къ состоятельнымъ людямъ. Авторъ полагаетъ, что небольшое число нищихъ во всѣхъ перечисленныхъ типахъ занимаются нищенствомъ по профессіи, и потому видитъ рѣшеніе вопроса въ средствѣ черезчуръ простомъ и шаблонномъ—въ организаціи призрѣнія, въ устройствѣ принудительныхъ рабочихъ домовъ и въ энергичной борьбѣ закона съ каждымъ отдѣльнымъ случаемъ. У автора въ рукахъ былъ сосредоточенъ дѣйствительно большой интересный цифровой матеріалъ, который онъ очень умѣло объясняетъ и сопоставляетъ. Такъ, напр., имъ приведена таблица распредѣленія нищихъ по возрастамъ и полу. Оказывается, что нищихъ-мужчинъ вдвое больше, чѣмъ нищихъ женщинъ; что съ возрастомъ до 55 лѣтъ ростетъ и число нищихъ (за исключеніемъ крайне незначительныхъ отклоненій). Затѣмъ, подробно показано авторомъ распредѣленіе нищихъ по мѣстностямъ, гнѣзда нищихъ.

Одно изъ интересныхъ гнѣздъ указано—Москва, гдѣ многогрѣшные и богобоязненные купцы не рѣдко раздаютъ нищимъ за одинъ пріемъ по нѣскольку тысячъ рублей. Словомъ, канва изслѣдованія, по которой авторъ вышиваетъ узоры *мѣропріятій*, весьма интересна. Но самыя мѣропріятія, рекомендуемыя авторомъ, крайне спорны, даже какъ палліативы. Достаточно указать на работные дома послѣдняго времени; нѣкоторые изъ нихъ не имѣли возможности оплачивать труды своего рабочаго выше 15 к. въ сутки. Обмолвившись разъ, что большое вліяніе на развитіе нищенства оказываютъ экономическія причины — обѣднѣніе, приростъ населенія, отсутствіе заработковъ — авторъ очень мало считается съ этими „причинами", да и нельзя съ ними считаться, потому что это вовсе не причины, а слѣдствіе. Все зло авторъ видитъ въ стремленіи многихъ людей къ бродяжничеству, въ привычкѣ къ христарадничеству, въ обиліи подаяній, въ опоэтизированіи нищенства народомъ. И вотъ противъ этихъ, будто бы *главныхъ*, причинъ и слѣдуетъ направить борьбу. Намъ же думается, что нищенство имѣетъ только одну причину—экономическую нужду, а остальное все, вплоть до культурнаго неразвитія, является только надстройками. Не угодно ли автору найти такое мѣропріятіе, которое бы устранило эту причину!

С. В. Максимовъ въ своихъ *очеркахъ* „Бродячая русь Христаради", указывая на одно изъ *мѣропріятій*, въ силу котораго былъ стѣсненъ сборъ пожертвованій на храмы черезъ ходебщиковъ, замѣчаетъ: „Въ бытовомъ морѣ многообразной русской народной жизни мы видимъ, такимъ образомъ, одно крушеніе, но за то передъ нами выплываютъ новыя лодки съ другими пловцами". И эти новые пловцы въ новыхъ лодкахъ затянули снова старую пѣсню:

„Ай же ты, Спасъ—Спасъ милосердый.
Не давай ты имъ (нищей братіи) горы золотыя,
Не давай ты имъ рѣки медвяныя:
Сильные—богатые отнимутъ;
Много тутъ будетъ убійства,
Тутъ много будетъ кровопролитья.
Ты дай имъ святое имя:
Тебя будутъ поминати,
Тебя будутъ величати.
Отъ того они слова
Будутъ сыты да пьяны,
Будутъ и одѣты и обуты,
Будутъ и тепломъ обогрѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты".

Нищенство—это своеобразный цехъ, куда принимаются лишь посвященные. И напрасно думаетъ г. Левенстимъ, что нищимъ сдѣлаться очень легко. Не легко; а бороться съ этимъ „мѣропріятіями" еще труднѣе. Вспомнимъ только эту изъ недѣли въ недѣлю повторяющуюся трафаретку: „Со 2-го по 9-е задержано....".

„1898-й въ международномъ отношеніи" *магистра международнаго права А. Н. Штиглица.* С.-Петербургъ 1900 г.

Подъ такимъ заглавіемъ А. Н. Штиглицъ выпустилъ въ свѣтъ книгу, посвященную указанію и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, объясненію происшедшихъ въ 1898 году внѣшнихъ событій международнаго значенія.

Подобнаго рода книги являющіяся впослѣдствіи хорошими справочными источниками, имѣются въ западно-европейской печати и въ Россіи въ концѣ 60-хъ или въ началѣ 70-хъ годовъ, В. П. Безобразовъ пытался составить нѣчто подобное. Послѣ двухъ выпусковъ, изданіе это однако прекратилось. Названная книга г. Штиглица посвящена событіямъ имѣвшимъ историческое значеніе для Россіи, Славянскихъ земель, Франція, Англіи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Турціи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи, Сѣв. Амер. Соединенныхъ Штатовъ и Китая. Объ остальныхъ государствахъ какъ наприм. Швейцаріи не упоминается въ этой книгѣ такъ какъ заотчетный годъ не произошло никакого событія имѣвшаго для нихъ значеніе за предѣлами ихъ границъ. Большая часть книги отведена Россіи, Славянскимъ землямъ и описанію празднованія памяти Палацкаго. Въ книгу, въ отличіе отъ подобныхъ заграничныхъ изданій, введены біографіи Гладстона и Бисмарка. Изъ содержанія названнаго труда видны симпатіи автора къ славянамъ и Гладстону и противоположныя чувства его къ Бисмарку и вообще нѣмцамъ. Подобные годичные обзоры, въ серьезно научномъ и объективномъ тонѣ были бы весьма желательнымъ дополненіемъ къ спеціально историческимъ изданіямъ.

Историческій очеркъ жизни и царствованія Императора Александра II составилъ *Ал. Шумахеръ.* 2-ое изданіе. 1899 г. Книга А. Шумахера въ первомъ своемъ изданіи въ 1886 году, подъ заглавіемъ „О жизни и дѣяніяхъ Императора Александра II, историческій разсказъ для народнаго чтенія", написана была на конкурсъ, предложенный С.-Петербургскимъ Комитетомъ Грамотности, состоявшимъ при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, и удостоена была Комитетомъ почетнаго отзыва. Второе изданіе отличается многими исправленіями и дополненіями: въ описаніи отроческаго и юношескаго періода жизни Царя-Освободителя, въ изложеніи событій изъ Крымской войны; шире изложенъ очеркъ освобожденія крестьянъ, мѣропріятія по народному образованію, пребываніе Государя въ дѣйствующей арміи во время Русско-Турецкой войны 1877—78 гг. и т. д. Изложенный просто и ясно, очеркъ представляетъ весьма интересное и занимательное чтеніе для нашего юношества. Для народа изданіе это нѣсколько дорого. При книгѣ приложенъ портретъ императора. Внѣшняя сторона изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго. Жизнь и царствованіе Царя-Освободителя богаты событіями. „Колыбель Его, по странному стеченію обстоятельствъ, явилась тамъ же, гдѣ была и колыбель Великаго Царя-Преобразова-

теля, Императора Петра Великаго: только они двое изъ всѣхъ русскихъ Императоровъ были Московскими уроженцами". Воспитателемъ Императора былъ К. К. Мердеръ, который отдалъ своему августѣйшему питомцу все свое время, не зная ни отдыха, ни досуга, и пріобрѣлъ себѣ его любовь, довѣріе и чувство самой нѣжной дружбы, не ослабѣвавшее до самой смерти Мердера. „Здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенные съ холодной твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души, — таковы были отличительныя черты его характера"—говоритъ Жуковскій, писавшій о Мердерѣ по случаю его кончины. И эти качества воспитатель сумѣлъ вложить въ душу Августѣйшаго воспитанника. В. А. Жуковскій былъ наставникомъ Императора. И воспитатель и наставникъ „взаимно помогали другъ другу въ несеніи общихъ заботъ и преслѣдованіи общей цѣли—образованія ума и сердца порученнаго ихъ попеченіямъ царскаго сына. Внушая Цесаревичу благопріятнѣйшія мысли и чувства, они воспитывали въ немъ не только будущаго государя, но и человѣка, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова". Описавъ Крымскую войну и коронованіе Императора, авторъ подробно останавливается на освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и устройствѣ ихъ быта. „Чувство справедливости и любви къ человѣчеству, присущее Государю отъ рожденія и укрѣпленное разумнымъ, тщательнымъ воспитаніемъ, породило въ немъ желаніе и рѣшимость облегчить бытъ безправной и униженной части своихъ подданныхъ, вернуть имъ человѣческій образъ, дать имъ возможность жить по-человѣчески и трудиться для блага личнаго и государственнаго".

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній, введеніе земскихъ учрежденій и городскаго самоуправленія, преобразованіе судебной части, введеніе всесословной воинской повинности, эти главы книги, помимо историческаго интереса, даютъ юношеству понятіе о нашемъ государственномъ устройствѣ.

Редакторъ-Издатель **С. Сухонинъ.**

Польшу. Локотокъ настигъ ихъ въ окрестностяхъ Радзѣева подъ селомъ Пловцами, гдѣ пало на полѣ битвы свыше 4000 человѣкъ (1331 г.). Увидѣвъ нѣсколько десятковъ тевтонскихъ плѣнниковъ, Владиславъ крикнулъ: „убейте ихъ всѣхъ"! Однако, истощенный борьбою, онъ не могъ воспользоваться побѣдою и среди приготовленій къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ умеръ въ Краковѣ.

Молодой сынъ Владислава Локотка, *Казиміръ Великій* (1333—1370), во время вступленія на престолъ пользовался репутаціей развратника и труса. Проживая за границей, при дворѣ сестры своей, королевы венгерской, онъ пріобрѣлъ влеченіе къ иноземщинѣ и распущенной жизни. Человѣкъ увлекающійся и любившій кутежи, онъ питалъ отвращеніе къ войнѣ и опозорилъ себя бѣгствомъ съ поля битвы подъ Пловцами. Но съ теченіемъ времени онъ съумѣлъ преодолѣть свои слабости и воспользовался иноземными образцами въ своихъ и государственныхъ интересахъ.

Вмѣсто борьбы съ Іоанномъ Люксембургскимъ за права на польскій престолъ и за верховную власть надъ Силезіей и Мазовіей, а съ тевтонами за возвращеніе Поморья, онъ въ началѣ же своего царствованія обратился къ соглашеніямъ и уступкамъ. Послы Казиміра заключили на съѣздѣ въ Тренчинѣ (1335 г.) договоръ съ чешскимъ королемъ, по которому взамѣнъ за отреченіе отъ притязаній на польскую корону признали за нимъ верховныя права на Силезію и Мазовію и обязались еще уплатить 20.000 копъ пражскихъ грошей (копа = 60). Утрата Силезіи была чувствительною и невозвратною потерею для государственнаго единства. Не имѣя возможности возвратить этотъ удѣлъ, Казиміръ впослѣдствіи старался, по крайней мѣрѣ, сохранить связь его съ Польшею, оставляя за собою въ видѣ залога, важнѣйшіе города и укрѣпленія Силезіи и удерживая ее въ церковной зависимости отъ гнѣзненскаго архіепископа. Изъ утраченнаго по тренчинскому договору онъ впослѣдствіи возвратилъ только Мазовію. По смерти Іоанна Люксембургскаго Казиміръ заключилъ съ сыномъ и пріемникомъ его, Карломъ, новый договоръ, въ силу котораго взамѣнъ за вторичное отреченіе отъ правъ на Силезію получилъ отъ него въ ленъ Мазовію. Князь Земовитъ III принесъ Казиміру вассальную присягу за всю Мазовію (1351 г.), которая этимъ путемъ вошла въ тѣсную политическую связь съ Польшею.

Черезъ два мѣсяца послѣ тренчинскихъ переговоровъ Казиміръ рѣшилъ судьбу Поморья. На съѣздѣ въ Вышеградѣ при посредствѣ королей венгерскаго и чешскаго онъ заключилъ съ тевтонами договоръ, въ которымъ они обязались взамѣнъ за уступку имъ Поморья возвратить захваченныя ими во время войны, Куявію и добржинскую землю (вошедшую въ составъ Польши еще въ царствованіе Локотка по договору его съ Владиславомъ Земовитовичемъ). Польскіе паны не хотѣли подписать вышеградскій договоръ, требуя рѣшенія этого дѣла судебнымъ порядкомъ. Папа Бенедиктъ XII велѣлъ своему нунцію возбудить процессъ противъ тевтонскаго ордена за присвоеніе польскихъ земель и жестокости, совершенныя имъ во время нашествій въ царствованіе Владислава Локотка. Процессъ этотъ велся въ нейтральномъ тогда городѣ, Варшавѣ, куда было вызвано до 130 свидѣтелей. Эти свидѣтели подъ присягою подтвердили виновность тевтоновъ, вслѣдствіе чего судъ приговорилъ къ ихъ возвращенію Польшѣ Поморья, Куявіи и добржинской земли, а также къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. На этотъ приговоръ тевтоны подали апелляцію и удерживали спорныя земли до тѣхъ поръ, пока не былъ заключенъ въ Калишѣ вѣчный миръ (1343 г.). По калишскому договору, заключенному между королемъ и великимъ магистромъ ордена, Лудольфомъ Кёнигомъ, и утвержденному панами и мѣщанами, Польшѣ были возвращены Куявія и добржинская земля, Поморье же осталось за орденомъ.

Уступка тевтонамъ Поморья оправдывалась, съ одной стороны, трудностью борьбы съ орденомъ, пользовавшимся поддержкою западныхъ государей, а съ другой,—смутами на Руси, давшими Казиміру благопріятный случай для завоеваній на востокѣ.

Со смертью князя Андрея прекратилась княжившая въ Червонной Руси и на Волыни линія Рюриковичей, которая происходила отъ Романа, павшаго въ битвѣ подъ Завихостомъ. Русскіе призвали князя мазовецкаго, Болеслава Тройденовича, племянника Андрея: онъ перешелъ въ православіе и принялъ имя Георгія. По смерти Болеслава-Георгія (1340 г.) притязанія на Червонную Русь и Волынь предъявили: князь литовскій Любартъ Гедиминовичъ, состоявшій по женѣ въ свойствѣ съ Романовичами, и король Казиміръ, родственникъ умершаго Тройденовича. Казиміръ, несмотря на противодѣйствіе русскихъ бояръ, которыхъ

поддерживали татары, занялъ Червонную Русь, Любартъ же овладѣлъ Волынью. Впослѣдствіи Казиміръ началъ войну съ литовцами и добился заключенія договора (1366 г.), по которому западная часть Волыни была присоединена къ Польшѣ. Сверхъ того, онъ распространилъ свою верховную власть на Подолію, въ которой царствовали литовскіе князья, Коріатовичи.

Новые элементы, которые съ завоеваніемъ Червонной Руси и Волыни вошли въ составъ Польши, бывшей до тѣхъ поръ однородной въ этнографическомъ и цивилизаціонномъ отношеніяхъ, Казиміръ старался слить съ государственнымъ организмомъ при помощи латинской культуры. Онъ основалъ латинскія епископства въ Перемышлѣ, Владимірѣ и Холмѣ и архіепископство въ Галичѣ. Ордена: доминиканскій и францисканскій насаждали среди русскихъ католичество и западную цивилизацію. Однако Казиміръ былъ далекъ отъ преслѣдованія восточной церкви. Онъ сохранилъ епископства восточной церкви въ Перемышлѣ, Владимірѣ и Холмѣ, галичское же съ согласія цареградскаго патріарха возвелъ на степень митрополіи. Армянамъ онъ разрѣшилъ основать свое особое епископство во Львовѣ. Завоеванныя земли онъ сливалъ съ Польшею также при помощи колонизаціи. Онъ привлекалъ колонистовъ на Русь, предоставляя имъ нѣмецкое право, и они явились здѣсь распространителями западной цивилизаціи.

Неблестящіе въ общемъ результаты внѣшней политики Казиміра объясняются, кромѣ миролюбія короля, современнымъ состояніемъ государства, отсутствіемъ достаточныхъ силъ для борьбы съ западными державами. Казиміръ боялся стремленіями возвратить Силезію и Поморье навлечь на страну бѣдствія пораженія; онъ находилъ, что для возвращенія утраченнаго необходимо предварительно подготовить надлежащія средства. Именно укрѣпленіе силъ государства путемъ установленія въ немъ порядка и увеличенія матеріальнаго благосостоянія составляло главную задачу дѣятельности Казиміра. Въ своихъ стремленіяхъ въ этомъ направленіи онъ бралъ примѣръ со своего шурина, Карла Роберта, и въ особенности подражалъ другу своему, королю чешскому и императору германскому, Карлу IV.

Земское право, по которому управлялось туземное населеніе: шляхта, мѣщанство и крестьянство (свободные кметы и адскриптиціи), какъ неписанное, непостоянное и легко под-

дававшееся произвольнымъ толкованіямъ, приводило къ сутяжничеству и безнаказанности. Для устраненія этого зла Казиміръ задумалъ кодифицировать право. По его повелѣнію въ 1347 г. на съѣздѣ въ Вислицѣ свѣтскіе и духовные сановники, среди которыхъ находились: гнѣзненскій архіепископъ Ярославъ, епископъ краковскій Янъ Гротъ, познанскій Палука, представили ему сводъ дѣйствующаго права; отмѣнивъ въ немъ вредные обычаи и прибавивъ нѣкоторыя полезныя предписанія, Казиміръ объявилъ его обязательнымъ для всего государства (вислицкій статутъ). Въ томъ же году великопольскіе сановники представили ему сводъ правовыхъ обычаевъ своей провинціи, важнѣйшіе изъ которыхъ, соотвѣтствовавшіе мѣстнымъ отношеніямъ, тоже получили обязательную силу (великопольскій статутъ).

Казиміръ упорядочилъ также отношенія, возникшія на почвѣ нѣмецкаго права. Онъ отмѣнилъ существовавшій обычай апелляціи на рѣшенія мѣстныхъ городскихъ судовъ въ иностранные трибуналы, учредилъ въ Сандомірѣ, Краковѣ, Калишѣ и другихъ городахъ высшіе суды изъ войтовъ и лавниковъ, имѣвшіе постановлять окончательныя рѣшенія по судебнымъ дѣламъ, какія возникали среди населенія, управлявшагося по нѣмецкому праву. Когда, несмотря на это, апелляціи въ иностранные города и въ особенности въ Магдебургъ не прекращались, онъ учредилъ въ краковскомъ замкѣ верховный нѣмецкій провинціальный судъ, запретивъ апеллировать въ иностранные трибуналы подъ страхомъ конфискаціи имущества. Этимъ путемъ Казиміръ принудилъ колонистовъ къ подчиненію мѣстной верховной власти, ослабилъ связи ихъ съ прежнимъ отечествомъ и подготовилъ почву для ополяченія нѣмецкихъ мѣщанъ.

Король обратилъ также вниманіе и на правовое положеніе евреевъ. Калишскую привиллегію Болеслава Благочестиваго онъ расширилъ новыми вольностями и распространилъ на Малую Польшу и львовскихъ евреевъ.

Королевскую власть Казиміръ считалъ главнымъ регуляторомъ общественныхъ отношеній и, подражая современнымъ монархамъ запада, старался возвысить ее. Законность онъ считалъ основою общественнаго порядка, а строгое правосудіе—главною обязанностью правительственной власти. Онъ противодѣйствовалъ какъ освобожденію духовенства отъ подчиненія государственной власти, такъ и своеволію магнатовъ и шляхты. Для надзора за соблюденіемъ законовъ

онъ учредилъ въ различныхъ частяхъ страны должности генеральныхъ старостъ, пользовавшихся почти королевской властью; онъ сохранилъ также существовавшихъ со времень Вацлава „*оправцевъ*", должностныхъ лицъ, на обязанности которыхъ лежало преслѣдованіе и наказаніе уголовныхъ преступниковъ.

Обществу вначалѣ трудно было примириться съ правительственной системой Казиміра; нѣкоторые слои народа волновались. Непріязненно относился къ Казиміру краковскій воевода Янъ Гротъ, преемникъ же его, Бодзанта, раздраженный взиманіемъ казенныхъ сборовъ съ церковныхъ владѣній, предалъ его проклятію. Великопольская шляхта, привыкшая къ безчинствамъ и разбоямъ, преслѣдуемая теперь наказаніями, налагавшимися старостами, организовала мятежный вооруженный союзъ подъ предводительствомъ познанскаго воеводы, Мацька Борковича (1352 г.). Казиміръ сурово усмирилъ недовольныхъ. Священника Барычку, вручившаго ему декретъ о епископскомъ проклятіи, онъ въ порывѣ гнѣва велѣлъ утопить въ Вислѣ. Воеводу Борковича, разбойничавшаго съ толпами шляхты, онъ приказалъ заключить въ подземелье и уморить голодомъ. Онъ понималъ, что одной королевской властью, безъ участія самого общества невозможно установить въ государствѣ порядокъ, основанный на повиновеніи законамъ. Для воспитанія людей, которые понимали бы и поддерживали его стремленія, онъ основалъ въ Краковѣ академію (1364 г.), имѣвшую главной задачей разработку юридическихъ наукъ. По времени своего основанія это была вторая академія въ центральной Европѣ,—послѣ парижской, основанной императоромъ Карломъ IV (1347 г.).

Установленіемъ порядка и безопасности Казиміръ давалъ обществу возможность заниматься мирнымъ трудомъ и увеличивать свое благосостояніе. Но и помимо этого, онъ также непосредственно способствовалъ возрастанію богатства страны заботливымъ покровительствомъ ея экономической жизни.

Бѣлому и черному духовенству Казиміръ жаловалъ земельныя владѣнія и доходы, позволялъ переводить принадлежавшія ему поселенія съ польскаго права на нѣмецкое, строилъ на собственный счетъ церкви. Онъ основалъ немало городовъ и многіе изъ существовавшихъ уже возвысилъ пожалованіемъ имъ нѣмецкаго права. Заботясь о распространеніи ремеселъ и промысловъ, онъ строилъ

лавки, пивоварни, — для развитія торговли увеличивалъ число ярмарокъ и базаровъ, охранялъ купцовъ отъ нападеній разбойниковъ. Путемъ колонизаціи онъ основалъ много сельскихъ поселеній, предоставляя имъ нѣмецкое право, устраивалъ въ нихъ лѣсопильни и мельницы, защищалъ крестьянъ отъ притѣсненій со стороны высшихъ классовъ, Онъ старался также обезопасить страну на случай войны. выстроилъ много замковъ, окружалъ города стѣнами и башнями. Въ локаціонныхъ привиллегіяхъ [1]) для городовъ онъ вмѣнялъ поселенцамъ въ обязанность поставлять для военныхъ походовъ опредѣленное число людей въ соотвѣтствующемъ вооруженіи.

Сила, пріобрѣтенная государствомъ, благодаря организаціонной дѣятельности Казиміра, должна была служить для Польши гарантіей въ предвидѣвшемся столкновеніи ея съ западными государствами, въ особенности же съ тевтонскимъ орденомъ. Для дальнѣйшаго усиленія Польши Казиміръ рѣшилъ со своимъ совѣтомъ войти въ тѣсный союзъ съ Венгріей, осуществленіе котораго облегчалось отсутствіемъ у короля потомства мужескаго пола. Отъ Альдоны Гедиминовны († 1339 года) у Казиміра была дочь Елизавета, выданная замужъ за князя поморскаго, Богуслава. Къ второй своей женѣ. Аделаидѣ, дочери ландграфа гессенскаго, онъ почувствовалъ отвращеніе и держалъ ее въ заключеніи въ жарновецкомъ замкѣ. Не разведшись еще съ Аделаидой, онъ женился въ третій разъ на Ядвигѣ, княжнѣ жеганской, отъ которой у него было двѣ дочери. Не имѣя сына, онъ рѣшилъ передать престолъ племяннику своему, Людвику, сыну Карла-Роберта, разсчитывая этимъ упрочить венгерско-польскій союзъ, достаточно сильный для защиты государства отъ внѣшнихъ опасностей. Вскорѣ послѣ смерти своей первой жены онъ заключилъ соглашеніе, которымъ Людвикъ по желанію малопольскихъ пановъ обязался возвратить Польшѣ Поморье, соблюдать польскія права и привиллегіи, не вводить новыхъ налоговъ и назначать на правительственныя должности исключительно туземцевъ. Впослѣдствіи, на съѣздѣ въ Будѣ, право Людвика на польскую корону было распространено на брата его, Стефана, и племянника Іоанна, подъ условіемъ отмѣны „стацій“ [2]) и вознагражденія земле-

---

[1]) См. стр. 34.

[2]) См. стр. 16.

владѣльцевъ за убытки, какіе имъ придется нести въ военное время [1]).

Король *Людвикъ (1370—1382)* послѣ коронаціонныхъ торжествъ въ Краковѣ и посѣщенія Гнѣзна уѣхалъ въ Венгрію, поручивъ правленіе Польшей матери своей, Елизаветы Локотковнѣ (дочь Владислава Локотка, сестра Казиміра Великаго). Самовольнымъ образомъ своихъ дѣйствій онъ вызвалъ раздраженіе въ народѣ и довелъ его даже до вооруженнаго возстанія; изъ династическихъ разсчетовъ онъ далъ внутреннимъ дѣламъ государства такое направленіе, которое не имѣло ничего общаго съ организаціонной дѣятельностью Казиміра Великаго.

Людвикъ не исполнилъ завѣщанія дяди, который оставилъ своему внуку, Казиміру князю щетинскому, Куявію съ землями сѣрадской и лэнчицкой, побочнымъ сыновьямъ своимъ земельныя владѣнія, а женѣ и двумъ дочерямъ движимое имущество въ видѣ драгоцѣнностей. Нарушая послѣднюю волю покойнаго, Людвикъ далъ Казиміру щетинскому въ ленъ только добржинскую землю, остальную же часть завѣщанія отмѣнилъ. Дочерей Казиміра Великаго онъ объявилъ незаконнорожденными, увезъ въ Венгрію и, наконецъ, избавился отъ нихъ, выдавъ Ядвигу за второстепеннаго венгерскаго дворянина, а Анну за извѣстнаго своей жестокостью и распущенностью графа Цилійскаго. Обижая ближайшихъ родственниковъ покойнаго короля, онъ своихъ родныхъ надѣлялъ земельными владѣніями, нарушая ради этого государственное единство. Племяннику своему, Владиславу князю опольскому (сыну Елизаветы, дочери Кунегунды Локотковны и Бернарда Свидницкаго), онъ отдалъ въ ленъ сперва велюнскую землю, а впослѣдствіи Червонную Русь (1372 г.).

Своимъ династическимъ интересамъ Людвикъ жертвовалъ будущностью государства, которую могли обезпечить лишь сильное правительство и богатая казна. Когда перемерли мужскіе члены анжуйской династіи, за которыми по

---

[1]) **Потомство Казиміра Великаго:**

Казиміръ Великій.

- Елизавета (отъ Альдоны Гедиминовны), за Богуславомъ, княземъ щетинскимъ.
  - Казиміръ († 1378 г.) кн. щетинскій.
  - Елизавета—за императоромъ Карломъ IV.
- Анна (отъ Ядвиги, княжны жеганской), за Вильгельмомъ, графомъ Цилійскимъ.
  - Анна, за Владиславомъ-Ягеллою (вторая жена).

соглашенію въ Будѣ было признано право на польскій престолъ, онъ сталъ стремиться къ тому, чтобы наслѣдницей его была признана одна изъ трехъ его дочерей. Въ этомъ усердно содѣйствовала ему мать, плѣнявшая малопольскихъ пановъ ласковостью и вниманіемъ. Для достиженія своей цѣли Людвикъ, по совѣту пановъ, велѣлъ взимать земельный налогъ въ 12 грошей съ лана, такъ называемое „посошное“ (paradlne), давно уже пришедшее въ забвеніе. Когда извѣстіе объ этомъ вызвало въ странѣ возмущеніе, король сообщилъ черезъ своихъ приближенныхъ, что онъ готовъ отказаться отъ этого налога, если только право наслѣдованія польскаго престола будетъ распространено на женскую линію его семьи. На съѣздѣ въ Кошицахъ (1373 г.) духовные и свѣтскіе паны, главнымъ образомъ малопольскіе, признали право на польскій престолъ за двумя старшими дочерями его: Екатериной и Маріей, взамѣнъ за что посошное было уменьшено съ двѣнадцати до двухъ грошей. Вскорѣ однако смерть Екатерины заставила Людвика позаботиться о признаніи права на польскій престолъ и младшей дочери его, Ядвиги. На второмъ съѣздѣ въ Кошицахъ паны, въ особенности же великопольскіе, ставили королю непреодолимыя затрудненія. Чтобы добиться своего, Людвикъ велѣлъ запереть городскія ворота и послѣ долгихъ переговоровъ достигъ заключенія кошицкаго договора (pakt) 17 сентября 1374 г. Взамѣнъ за признаніе правъ престолонаслѣдія за всѣми дочерями, онъ гарантировалъ территоріальную неприкосновенность государства и обязался возвратить утраченныя Польшею провинціи, далъ обязательство на высшія государственныя должности, правительственныя мѣста и въ управители городовъ назначать исключительно поляковъ некняжескаго рода, освободилъ пановъ и шляхту отъ всѣхъ повинностей, налагавшихся польскимъ правомъ, „стацій“, ремонта замковъ и т. п. Изъ повинностей онъ выговорилъ лишь налогъ въ два гроша съ лана въ княжескую казну и безвозмездную военную службу въ предѣлахъ страны. Онъ обязался вознаграждать шляхту за убытки, какіе она потерпитъ во время войны за предѣлами государства, выкупать плѣнныхъ, давать раненымъ средства на лѣченіе и т. п.

Своеволіе Людвика возмущало великополянъ; не удовлетворяли ихъ и уступки кошицкаго договора: они подумывали о возстановленіи династіи Пястовъ. Сверхъ того, ихъ оскорбляло пренебреженіе, съ какимъ Людвикъ и Елизавета

относились къ ихъ провинціи: они считали обидой для себя, что Людвикъ короновался не въ Гнѣзнѣ, а въ Краковѣ, и высшія государственныя должности въ Великой Польшѣ раздавалъ малополянамъ. Недовольство великополянъ дошло до вооруженнаго возстанія, во главѣ котораго стоялъ Владиславъ Бѣлый, князь гнѣвковскій.

Внукъ Земомысла, князя иновроцлавскаго, роднаго брата Локотка, Владиславъ, унаслѣдовалъ по смерти своего отца, Казиміра, Гнѣвковъ, по смерти же дядей своихъ: Пржемыслава и Лёшка, получилъ Бидгощъ и Иновроцлавъ. Эксцентричный и расточительный, онъ разорился жизнью не по средствамъ, вслѣдствіе чего продалъ по смерти жены свои владѣнія Казиміру Великому и отправился съ нѣсколькими товарищами въ Палестину. По возвращеніи изъ этого паломничества онъ гостилъ при дворѣ императора Карла IV и у тевтоновъ, принималъ участіе въ рыцарскихъ турнирахъ и походахъ на Литву, наконецъ, отправился въ Авиньонъ и поступилъ въ бенедиктинскіе монахи въ Дижонѣ. Получивъ извѣстіе о смерти Казиміра Великаго, онъ прибылъ въ Венгрію, гдѣ при помощи племянницы своей, Елизаветы, жены короля Людвика (дочери Елизаветы и Стефана, князя боснійскаго), добивался возвращенія себѣ гнѣвковскаго княжества. Неосвобожденный, несмотря на свои старанія, отъ монашескаго обѣта, онъ изъ Буды отправился въ Польшу и при помощи великопольскихъ пановъ занялъ Иновроцлавъ, Гнѣвковъ, Злоторыю и другіе куявскіе города. Великопольскій воевода, Сэндзивой изъ Шубина, выгналъ его изъ страны, но не выбилъ изъ его головы притязаній на проданныя имъ земли и польскую корону. Вскорѣ послѣ заключенія кошицкаго договора Владиславъ при помощи недовольныхъ великопольскихъ пановъ снова началъ войну, во время которой при осадѣ Злоторыи палъ Казиміръ, князь добржинскій. Наконецъ, онъ отказался отъ своихъ притязаній за предложенное ему вознагражденіе въ 10.000 червонцевъ и бенедиктинское аббатство въ Венгріи. Но и послѣ удовлетворенія Владислава Бѣлаго проявленія недовольства не прекращались. Краковскій народъ перебилъ венгровъ, составлявшихъ свиту Елизаветы и позволявшихъ себѣ различныя злоупотребленія; великополяне по-прежнему были недовольны правленіемъ Людвика, въ особенности же тѣмъ, что онъ, вопреки кошицкому договору, не прекращалъ своихъ посяга-

тельствъ на территоріальную неприкосновенность государства, отдѣляя отъ него Червонную Русь.

Владиславъ опольскій правилъ Русью въ духѣ Казиміра Великаго,—распространялъ въ ней католичество, увеличивалъ ея благосостояніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ задумалъ превратить ее въ свое потомственное владѣніе. Король Людвикъ съ своей стороны стремился включить эту провинцію въ составъ Венгріи. Ссылаясь на непродолжительное княженіе въ Червонной Руси членовъ династіи Арпадовъ: Андрея во время Казиміра Справедливаго, и Коломана во время Лёшка Бѣлаго,—венгерскіе короли не оставляли своихъ притязаній на нее и титуловали себя государями Галича и Владиміра (reges Galiciae et Laodimiriae). Людвикъ, воспользовавшись затрудненіями Казиміра Великаго во время войнъ съ литовцами, склонилъ его къ составленію акта (1350 г.), въ силу котораго Червонная Русь въ случаѣ бездѣтности польскаго короля по смерти его имѣла быть присоединена къ Венгріи. На этомъ основаніи Людвикъ включилъ Червонную Русь въ составъ венгерскаго королевства (1378 г.), Владиславу же опольскому далъ въ ленное владѣніе добржинскую землю съ Гнѣвковомъ и Иновраплавомъ, а также назначилъ его своимъ намѣстникомъ послѣ того, какъ мать короля, испуганная краковской рѣзней, уѣхала изъ страны. Великополяне запротестовали противъ этихъ распоряженій, ссылаясь на кошицкій договоръ, гарантировавшій территоріальную неприкосновенность государства и запрещавшій назначать лицъ княжескаго рода на высшія государственныя должности и давать имъ города. Они хотя и не принудили Людвика къ возвращенію Червонной Руси, но добились того, что Владиславъ опольскій былъ удаленъ съ намѣстничества. Тогда Людвикъ назначилъ трехъ правителей (тріумвиратъ): краковскаго каштеляна, Добеслава, сына его, епископа краковскаго Завишу изъ Курозвэнковъ и бывшаго великопольскаго старосту, калишскаго воеводу, Сэндзивоя изъ Шубина. Великополяне, недовольные тріумвиратомъ, въ которомъ было два малополянина, не прекратили своей оппозиціи и вошли въ сношенія съ мазовецкими Пястами. Когда вслѣдствіе смерти епископа Завиши тріумвиратъ распался, князь плоцкій, Земовитъ IV, вторгся въ Великую Польшу. Людвикъ послалъ противъ него зятя своего, мужа Маріи, Сигизмунда Люксембургскаго, предназначеннаго

имъ въ польскіе короли. Сигизмундъ занялъ Краковъ и готовился къ войнѣ съ Земовитомъ и недовольными малополянами, какъ вдругъ пришло извѣстіе о смерти Людвика.

Правленіе Людвика, въ общемъ, вредно отразившееся на Польшѣ, имѣло огромное значеніе. Людвикъ лишилъ Польшу пріобрѣтеній Казиміра Великаго, посадилъ въ ней Владислава опольскаго, который, обманувшись въ своихъ надеждахъ играть въ ней большую роль, впослѣдствіи соединился съ врагами страны; покровительствуя малопольскимъ панамъ въ ущербъ великопольскимъ, онъ усилилъ въ народѣ провинціальный сепаратизмъ вмѣсто того, чтобы смягчать и ослаблять его. Кромѣ этихъ результатовъ, впослѣдствіи уничтоженныхъ временемъ, правленіе Людовика оставило послѣ себя еще одинъ прочный результатъ, получившій рѣшающее значеніе въ дальнѣйшихъ судьбахъ Польши:—кошицкій договоръ.

Привиллегіи, какія шляхта получала отъ князей и королей въ прежнія времена, не охватывали всего ея сословія, а распространялись лишь на отдѣльныхъ лицъ, отдѣльные роды, земли или удѣлы. Онѣ обыкновенно освобождали опредѣленныхъ лицъ, опредѣленные роды, населеніе опредѣленной территоріи отъ извѣстныхъ общественныхъ тяготъ, предоставляли имъ извѣстные доходы или власть надъ крестьянствомъ. Кошицкій договоръ былъ первой всеобщей привиллегіей, охватывавшей всѣхъ пановъ и шляхту, пріобрѣтшей рѣшающее значеніе не въ области экономическихъ интересовъ, а въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ вывелъ шляхту изъ тѣснаго круга сельскохозяйственныхъ занятій на поприще общественной жизни, открылъ ей путь къ власти. Одинъ уже фактъ призванія шляхты для рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи давалъ ей благопріятный случай для извлеченія вмѣстѣ съ панами выгодъ изъ торга за корону. Соглашенія относительно престола, въ которыхъ шляхта съ этого времени будетъ принимать непремѣнное участіе, станутъ важнѣйшимъ источникомъ ея вольностей и значенія въ будущемъ. Освобожденіе ея отъ обязанностей, налагавшихся польскимъ правомъ, приведетъ къ обѣднѣнію казны и поставитъ короля въ зависимость отъ шляхты. Въ случаяхъ денежныхъ затрудненій король, не имѣя права установлять налоги, вынужденъ будетъ просить у шляхты добровольныхъ вспомоществованій. Для этой

цѣли онъ будетъ созывать съѣзды, на которыхъ шляхта, съ одной стороны, пріучится къ обсужденію общественныхъ дѣлъ, пріобрѣтетъ любовь къ парламентаризму, а съ другой, снова найдетъ благопріятный случай, чтобы выторговывать себѣ у короля дальнѣйшія привиллегіи. Вслѣдствіе обѣднѣнія государственной казны короли вынуждены будутъ пользоваться безплатной военной службой шляхты, которая въ лагеряхъ во время походовъ получитъ возможность выступать единодушными большими массами, вырабатывать политическія программы и поддерживать ихъ угрозою отказать монарху въ повиновеніи. Рыцарская служба въ видѣ такъ называемаго „посполитаго рушенья", — всеобщаго ополченія, — давала шляхтѣ возможность организоваться во внушительную силу, благодаря которой она, сверхъ участія въ избраніи королей и рѣшенія вопросовъ о налогахъ, съ теченіемъ времени подорветъ королевскую власть, ослабитъ магнатовъ и станетъ правящимъ классомъ. Своими практическими послѣдствіями кошицкая привиллегія создастъ шляхетское правленіе въ Польшѣ.

Два года междуцарствія (1382—1384) по смерти Людвика были поглощены внутренней борьбой за занятіе престола. Между тѣмъ, какъ малопольскіе паны готовы были признать королемъ Сигизмунда Люксембургскаго, великопольская шляхта распалась на лагери: Гржималитовъ, во главѣ которыхъ стоялъ генеральный староста Домаратъ изъ Пержхна, и Налэнчей, которыми предводительствовалъ Бартошъ изъ Одолянова. Гржималиты поддерживали Сигизмунда, Налэнчи же были сторонниками Земовита мазовецкаго. На съѣздѣ великопольскихъ сановниковъ въ Радомскѣ, гдѣ не присутствовали ни преданный Сигизмунду гнѣзненскій архіепископъ Бодзанта, ни Домаратъ изъ Пержхна, рѣшено было признать королевой ту изъ дочерей Людвика, которая будетъ постоянно жить въ Польшѣ. Это постановленіе было направлено противъ Сигизмунда, жена котораго, призванная на венгерскій престолъ, постоянно жить въ Польшѣ не могла. Радомское постановленіе, подъ вліяніемъ извѣстія о призваніи Маріи на венгерскій престолъ, приняли на съѣздѣ въ Вислицѣ и малопольскіе паны. Такимъ образомъ, кандидатура Сигизмунда Люксембургскаго была устранена въ пользу младшей дочери Людвика, Ядвиги, обрученной съ Вильгельмомъ, герцогомъ австрійскимъ. Впрочемъ, и сама королева-вдова, Елизавета боснійская, предназначила на

польскій престолъ Ядвигу, о чемъ и сообщила малопольскимъ и великопольскимъ панамъ въ Сѣрадзѣ. Въ возведеніи на престолъ незамужней еще королевы обѣ партіи видѣли благопріятный случай для осуществленія своихъ политическихъ плановъ. Наленчи думали выдать ее за Земовита и этимъ путемъ возвратить власть династіи Пястовъ; малополяне же хотѣли, чтобы мужемъ Ядвиги сталъ великій князь литовскій, Ягелло. Земовитъ по соглашенію съ архіепископомъ Бодзантою, который, оставивъ Сигизмунда, сталъ теперь сторонникомъ Пястовъ, намѣревался похитить Ядвигу и насильственно повѣнчаться съ нею; когда эти планы потерпѣли неудачу, онъ вторгся въ Великую Польшу, захватывалъ города и замки, грабилъ и выжигалъ владѣнія Гржималитовъ. Земовиту противодѣйствовалъ Домаратъ изъ Пержхна; противъ него шли также венгерскія войска, вызванныя малопольскими панами. Междуусобную войну затягивало промедленіе въ пріѣздѣ Ядвиги, которая послѣ многихъ настояній пановъ прибыла въ Краковъ лишь въ октябрѣ 1384 г.

Тринадцатилѣтняя *Ядвига* (1384—1386), торжественно коронованная въ краковскомъ каѳедральномъ соборѣ, была слишкомъ молода для того, чтобы она могла быть способной къ самостоятельной политикѣ. Правили окружавшіе королеву малопольскіе магнаты, намѣревавшіеся воспользоваться ею, какъ орудіемъ для осуществленія своего плана,—соединенія съ Польшею русско-литовскаго государства. Обманувшись въ своихъ надеждахъ на польско-венгерскій союзъ, они рѣшили войти въ близкія отношенія съ государствомъ, съ которымъ Польшу соединяла общая опасность со стороны тевтонскаго ордена. Прекрасное средство для осуществленія этого плана представлялось въ бракѣ Ядвиги съ великимъ княземъ литовскимъ, Ягеллою, который въ виду тѣхъ политическихъ условій, въ какихъ находилась Литва, согласился на предложенія малопольскихъ пановъ и былъ готовъ съ своей стороны сдѣлать всѣ возможныя облегченія.

Жившіе съ незапамятныхъ временъ у береговъ Балтійскаго моря, между Вислою и Западною Двиною, Нѣманомъ и Виліей, пруссы, литва, ятвяги, жмудь, куры, семигалы и латыши были арійскаго происхожденія и, подобно окружавшимъ ихъ славянамъ, исповѣдывали язычество. Они поклонялись богу грома и молніи (Perkunas), воды (Atrimpos), ада (Poklus), войны (Kawas), любви (Milda) и т. д.

У нихъ была жреческая іерархія (священники — кревы, жрецы—вейделоты), во главѣ которой стоялъ первосвященникъ, называвшійся креве-кревейто. Въ XIII столѣтіи латышей, куровъ и семигаловъ покорилъ нѣмецкій рыцарскій орденъ меченосцевъ, который образовалъ изъ ихъ земель государство, называвшееся Ливоніей; въ то же время пруссовъ покорили тевтоны. Остальныя литовскія племена объединились подъ властью князей, которые не только давали отпоръ нѣмцамъ, но и, пользуясь раздорами между Рюриковичами, начали завоевывать русскія земли. Сынъ Рингольда, Миндовгъ (1240—1256) владѣлъ уже, кромѣ Литвы, частью Бѣлой Руси и Черной Русью (земля кривичей). Чтобы обезопасить себя со стороны нѣмцевъ, онъ вошелъ въ сношенія съ Римомъ и принялъ католичество; возведенный папою Иннокентіемъ IV въ достоинство короля литовскаго, онъ короновался въ Новогрудкѣ (1252 г.). Когда, несмотря на это, нѣмецкіе ордена не прекратили своихъ нашествій на Литву, Миндовгъ снова вернулся къ язычеству и сталъ грозой сосѣднихъ христіанскихъ народцевъ. Мѣсто Миндовга занялъ сперва его племянникъ, Тройнатъ, а затѣмъ, сынъ его, Войселкъ (Войшелкъ), исповѣдывавшій христіанство по восточному обряду. Послѣ Войселка, поступившаго въ монахи, въ Литвѣ княжилъ шуринъ его, внукъ Романа галичскаго, Шварно, а затѣмъ,—Тройденъ и Витенесъ. Творцомъ могущества Литвы былъ основатель литовской столицы въ Вильнѣ, братъ Витинеса, Гедиминъ (1315—1341). Онъ завоевалъ у Рюриковичей Подлясье, Полѣсье и сѣверную Волынь, овладѣлъ Кіевомъ и Переяславлемъ, сдѣлалъ своею данницею богатую псковскую республику. Онъ былъ расположенъ къ католичеству, покровительствовалъ францисканцамъ и доминиканцамъ, выстроилъ католическія церкви въ Вильнѣ и Новогрудкѣ. Намѣреваясь принять католичество, онъ вошелъ въ сношенія съ папою Іоанномъ XXII. Тевтоны, понимая, что, съ крещеніемъ Литвы, ихъ орденъ утратитъ смыслъ своего существованія, путемъ интригъ разстроили намѣренія князя, хотя и не могли помѣшать ему войти въ близкія отношенія съ западомъ,—именно, породниться съ польской королевской династіей посредствомъ брака дочери Гедимина съ сыномъ Владислава Локотка. По смерти Гедимина, павшаго въ битвѣ съ тевтонами подъ Велленой, сыновья его: Монвидъ, Наримундъ, Ольгердъ, Кейстутъ, Любартъ, Коріатъ и Явнута за-

няли различные удѣлы литовско-русскаго государства. На младшаго изъ нихъ, Явнуту, которому отецъ назначилъ въ удѣлъ Вильно съ верховною властью надъ братьями, пошли войною Кейстутъ и Ольгердъ. Война эта кончилась низложеніемъ Явнуты и вступленіемъ на великокняжескій престолъ Ольгерда (1344—1377), который завоевалъ Волынь, Подолію и Восточную Русь (Смоленскъ, Брянскъ, Новгородъ Сѣверскій). Однако, въ войнѣ съ Казиміромъ Великимъ, Литва утратила западную часть Волыни и верховную власть надъ Подоліей.

Путемъ завоеваній литовскіе князья основали государство, состоявшее, главнымъ образомъ, изъ русскихъ земель, населеніе которыхъ исповѣдывало греческую религію. Епископства восточной церкви: полоцкое, смоленское, туровское, луцкое и т. д. были подчинены кіевскимъ митрополитамъ, которые съ 1308 г. жили въ Москвѣ. Основою общественнаго строя въ литовско-русскомъ государствѣ было рабство. Великій князь былъ обладателемъ, владѣльцемъ государства и пользовался неограниченною властью. Подъ его владычествомъ находились удѣльные князья, которымъ онъ вполнѣ или отчасти передавалъ свою власть въ ихъ удѣлахъ. Бояры получали отъ князя землю на правахъ леннаго владѣнія подъ условіемъ несенія военной повинности и платежа налоговъ; они не имѣли права отчуждать свои владѣнія, не могли безъ разрѣшенія верховной власти жениться, выдавать дочерей замужъ и т. п. Болѣе состоятельные бояры, въ свою очередь, раздавали на различныхъ условіяхъ земли въ пользованіе менѣе зажиточному рыцарству. Низшій слой составляло служебное и земледѣльческое населеніе, находившееся въ рабствѣ. Русскій народъ былъ въ литовскомъ государствѣ высшимъ цивилизаціоннымъ элементомъ; его языкъ усвоили дворъ и болѣе образованные классы. Литовцы подчинились вліянію покореннаго народа, принимая его религію и обычаи. Однако русская культура боролась въ языческой Литвѣ съ культурой латинской, распространявшейся тевтонскимъ орденомъ и Польшею. Великіе князья литовскіе тяготѣли къ западной культурѣ еще со временъ Гедимина, однако въ близкія связи съ нею вошли лишь при внукѣ его, Ягеллѣ.

Отъ двухъ женъ Ольгердъ оставилъ двѣнадцать сыновей, старшій изъ которыхъ отъ втораго брака, Ягелло, всту-

пилъ на отцовскій престолъ [1]). Воспитанный своею матерью, русской по происхожденію, тверской княжной Іуліаніей, Ягелло чувствовалъ влеченіе къ христіанской цивилизаціи, между тѣмъ какъ дядя его, Кейстутъ, оставался вѣрнымъ старому язычеству. Между этими представителями двухъ враждебныхъ направленій вспыхнула борьба, искусно раздуваемая тевтонами, желавшими истощенія и паденія Литвы. При помощи тевтоновъ Ягелло одержалъ побѣду, Кейстутъ, схваченный въ Кревѣ, былъ убитъ, а жена его, Бирута, утоплена. Вскорѣ тевтоны, желая вызвать въ Литвѣ новую междуусобную войну, взяли подъ свое покровительство сына Кейстута, Витовта, крестили его и отправили со своими отрядами противъ Ягеллы. Послѣ этого неудавшагося похода Витовтъ, понявъ, что тевтоны пользуются имъ, лишь какъ орудіемъ для сокрушенія Литвы, помирился съ Ягеллою. Это случилось тогда, когда у малопольскихъ пановъ созрѣла мысль о соединеніи Литвы съ Польшею посредствомъ брака великаго князя съ Ядвигою. Въ началѣ 1385 года Ягелло черезъ своихъ пословъ попросилъ руки королевы, обѣщая крестить своихъ подданныхъ и уплатить сумму, выговоренную себѣ Леопольдомъ австрійскимъ на тотъ случай, еслибы бракъ Ядвиги съ сыномъ его, Вильгельмомъ, не состоялся. По полученіи благопріятнаго отвѣта отъ матери-королевы, Ягелло вручилъ въ Кревѣ польскому посольству, отправившемуся въ Литву, актъ, торжественно подтверждавшій обѣщанія, данныя имъ раньше чрезъ своихъ уполномоченныхъ. Несмотря на отчаяніе Ядвиги и настойчивость Вильгельма, прибывшаго въ Краковъ, чтобы вступить въ свои права, малопольскіе паны не оставили своего плана. На королеву дѣйствовали просьбами и увѣщаніями, Вильгельма же не пускали въ замокъ. 12-го января изложены были въ Волковискѣ условія, на которыхъ Ягелло имѣлъ получить польскій престолъ. Въ половинѣ февраля въ краковскомъ соборѣ состоялось крещеніе

[1]) Гедиминовичи.

Гедиминъ (1315—1341).

Ольгердъ: Ягелло (Ягеллоны). Скиргелло. Димитрій Корибутъ (Сигизмундъ Корибутъ). Свидригелло.

Кейстутъ: Витовтъ. Сигизмундъ.

Любартъ.

Коріатъ: Коріатовичи.

Явнута.

Альдона за Казиміромъ Великимъ.

великаго князя; черезъ нѣсколько дней Ягелло, принявшій имя Владислава, сочетался бракомъ съ Ядвигою и одновременно съ этимъ далъ привиллегію (ново-корчинскую), расширявшую привиллегіи кошицкаго договора. Она предоставляла право на полученіе государственныхъ должностей и замковъ исключительно туземной шляхтѣ, гарантировала вознагражденіе за военную службу за предѣлами государства и упраздненіе королевскихъ судей по уголовнымъ дѣламъ („оправцевъ"). Впослѣдствіи статья о замкахъ парализуетъ стремленія королей къ абсолютизму, а вознагражденіе за военную службу не позволитъ имъ начинать предпріятія, несогласныя съ духомъ шляхетскихъ интересовъ.

На основаніи письменныхъ обязательствъ Ягеллы обширныя земли собственной Литвы, Бѣлой и Черной Руси, Полѣсья, Украины, большей части Подлясья и Волыни имѣли быть включены въ составъ польскаго государства. Ягелло также обязался со своими братьями, родными, боярами и всѣми подданными принять католическую религію. Столь разнородные элементы, какъ литовско-языческій и русско-греческій, западная культура имѣла соединить съ польско-латинскимъ и слить въ одно цѣлое. Кромѣ чисто политическихъ видовъ, какъ сокрушеніе могущества тевтоновъ, съ дѣломъ польско-литовской уніи у Ягеллы и малопольскихъ пановъ соединялась мысль о поднятіи литовско-русскаго народа на высоту западной цивилизаціи.

Исполняя свои обязательства, ***Владиславъ II Ягелло (1386—1434)*** отправился въ Литву для обращенія подданныхъ. Всѣхъ знатныхъ литовцевъ, даже тѣхъ, которые уже исповѣдывали христіанство по восточному обряду, онъ принуждалъ къ принятію католичества, и двухъ упорствовавшихъ бояръ предалъ смертной казни. Онъ запрещалъ литовцамъ обоихъ половъ вступать въ браки съ русскими греческой религіи, семействамъ же, члены которыхъ принадлежали къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, велѣлъ держаться латинскаго обряда. Боярамъ, принимавшимъ католицизмъ, онъ предоставлялъ право свободнаго распоряженія ихъ землями, а также выдачи дочерей и родственницъ по собственному усмотрѣнію, освобождалъ ихъ отъ повинностей, кромѣ сооруженія замковъ и военной службы. Для утвержденія въ Литвѣ католичества онъ основалъ семь приходовъ и виленское епископство. Крещеніе въ католичество русскихъ греческаго исповѣданія, за исклю-

ченіемъ состоявшихъ въ смѣшанныхъ бракахъ, онъ предоставилъ времени и церковной пропагандѣ. Благодаря его стараніямъ, на Клепаржеѣ въ Краковѣ водворился орденъ бенедиктинцевъ, которые употребляли въ религіозныхъ обрядахъ славянскій языкъ и имѣли задачею насажденіе на Руси уніи съ римской церковью.

Закончивъ обращеніе Литвы и назначивъ намѣстникомъ ся брата своего, Скиргеллу, Ягелло отправился въ Червонную Русь, которую въ это время Ядвига съ малопольскими панами отвоевывала у венгровъ. Львовскіе мѣщане добровольно подчинились королевѣ; съ теченіемъ времени подчинился ей и сопротивлявшійся сперва галичскій староста, Бенедиктъ. Во время пребыванія Ягеллы во Львовѣ, изъяснилъ королевской четѣ покорность молдавскій господарь, Петръ, искавшій покровительства польско-литовскаго государства, чтобы обезопасить себя отъ венгровъ. Поступленіе господаря въ вассальную зависимость отъ Польши открывало передъ нею обширныя земли до Чернаго моря и нижняго Дуная. Властелину великаго польско-литовскаго государства били челомъ русскіе князья, покорялись соперники, которыхъ Ягелло, сверхъ того, привлекалъ къ себѣ милостями. За Владиславомъ опольскимъ онъ оставилъ данныя ему Людвикомъ владѣнія, а дочь его выдалъ за своего брата, Александра-Вигунда. Земовита мозовецкаго онъ женилъ на сестрѣ своей, Александрѣ, и далъ ему белзскую землю. Главу великопольскихъ Налэнчей, Бартоша изъ Одолянова, онъ возвелъ въ санъ познанскаго воеводы. Малопольскихъ пановъ, создателей польско-литовской уніи, онъ щедро вознаградилъ, пожаловавъ имъ обширныя земли на Руси. Въ ихъ владѣнія въ Червонной Руси, Волыни и Подоліи начали стекаться польскіе колонисты и, основывая здѣсь села и города, способствовали развитію земледѣлія и промышленности въ этихъ странахъ. Колонизація стала однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ распространенія латинской цивилизаціи въ русскихъ земляхъ. Но объединеніе Литвы съ Польшею, производя огромный переворотъ въ политической жизни, должно было вызвать протестъ со стороны тѣхъ элементовъ, которые видѣли въ немъ свою гибель или нарушеніе своихъ интересовъ. Въ первомъ ряду враговъ уніи стоялъ тевтонскій орденъ, утрачивавшій при ней смыслъ своего существованія и надежду на завоеваніе Литвы и удержаніе подъ своею властью

отнятыхъ у Польши земель. За орденомъ слѣдовалъ король венгерскій, Сигизмундъ Люксембургскій, задѣтый неудачею своихъ стремленій занять польскій престолъ и утратою Червонной Руси. Не было, наконецъ, недостатка въ недовольныхъ и среди литовско-русскихъ князей.

Тевтоны первоначально хотѣли добиться въ Римѣ признанія брака Ягеллы недѣйствительнымъ, доказывая, что онъ, въ виду обрученія Ядвиги съ Вильгельмомъ, незаконенъ и заключенъ съ нарушеніемъ предписаній церкви. Когда коммиссія, назначенная по повелѣнію папы, признала этотъ бракъ дѣйствительнымъ, тевтоны вошли въ сношенія съ самолюбивымъ двоюроднымъ братомъ Ягеллы, Витовтомъ Кейстутовичемъ. Витовтъ втайнѣ ненавидѣлъ Ягеллу за умерщвленіе своего отца и жалѣлъ, что намѣстникомъ Литвы назначенъ былъ Скиргелло; сверхъ того, ему не чужда была мысль самому завладѣть литовско-русскимъ государствомъ. Тевтоны, которымъ было бы на руку обособленіе Литвы, готовы были поддержать Витовта, если бы онъ далъ имъ гарантію, что не измѣнитъ впослѣдствіи своихъ намѣреній. Витовтъ, давъ тевтонамъ въ залогъ свою жену, Анну, брата, Сигизмунда, сестру, Рингаллу, и сто литовскихъ бояръ, получилъ отъ нихъ обѣщаніе вооруженной помощи. Сверхъ того, онъ вошелъ въ союзъ съ великимъ княземъ московскимъ, Димитріемъ, выдавъ за сына его, Василія, свою дочь, Софію. Литвѣ грозила тѣмъ большая опасность, что съ тевтонами соединились жмудины изъ опасенія, какъ бы Ягелло не сталъ принуждать ихъ къ принятію католичества. Возникшая вскорѣ война сдѣлала Литву театромъ пожаровъ и кровопролитій. Чтобы положить ей конецъ, Ягелло удалилъ съ намѣстничества Скиргеллу и отдалъ верховную княжескую власть въ Литвѣ съ обширными земельными владѣніями Витовту, который съ своей стороны далъ торжественное обѣщаніе сохранять вѣрность королевской четѣ и дружественныя отношенія къ польской Коронѣ [1]). Столь же счастливо избавился Ягелло и отъ посягательствъ венгерскаго короля. Сигизмундъ Люксембургскій, считая себя на-

[1]) Унія польскаго королевства съ великимъ княжествомъ литовскимъ постепенно развивалась, сближеніе увеличивалось, но дѣло никогда не дошло до полнаго слiянія обѣихъ странъ. Каждая изъ нихъ имѣла свои законы, высшихъ должностныхъ лицъ, армію. Территорія, принадлежавшая непосредственно королевству или „польской коронѣ", называлась просто Короною, ея сановники, армія и т. д.—коронными; территорія же великаго княжества называлась Литвою, а сановники ея, армія и т. д.—литовскими. *Г. Л.*

слѣдникомъ Людвика, сюзереномъ Владислава опольскаго, для ослабленія Польши позволилъ Владиславу продать тевтонамъ его ленныя владѣнія: Куявію и добржинскую землю. Владиславъ дѣйствительно заложилъ ордену добржинскую землю за 50.000 червонцевъ и велъ интриги противъ Польши, предъявляя различныя притязанія къ Ягеллѣ. Вскорѣ однако Сигизмундъ Люксембургскій, угрожаемый турками и опасаясь, какъ бы Ядвига послѣ его смерти не предъявила своихъ правъ на венгерскій престолъ, помирился съ Польшею и отказался отъ дальнѣйшаго покровительства Владиславу опольскому. Тогда Ягелло выступилъ съ оружіемъ противъ Владислава, отнялъ у него велюнскую землю и Куявію и заставилъ его даже отказаться отъ владѣній въ Силезіи въ пользу его сыновей. Съ тевтонами, лишившимися теперь союзниковъ, былъ заключенъ въ Рацёнжѣ миръ (1404), по которому добржинская земля, послѣ уплаты залоговой суммы, была возвращена Польшѣ.

Вслѣдствіе примиренія Ягеллы съ Витовтомъ и Сигизмундомъ-Люксембургскимъ тевтоны вынуждены были прекратить военныя дѣйствія, но это не заставило ихъ отказаться отъ надежды на дальнѣйшіе захваты. Къ тому же, если тевтоны стремились разстроить польско-литовскую унію, то Польша думала о возмездіи за прежнія обиды и о возвращеніи Поморья. Это привело къ „великой войнѣ“, главнымъ поводомъ къ которой послужили споры за Жмудь.

Витовтъ, ставъ великимъ княземъ литовскимъ, изгналъ своихъ родственниковъ изъ ихъ удѣловъ, которые подчинилъ своей непосредственной власти. Своими завоеваніями онъ расширилъ предѣлы государства: завоевалъ Смоленскъ, а республики новгородскую и псковскую заставилъ принять своихъ намѣстниковъ. Онъ думалъ о покореніи Москвы, но прежде всего о сокрушеніи могущества татаръ. Нисколько не стѣсняясь своими отношеніями къ Польшѣ, онъ для обезпеченія за собою помощи тевтоновъ трактатомъ, заключеннымъ на о. Салинѣ (на Дубиссинѣ), отдалъ имъ Жмудь и съ большими силами двинулся на востокъ. Въ битвѣ съ татарами на берегахъ Ворсклы (1399 г.) онъ потерпѣлъ страшное пораженіе. Здѣсь пало нѣсколько десятковъ литовско-русскихъ князей; побѣдители двинулись на Литву и дошли даже до Волыни. Подъ впечатлѣніемъ этого пораженія Витовтъ почувствовалъ потребность въ болѣе тѣсномъ единеніи съ Польшею, слѣдствіемъ чего было возобновленіе уніи въ

1401 г. Въ актѣ, составленномъ въ Вильнѣ, литовцы дали обѣщаніе, что никогда не оставятъ поляковъ и что послѣ смерти Витовта княжество вернется подъ власть Ягеллы. Поляки, съ своей стороны, въ документѣ, составленномъ въ Радомѣ, гарантировали, что Витовтъ будетъ княжить въ Литвѣ до конца своей жизни и что послѣ смерти Ягеллы они не изберутъ короля безъ вѣдома и совѣта литовцевъ. Ободренный возобновленіемъ союза съ Польшею, Витовтъ задумалъ возвратить подъ свою власть Жмудь, уступка которой тевтонамъ не была уравновѣшена тѣми выгодами, на какія онъ разсчитывалъ, выступая въ походъ противъ татаръ. Онъ началъ подстрекать жмудиновъ къ возстанію, поддерживалъ ихъ и, наконецъ, открыто сталъ на ихъ сторону. Воинственный великій магистръ тевтонскаго ордена, Ульрихъ Юнгиненъ, поддерживаемый Сигизмундомъ Люксембургскимъ, началъ войну, предпринявъ нашествіе на добржинскую землю. Ягелло съ польскимъ рыцарствомъ подъ предводительствомъ Зиндрама изъ Машковицъ и вспомогательными отрядами Земовита мазовецкаго, Витовтъ же съ литовцами, русскими и татарами двинулись на главный городъ ордена, Мальборгъ. 15 іюля 1410 г. произошла битва на Зеленомъ Полѣ (Грюнвальдъ), близъ города Домбровна. Ульрихъ Юнгиненъ съ лучшимъ рыцарствомъ ордена палъ, всѣ знамена тевтоновъ достались побѣдителямъ. Битва на Зеленомъ Полѣ была торжествомъ литовско-польской уніи надъ могуществомъ тевтонскаго ордена: она привела бы къ гибели ордена, если бы тогда съумѣли надлежащимъ образомъ воспользоваться ею. Но послѣ этой битвы Витовтъ по неизвѣстнымъ причинамъ ушелъ со своими войсками; Ягелло, оставшійся лишь съ польскими отрядами, хотя и одержалъ вторую побѣду подъ Короновомъ, но не могъ взять тевтонской столицы. Истощенный борьбою и къ тому же угрожаемый со стороны Сигизмунда Люксембургскаго, войска котораго вступили въ Малую Польшу, онъ заключилъ въ Торнѣ миръ съ орденомъ (1411 г.). Тевтоны возвратили Ягеллѣ,—а въ пожизненное владѣніе и Витовту,—Жмудь и обязались уплатить 100,000 копъ пражскихъ грошей.

Какъ пораженіе на берегахъ Ворсклы привело къ возобновленію союза двухъ государствъ въ 1401 г., такъ и побѣда на Зеленомъ Полѣ вызвала упроченіе его городельскимъ актомъ въ 1413 г. На съѣздѣ въ Городлѣ, въ ко-

торомъ, кромѣ Ягеллы и Витовта, приняли участіе сановники и рыцарство обоихъ народовъ, были подтверждены прежнія постановленія относительно избранія королей, принято для Литвы административное раздѣленіе на воеводства и каштелянства, распространены на бояръ католическаго вѣроисповѣданія права на гербы и прерогативы коронной шляхты и постановлено собираться въ случаѣ надобности на общіе съѣзды въ Парчовѣ или Люблинѣ. Городельскія постановленія были значительнымъ шагомъ впередъ въ процессѣ тѣснаго объединенія обоихъ государствъ, такъ какъ они положили начало единству внутренней организаціи. Въ то же время для нравственнаго объединенія народовъ Витовтъ произвелъ большія преобразованія въ литовско-русскомъ государствѣ. Онъ ввелъ на Жмуди католичество съ епископской каѳедрой въ Мѣдникахъ. Онъ регулировалъ также церковныя отношенія на Руси. Не желая, чтобы его подданные, исповѣдывавшіе греческую религію, зависѣли въ религіозныхъ дѣлахъ отъ Москвы, онъ склонилъ русскихъ епископовъ къ избранію митрополита, который бы имѣлъ постоянное мѣстопребываніе въ Кіевѣ. Не имѣя возможности получить на это согласіе цареградскаго патріарха, Витовтъ пришелъ къ мысли о церковной уніи съ Римомъ и съ этой цѣлью отправилъ кіевскаго митрополита, Григорія Цамблака, на Констанцскій соборъ.

Политическое и моральное объединеніе Литвы съ Польшею побудило тевтоновъ къ новой войнѣ, главнымъ образомъ, съ цѣлью овладѣть Жмудью. Благодаря вліянію папы, эта „голодная война" была пріостановлена, но Констанцскій соборъ безуспѣшно старался примирить враждующія стороны. Передача спора на рѣшеніе Сигизмунда Люксембурскаго, который съ 1410 г. былъ германскимъ императоромъ, тоже не привела къ примиренію. Когда императоръ постановилъ во Вроцлавѣ приговоръ неблагопріятный для Польши (1420 г.), война снова вспыхнула. Она закончилась миромъ, заключеннымъ на берегу озера Мельна (1422 г.), при чемъ тевтоны навсегда отреклись отъ своихъ притязаній на Жмудь.

Тевтоны, такъ часто обманывавшіеся въ своихъ надеждахъ на уничтоженіе польско-литовской уніи, рѣшили по соглашенію съ императоромъ Сигизмундомъ воспользоваться въ своихъ цѣляхъ самолюбіемъ Витовта. На съѣздѣ въ Луцкѣ въ 1429 г., созванномъ подъ предлогомъ обсужденія мѣръ для борьбы съ турками, императоръ склонилъ

престарѣлаго Ягеллу дать свое согласіе на коронованіе Витовта. Ягелло, тронутый любезностью императора, который со своей женой посѣщалъ его въ спальнѣ, уступилъ просьбамъ Сигизмунда; коронація Витовта литовскою короною была назначена на день св. Михаила 1430 г. Вскорѣ однако малопольскіе паны для сохраненія уніи убѣдили Ягеллу уѣхать изъ Луцка и взять назадъ свое согласіе на эту коронацію. Витовтъ, которому императоръ обѣщалъ прислать знаки королевскаго достоинства, все-таки не отказался отъ своего намѣренія, но польскіе паны приняли свои мѣры. Благодаря стражѣ, разставленной на западной границѣ и большихъ дорогахъ, императорское посольство къ Витовту было перехвачено; осуществленіе луцкихъ плановъ оказалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, Витовтъ умеръ, передавъ великокняжеское достоинство Ягеллѣ.

По смерти Витовта противъ уніи выступилъ младшій братъ Ягеллы, Свидригелло. Возведенный въ достоинство великаго князя литовскаго, онъ стремился отдѣлить свои владѣнія отъ Польши при помощи неуравненнаго въ правахъ съ католиками православнаго русскаго населенія; его поддерживали тевтоны, императоръ Сигизмундъ и молдавскій господарь. Король съ согласія польскихъ пановъ назначилъ великимъ княземъ брата Витовта, Сигизмунда Кейстутовича, для привлеченія же православнаго русскаго населенія уравнялъ его въ правахъ съ католиками. 15 октября 1432 г. въ Гроднѣ составленъ былъ именемъ короля актъ, которымъ русскимъ князьямъ, боярамъ и рыцарству давались гербы и привиллегіи польской шляхты. Война съ Свидригеллой окончилась разгромомъ тевтоновъ подъ Вилькоміромъ на берегу рѣки Свентой и миромъ, заключеннымъ въ Брестѣ-Куявскомъ (1435 г.). Тевтоны обязались оставить Свидригеллу и не поддерживать ни одного изъ великихъ князей литовскихъ противъ Польши.

Торжество уніи въ борьбѣ съ тевтонами и императоромъ не осталось безъ вліянія на народы, подвергавшіеся опасности и старавшіеся избавиться отъ господства нѣмцевъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ его были стремленія чеховъ войти въ союзъ съ Польшею путемъ призванія на королевскій чешскій престолъ Владислава-Ягеллы.

Движеніе, возникшее въ Чехіи по почину профессора пражскаго университета, Яна Гуса, имѣло цѣлью преобразованіе церкви и борьбу съ нѣмцами. Оба направленія гу-

ситства: церковное и національное нашли благопріятную почву въ польскомъ обществѣ. Поляки питали такую же ненависть къ нѣмцамъ, какъ и чехи; не меньше, чѣмъ у чеховъ, было у нихъ и причинъ для борьбы съ церковью. Значеніе польскаго духовенства достигло въ это время своего зенита. Окруженное ореоломъ великой заслуги,—крещенія Литвы и Жмуди,—оно, такъ сказать, выросло нравственно: въ царствованіе подчинявшагося ему и необразованнаго Ягеллы оно взяло въ свои руки политическія дѣла. Королевскій секретарь, пробстъ церкви св. Флоріана въ Краковѣ, Сбигнѣвъ Олесницкій, который, будучи еще рыцаремъ, въ битвѣ на Зеленомъ Полѣ спасъ королю жизнь, держалъ теперь въ своихъ рукахъ дворъ и утвердилъ вліяніе церковной іерархіи на ходъ политическихъ дѣлъ. Преобладаніе духовенства разражало самолюбіе свѣтскихъ пановъ и задѣвало матеріальные интересы шляхты. На шляхтѣ въ ея общей массѣ чувствительно отзывалась замѣна свободной десятины обязательною[1]), привлеченіе мірянъ къ духовнымъ судамъ, апелляціи въ Римъ и т. д. Противунѣмецкое и противуцерковное настроеніе нѣкоторыхъ слоевъ шляхетскаго общества встрѣтилось съ родственными ему направленіями въ Чехіи, съ которой Польшу соединяли культурныя связи. Пражскій университетъ привлекалъ къ себѣ толпы молодежи: при немъ была особая коллегія для литовцевъ, основанная на счетъ королевы Ядвиги, а впослѣдствіи польская коллегія, состоявшая подъ покровительствомъ Гуса. Чехи, съ своей стороны, сражались въ войскахъ Ягеллы съ тевтонами или пріѣзжали въ Польшу съ агитаціонными цѣлями. Въ битвѣ на Зеленомъ Полѣ принималъ участіе знаменитый Янъ Жижка, Гусъ переписывался съ Ягеллою, Іеронимъ Пражскій лично распространялъ въ Польшѣ ученіе Виклефа. При такихъ условіяхъ въ Польшѣ возникла гуситская партія, во главѣ которой стояли: Спитэкъ изъ Мельштина, Абраамъ изъ Збонншина, Дэрславъ изъ Ритвянъ и др. Гуситы требовали религіозныхъ реформъ, какъ-то: свободы проповѣди, причащенія подъ обоими видами и публичнаго наказанія за смертные грѣхи. Однако прежде всего они имѣли въ виду преобразованіе общественно-политическихъ отношеній путемъ низверженія авторитета церковной іерархіи. Съ цѣлью осуществленія своей программы польская гусит-

[1]) О свободной десятинѣ и обязательной см. стр. 43.

ская партія дѣятельно поддерживала стремленія чеховъ къ уніи ихъ страны съ Польшею и Литвою.

Послѣ сожженія Гуса въ Чехіи вспыхнула революція, во время которой король Вацлавъ умеръ (1419 г.). Брата его, императора Сигизмунда, бывшаго главнымъ виновникомъ смерти Гуса, чехи не хотѣли признать своимъ королемъ и рѣшили призвать на престолъ Владислава-Ягеллу. Подъ вліяніемъ сановниковъ церкви король отвѣтилъ чешскимъ посламъ, что вслѣдствіе распространенія ереси и внутреннихъ смутъ въ ихъ странѣ онъ не можетъ принять короны. Одновременно съ этимъ гнѣзненскій епископъ, Николай Тромба, созвалъ въ Калишъ синодъ, на которомъ было рѣшено преслѣдовать еретиковъ и отдавать ихъ въ руки церковныхъ судовъ. Другое чешское посольство къ Ягеллѣ тоже получило отказъ. Тогда чехи обратились къ Витовту, который, будучи раздраженъ вроцлавскимъ рѣшеніемъ императора, принялъ предложеніе чеховъ подъ тѣмъ однако условіемъ, чтобы гуситы примирились съ церковью. Вскорѣ послѣ этого Витовтъ послалъ въ Чехію въ качествѣ королевскаго намѣстника, племянника своего, Сигизмунда-Корибута. Сбигнѣвъ Олесницкій, получившій послѣ Войцеха Ястржембца епископскую каѳедру въ Краковѣ (1423 г.) и ставшій главою правящей партіи, дѣйствуя въ духѣ интересовъ церкви, рѣшилъ уничтожить связи чешскихъ гуситовъ съ Польшею и Литвою. Благодаря его стараніямъ, въ Кезмаркѣ состоялся съѣздъ императора, Ягеллы и Витовта. Ягелло и Витовтъ обязались отозвать изъ Чехіи Сигизмунда-Корибута, если императоръ перестанетъ оказывать поддержку тевтонамъ противъ Польши. Подъ вліяніемъ того же Олесницкаго, Ягелло издалъ въ Велюнѣ эдиктъ (1424 г.), которымъ предписывалъ полякамъ, находившимся въ Чехіи, вернуться на родину, а заподозрѣнныхъ въ ереси предавалъ юрисдикціи церкви. Когда Сигизмундъ-Корибутъ на собственный рискъ предпринялъ походъ въ Чехію, Ягелло и Витовтъ отреклись отъ всякаго сообщества съ нимъ, чѣмъ отдали гуситовъ на произволъ императора. Хотя во время возстанія Свидригеллы Ягелло примирился съ одной частью гуситовъ, съ таборитами, которые поддерживали Сигизмунда Кейстутовича, но при его жизни уже не возобновлялось дѣло объ уніи Чехіи съ Польшею и Литвою.

Задуманная чешскими гуситами унія не осуществилась

вслѣдствіе противодѣйствія духовной іерархіи, но также и вслѣдствіе опасенія непріятностей, какія накликала бы на себя Польша, выступивъ противъ Сигизмунда Люксембургскаго. Тѣмъ не менѣе идея уніи не утратила почвы подъ собою и даже нашла новую опору во внутреннихъ преобразованіяхъ Польши,—именно, въ тѣхъ привилегіяхъ, какія шляхта пріобрѣла въ царствованіе Ягеллы. Если права, полученныя литовскими боярами сперва католическаго, а затѣмъ и греко-русскаго вѣроисповѣданія, примирили мѣстныхъ недовольныхъ съ уніей, то и другихъ сосѣдей будутъ привлекать, помимо политическихъ соображеній, прерогативы коронной шляхты, пріобрѣтенныя послѣ кошицкаго договора и ново-корчинской привиллегіи. Послѣ кошицкаго договора вошли въ обычай мѣстные шляхетскіе съѣзды, сеймики, созывавшіеся королемъ для утвержденія налоговъ. Когда въ 1404 г. нужны были деньги для выкупа добржинской земли, шляхта сперва обсудила дѣло на провинціальныхъ сеймикахъ и затѣмъ, на общемъ съѣздѣ въ Новомъ Корчинѣ, согласилась дать королю съ каждаго крестьянскаго лана по 12 грошей. На съѣздахъ въ Піотроковѣ въ 1406 и 1407 г.г. шляхта одна, безъ участія короля, принимала постановленія съ цѣлью обезпечить себя отъ эксплоатаціи со стороны духовенства. Въ отвѣтъ на синодальные статуты Николая Тромбы 1420 г. шляхта на своихъ съѣздахъ запрещала мірянамъ обращаться къ церковнымъ судамъ. Возникло нѣсколько очаговъ сеймиковой жизни: великопольскій, сѣрадзскій, лэнчицкій, добржинскій, куявскій, краковскій, сандомірскій, въ которыхъ шляхта по королевскому или собственному почину обсуждала дѣла и принимала постановленія. Становится общераспространеннымъ принципъ, что источникъ шляхетства есть свобода, а источникъ свободы—шляхетство; на сеймиковыхъ съѣздахъ шляхта не только рѣшаетъ различныя дѣла, но и избираетъ сборщиковъ налоговъ, требуетъ у нихъ отчета и т. п. Словомъ, сеймики начинаютъ пріобрѣтать значеніе органовъ мѣстнаго самоуправленія; при помощи ихъ шляхта освобождается изъ подъ господствующаго вліянія знати, духовныхъ и свѣтскихъ пановъ. Но шляхта, сверхъ того, добилась и формальныхъ привиллегій, подрывавшихъ королевскую власть. Во время войны съ тевтонами въ 1422 г. она въ лагерѣ подъ Червинскомъ заставила короля дать ей цѣлый рядъ преимуществъ. Кромѣ подтвержденія прежнихъ вольностей,

король червинской привиллегіей отказался отъ права чеканить монету безъ согласія прелатовъ и бароновъ, далъ обѣщаніе не конфисковывать наслѣдственныхъ владѣній подданныхъ какого бы то ни было сословія безъ предварительнаго постановленія суда, установилъ, что во всѣхъ земляхъ королевства имѣютъ обязательную силу лишь законы Казиміра Великаго. Если статья о чеканкѣ монеты давала преимущество только сановникамъ, то остальныя статьи имѣли въ виду интересы шляхты. Гарантирована была неприкосновенность земельной собственности; возстановленіе обязательной силы статутовъ Казиміра Великаго устраняло произволъ, допускавшійся королемъ въ откладываніи судебныхъ сроковъ и другихъ процессуальныхъ вопросахъ. Вскорѣ шляхтѣ представился случай добиться новыхъ привиллегій вслѣдствіе рожденія у короля сына. Отъ трехъ женъ: Ядвиги (†1399), внучки Казиміра Великаго, Анны цилійской (†1416) и Елизаветы изъ Пилецкихъ Грановской (†1420) у короля не было потомства мужескаго пола. Отъ брака же его съ племянницею Витовта, княжной русской Софіей (Сонькой) родилось два сына: Владиславъ и Казиміръ. Послѣ рожденія Владислава (1424 г.) Ягелло сталъ стремиться къ тому, чтобы обезпечить за нимъ польскій престолъ. На съѣздѣ въ Брестѣ-Куявскомъ духовенство взамѣнъ за поддержку желаній короля домогалось для себя различныхъ уступокъ, а шляхта тоже ставила свои условія. Такъ какъ король не хотѣлъ удовлетворить всѣхъ требованій, то на новомъ съѣздѣ въ Лэнчицѣ произошли бурныя столкновенія. Лишь въ 1430 г. Ягелло далъ привиллегію въ Едлинѣ, возобновленную въ 1433 г. въ Краковѣ, которой удовлетворилъ требованія, предъявленныя ему въ Брестѣ. Главнымъ пріобрѣтеніемъ шляхты было полученіе права личной неприкосновенности (*Neminem captivabimus, nisi jure victum*). Король впредь не могъ арестовать помѣстнаго шляхтича безъ предварительнаго судебнаго приговора,—за исключеніемъ виновныхъ въ насиліяхъ, поджигателей, убійцъ и воровъ, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія. Право *Neminem captivabimus* вмѣстѣ съ червинской привиллегіей, гарантировавшей неприкосновенность собственности, принадлежало къ важнѣйшимъ прерогативамъ шляхты.

Дѣятельность, начатую Ягеллой въ Польшѣ актомъ уніи, онъ завершилъ подтвержденіемъ ея въ договорѣ съ великимъ княземъ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ. Этимъ дого-

воромъ, заключеннымъ въ Трокахъ, Сигизмундъ отрекся въ пользу Короны отъ притязаній на Волынь и Подолію и обѣщалъ не принимать литовскаго престола безъ согласія польскаго короля. Сверхъ того, признаніе панами и шляхтою правъ малолѣтняго Владислава на польскій престолъ обезпечивало сохраненіе уніи и послѣ смерти Ягеллы [1]).

Именемъ малолѣтняго *Владислава III Варнскаго* (1434—1444) стало править регентство малопольскихъ пановъ, главою которыхъ былъ краковскій епископъ. Противъ него выступили гуситы, которые сперва, желая положить конецъ правленію Сбигнѣва Олесницкаго, оспаривали признаніе королемъ Владислава, а затѣмъ, старались установить связи съ Чехіей. По смерти императора Сигизмунда (1437) одна чешская партія провозгласила королемъ зятя его, императора Альбрехта II, а другая возобновила планъ уніи съ Польшею и предложила корону Ягеллонамъ. Несмотря на всю заманчивость уніи, предложеніе это теперь какъ и во времена Ягеллы, натолкнулось на непреодолимыя препятствія. Правящей партіи трудно было протянуть руку чешскимъ еретикамъ тѣмъ болѣе, что въ это время ставленникъ Польши, Исидоръ, митрополитъ кіевскій, готовился подписать на Флорентинскомъ соборѣ актъ уніи восточной церкви съ западной. Наконецъ, правящая партія согласилась отправить брата короля, Казиміра, въ Чехію, но не столько для возведенія его на чешскій престолъ, какъ съ цѣлью угрозы Альбрехту. Опасаясь, какъ бы династическая унія съ Чехіей не усилила въ Польшѣ гуситской партіи, она не оказала надлежащей поддержки королевичу, вслѣдствіе чего унія не состоялась. Когда гуситы стали производить набѣги на церковныя владѣнія, партія, господствовавшая на съѣздѣ въ Новомъ Корчинѣ (1438 г.), составила конфедерацію противъ нарушителей земскаго права и распространителей еретическихъ заблужденій, и затѣмъ начала военныя дѣйствія. Спитэкъ изъ Мельштина палъ въ битвѣ подъ Гротниками; Абраамъ изъ Збоншина, разбитый

[1]) **Ягеллоны** (Ягелловичи).

Владиславъ-Ягелло.

- **Владиславъ-Варнскій.**
- **Казиміръ.**
  - **Владиславъ** (†1516), **король чешско-венгерскій.**
    - **Людвикъ** († 1526).
    - **Анна за императоромъ Фердинандомъ I.**
  - **Казиміръ.**
  - **Янъ Альбрехтъ.**
  - **Александръ.**
  - **Сигизмундъ**
    - **Ядвига** (отъ Варвары Запольской) **за Іоакимомъ курфюрстомъ бранденбургскимъ.**
    - **Сигизмундъ-Августъ.**
    - **Екатерина за Іоанномъ Вазою королемъ шведскимъ.**
    - **Анна за Стефаномъ Баторіемъ.**
  - **Фридрихъ, кардиналъ.**
  - **Софія за Фридрихомъ бранденбургскимъ.**
    - **Альбрехтъ князь прусскій.**

отрядами епископа познанскаго, умеръ съ отчаянія, вслѣдствіе чего гуситская партія за отсутствіемъ вождей пала. Восторжествовавъ надъ гуситами и одолѣвъ Свидригеллу, который послѣ вилькомірской битвы и заключенія брестскаго мира призналъ надъ собою верховную власть Польши, побѣдившая партія задумала унію съ Венгріей. Насколько связи съ чешскими еретиками вызывали отвращеніе у Сбигнѣва Олесницкаго, настолько унія съ Венгріей привлекала его надеждою покрыть Польшу славою успѣшной борьбы съ мусульманствомъ. По смерти императора Альбрехта II Владиславъ, съ согласія венгерскихъ магнатовъ, вступилъ на престолъ Арпадовъ (1440 г.) и удержался на немъ, несмотря на протестъ вдовствующей королевы, Елизаветы, у которой послѣ смерти мужа родился сынъ. Смерть Владислава въ битвѣ съ турками подъ Варной разрушила надежды, возлагавшіяся малопольской аристократіей на унію Польши съ Венгріей.

Получивъ извѣстіе о гибели Владислава, паны предложили польскій престолъ брату его, Казиміру, который послѣ Сигизмунда Кейстутовича (1440 г.) управлялъ Литвою въ качествѣ великаго князя. Казиміръ Ягеллонъ не принялъ этого предложенія, мотивировавъ свой отказъ увѣренностью въ томъ, что еще живъ его братъ, котораго онъ и велѣлъ разыскивать; въ дѣйствительности же онъ руководился политическими соображеніями. Литовско-русское государство, которое Владиславъ II Ягелло обѣщалъ включить въ составъ Польши, фактически не утратило своей обособленности. Великіе князья хотя и получали свою власть отъ короля, но въ дѣйствительности управляли страною независимо: они самостоятельно заключали трактаты, даже съ Польшею, и не допускали нарушенія территоріальной цѣлости литовско-русскаго государства. Присоединеніе къ Коронѣ Волыни и Подоліи вызвало у литовцевъ недовольство и сожалѣніе. Казиміръ, зная, что польскіе паны предложили ему корону ради сохраненія уніи, откладывалъ принятіе этого предложенія, чтобы взамѣнъ за удовлетвореніе ихъ желанія добиться возвращенія Литвѣ Волыни и Подоліи. Лишь послѣ того, какъ поляки на съѣздѣ въ Піотроковѣ пригрозили ему призваніемъ на престолъ Болеслава, князя мазовецкаго, онъ согласился прибыть въ Краковъ для коронаціи. Не отказавшись отъ сана великаго князя литовскаго, *Казиміръ Ягеллонъ* (1447—1492) сталъ коро-

лемъ безъ всякихъ обязательствъ передъ поляками; онъ не подтвердилъ даже привиллегій, данныхъ панамъ и шляхтѣ его предшественниками.

Привыкшій къ самовольному управленію Литвою, Казиміръ вступилъ на престолъ съ пріобрѣтенной имъ въ качествѣ великаго князя любовью къ неограниченной власти. Въ противоположность своему отцу и брату, подчинявшимся аристократіи, онъ стремился къ возвышенію княжеской власти. Стремленія эти встрѣчали опору въ духѣ времени, въ господствовавшихъ тогда на западѣ политическихъ взглядахъ, распространявшихся умственнымъ „возрожденіемъ" или гуманизмомъ.

Умственное движеніе, называемое гуманизмомъ, основывавшееся на классической литературѣ, распространяло такія воззрѣнія, которыя шли вразрѣзъ со средневѣковыми понятіями, опиравшимися на ученіе церкви. Оно подорвало богословскіе взгляды на міръ и цѣли жизни, распространяло новыя понятія объ отношеніяхъ государства къ церкви и гражданъ къ правительству. Политическимъ идеаломъ гуманиста, воспитаннаго на римскомъ правѣ, было государство, независимое во внѣшнихъ дѣлахъ и сильное въ дѣлахъ внутреннихъ. Гуманизмъ былъ враждебенъ подчиненію государства церкви, а государя обществу. Объявивъ войну теократіи, онъ выступилъ также противъ средневыхъ привиллегій, которыя подрывали власть монарха, вводили хаосъ и разслабленіе въ государственный организмъ. Въ Польшу гуманизмъ проникъ еще во времена Казиміра Великаго, благодаря связямъ этого монарха съ дворами венгерскимъ и чешскимъ. Общественно-политическія идеи гуманизма распространяла основанная Казиміромъ академія, въ которой всѣ каѳедры, кромѣ двухъ, посвященныхъ медицинѣ и одной—свободнымъ искусствамъ, были предназначены для преподаванія римскаго и каноническаго права. Послѣ смерти Казиміра и упадка академіи, получило преобладаніе средневѣковое направленіе, главнымъ апостоломъ котораго былъ Сбигнѣвъ Олесницкій. Возстановленная, благодаря щедрости королевы Ядвиги (1400 г.), краковская академія вначалѣ служила исключительно церковнымъ цѣлямъ, но съ теченіемъ времени стала очагомъ гуманистическихъ знаній. Сверхъ того, возрожденіе распространялось въ Польшѣ, благодаря путешествіямъ пановъ за границу, пріѣздамъ въ страну иноземцевъ и наплыву рукопи-

сей. Воззрѣнія польскихъ гуманистовъ на государство и его современныя потребности изложилъ въ латинскомъ сочиненіи (*Monumentum pro reipublicae organisatione congestum*) Янъ Остророгъ, учившійся въ Эрфуртскомъ университетѣ, получившій степень доктора правъ и по возвращеніи на родину занимавшійся въ королевской канцеляріи. По мнѣнію Остророга, надъ польскимъ королемъ нѣтъ никакой власти, кромѣ Божіей, поэтому онъ вмѣсто изъявленія покорности новому папѣ, въ достаточной степени исполнитъ свой долгъ, если только просто поздравитъ его и въ то же время напомнитъ ему, что папа обязанъ управлять церковью по справедливости. Не пристойно также польскому королю писать папѣ съ покорностью и униженностью. Къ королевскому сану должно относиться съ уваженіемъ и почтеніемъ; распоряженія короля должны безъ промедленія исполняться всѣми гражданами. Непристойныя дѣйствія, совершенныя въ присутствіи короля, должны наказываться денежными штрафами. Духовные господа обязаны содѣйствовать государству; не слѣдуетъ смущаться, если король велитъ переплавить церковные сосуды для общественныхъ надобностей. Необходимо отмѣнить всѣ платежи въ пользу папы, такъ какъ Польшѣ нужны деньги для борьбы съ непріятелями и поддержанія внутренняго порядка. Слѣдуетъ также воспретить объявленіе юбилейныхъ буллъ, взиманіе священниками платы за эскорты, браки и т. п. Назначать епископовъ долженъ король. Для уменьшенія числа тунеядцевъ нужно затруднить учрежденіе въ городахъ монастырей, запретить поступленіе въ нихъ чужеземцевъ, ограничить произнесеніе проповѣдей на нѣмецкомъ языкѣ. Наконецъ, онъ совѣтуетъ воспретить мѣщанамъ подавать апелляціи въ Магдебургъ, уничтожить разнообразіе правъ, дѣйствовавшихъ въ городахъ, вооружить жителей соотвѣтственно ихъ общественному положенію и т. д.

Казиміръ окружилъ себя гуманистами и думалъ прежде всего объ освобожденіи отъ подавляющаго вліянія церковной іерархіи. Ему удалось достигнуть этого, благодаря существовавшему тогда церковному расколу.

Базельскій соборъ (1431—1449) стремился къ преобразованію церкви, положивъ въ основу его принципъ подчиненія папы собору. Онъ низложилъ тогдашняго папу Евгенія IV, высказавшагося противъ преобразованія, Евгеній своею властью созвалъ соборъ въ Феррару (1438 г.), пе-

реведенный впослѣдствіи во Флоренцію, гдѣ была установлена унія восточной церкви съ западной. Сбигнѣвъ Олесницкій, фактически управлявшій государствомъ въ отсутствіе Владислава III, сталъ на сторону папы, отъ котораго получилъ даже санъ кардинала. Когда Базельскій соборъ избралъ главою церкви Феликса V, Олесницкій съ краковскимъ капитуломъ высказался за верховенство собора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за нейтральное отношеніе къ обоимъ папамъ. Хотя Феликсъ V тоже возвелъ краковскаго епископа въ санъ кардинала, но нейтральность польской церкви продолжалась до вступленія на престолъ Казиміра Ягеллона. Преемникъ Евгенія IV, Николай V, привлекъ на свою сторону императора Фридриха III и желалъ быть признаннымъ также польскимъ королемъ. Казиміръ согласился признать Николая законнымъ папою, однако подъ тѣмъ условіемъ, чтобы папа предоставилъ ему право замѣщенія девятидесяти бенефій въ гнѣзненскомъ архіепископствѣ и часть десятинъ для борьбы съ татарами. Признаніе Николая V состоялось вопреки Олесницкому, который стоялъ на сторонѣ собора и былъ противникомъ тѣхъ изъятій изъ общей системы григоріанскихъ реформъ, какія допустилъ папа, отказываясь въ пользу короля отъ права замѣщенія духовныхъ должностей. Въ отместку за это Казиміръ дѣлалъ епископу затрудненія, когда тотъ хлопоталъ въ Римѣ о полученіи кардинальской шляпы, обѣщанной ему Евгеніемъ IV и Феликсомъ V. Затѣмъ, когда Олесницкій получилъ санъ кардинала отъ Николая V и предъявилъ притязаніе на первенствующую роль въ церковной іерархіи, король рѣшилъ дѣло не въ его пользу. Онъ призналъ первенство за гнѣзненскимъ архіепископомъ, который въ силу постановленія Констанцскаго собора носилъ титулъ примаса. На будущее время король запретилъ епископамъ добиваться въ Римѣ возведенія въ достоинство кардиналовъ безъ предварительнаго разрѣшенія государственной власти. Оставивъ за собой право замѣщенія духовныхъ должностей, Казиміръ сломилъ прежнюю независимость церковной іерархіи и отстаивалъ эту прерогативу со свойственной ему энергіей. По смерти преемника Олесницкаго, Стржемпинскаго († 1460), папа хотѣлъ назначить на епископскую каѳедру въ Краковѣ преданнаго ему Сѣнинскаго, капитулъ же избралъ Лютка изъ Бржезя, а король назначилъ одного изъ своихъ совѣтниковъ, Грущинскаго. Несмотря на

не сыновья, мужья и отцы. Вы выше. Я вижу въ васъ гигантовъ, потому что каждый изъ васъ олицетворяетъ собой всю Францію, всю націю, несущую свободу міру. Будьте же героями! Да здравствуетъ нація!

Какъ изъ однихъ устъ вырвался одинъ крикъ изъ тысячи грудей, и за нимъ отовсюду, и съ моста, и изъ всѣхъ бивуаковъ, раздался единодушный, слившійся въ одинъ вопль возгласъ, отъ котораго пріутихъ вѣтеръ и рѣка, и звѣзды задрожали на небѣ.

Франція ревѣла, пока крика ея не заключилъ выстрѣлъ пушки, прогремѣвшій на востокѣ.

Правое крыло французскаго войска, съ генераломъ Лекурбомъ во главѣ, выступило въ атаку.

ГЛАВА VI.

«Господину офицеру въ Шопенгеймъ. — По прибытіи въ Шопенгеймъ удостовѣриться въ положеніи мостовъ, узнать прошелъ ли непріятель черезъ деревню, и откомандировать гонца съ отчетомъ къ генералу Моро. Въ то же время отправить начальника почтовой станціи, письма и пакеты. Принять всѣ мѣры предосторожности при передвиженіи отряда. Въ случаѣ нечаянной встрѣчи съ частями непріятельскихъ отрядовъ, заставить ихъ именемъ республики сдаться и узнать, не принадлежатъ ли они къ корпусу Крея. Собрать, по возможности, подробныя свѣдѣнія о положеніи непріятеля, его силахъ и направленіи, какое онъ приметъ въ своемъ движеніи.

Въ случаѣ открытія непріятеля, или полученія важныхъ о немъ свѣдѣній немедленно сообщить объ этомъ Генеральному Штабу.

По окончаніи развѣдокъ, двинуться дальше, чтобъ нагнать свой полкъ, направляющійся на Вальдшютъ и Унени».

Герикуръ съ радостью убѣдился, что въ своихъ дѣйствіяхъ онъ не отступилъ отъ приказа.

Двадцать пять драгунъ съѣхались у деревни. Герикуръ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ привязанныхъ къ лукѣ Питюета двухъ курицъ, также не допытывался и о томъ, почему утѣшали солдаты толстую, растрепанную дѣвушку и почему они показывали Маріусу кулаки.

Между сваленными мѣшками, на телѣгѣ, запряженной двумя лошадьми, содержатель почтовой станціи ожидалъ

сигнала къ выступленію. Пье-де-Жасентъ, на обязанности котораго лежалъ надзоръ за всѣмъ, собиралъ возжи. Нонденъ кашлялъ. Полупьяный Карбегемъ дремалъ въ сѣдлѣ. Ивонъ и Трегекъ жевали сырое свиное сало, держа его ломти въ грязныхъ рукахъ вмѣстѣ съ уздой. Эльзасцы мечтательно покуривали свои трубки. Флаго, засунувъ въ карманъ руки, съ глубокомысленнымъ видомъ и позвякивая монетами, пересчитывалъ свои, нечистымъ путемъ добытыя деньги.

Легкій вѣтерокъ шевелилъ конскіе хвосты на каскахъ, Бернардъ не выпускалъ изъ рукъ исписанную твердымъ почеркомъ съ брызгами пера, расплывшимся въ синія кляксы бумагу изъ Генеральнаго Штаба.

„Ты передашь, Пье-де-Жасентъ, что 7-го флореаля 10 человѣкъ легкой кавалеріи изъ корпуса генерала Крея очень близко подошли къ нашему лагерю; что непріятель не разрушилъ мостовъ; что у начальника почтовой станціи мы нашли спрятанный имъ мѣшокъ съ итальянскими депешами; что непріятель, котораго мы открыли 7-го въ предѣлахъ этой мѣстности, 8-го въ три часа утра скрылся, послѣ чего мы его болѣе не видѣли; что въ ночь передъ его удаленіемъ передовыя австрійскія колонны съ очевиднымъ желаніемъ помѣшать переправѣ черезъ Рейнъ очень близко подошли къ его берегу, но, замѣтивъ наши посты на правомъ берегу, поспѣшили удалиться“.

Пье-де-Жасентъ по пунктамъ отсчитывалъ на пальцахъ все, что ему надо было запомнить. Бернардъ, замѣтивъ по напряженно наморщенному лбу и утомленному выраженію лица стараго солдата, какихъ усилій стоитъ ему запомнить содержаніе рапорта, предпочелъ изложить его письменно. Онъ досталъ памятную книжку, подаренную ему Авреліей, въ которой всегда хранились короткое гусиное перо и плоскій флакончикъ чернилъ въ красномъ сафьяновомъ футлярѣ.

Прежде чѣмъ садиться въ сѣдло, прижавъ листокъ бумаги къ двери, онъ сталъ обдумывать содержаніе своей докладной записки. Онъ старался написать ее толково, желая хорошо зарекомендовать себя передъ генераломъ Моро, въ Главный Штабъ котораго ему очень хотѣлось перевестись.

Благодаря тому умѣнью, съ которымъ Буонапарте навязывалъ Моро своихъ итальянскихъ любимцевъ, Герикуру

не сыновья, мужья и отцы. Вы выше. Я вижу въ васъ гигантовъ, потому что каждый изъ васъ олицетворяетъ собой всю Францію, всю націю, несущую свободу міру. Будьте же героями! Да здравствуетъ нація!

Какъ изъ однихъ устъ вырвался одинъ крикъ изъ тысячи грудей, и за нимъ отовсюду, и съ моста, и изъ всѣхъ бивуаковъ, раздался единодушный, слившійся въ одинъ вопль возгласъ, отъ котораго пріутихъ вѣтеръ и рѣка, и звѣзды задрожали на небѣ.

Франція ревѣла, пока крика ея не заключилъ выстрѣлъ пушки, прогремѣвшій на востокѣ.

Правое крыло французскаго войска, съ генераломъ Лекурбомъ во главѣ, выступило въ атаку.

ГЛАВА VI.

«Господину офицеру въ Шопенгеймъ. — По прибытіи въ Шопенгеймъ удостовѣриться въ положеніи мостовъ, узнать прошелъ ли непріятель черезъ деревню, и откомандировать гонца съ отчетомъ къ генералу Моро. Въ то же время отправить начальника почтовой станціи, письма и пакеты. Принять всѣ мѣры предосторожности при передвиженіи отряда. Въ случаѣ нечаянной встрѣчи съ частями непріятельскихъ отрядовъ, заставить ихъ именемъ республики сдаться и узнать, не принадлежатъ ли они къ корпусу Крея. Собрать, по возможности, подробныя свѣдѣнія о положеніи непріятеля, его силахъ и направленіи, какое онъ приметъ въ своемъ движеніи.

Въ случаѣ открытія непріятеля, или полученія важныхъ о немъ свѣдѣній немедленно сообщить объ этомъ Генеральному Штабу.

По окончаніи развѣдокъ, двинуться дальше, чтобъ нагнать свой полкъ, направляющійся на Вальдшютъ и Унгенъ».

Герикуръ съ радостью убѣдился, что въ своихъ дѣйствіяхъ онъ не отступилъ отъ приказа.

Двадцать пять драгунъ съѣхались у деревни. Герикуръ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ привязанныхъ къ лукѣ Питюета двухъ курицъ, также не допытывался и о томъ, почему утѣшали солдаты толстую, растрепанную дѣвушку и почему они показывали Маріусу кулаки.

Между сваленными мѣшками, на телѣгѣ, запряженной двумя лошадьми, содержатель почтовой станціи ожидалъ

сигнала къ выступленію. Пье-де-Жасентъ, на обязанности котораго лежалъ надзоръ за всѣмъ, собиралъ возжи. Нонденъ кашлялъ. Полупьяный Карбегемъ дремалъ въ сѣдлѣ. Ивонъ и Трегекъ жевали сырое свиное сало, держа его ломти въ грязныхъ рукахъ вмѣстѣ съ уздой. Эльзасцы мечтательно покуривали свои трубки. Флаго, засунувъ въ карманъ руки, съ глубокомысленнымъ видомъ и позвякивая монетами, пересчитывалъ свои, нечистымъ путемъ добытыя деньги.

Легкій вѣтерокъ шевелилъ конскіе хвосты на каскахъ, Бернардъ не выпускалъ изъ рукъ исписанную твердымъ почеркомъ съ брызгами пера, расплывшимся въ синія кляксы бумагу изъ Генеральнаго Штаба.

„Ты передашь, Пье-де-Жасентъ, что 7-го флореаля 10 человѣкъ легкой кавалеріи изъ корпуса генерала Крея очень близко подошли къ нашему лагерю; что непріятель не разрушилъ мостовъ; что у начальника почтовой станціи мы нашли спрятанный имъ мѣшокъ съ итальянскими депешами; что непріятель, котораго мы открыли 7-го въ предѣлахъ этой мѣстности, 8-го въ три часа утра скрылся, послѣ чего мы его болѣе не видѣли; что въ ночь передъ его удаленіемъ передовыя австрійскія колонны съ очевиднымъ желаніемъ помѣшать переправѣ черезъ Рейнъ очень близко подошли къ его берегу, но, замѣтивъ наши посты на правомъ берегу, поспѣшили удалиться“.

Пье-де-Жасентъ по пунктамъ отсчитывалъ на пальцахъ все, что ему надо было запомнить. Бернардъ, замѣтивъ по напряженно наморщенному лбу и утомленному выраженію лица стараго солдата, какихъ усилій стоитъ ему запомнить содержаніе рапорта, предпочелъ изложить его письменно. Онъ досталъ памятную книжку, подаренную ему Авреліей, въ которой всегда хранились короткое гусиное перо и плоскій флакончикъ чернилъ въ красномъ сафьяновомъ футлярѣ.

Прежде чѣмъ садиться въ сѣдло, прижавъ листокъ бумаги къ двери, онъ сталъ обдумывать содержаніе своей докладной записки. Онъ старался написать ее толково, желая хорошо зарекомендовать себя передъ генераломъ Моро, въ Главный Штабъ котораго ему очень хотѣлось перевестись.

Благодаря тому умѣнью, съ которымъ Буонапарте навязывалъ Моро своихъ итальянскихъ любимцевъ, Герикуру

до сихъ поръ не удавалось попасть въ Главный Штабъ, и генералъ предписалъ ему сохранить мѣсто въ строю бригады.

Теперь Моро, однако, далъ ему важное порученіе изслѣдовать мѣстность въ сторону отъ центральнаго корпуса и отправить свой рапортъ прямо главнокомандующему. Герикуръ сильно опасался, что подъ вліяніемъ враждебно настроенныхъ къ нему офицеровъ, которые всегда и держались отъ него въ сторонѣ, генералъ отниметъ отъ него ту частицу личной инициативы, которой онъ доселѣ пользовался.

Подъ вліяніемъ этой мысли онъ находился въ постоянномъ страхѣ плохо исполнить возложенное на него порученіе.

Офицеры бригады, побуждаемые завистью, злобно радовались, видя, что онъ предоставленъ собственнымъ силамъ. Онъ былъ увѣренъ, что радость ихъ увеличилась бы еще болѣе, если бы онъ вмѣстѣ со своей командой попалъ въ плѣнъ. Ему постоянно приходилось отправлять партіи людей въ поиски за эскадрономъ, который нарочно скрывался, чтобы только не помогать ему. Что ему оставалось дѣлать? Жаловаться? Но онъ не былъ способенъ на такой поступокъ.

Герикуръ въ нерѣшительности стоялъ передъ дверью, выкрашенной зеленой краской. Онъ колебался, изложить или нѣтъ свои опасенія генералу.

Слезы навертывались на глаза бѣднаго двадцатилѣтняго юноши.

Возвращаясь въ бивуакъ, ему всегда приходилось слышать за собой недовольное ворчанье капитановъ, дразнившихъ его мальчишкой и „дамскимъ любимцемъ".

Дѣйствительно, Аврелія, немножко кокетничавшая своей манерой наивно-дѣтскаго произношенія, умѣла вести дѣла и, главнымъ образомъ, ей, а не своимъ способностямъ обязанъ былъ онъ тѣмъ, что выдвинулся по службѣ и завоевалъ нѣкоторое расположеніе Генеральнаго Штаба.

Взглянувъ на горячившуюся лошадь Пье-де-Жасента, Герикуръ вспомнилъ безропотнаго, стараго солдата съ большими синими глазами и плоскими бакенами. Онъ отдалъ изготовленный рапортъ, не прибавивъ къ нему ничего, что выходило бы изъ рамокъ оффиціальнаго сообщенія результатовъ рекогносцировки.

Встряхнувшіяся подъ ударомъ кнута почтовыя лошади зазвенѣли бубенчиками. Старшій вахмистръ вытащилъ изъ кобура свой громадный пистолетъ, что привело въ невыразимый ужасъ сидѣвшаго на козлахъ крестьянина, и всѣ двинулись по гладкой убитой дорогѣ, среди расцвѣтающей зелени ранней весны.

До самаго Бризгава тянулись ряды елей, дубовъ и буковъ Шварцвальда.

Лошади шли гуськомъ по склонамъ, покрытымъ травой. Напѣвая провансальскія пѣсни, Маріусъ закатывалъ свои влажные глаза къ козырьку каски. Бретонцы чутко прислушивались и пугались при малѣйшихъ тревожныхъ прыжкахъ въ сторону лошадей.

Слышалась неумолкавшая, иронизирующая надъ Брюмеромъ рѣчь Питуэ, съ которой онъ обращался къ своей кобылѣ:

— „Ну, иди, иди, толстуха, какъ Калигула я пожалую тебя въ консулы; ты вполнѣ ему пара",

Онъ поздравлялъ ее съ тѣмъ, что она не удостоилась чести тащить колесницу тріумвировъ, и ласково заплеталъ ей гриву. На кустахъ молодаго боярышника появлялись стаями синицы. Лошади мяли розовый верескъ; хвосты ихъ сметали съ круповъ раздавленныхъ насѣкомыхъ.

Съ круглыми, надутыми отъ смѣха щеками въ рамкѣ блестящихъ мѣдныхъ чешуекъ кивера, выдѣлялась красная, сіяющая физіономія Карбегема. Онъ совсѣмъ запыхался, пробираясь по лѣсной дорожкѣ, какъ вдругъ, передъ отрядомъ раскинулась живописная панорама деревень, тонувшихъ въ нѣжной зелени виноградниковъ. Черезъ эту землю, какъ объяснилъ поручикъ, они дойдутъ до Дуная, если только одержатъ побѣду въ Штокахъ, гдѣ въ прошломъ году потерпѣли пораженіе, и, пройдя лѣса, взявъ по пути города, переправившись черезъ рѣки, ихъ армія достигнетъ сердца Австріи.

По дорогѣ онъ старался преподать своимъ солдатамъ начала стратегіи. Онъ говорилъ имъ о выгодахъ различныхъ позицій, объ основаніяхъ, которыя руководятъ направленіемъ ихъ движенія, и о развѣдкахъ легкихъ отрядовъ, посылаемыхъ влѣво отъ двигающейся по равнинѣ пѣхоты.

Точно длинными руками слѣпаго исполина ощупывало войско страну съ цѣлью открыть препятствія и предупредить опасность. Герикуръ старался дать почувствовать

своимъ людямъ красоту въ общемъ единеніи душъ 30-ти тысячной арміи. Но они не очень внимательно слушали поручика, и это заставляло его сильно грустить. Подобно эльзасцамъ, многіе изъ нихъ только гордились передъ пѣшими своими лошадьми и, строя свирѣпыя физіономіи готовыхъ къ убійствамъ и кровожадному торжеству злодѣевъ, забавлялись запугиваньемъ нѣмецкихъ деревенскихъ дѣвушекъ. Нѣкоторые, какъ напр. Маріусъ и гасконцы, особенно гордились своими блестящими касками и лихо закрученными усами. Бретонцы и тюрингенцы, неохотно покоряясь обязательной службѣ, старались раздобывать себѣ сала, орѣховъ; незамѣтно, во избѣжаніе наказанія, улучали время, чтобы, забывъ про тяжесть службы, поваляться на сѣнѣ и полюбоваться скотомъ. Питуэ прилагалъ всѣ свои усилія, чтобы отличиться передъ поручикомъ.

Между ними не было трусовъ. Въ теченіе многихъ недѣль они успѣли уже свыкнуться со своею жизнью, подверженной всякимъ случайностямъ, и съ мыслью о смерти, которая уже не казалась имъ страшной: въ ней видѣли они избавленіе отъ всѣхъ мелочныхъ заботъ, даже нѣкоторую славу.

Что было особенно пріятно имъ, такъ это то чувство полнѣйшей беззаботности, съ какимъ они жили во все время похода. Имъ не надо было думать о праздничныхъ отдыхахъ и бояться голода и холода въ бѣдной лачугѣ. Ихъ одѣвали и кормили вволю. Ихъ не угнетала опредѣленная, размѣренная по часамъ, грошами оплачиваемая работа.

Всѣ эти преимущества новаго положенія были причиной бодраго, веселаго настроенія солдатъ. На бивуакахъ обыкновенно разгорался горячій споръ относительно достоинствъ той или другой расы изъ числа многочисленныхъ разновидностей, составляющихъ армію.

— Каковы мы, уже видно изъ того,—говорилъ Трегекъ,—что самъ генералъ Моро изъ Морлея, въ Финистерѣ, говорилъ: „я тоже тамъ родился“.

— Э! Что за важность, перебивали эльзасцы: въ арміи три генерала наши земляки: Ришпансъ изъ Мецца, Молиторъ изъ Гаянжа на Мозелѣ, Ней изъ Саррелуи, не говоря уже о генералѣ Лекурбѣ изъ Юры. Вами командуютъ наши земляки.

— Генералъ Вандомъ, принадлежащій къ корпусу Ле-

курба,—изъ Касселя, во Фландріи. Мой дядя родился тамъ же. Мой землякъ въ силѣ...

— Однако главнѣйшіе полководцы всѣ изъ Лотарингіи и Эльзаса.

— А маркизъ де-Груши и графъ Декенъ, наши бывшіе господа, вѣдь также командуютъ войскомъ,—возражали нормандцы,—парижане и южане немногаго стоятъ!

— Парижане—народъ испорченный...

— Неблагодарный! Развѣ они не первые стали на защиту свободы?

— Точно такъ же, какъ и марсельцы, пѣсню которыхъ ты постоянно напѣваешь.

— И жирондисты, павшіе за правду.

— Да здравствуетъ нація! Въ ней нѣтъ дурныхъ,—вскрикнулъ Карбегемъ, втайнѣ надѣясь, что этотъ возгласъ явится поводомъ чокнуться лишній разъ баденскимъ пивомъ.

Такимъ образомъ они шли уже нѣсколько дней по лѣснымъ дорогамъ. Сосновыя шишки катились изъ-подъ копытъ лошадей. Дровосѣки, жившіе въ темныхъ шалашахъ, надѣляли ихъ сыромъ. Мѣстные крестьяне въ обмѣнъ на фарфоровую трубку предлагали драгунамъ очень занимавшую ихъ вещицу: деревянные часы.

Каждый разъ какъ часы били, надъ циферблатомъ у рѣшетки балкончика, выточеннаго простымъ ножемъ, появлялись куколки. Особенно это удивляло бретонцевъ. Съ своими длинными саблями, высовывающимися изъ-подъ зеленыхъ мундировъ, они останавливались передъ игрушкой съ такимъ изумленіемъ, точно видѣли передъ собой чудо.

Лошадей поили въ высѣченныхъ въ камнѣ корытахъ, которыя уступали имъ крестьянки, полоскавшія въ нихъ бѣлье. При этомъ Ульбахъ никогда не упускалъ случая полюбезничать съ ними.

Начинали уже опасаться нечаянной встрѣчи съ австрійцами, и деревни проѣзжали не иначе, какъ предварительно убѣдившись въ отсутствіи непріятеля. Маріусъ уже не пѣлъ такъ беззаботно. По сторонамъ пути на горныхъ хребтахъ, за шпалерами дубовъ, однимъ словомъ, вездѣ можно было натолкнуться на засаду австрійцевъ. Солдаты, стараясь не шумѣть, почти не говорили между собой. На шестой день, когда войско подходило къ какому-то селу, Питуэ, сгорая желаніемъ утолить жажду стаканомъ бѣлаго вина, пу-

стилъ вскачь свою кобылу, но на поворотѣ одной изъ улицъ наскочилъ на всадника на высокой лошади. Въ первую минуту, при видѣ рыжаго здоровяка, удивленно что-то бормотавшаго, одѣтаго въ зеленый мундиръ съ оранжевыми отворотами на груди, Питуэ сталъ было рѣшать вопросъ: къ какому изъ республиканскихъ полковъ долженъ принадлежать незнакомецъ. Но спустя секунду онъ понялъ, что передъ нимъ непріятель.

Нѣсколько мгновеній оба удивленно смотрѣли другъ на друга. Затѣмъ, точно сговорившись, оба повернули назадъ своихъ лошадей и, пришпоривъ ихъ, пустились удирать въ противоположныя стороны, при чемъ Питуэ обнажилъ свою шашку. Однако не слыша за собой ни звуковъ пистолетныхъ выстрѣловъ, ни топота погони, онъ придержалъ лошадь и обернулся.

За пріотворенными дверями нѣсколько крестьянокъ въ красныхъ передникахъ съ испугомъ наблюдали за всѣмъ этимъ. Питуэ казалось, что онъ олицетворяетъ собой всю націю. Онъ повернулъ лошадь, вернулся назадъ и взвелъ курокъ своего ружья.

Сердце его сильно билось, обильный потъ струйками сбѣгалъ по лицу изъ-подъ каски, и, хотя онъ съ геройскимъ видомъ остановилъ свою лошадь, но разспросить крестьянокъ о незнакомцѣ былъ не въ силахъ: что-то сжимало ему горло и мѣшало говорить.

„Питуэ, сказалъ онъ себѣ,—ты долженъ умереть римляниномъ, не уронивъ своего достоинства". И сталъ терпѣливо ожидать возвращенія врага, хотя у него и дрожали колѣни въ стременахъ.

Какъ завидовалъ онъ въ этотъ мигъ своей кобылѣ, спокойно переступавшей съ ноги на ногу и невозмутимо стряхивавшей съ себя мухъ.

Живописная деревенька вся состояла изъ пяти вымазанныхъ известью домовъ подъ соломенными крышами, съ деревянными балкончиками и выкрашенными коричневой краской ставнями. Подъ лѣстницами висѣли клѣтки съ ворковавшими голубями. На правой сторонѣ дороги, сильно изрытой колеями, валялась борона. Солнце играло на листьяхъ, шелестѣвшихъ отъ вѣтра. Нѣсколько курицъ спокойно расхаживало по улицѣ.

Тщательно осмотрѣвъ все кругомъ, Питуэ принялъ гордую осанку, намоталъ на лѣвый локоть повода, поло-

жилъ поперекъ сѣдла ружье и, свѣсивъ прикрѣпленную къ кисти обнаженную саблю, сталъ внимательно прислушиваться. Но за хоромъ громко чирикающихъ воробьевъ ничего не было слышно.

— Ничего, подождемъ—говорилъ онъ себѣ, начиная понемногу приходить въ себя и готовый уже смѣяться надъ своей курьезной встрѣчей.

Въ это время его кто-то окликнулъ. Это Пье-де-Жасентъ собиралъ свой отрядъ и медленно приближался къ Питуэ.

— Ты тоже... ты его видѣлъ?! отвѣчай. Э, да у тебя отсохъ языкъ, голубчикъ. Ну, значитъ, ты его встрѣтилъ. Я въ этомъ увѣренъ. Черезъ дня два, три ты узнаешь, что развѣдчики, встрѣчаясь одинъ на одинъ или по двое, не сражаются. Да и къ чему бы это повело?!... Ну, однако, надо выпить малую толику. Это развяжетъ тебѣ языкъ.

— Fraüen! Weiss Wein geben Sie mir bitte!—

Съ испуганнымъ выраженіемъ лицъ крестьянки поспѣшили исполнить его требованіе и блѣдныя и взволнованныя торопливо вытирали стаканы.

Пье-де-Жасентъ схватилъ бутылку и протянулъ ее своему солдату.

— Спрячь твою саблю и хлебни этой живительной влаги; такъ... Danke! За насъ вамъ заплатитъ нація. Я напишу первому консулу, и онъ пришлетъ по счету... Ну, впередъ, Питуэ, смотри, не разбей бутылку и оставь немного вина для твоего начальника.

Миновавъ деревню и небольшую рощицу, солдаты замѣтили расположившихся другъ противъ друга эльзасцевъ и бретонцевъ.

Къ Питуэ наконецъ вернулся даръ слова.

Изъ-за кустовъ выѣхалъ верховой объѣздъ и присоединился къ остальному отряду.

Мѣстность, разстилавшаяся впереди, вся состояла изъ лѣсистыхъ склоновъ, отлого спускавшихся къ востоку. Издали слышался шумъ бурливой рѣчки и виднѣлись покрытыя черепицей коричневыя крыши домовъ пріютившагося тамъ городка. Надъ городомъ пронизанный лучами солнца поднимался жидкій дымокъ.

Осмотрѣвъ позицію, Геркуръ рѣшилъ, что здѣсь легко наткнуться на непріятеля. Чтобы установить сообщеніе съ эскадрономъ, который, въ случаѣ столкновенія съ австрій-

цами, сильно нуждался бы въ поддержкѣ, Герикуръ откомандировалъ на розыски Маріуса съ четырьмя рядовыми.

Городокъ казался спокойнымъ. Изъ полосы тѣни, падающей въ лощину отъ холма, тихо волнуемая вѣтромъ выступала свѣжая зелень городскаго сада. Герикуръ припоминалъ правила устава о веденіи развѣдокъ мѣстности. Наиболѣе цѣлесообразнымъ казалось ему расположить свой отрядъ у этого сада, площадь за которымъ могла бы служить удобной ареной для дѣйствій кавалеріи.

— Но кого же отправить туда?! Самыхъ расторопныхъ, конечно... Каюжакъ! Гасконцы!—Герикуръ сталъ объяснять имъ свой планъ. Каюжакъ—маленькій, широкоплечій человѣкъ со смуглымъ загорѣлымъ лицомъ, бойко на-лету схватилъ мысль начальника, указавъ рукой по направленію тѣхъ пунктовъ, на которыхъ предполагалось занять позицію.

— Ну, а если ты встрѣтишь непріятеля...—замѣтилъ Герикуръ.

— Я его опрокину!

— Хорошо, если сможешь.

— Вотъ еще! если смогу... Если захочу. Для насъ это плевое дѣло. Драгуны, на-лѣво! Стройся... Рысью... маршъ!... Такъ-то, господинъ поручикъ.

— Отлично. Понимаемъ.

И пять гасконцевъ, рѣшивъ, что имъ больше нечего слушать, начали энергично готовиться въ путь. Одни, защищая глаза рукой отъ солнца, старались разглядѣть невидимаго врага, другіе торопливо отстегивали свои штуцеры.

Герикуръ, выступавшій въ первый разъ въ качествѣ начальника развѣдочнаго отряда, внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями людей.

Его главной задачей было открыть доступъ къ городу для пѣхоты, которой предстояло здѣсь отдохнуть.

На гребнѣ холма, возвышавшагося надъ долиной, долженъ былъ расположиться полкъ Герикура, шедшій вслѣдъ за его рекогносцировочнымъ отрядомъ. Уже въ теченіе сутокъ издалека поминутно слышались выстрѣлы. Герикуръ чувствовалъ невидимое тяготѣніе къ сѣверо-востоку всѣхъ отрядовъ арміи, пробиравшейся черезъ долины, горы и лѣса. Всѣ силы арміи стягивались къ Унгени въ Штокахъ, замыкавшихъ бассейнъ Дуная.

Герикуръ такъ увлекся живыми представленіями бое-

выхъ картинъ, что и не замѣтилъ, какъ гасконцы скрылись за буковымъ лѣсомъ.

Очнувшись, Герикуръ сталъ сильно волноваться...

Каюжакъ между тѣмъ осторожно объѣзжалъ пни деревьевъ. Валявшіеся кругомъ отбросы и навозъ, обуглившіеся остатки костровъ, оторванныя старыя подошвы—все это доказывало, что мѣсто, по которому ѣхали гасконцы, еще недавно было занято лагеремъ непріятельскаго войска.

Слѣды эти, ясно обозначая тотъ пунктъ, до котораго отъ города тянулся австрійскій отрядъ, указывали на многочисленность непріятеля.

Каюжакъ предупредилъ гасконцевъ о своихъ опасеніяхъ, и они стали сдерживать своихъ лошадей и совѣщаться. Имъ не по сердцу пришлась осторожность Каюжака. Глаза ихъ возбужденно сверкали, и въ рѣчахъ слышалась задорная храбрость людей, соперничавшихъ въ мужествѣ и неустрашимости. Однако погорячившись, они не могли не признать справедливости разумнаго совѣта и не упрекнуть себя въ поспѣшности и горячности.

Пока солдаты совѣщались, послышался отдаленный топотъ.

Гасконцы быстро скрылись въ лѣсъ, поджидая непріятеля.

—Это хорошо—шепталъ Каюжакъ:—они сами идутъ къ намъ на встрѣчу. На починъ надо достать плѣннаго... Слушайте, какъ только я свистну—мы на нихъ ударимъ.

Гасконцы крѣпко стиснули колѣнками бока своихъ коней.

— Сабли на-голо!—прошепталъ Каюжакъ.

Въ эту минуту сквозь вѣтви деревьевъ мелькнули три всадника легкой кавалеріи. Подъ красными шапками виднѣлись боязливыя лица съ прищуренными глазами и съ полуоткрытыми ртами. Длинныя копья съ узкими желтыми флагами стѣсняли ихъ движенія. Ровной рысью приблизились они къ гасконцамъ. Они уже были такъ близко, что можно было бы сосчитать сбоку пуговицы на ихъ зеленыхъ штанахъ.

Копье одного изъ нихъ зацѣпилось за вѣтви. Послышалась ругань на нѣмецкомъ языкѣ. Желая помочь освободить копье товарищу, рвавшему о вѣтви свой желтый флагъ, двое другихъ, натянувъ повода, остановились и повернули къ нему своихъ коней.

Каюжакъ свистнулъ. Послышались крики и ругань.

Лошади бѣшено рванулись подъ сильными ударами колющихъ шпоръ. Каюжакъ вонзилъ саблю въ малиновую грудь солдата, не успѣвшаго освободить своего застрявшаго въ вѣтвяхъ копья. Кавалеристъ сразу испустилъ духъ и, склонивъ голову на плечо, повисъ на прикрѣпленномъ къ копью и обмотавшемся вокругъ кисти его руки ремнѣ. Его послушная лошадь осталась стоять подъ нимъ.

Другая рыжая лошадь, слегка задѣтая саблей, понесла сквозь лѣсъ своего сѣдока, громаднаго кавалериста, царапавшаго о вѣтви и сучки свое лицо; онъ сильно наклонялся къ лошадиной гривѣ, боязливо ожидая удара сабли мчавшагося по его слѣдамъ гасконца. Этотъ послѣдній между тѣмъ, увлеченный погоней, не видѣлъ мчавшагося за нимъ съ копьемъ на-перевѣсъ третьяго кавалериста и не слышалъ предостерегающихъ криковъ своихъ отставшихъ товарищей. Чрезъ мгновеніе гасконецъ съ вонзившейся въ шею пикой приподнялся на стременахъ, выронилъ изъ рукъ саблю и свалился на землю. Стальное остріе копья съ кускомъ сломавшагося древка торчало изъ пробитаго воротника его мундира. Австріецъ былъ внѣ опасности.

Драгуны пришпорили коней. Лошадь австрійца бросилась сквозь кусты. Драгуны ринулись за ней. Никто не кричалъ. Слышалось только, какъ тяжело дышали нагонявшіе и какъ стучали о деревья ножны сабель.

Каюжакъ, уже почти настигшій врага, однимъ ударомъ сабли ловко отрѣзалъ у него патронташъ. Бѣглецъ бросилъ оставшійся кусокъ сломаннаго копья и неловко обнажилъ саблю. Въ этотъ моментъ Каюжака опередилъ кадетъ, Бержеракъ, у котораго была лошадь получше. Лошадь юноши уже касалась мордой крупа лошади австрійца.

— Смѣлѣй, смѣлѣй!—крикнулъ ему Каюжакъ.

Наклонивъ голову, чтобы защититься каской отъ вѣроятнаго удара, и не желая погубить славную добычу—лошадь австрійца,—кадетъ не пускалъ въ дѣло саблю, а только прикрылся ею, приготовляясь отразить ударъ. Это былъ моментъ увлекательной скачки.

Щеки нагонявшаго австрійца кадета зарумянились. Ему было весело. Между тѣмъ австріецъ, страшившійся четырехъ нагонявшихъ его враговъ, и не думалъ вступать въ борьбу. Онъ весь былъ поглощенъ только однимъ желаніемъ: спастись на своей быстрой лошади. Но вдругъ, пере-

сѣкая его путь изъ-за деревьевъ, показались французскіе драгуны.

Кавалеристъ поднялъ руку, бросилъ саблю и, натянувъ повода, остановилъ лошадь. Онъ сдался кадету гасконцу.

— Я его поймалъ, я его поймалъ!—съ радостно сверкающими глазами и съ пламенѣющимъ румянцемъ на щекахъ, не переставая, кричалъ юноша.

Маріусъ былъ также тутъ среди марсельцевъ, которые выѣхали на дорогу и приблизились къ австрійцу и его побѣдителю.

— Отлично!—сказалъ Маріусъ,— ты, голубчикъ, заработалъ тридцать экю за лошадь и золотыя нашивки на рукава за плѣннаго.

Оба усталые отъ бѣшеной скачки, побѣдитель и побѣжденный, тяжело дышали. Лошади ихъ были въ пѣнѣ, лица окровавлены и испещрены царапинами отъ стегавшихъ ихъ во время бѣга черезъ лѣсъ колючихъ вѣтвей. Бѣлокурый, толстый австріецъ, повидимому, нисколько не былъ опечаленъ происшедшимъ.

— Каналья!—сказалъ ему Маріусъ: ты, небось, радуешься, что теперь цѣлость твоей шкуры обезпечена на всю войну. Подожди, голубчикъ, тебя еще пошлютъ въ самую жаркую рѣзню.

Австріецъ ничего не понялъ. Онъ досталъ свою флягу съ виномъ и, привѣтливо улыбаясь, протянулъ ее драгунамъ.

На возвратномъ пути, драгуны натолкнулись на убитаго австрійца, все еще висѣвшаго въ томъ же положеніи съ вытянутой рукой, затянутой ремнемъ и связанной съ копьемъ, застрявшимъ въ вѣтвяхъ ели. Кровь, струившаяся изъ открытаго рта, окрасила темной полосой зеленый рукавъ его мундира. Лошадь, продолжавшая смирно стоять подъ нимъ, щипала молодые древесные побѣги.

Дальше драгуны нашли раненаго гасконца. Безъ пальто и каски онъ сидѣлъ на землѣ, зажимая рукою рану. Крупныя слезы катились по его совсѣмъ еще юному лицу.

Разорвавъ его рубашку и сдѣлавъ изъ нея бинтъ, драгуны перевязали ему рану, подняли, усадили на лошадь и отправились дальше.

Впереди, между Каюжакомъ и кадетомъ ѣхалъ плѣнный.

По возвращеніи отряда Герикуръ узналъ отъ плѣннаго, что городъ переполненъ непріятельскими войска

расположившимися по городскимъ площадямъ и садамъ.

Между тѣмъ солнце, прорѣзавъ сумракъ долины, позолотило своими лучами листья деревьевъ. Посмотрѣвъ въ долину, Герикуръ замѣтилъ холодный блескъ ровной щетины стальнаго оружія.

— Непріятель уже выступаетъ!—мелькнуло у него въ умѣ.

Къ счастью, Маріусъ, посланный Герикуромъ на поиски эскадрона, уже успѣлъ его найти и съ полковникомъ и офицерами во главѣ ровной рысью приближался къ отряду Герикура.

Герикуръ съ плѣннымъ двинулся на встрѣчу эскадрона. Внутренно онъ боялся заслужить порицаніе своего начальника, что сильно задѣло бы его самолюбіе...

Полковникъ, очень полный человѣкъ, лѣтъ сорока пяти, началъ свою карьеру съ должности конюха у герцога Люксембургскаго. Затѣмъ ему удалось съ шайкой бродягъ ворваться въ домъ своего бывшаго хозяина и захватить тамъ важную корреспонденцію. Конвентъ наградилъ его чиномъ офицера. Послѣдующіе чины онъ заслужилъ своей саблей въ битвахъ во Фландріи и Голландіи. Это былъ человѣкъ совершенно необразованный, едва грамотный. Его ненависть къ роялистамъ столько же способствовала его повышеніямъ, сколько и храбость.

— Ну что же, поручикъ?—закричалъ полковникъ еще издали Герикуру, хлопнувъ тяжелой перчаткой по своей толстой колѣнкѣ.

Герикуръ сталъ рапортовать.

— Громче, я ничего не слышу.

Бернардъ смѣло возвысилъ голосъ.

— Хорошо, хорошо!—сказалъ толстякъ.—Впрочемъ, мнѣ кажется, вы скорѣй, нежели я, начальникъ полка.—Господинъ полковникъ!

— Я бы сегодня атаковалъ этихъ каналій—и полковникъ свистомъ указалъ на городъ.

Герикуръ постарался ему объяснить безуміе такого предпріятія.

— Поручикъ, я долженъ сегодня же соединиться съ правымъ крыломъ генерала Гувіонъ-Сенъ-Сира. Повѣрьте, я твердо помню приказъ. Это мѣстечко мѣшаетъ намъ и, поэтому, намъ нужно его занять.

— Нашъ плѣнникъ принадлежитъ къ небольшому от-

ряду, сражавшемуся третьяго дня при переправѣ черезъ рѣку Альбу. У этого отряда была артиллерія...

— Господинъ поручикъ! Чихать мнѣ на ихъ артиллерію... Теперь часъ. До пяти я долженъ соединиться съ флангомъ генерала Гувіонъ-Сенъ-Сира. Въ два часа мы покинемъ долину и направимся къ сѣверу. Капитанъ, поѣзжай и изслѣдуй мѣстность. Полкъ двинется по-взводно... Спустившись въ долину, полкъ построится въ боевомъ порядкѣ передъ той лужайкой, на которой ты видишь непріятельскую пѣхоту. И такъ, поручикъ, отправляйтесь къ своему эскадрону.

Полковникъ съ покраснѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ, на которомъ рѣзко выступили надувшіяся жилы, послѣ каждой фразы хлопалъ перчаткой по плотно облегавшимъ его ноги замшевымъ брюкамъ.

Бернардъ вернулся къ своему взводу и передалъ приказъ Пье-де-Жасенту.

— За что ненавидитъ меня полковникъ?—спрашивалъ онъ себя.

Для него это была тяжелая минута. Онъ чувствовалъ себя оставленнымъ всѣми и страдалъ душевно за свой полкъ, которому грозило большое несчастье.

— Что же теперь впереди? Быть можетъ, смерть, быть можетъ, послѣ долгихъ и безплодныхъ переходовъ придется вынести полное тягостной тоски заточеніе и плѣнъ въ какой-нибудь крѣпости Карпатскихъ горъ и безконечныя издѣвательства нѣмцевъ.

А эти люди кругомъ него, что могутъ они подумать о немъ послѣ разговора съ полковникомъ. Развѣ его осторожность не будетъ ими истолкована какъ трусость?!

Герикуръ не рѣшался смотрѣть прямо въ лицо своимъ гасконцамъ и раненому, лицо котораго все болѣе блѣднѣло между окровавленныхъ тряпокъ съ каждымъ движеніемъ его лошади.

Герикуръ мысленно сталъ издѣваться надъ своими чувствами и мечтами о славѣ, объ Авреліи, Зильмѣ и Бонапартѣ!..

Между тѣмъ Питуэ въ своей бесѣдѣ съ кобылой ругнулъ Бонапарта „этого новаго Кромвеля". Вся слава померкнетъ вслѣдствіе пораженія его полка, все, о чемъ мечталъ поручикъ, а его „характеръ"? Гдѣ его гордое величіе, подобное Сципіону и Цезарю, въ тотъ моментъ? Есть

между тѣмъ величіе и въ этой минутѣ, величіе въ безропотной покорности своей судьбѣ.

Въ этотъ моментъ онъ сравнивалъ себя съ древними развалинами, потрясаемыми налетѣвшей на нихъ бурей, и въ которыхъ вдругъ прозвучалъ одинокій голосъ барда, воспѣвающаго красоту ихъ безсилія и ихъ величественности.

„Этотъ полковникъ глупое животное—продолжалъ размышлять. Герикуръ,—и видно, что онъ не прочелъ ни одной книги объ искусствѣ войны“. Однако, благодаря нѣсколькимъ низостямъ и предательству, этотъ человѣкъ пролѣзъ въ начальники и командуетъ имъ, Герикуромъ, во всемъ стоящимъ его выше.

„Что жъ дѣлать? Не обратиться ли къ солдатамъ, открыто высказать всю правду, устранить этого болвана и подготовить побѣду „націи“ вопреки всему!“ Какъ сильно презиралъ Герикуръ въ этотъ моментъ толстый затылокъ бывшаго конюха и его грубыя тѣлодвиженія. Онъ изловилъ себя на грубомъ ударѣ кулакомъ по шеѣ лошади за какую-то провинность, подъ вліяніемъ досады. Ему хотѣлось вонзить свою шпагу въ эту толстую шею съ жирной складкой, выступившей изъ-за краснаго воротника полковника.

Колонна двигалась черезъ лѣсъ. Пыль поднималась изъ-подъ копытъ и густымъ слоемъ ложилась на мундиры, лошадей и сапоги. Въ молчаніи солдатъ было что-то торжественное. Каждый мысленно переживалъ весь ужасъ предстоящаго боя. По слишкомъ прямо одѣтымъ каскамъ, по напряженному вниманію, съ которымъ слѣдили люди за движеніемъ своихъ коней—по всему можно было замѣтить внутреннюю тревогу.

Солдаты, взвѣшивая возможность успѣха, тщательно исполняли приказанія. Они поправляли спутавшіеся ремни, разстегивали нѣсколько пуговицъ куртки, желая дать большую свободу движеніямъ, укорачивали стремена, чтобы чувствовать болѣе твердую опору подъ своими ногами.

Только гасконцы продолжали болтать между собой и, приподнимаясь на стременахъ, силились разсмотрѣть черезъ головы ѣхавшихъ впереди тотъ опасный пунктъ, къ которому двигалась колонна.

За ними, вытянувшись на лошадяхъ, храня глубокое молчаніе, ѣхали эльзасцы.

Марсельцы уже начинали принимать мѣры предосторож-

ности и трусливо съеживались на сѣдлахъ, прячась за головы лошадей.

Голубоглазые бретонцы съ такимъ безпокойствомъ слѣдили за выраженіемъ лицъ начальства и товарищей, точно ожидали прочесть въ ихъ глазахъ тайну будущаго.

Хладнокровные фламандцы, поудобнѣе усаживаясь въ сѣдлахъ, принимали гордую, вызывающую осанку. Безстрастные тюрингенцы, не обращавшіе никакого вниманія на окружающее, съ опущенными головами и съ полузакрытыми глазами, казалось, готовы были заснуть.

Точно овчарка, стерегущая стадо, вдоль колонны двигался Пье-де-Жасентъ, осматривая, достаточно ли крѣпко затянуты подпруги и легко ли отстегиваются штуцеры. Съ сѣдыми баками и морщинистымъ лицомъ, онъ, не торопясь, методически подвигался впередъ около взвода. Догнавъ парижанина, котораго онъ очень любилъ, онъ поравнялся съ нимъ и сталъ давать ему совѣты относительно предстоящаго дѣла.

Но Питуэ, блѣдный какъ полотно, сильно волновавшійся, чувствовавшій, что его душитъ воротникъ, плохо понималъ его.

Послышалась громкая команда, повторенная сначала двумя, потомъ десятью голосами, и все увеличивающимся числомъ голосовъ она пронеслась по всей колоннѣ.

Точно рычагъ громаднаго механизма стремительно, блестя золотою аммуниціею надъ лоснящимися крупами и въ одну темную полосу слившимися хвостами ровно мчавшихся лошадей, эскадронъ двинулся къ среднему гребню возвышенностей.

Вылетѣвшій со стороны новый отрядъ скрестился съ эскадрономъ. Послышался звонъ сабель. Отъ красныхъ отворотовъ мундировъ рябило въ глазахъ. Жидкая грязь черноземнаго поля забрызгала лошадей, сапоги и кобуры револьверовъ. Всѣ остановились.

— Готовься къ бою! По-зводно!..

Воодушевленный общимъ движеніемъ и видомъ войска, Бернардъ облегченно вздохнулъ.

Съ мѣста, гдѣ выстроилось войско, у подошвы большаго склона, какъ на ладони былъ виденъ городъ; его улицы и мосты были переполнены непріятельскими войсками.

Съ колокольни слышались рѣзкіе удары набата.

Справа и слѣва, къ эскадрону съ гарцевавшими впереди на горячившихся лошадяхъ офицерами, блестя своими касками, подъѣзжали новыя бригады.

Въ пятистахъ саженяхъ отъ города виднѣлись геометрически-правильныя фигуры непріятельскихъ войскъ. Герикуръ могъ ясно различить два каре батальоновъ съ четырьмя блестѣвшими мѣдными пушками, надъ которыми курились фители артиллеристовъ. Тамъ нельзя было уловить ни малѣйшаго движенія.

Въ то же время немного южнѣй, слѣва, можно было замѣтить готовые къ атакѣ отряды легкой кавалеріи.

— Хорошенькое положеніе!—проворчалъ Бернардъ.

Окруженный своимъ штабомъ, на бѣлой лошади, къ эскадрону выдвинулся генералъ. Это былъ тщедушный человѣчекъ, одѣтый въ сидѣвшій на немъ мѣшкомъ расшитый золотомъ мундиръ. Громадная шляпа съ пышными перьями украшала его голову. Блестя своею золотой саблей, онъ проѣзжалъ передъ линіей знаменъ и горячо жестикулировалъ.

— Ну, посмотримъ, какой замѣчательный приказъ изречетъ этотъ умникъ—подумалъ про себя Герикуръ.

По мѣрѣ приближенія генерала все громче и громче слышался его голосъ. — Нація... Республика... Борьба противъ тирановъ...—долетали несвязныя слова. Но вотъ онъ подъѣхалъ къ взводу Герикура и остановился. У него было совсѣмъ мальчишеское лицо. Черный галстухъ, виднѣвшійся между углами обшитаго золотомъ воротника, плотно обтягивалъ его шею. Замшевыя брюки свободно вздымались на его худыхъ колѣчяхъ, прижатыхъ къ красному чепраку лошади.

— Дѣти республики! — началъ онъ свою рѣчь, протянувъ къ эскадрону руку въ бѣлой перчаткѣ.

Въ этотъ моментъ къ эскадрону галопомъ подскакалъ капитанъ и какъ вкопанный остановился передъ маленькимъ съ взъерошенными бѣлокурыми волосами генераломъ.

Генералъ, очевидно, надѣялся услышать нѣчто важное отъ капитана, но, вспомнивъ о своей рѣчи, раньше поспѣшилъ докончить ее.

— Нація смотритъ на васъ. Армія слѣдуетъ за вами. Передъ вами приверженцы тирановъ. Драгуны третьей бригады! Сбросьте въ рѣку этихъ свинопасовъ! Да здравствуетъ нація!

— Да здравствуетъ нація!—подхватили эльзасцы

— Да здравствуетъ нація!—пронесся по рядамъ возгласъ гасконцевъ и тюрингенцевъ. Питуэ тоже открылъ ротъ, но не могъ издать ни одного звука. Между тѣмъ, бѣлая лошадь генерала уже виднѣлась вдали между зеленѣющими посѣвами.

Надо отдать справедливость тактикѣ генерала: онъ не сдѣлалъ ни одной глупости—предоставивъ войску исполнять приказъ, онъ самъ удалился на приличную дистанцію, гдѣ могъ себя чувствовать въ полной безопасности отъ выстрѣловъ.

Колоннами подъѣхалъ 2-й полкъ бригады, сохранившій въ очень хорошемъ видѣ своихъ лошадей. Галопомъ объѣхавъ эскадроны толстаго полковника, полкъ выстроился за ними.

Расположеніе войска представляло кривую линію, тянувшуюся параллельно непріятельскимъ позиціямъ; посреди ея установилась батарея въ мѣстѣ, сильно защищенномъ отъ непріятельскаго огня.

Дойдя до этого пункта, 1-й эскадронъ повернулъ вправо и остановился противъ рядовъ пѣхотинцевъ въ медвѣжьихъ шапкахъ. Бернардъ внимательно изучалъ расположеніе войскъ, онъ видѣлъ, какъ 2-й и 3-й эскадроны исполнили тотъ же маневръ и какъ затѣмъ всѣ три, соединившись вмѣстѣ, блестящей толпой ринулись по отлогому склону.

Герикуръ перевелъ взглядъ на непріятельскія позиціи. Тамъ, между лѣсистыми холмами онъ замѣтилъ правильныя геометрическія фигуры человѣческихъ группъ, образовавшія какъ бы вторыя стѣны за каменными стѣнами города.

Зловѣщій гулъ набата не умолкалъ. Австрійскій лагерь кишѣлъ людьми, точно муравейникъ: по берегамъ рѣки, на мостахъ, вездѣ замѣчались чернѣющіяся полосы австрійскихъ колоннъ, то скрывавшихся въ тѣни, то снова выступавшихъ и сверкавшихъ штыками ружей на яркомъ солнцѣ.

Оживленное движеніе внизу, на землѣ, казалось, распространилось и на небо, гдѣ пролетая громко кричали аисты. Точно грозный потокъ съ черной пѣной трепавшихся гривъ неслась къ непріятельскому каре толпа драгунъ.

Даже вялыхъ тюрингенцевъ увлекло это зрѣлище могучаго движенія, и они широко раскрытыми глазами слѣдили

за мчавшимися эскадронами. Гасконцы, выпрямившись на стременахъ, дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями.

Разстояніе между всадниками и непріятелемъ быстро сокращалось. Во взводѣ Бернарда всѣ переживали настроеніе этихъ людей. Вдругъ въ рядахъ австрійскаго войска блеснули ружья; точно молнія пробѣжала по рядамъ, и разсѣкая воздухъ грянулъ залпъ. Герикуръ не чувствовалъ ничего, онъ весь былъ охваченъ страстной жаждой слѣпой борьбы. Въ глазахъ его все затуманилось, и на мгновеніе какая-то слабость разлилась по всѣмъ членамъ. Онъ прикрикнулъ на разстроившіеся ряды гасконцевъ и Питуэ, горланившаго во всю глотку: „да здравствуетъ нація!“, быть можетъ для того, чтобы подбодрить себя и отвлечь вниманіе отъ той картины, какую представляли подъ непріятельскимъ огнемъ атакующіе драгуны. Сейчасъ же вслѣдъ за залпомъ какой-то драгунъ соскочилъ съ лошади, схватился за голову и, всплеснувъ руками, упалъ на землю.

Видно было, какъ бились, давя подъ собой людей, падающія лошади, какъ топтали павшихъ послѣдующіе ряды.

— Драгуны, въ атаку! — хриплымъ голосомъ прокричалъ полковникъ.

— Маршъ!

Разбрызгивая грязь и на минуту закрывъ городъ, горизонтъ и правильныя фигуры непріятельскихъ позицій, мимо проскакала новая толпа всадниковъ, и почва задрожала подъ ударами тысячи копытъ.

Снова по рядамъ непріятельскаго войска пробѣжалъ огонь и, звонко отдаваясь въ ушахъ, грянулъ залпъ.

— Второй эскадронъ въ атаку!..

— Впередъ маршъ!

И снова вихремъ пронеслись драгуны.

Въ ту же минуту послышался громъ пушечной канонады.

— 1-й эскадронъ!

— Впередъ! — крикнулъ опьяненный и оглушенный Бернардъ, едва сдерживая свою горячившуюся лошадь.

Драгуны дали поводъ и дружнымъ движеніемъ обнажили сабли.

— Повзводно... Драгуны, впередъ... маршъ!..

— Маршъ!—повторилъ команду Бернардъ. Въ первое время онъ не могъ сообразить, почему, въ противоположность направленію движенія другихъ полковъ, его эскадронъ

повернулъ спиной къ карре. Увлекаемая общей бѣшеной скачкой, лошадь его понеслась за другими. Герикуръ видѣлъ только развѣвающіеся на каскахъ султаны, волнообразно несущіеся впередъ крупы лошадей и взлетавшіе изъ-подъ копытъ комья земли. Сильно пахло лошадинымъ потомъ... Герикуръ больше не размышлялъ.

Надъ ними, гудя, проносились ядра и визжала картечь. Герикуръ взглянулъ на своихъ солдатъ. Они сидѣли, сильно отклонившись назадъ, и крѣпко сжимали повода. Въ ихъ блѣдныхъ лицахъ съ прищуренными, безжизненно неподвижными глазами онъ не узналъ прежнихъ физіономій своихъ людей.

— Повзводно! — послышалась команда офицеровъ: направо! налѣво!—„развернитесь—повзводно!"

— Слушай!—закричалъ Пье-де-Жасентъ.

— Стой!

Въ теченіе еще нѣсколькихъ секундъ люди боролись съ рвавшимися впередъ лошадьми, но вотъ онѣ угомонились и, громко фыркая, стали какъ вкопанныя.

Оглядѣвшись, Бернардъ замѣтилъ, что находится слѣва отъ пункта, куда направлена была главная атака французскаго войска.

Вдали онъ замѣтилъ красныя шапки быстро приближавшихся съ копьями на перевѣсъ австрійскихъ кавалеристовъ. Бернардъ, машинально повторяя слова команды, старался отдать себѣ отчетъ въ происходившемъ. Теперь, ему становилось понятнымъ, почему его эскадронъ помчался въ иномъ направленіи. Очевидно, эскадронъ долженъ былъ прикрыть два атакующихъ полка противъ атаки съ фланга непріятельской кавалеріи.

Солдаты подняли ружья; послышался звукъ взводимыхъ курковъ.

— Смотрите же, хорошенько цѣльтесь, не то плохо вамъ придется,—замѣтилъ Пье-де-Жасентъ.

Въ самомъ дѣлѣ, цѣлыхъ два непріятельскихъ отряда, сильно растянувшись по полю, мчались на нихъ.

Эскадрону надо было успѣть вытянуться въ линію; одинъ взводъ для подкрѣпленія отъѣхалъ назадъ.

„Сейчасъ пробьются",—мелькнула у Бернарда мысль. Но непріятель, плохо направленный, вдругъ замедлилъ атаку, вѣроятно желая окружить врага и ударить на него справа и съ фронта. Въ эту минуту послышался жидень-

кій голосъ маленькаго генерала, быстрой рысью подъѣзжавшаго къ эскадрону.

Его команду повторили, и черезъ минуту эскадронъ разбился на четыре части, представлявшія четыре послѣдовательныхъ уступа.

Люди взвели заряженныя ружья. Теперь, непріятелю нельзя было пробиться. Австрійцы, желая разстроить эту крѣпкую учетверявшую силы эскадрона защиту, хотѣли было объѣхать и повести атаку справа, но генералъ, слегка измѣнивъ расположеніе взводовъ, опять обратилъ къ нимъ лицомъ тѣ же четыре уступа тѣсно столпившихся людей. Австрійская кавалерія, видя направленныя на себя ружья всего эскадрона, не рѣшалась продолжать атаку, а генералу оставалось только, слѣдуя за движеніями непріятеля, передвигать и ставить передъ нимъ все ту же сильную, не мѣняющую формы своего строя защиту. Это походило на шахматную игру, въ которой враждующія партіи, поочередно передвигая свои силы, занимали то тѣ, то другія клѣтки на поверхности зеленыхъ посѣвовъ.

Бернарда уже не безпокоила участь его эскадрона. Вокругъ себя онъ видѣлъ улыбающіяся лица гасконцевъ, которыхъ занимало это перемѣщеніе, перестраиванье рядовъ, послѣдовательно устанавливавшихся то спереди, то сзади, то справа, то слѣва...

Эльзасцы нѣсколько раздражались. Питуэ очень интересовало, что дѣлается въ городѣ, откуда доносился неумолкавшій громъ пушекъ и трескотня ружей. Но небольшой холмъ, покрытый кустарникомъ, совершенно скрывалъ отъ глазъ городъ съ востока. На лицахъ бретонцевъ вновь появилась увѣренность.

Порой казалось, что на цвѣтущемъ лугу происходитъ какой-то праздничный парадъ.

Обѣ части соперничали въ быстротѣ и ловкости. Между тѣмъ драгуны медленно отступали къ кустамъ.

— Отступаемъ!—недовольно ворчали эльзасцы.

Между тѣмъ австрійцы приближались. Герикуръ ясно уже различалъ цвѣтъ ихъ бакеновъ, рисунокъ мѣдныхъ бляхъ на шапкахъ, бѣлыя перевязи, аксельбанты и малиновые обшлага.

Старый австрійскій офицеръ на высокой рыжей лошади прокричалъ что-то и съ поднятой саблей бросился впередъ, за нимъ помчались остальные. Надъ трепавши-

мися гривами быстрымъ галопомъ приближавшихся лошадей, подъ красными шапками, виднѣлись физіономіи съ открытыми ртами.

— Стой!—скомандовалъ маленькій генералъ.

— Цѣлься!—крикнулъ Герикуръ, выжидая наиболѣе удачнаго момента для залпа.

Двадцать четыре ружья вытянулись ровной полосой, и мѣдныя каски замерли надъ ними. Обнаженныя сабли повисли на кистяхъ рукъ. Слышно было, какъ фыркали глубоко вздыхая лошади. Наступало время, когда размышленія должны были уступить мѣсто дѣйствію.

Сильное возбужденіе охватило всѣхъ людей и проявлялось во всемъ: и въ порывистыхъ жестахъ стараго австрійскаго офицера, поправлявшаго поводъ въ своей рукѣ, и въ переливающемся блескѣ пуговицъ на малиновыхъ нагрудникахъ и въ трепетѣ ряда опущенныхъ копій.

Первымъ щелкнулъ курокъ Питуэ, затѣмъ Каюжака, затѣмъ курки марсельцевъ, и, повинуясь сигналу, недружно прогремѣлъ залпъ марсельцевъ. Послышалась громкая, заглушающая остальной шумъ ругань Пье-де-Жасента.

— Пли! — крикнулъ Бернардъ, и грянулъ ружейный залпъ эльзасцевъ и тюрингенцевъ.

Въ непріятельскихъ рядахъ упали двѣ лошади. Въ то же время одинъ изъ гасконцевъ, стоявшій около Ульбаха, высоко вскинулъ руки и повалился на землю. Сдѣлавъ страшное усиліе, онъ привсталъ на колѣни, но раздалась команда, драгуны ринулись на встрѣчу атакующимъ и, смятый ульбаховской лошадью, гасконецъ снова, завывъ, какъ побитая собака, исковерканный, растянулся на землѣ.

Ничего не видя и не слыша, Герикуръ, пришпоривъ лошадь, помчался впередъ. Солдаты на-скаку приводили въ готовность свои ружья и сабли.

И вдругъ, все смѣшалось. Питуэ, громко предупреждая своихъ остерегаться его ударовъ, обнаженной саблей хлесталъ по ближайшимъ шапкамъ.

Одинъ изъ тюрингенцевъ съ вонзившимся въ него копьемъ свалился на крупъ лошади. У какого-то драгуна вдругъ въ груди образовалась краснѣющаяся дыра, и онъ, широко открывъ ротъ, отчаянно, какъ безумный, забилъ руками въ воздухѣ.

Отовсюду, на маленькихъ бойкихъ лошадяхъ прибывали все новыя массы австрійцевъ въ зеленыхъ мундирахъ съ

малиновыми нагрудниками. Повсюду французы натыкались на копья. Эльзасцы рубили копья сильными ударами сабель..

Герикуръ не видѣлъ ничего передъ собой кромѣ непріятельскихъ лицъ. Съ раздувающимися ноздрями и искривленными ртами, австрійцы орали что-то по-нѣмецки. Цѣлый лѣсъ копій пробивалъ путь сквозь взводы драгунъ. Заглушая крики, звонъ сабель и лошадиный топотъ, слышалась громкая команда Пье-де-Жасента, привставшаго на стременахъ.

Бернардъ машинально кричалъ, повторяя за нимъ:

— Драгуны, рубите копья... Каюжакъ, берегись! Питуэ, коли коня! Драгуны, рубите!

Зловѣщія острія желѣза на древкахъ, обмотанныхъ желтымъ сукномъ, трескъ пистолетныхъ выстрѣловъ, ураганъ мчащихся кругомъ него людей съ глазами полными ужаса и блѣдными лицами, сталкивающіяся и бьющіяся лошади и повсюду все тѣ же неизмѣнные ряды копій—все это сливалось въ картину какого-то дикаго хаоса. Герикуръ не успѣвалъ наблюдать за своими... Онъ не видѣлъ, какъ лихо отбивались, сверкая лезвіями сабель, гасконцы отъ стѣснявшаго ихъ непріятеля, какъ разъяренные фламандцы, широко взмахивая своими саблями, могучими ударами разсѣкали отъ ушей до ртовъ головы противниковъ.

Герикуръ, видя, что его драгунъ сильно тѣснятъ копьями, только-что собрался скомандовать развернуть ряды, чтобы, пропустивъ мчавшихся сзади, улучить время и привести въ порядокъ разстроившійся отрядъ, какъ вдругъ замѣтилъ направленное на него копье австрійскаго кавалериста. Онъ осадилъ лошадь, и копье пролетѣло мимо. Въ тотъ же моментъ сильнымъ ударомъ сабли онъ разсѣкъ черепъ сгорбившагося подъ ожидаемымъ ударомъ австрійца.

— Трубите сборъ!

И къ высоко поднятой саблѣ Герикура со всѣхъ сторонъ бросились его люди; вокругъ него дрожали пышные султаны ихъ касокъ, и бѣшено рвались и прыгали лошади. Но, наконецъ, на мгновеніе все успокоилось и стихло.

— Заряжайте ружья!—скомандовалъ Бернардъ.

Но драгуны, не выдержавъ новаго напора непріятеля и преслѣдуемые имъ, бросились подъ прикрытіе кустовъ, гдѣ и скучились въ нестройную толпу.

Австрійцы, торопясь достичь атакующихъ, пронеслись

дальше, не заботясь о своихъ раненыхъ, которые, отставъ, падали съ лошадей и растягивались на землѣ.

Герикуръ оглядѣлся, ища глазами свой эскадронъ; но его нигдѣ не было видно.

Издалека доносились выстрѣлы пушекъ. Земля была усѣяна окровавленными тѣлами. Лицо тюрингенца, ранена пикой и тщетно силящагося привстать, покрывалось уже мертвенной блѣдностью. Несмотря на это, драгуны весело растирали свои помятыя при столкновеніяхъ ноги; имъ было пріятно чувствовать себя здоровыми и невредимыми. Забивая въ ружья патроны, солдаты переговаривались между собой.

— Гдѣ нѣмцы?

— Они только-что перескочили черезъ кусты и теперь удираютъ; наши взводы атакуютъ ихъ съ фланга; я слышалъ ихъ выстрѣлы.

— А я ничего не слышалъ.

— И я тоже.

— А я слышалъ. Это продѣлка нашего эскадрона.

— Да замолчите вы, наконецъ. Они забрали всѣ взводы за исключеніемъ нашего.

— Ихъ было двадцать противъ одного,

— Но куда же они бѣгутъ, идіоты?!

— Тьфу, пропасть! Они летятъ въ тылъ нашего войска, чтобы помѣшать атакѣ.

— Вернутся ли они?

— Конечно, нѣтъ.

— Увидишь... Ты можешь приготовиться къ встрѣчѣ ихъ.

— А генералъ?

— Вѣроятно, они взяли и его.

— Ты смѣешься; ему не такъ легко попасться въ плѣнъ, какъ намъ: этихъ важныхъ всегда прячутъ въ безопасное мѣстечко.

— Кто слышалъ, какъ стрѣляли взводы?

— Я!

— Ты?! что ты разсказываешь, когда я былъ рядомъ съ тобой и ничего не слышалъ.

— Ну, спрячьте свои шомполы. Никто не потерялъ своего кремня?

— Нѣтъ, бригадиръ.

— Посмотри, бѣдный малый совсѣмъ изнемогъ. Ему ужь не встать.

— Кто его такъ угораздилъ?

— Я видѣлъ, какъ въ него летѣло копье.

— Одинъ рыженькій прямо мнѣ въ физіономію навелъ свой пистолетъ; но не тутъ-то было, одинъ ударъ сабли, и выстрѣлъ летитъ въ ухо его лошади; она взвивается на дыбы, и я очень ловко увертываюсь отъ него. Надо было видѣть, какой у него былъ глупый видъ, когда я точно топоромъ отрубилъ его пику по рукоятку.

— Я выпустилъ кишки двумъ лошадямъ. Посмотри, видишь того съ просѣдью, вылѣзшаго изъ-подъ павшей лошади, онъ тоже со мной имѣлъ дѣло.

— Питуэ, кто это тебя такъ украсилъ?

— Не знаю, я только теперь почувствовалъ.

— У тебя кровь еще течетъ, будетъ синякъ.

— Ну, смирно... подберите повода. Четыре человѣка, выйдите впередъ. Ну, что, тюрингенецъ, не боишься больше?

— Вотъ тоже!

— Смирно, черти!

— Эй, ты, потерялъ свою саблю. Нонденъ, отстегни у него портупею. Кавалеристы съ фуражемъ!

Герикуръ снова старался отдаться тому опьяненію, въ какомъ онъ находился цѣлый часъ. Отчетливыя картины только-что пережитаго стояли передъ его глазами и мѣшали сосредоточиться на чемъ-нибудь постороннемъ. Кругомъ себя онъ слышалъ рѣчи солдатъ, разсказывавшихъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

Они разстегивали воротники, засучивали рукава, обтирали свои потныя, усталыя лица и растирали больныя мѣста. Каждый хвасталъ передъ другимъ, преувеличивая свои подвиги. Пье-де-Жасентъ тщетно пытался заставить ихъ замолчать и узнать, стрѣляли ли по непріятелю остальные взводы эскадрона.

Герикуръ съ тревогой вспомнилъ о своемъ маленькомъ братѣ, безпокоясь о его судьбѣ.

— Но нѣтъ, братъ не могъ попасть въ огонь,—мысленно успокаивалъ онъ себя.

Однако пора было что-нибудь предпринять; пора было двинуться дальше этой скрывшейся на окруженной со всѣхъ сторонъ кустарникомъ лужайкѣ возбужденной толпѣ. Герикуръ

прислушался, вблизи все было тихо. Только изъ глубины долины, гдѣ раскинулся городъ, доносился пушечный гулъ.

— Туда и надо держать направленіе,—вспомнилъ онъ инструкцію. Но въ эту минуту невдалекѣ блеснулъ огонекъ, напоминавшій блескъ горящаго фитиля, и послышались крики.

Пье-де-Жасентъ предположилъ, что это непріятель окружилъ ихъ взводъ, а можетъ быть и весь эскадронъ и что имъ остается только сложить оружіе. У Бернарда мелькнула та же мысль.—„Очевидно, непріятель, обогнавъ драгунъ, выдвинулъ свою пѣхоту и, такимъ образомъ, отрѣзалъ путь къ городу",—подумалъ онъ. Оба рѣшили отправить нѣсколькихъ спокойныхъ, надежныхъ людей разузнать обстоятельства дѣла.

Герикуръ послѣдовалъ за ними. Его непріятно поражала мысль о новой встрѣчѣ съ австрійскимъ офицеромъ, который пробился со своимъ отрядомъ сквозь ихъ ряды, бросивъ своихъ раненыхъ. Онъ живо представилъ себѣ этого сухаго старика, возбуждавшаго безпокойные разговоры между солдатами, съ его хищнымъ обдававшимъ холодомъ взглядомъ и съ угрожающе поднятой саблей.

Вмѣстѣ съ Герикуромъ отправились Карбегемъ и Флаго. Неумолкавшая канонада пушекъ сливалась въ протяжный гулъ.

Каска сильно давила Бернарду голову. Онъ поправился въ сѣдлѣ. Новый урокъ въ школѣ сраженія придалъ ему много самодѣянности; вспоминая, какъ ловко разсѣкъ онъ черепъ непріятельскому кавалеристу, онъ даже залюбовался собой:

— Да, онъ былъ сила, которую только нечаянно могъ сломить этотъ высокій худой старикъ въ красной шапкѣ. И онъ мысленно перенесся во времена Римской имперіи. Онъ представлялъ себѣ двигавшихся за нимъ орловъ легіоновъ; ему казалось, что онъ слышитъ шаги сотенъ центурій и звонъ наполненныхъ масломъ кувшиновъ, какіе на плечахъ носили римляне.

Карбегемъ и Флаго, миновавъ кусты, быстрой рысью направились по полю. Очевидно, тревога была ложная, и опасности не предвидѣлось.

Дѣйствительно, невдалекѣ за кустами можно было замѣтить спѣшившихся людей. Это были эльзасцы съ пятью плѣнными, обезоруженными австрійцами. Ульбахъ, подъ-

ѣхавъ къ Герикуру, изложилъ результаты своихъ дознаній. Плѣнные австрійцы принадлежали къ лѣвому крылу батальоновъ, стоявшихъ подъ городомъ.

Непріятель—какъ оказалось—сильно опасался, что французы разобьютъ по частямъ его раздробленныя силы, не давъ возможности имъ соединиться. Считая драгунъ только развѣдчиками, солдаты эрцгерцога Фердинанда уже въ теченіе двухъ дней слѣдили за двигающимся черезъ „Черный лѣсъ" корпусомъ Гувіона-Сенъ-Сира.

Выслушавъ Ульбаха, поручикъ оживился. У него явилась сильная надежда на успѣхъ. Непріятель, опасаясь быть запертымъ въ городѣ, навѣрное оставитъ его. Радость возможной побѣды вскружила ему голову.

Карбегемъ подалъ сигналъ о замѣченномъ вдалекѣ непріятелѣ. Герикуръ отдалъ приказъ колоннѣ тронуться въ путь. Двумъ драгунамъ, у которыхъ захромали лошади поручили наблюденіе за плѣнными. Въ нѣсколько минутъ, по указаніямъ Пье-де-Жасента, изъ копій и шинелей были сооружены носилки; на нихъ положили раненаго тюренгенца. Изъ его раны на оголенной до кожаныхъ брюкъ вздрагивающей, коричневой спинѣ продолжала сквозь смоченную водой повязку сочиться кровь. Носилки и плѣнные медленно направились къ западу, къ маленькому лѣску, гдѣ располагался резервъ бригады.

Герикуръ подошелъ къ Флаго, внимательно разсматривавшему приближавшуюся со стороны новую кучку людей. Эта была колонна драгунъ. Вскорѣ обѣ колонны соединились. Прибывшіе еще были подъ впечатлѣніемъ рукопашнаго боя. Глубоко дыша, съ горящими глазами и съ засученными рукавами, они поправляли ремни, разстегивали мундиры и жилеты и говорили охрипшими, задыхающимися голосами. У нѣкоторыхъ сломанныя ножны только до половины прикрывали сабли.

Пье-де-Жасентъ внимательно вслушивался, но ничего не понималъ изъ ихъ разговоровъ.

— Ей Богу—увѣрялъ Трегекъ:—волосы старика сіяли, какъ покрывало св. Анны, когда ее увидишь ночью передъ алтаремъ.

— А громадный какой! Сажени въ двѣ съ половиной будетъ.

— Ты видѣлъ его саблю? Когда онъ махалъ ею, казалось, что молніи сыплются съ неба.

— Во рту у него пылаетъ огонь, какъ въ горнилѣ, въ которомъ сгорѣлъ св. Андрей.

— Всѣ другіе были только хвостомъ его.

— Да и были ли тамъ другіе?!

— Почемъ знать!

— Дуракъ!—закричалъ Питуэ:—ихъ было сто человѣкъ.

— Сто! каково?!... сто!... три, четыре, ну, можетъ быть, двадцать. Во всякомъ случаѣ другихъ не видѣли.

— Бѣдный тюрингенецъ зато очень хорошо ихъ чувствовалъ.

— Замолчи, парижанинъ, это старый офицеръ направлялъ копье своего солдата.

— Чортъ возьми, какое суевѣріе!

— Все-таки я не желалъ бы увидѣть старика еще разъ,—сказалъ Нонденъ:—когда я былъ еще маленькимъ, моя сестра въ Амбуазскомъ лѣсу видѣла такого же громаднаго человѣка, косившаго деревья косой въ сто локтей длиной.

— Въ Гановрѣ,—сказалъ Пье-де-Жасентъ,—былъ артиллеристъ; какъ только онъ появлялся, всѣ пули летѣли мимо.

— Тоже старикъ?

— Ей Богу, почти такой же, какъ этотъ.

— Ну, берегись; ты его еще увидишь!

— Ну, успокойтесь, ребята. Взводъ, смирно!

Всѣ остановились, съ облегченіемъ вздыхая, радуясь, что теперь не предстоитъ столкновенія съ непріятелемъ.

Черезъ каски солдатъ, Герикуръ видѣлъ вылетавшіе и стлавшіеся по землѣ клубы дыма. За этимъ зрѣлищемъ слѣдили и солдаты. Съ сѣвера доносился пушечный громъ артиллеріи Гувіона-Сенъ-Сира, который долженъ былъ соединиться съ пѣхотными полками Ришпанса, расположившимися за окружающими городъ драгунами Моро.

Эскадроны выстроились на склонѣ, покрытомъ тысячами пустыхъ патроновъ, которые побросали здѣсь отступавшіе австрійцы. Недалеко отъ опрокинутаго артиллерійскаго ящика, маленькій генералъ на бѣлой лошади указывалъ на что-то кавалеристамъ. Съ наклоненными мѣдными касками проносились они мимо него по направленію его протянутой руки.

Два полка спускались къ рѣкѣ далеко отъ того мѣста, откуда доносились выстрѣлы главнѣйшихъ австрійскихъ

силъ. Вдругъ съ востока изъ-за лѣсистыхъ уступовъ горы послышалась тоже пушечная пальба.

— Это вѣдь не эхо,—проговорилъ Пье-де-Жасентъ:— перестрѣливаются со всѣхъ сторонъ. Посмотрите, видите: ихъ кавалерія несется по направленію пушечной пальбы.

Въ самомъ дѣлѣ, въ лабиринтѣ переднихъ холмовъ показались колючіе ряды копій и красная лента шапокъ австрійскихъ кавалеристовъ, то пропадавшихъ за холмами, то снова появлявшихся на возвышенныхъ пунктахъ мѣстности. Къ Бернарду подскакалъ адъютантъ съ приказомъ нагнать эскадронъ. Драгуны тронулись вытянутымъ строемъ.

Вниманіе всѣхъ привлекали толпы раненыхъ, направлявшихся обратно къ западному лѣсу подъ прикрытіемъ дивизіи Риппанса. Несчастные полураздѣтые, съ повязанными окровавленными тряпками головами, съ трудомъ переступали по вязкой вспаханной почвѣ; нѣкоторыхъ несли на носилкахъ, устроенныхъ изъ чепраковъ, привязанныхъ къ ружьямъ. Окруженные драгунами съ ружьями на плечахъ, въ центрѣ колонны замѣчались плѣнные австрійцы въ бѣлыхъ запачканныхъ масломъ и почернѣвшихъ отъ пороха мундирахъ.

Между всей этой массой людей, недавно бывшихъ въ огнѣ, Герикуръ узнавалъ бѣлокурыхъ тяжело волочившихъ изнемогшія ноги крестьянъ. Низко надвинувъ на лбы свои мохнатыя съ бляхами шапки, они шли, сильно сгорбившись, прищуривая отъ солнца свои глаза.

Между тѣмъ артиллерійская канонада все усиливалась. Ружейный трескъ мѣшался съ воплями людей, командами начальниковъ.

Точно отвратительный хохотъ титана, по всей опушкѣ лѣсовъ прокатывался несмолкавшій пушечный громъ; вторя ему, грохотали горы.

Звуки то затихали, то снова разростались. Въ рѣдѣющемъ дымѣ трепетали ошеломленныя птицы. Повсюду, и по рыхлымъ полямъ, и по крѣпко убитымъ дорогамъ, рысью трусили драгуны. Французская кавалерія двигалась по путямъ параллельнымъ тѣмъ, по которымъ наступала легкая непріятельская кавалерія и, растянувшись, длинной лентой опоясывала вершину горы.

— Чортъ ихъ возьми; не расходятся,—ворчали марсельцы, поднимаясь по крутому замедлявшему ихъ шагъ косогору.

Герикуръ прислушивался къ словамъ солдатъ, снова возобновившихъ разговоры о фантастическомъ старомъ офицерѣ. Впрочемъ, бретонцы говорили мало; они были сильно испуганы приказомъ полковника, отданнымъ отряду Герикура: идти во главѣ эскадрона.

— Вотъ видишь, сударь, во время боя я пробился до войскъ Гувіона-Сенъ-Сира; собралъ и присоединилъ къ лѣвому флангу обрывки арміи. А это все было необходимо, если только я вѣрно понялъ. Не забудь, поручикъ, передать все это генералу Моро.—Слышите, ребята. Вы идете подъ выстрѣлы пушекъ. Вездѣ огонь до Штакбаха. Вотъ такъ дьявольская пляска! Хорошую мы имъ кашу заварили!

Бывшій берейторъ громко расхохотался и нѣсколько разъ ударилъ себя по ляжкѣ; каска его была сдвинута на затылокъ, и изъ чешуекъ ея выставлялось его лицо съ жирными складками. Съ его обнаженной сабли стекала кровь.

Бернардъ послушно повиновался.

Вскорѣ они опередили съ трудомъ взбиравшійся на косогоръ на взмыленныхъ лошадяхъ взводъ кавалеріи.

Въ разстегнутыхъ мундирахъ, съ грязными отъ пыли потными лицами и съ сильно вздувшимися на грубыхъ рукахъ жилами, люди шли навстрѣчу смерти, подтрунивая надъ ней.

— Эй, Маріусъ, и ты тоже?!—прокричалъ черный какъ кротъ вахмистръ.

Лошадиный топотъ заглушилъ слова Маріуса.

Онъ поднялъ въ знакъ прощанія руку.

— Питуэ—прокричалъ изъ перваго отряда чей-то мальчишескій голосъ:—нашъ трикъ-тракъ въ „а ла Режансъ“.

— А котильоны Памелы! а осмѣянный ревнивецъ? Ну, прощай, Питуэ.

— И ты тутъ, Карбегемъ?! Ты бѣжишь. Ну пошелъ, пошелъ; мы еще разопьемъ съ тобой бутылочку пива.

— Похорони же меня въ бочкѣ, Нонденъ, если я останусь тамъ.

Скакавшіе галопомъ тоже узнавали въ рядахъ своихъ знакомыхъ, но ихъ шутливыя привѣтствія звучали неискренно.

Лошадь Бернарда, сильно сжатая его колѣнями, пошла рѣзвѣе. Солнце ярко играло на молодой зелени; издалека

доносился шумъ битвы, но въ глубинѣ долины, ярко освѣщенной лучами горячаго солнца, этотъ шумъ казался отголоскомъ удалявшейся бури.

Взводъ помчался еще быстрѣе, миновалъ авангардъ.

Въ тишинѣ рѣзко отдавался стукъ лошадиныхъ копытъ. Нѣсколько нищихъ, шедшихъ по тропинкѣ, испуганно бросились въ кусты боярышника.

Привставая на стременахъ въ тактъ хода лошади. Герикуръ ѣхалъ быстрой рысью, разгорячаясь лихорадочнымъ напряженіемъ движенія. Мысль о возможной встрѣчѣ съ маіоромъ непріятельской легкой кавалеріи не оставляла его.

Чтобы отогнать отъ себя чувство страха, онъ бормоталъ имя Авреліи, но оно осталось для него такимъ же холоднымъ, безразличнымъ, какъ и она.

— „Всецѣло отдавшись своимъ интригамъ и романамъ, вспоминаетъ ли она о своемъ братѣ, стремившемся къ славѣ ради нея".—Молодой человѣкъ иронически улыбнулся.

Онъ закрылъ глаза и отдался на волю своей лошади; яркіе лучи солнца ударили ему въ лицо, когда онъ въѣхалъ на вершину послѣдняго холма, за которымъ на большой равнинѣ виднѣлись многочисленные полки непріятельской кавалеріи и десятка два окутанныхъ облаками бѣлаго дыма гремящихъ батарей.

Изъ деревни выходила пѣхота и, развертываясь, занимала позиціи у подножія холмовъ.

Къ ней колоннами батальоновъ надвигалась часть французской бригады. Герикуръ различилъ красные ментики 5-го гусарскаго полка, направлявшагося къ лѣвому крылу войска. Въ то же время, на склонѣ горы показалась легкая кавалерія. Маленькій генералъ, опередивъ свою бригаду, галопомъ мчался по равнинѣ на своей бѣлой лошади и торопилъ войска.

Драгунамъ приказано было повести атаку противъ кавалеріи генерала Готпуля, слѣдовавшей за пѣхотой. Блестя кирасами, въ синихъ мундирахъ и бѣлыхъ брюкахъ, съ перекрещивающимися на груди яркими перевязами и съ оружіемъ на-готовѣ, непріятель ровнымъ шагомъ приближался къ французскимъ позиціямъ.

Крики двадцати тысячъ людей сливались съ громомъ пушечной пальбы. Охваченный настроеніемъ шумнаго и

стремительнаго движенія многочисленныхъ французскихъ войскъ, Герикуръ совершенно забылъ о страхѣ.

Маленькій генералъ провозгласилъ побѣду, указывая на возвышенности, гдѣ клубились дымки орудій французскихъ батарей. У лѣса, въ лощинахъ и на дорогахъ—вездѣ виднѣлись различныя части французскихъ войскъ. Герикуръ опять замечтался о славѣ, которую онъ завоюетъ своей саблей. Громкіе клики тысячи голосовъ дѣйствовали на него опьяняющимъ образомъ.

Драгуны также воодушевились подъ вліяніемъ рѣчи сіяющаго и торжествующаго маленькаго генерала, который, привставъ на стременахъ, восхвалялъ доблести націи.

Какъ струйки воды, текущія сквозь корзину, войска республики стремительными потоками выбѣгали изъ лѣсовъ и сливались въ кипящее и дымящееся озеро, полное блеска и яркихъ красокъ, могучія волны котораго яростно бросались на непріятельскіе эскадроны.

Игра цвѣтовъ, крики, пальба пушекъ, топотъ лошадей на зеленой равнинѣ, сливавшіеся и развертывавшіеся ряды людей со сверкающими штыками и съ яркими пестрѣющими перьями на каскахъ—все это наполняло Герикура разнообразными, сильными ощущеніями. Съ лѣваго кургана со стрѣлявшей тамъ батареи доносился рѣзкій запахъ пороха.

Бернардъ былъ весь поглощенъ созерцаніемъ картины борьбы, разыгравшейся на днѣ лежащей передъ нимъ долины. Съ расширенными глазами, нервно дыша, слѣдили за этимъ же зрѣлищемъ окружавшіе Герикура драгуны. Вся атмосфера, казалось, была воодушевлена; въ ней какъ-бы слились испарившіеся подъ огнемъ пушечныхъ канонадъ десятки тысячъ солдатскихъ душъ.

Драгуны, опьяненные происходящимъ, готовы были на все, что бы ни приказалъ подскакавшій къ нимъ въ полуразстегнутомъ мундирѣ съ окровавленной саблей полковникъ. Послышался топотъ спускавшихся по склону горы семи эскадроновъ, и глыба людей, звеня оружіемъ, обрушилась на равнину. Герикуру казалось, что на днѣ долины билась вся нація. Отряды артиллеристовъ съ красными перьями заслонили собою ближайшую батарею, откуда стрѣляли двѣ пушки. По дорогѣ сквозь клубы пыли, поднимаемые лошадьми, блестя касками и саблями съ громкими

стремительнаго движенія многочисленныхъ французскихъ войскъ, Герикуръ совершенно забылъ о страхѣ.

Маленькій генералъ провозгласилъ побѣду, указывая на возвышенности, гдѣ клубились дымки орудій французскихъ батарей. У лѣса, въ лощинахъ и на дорогахъ—вездѣ виднѣлись различныя части французскихъ войскъ. Герикуръ опять замечтался о славѣ, которую онъ завоюетъ своей саблей. Громкіе клики тысячи голосовъ дѣйствовали на него опьяняющимъ образомъ.

Драгуны также воодушевились подъ вліяніемъ рѣчи сіяющаго и торжествующаго маленькаго генерала, который, привставъ на стременахъ, восхвалялъ доблести націи.

Какъ струйки воды, текущія сквозь корзину, войска республики стремительными потоками выбѣгали изъ лѣсовъ и сливались въ кипящее и дымящееся озеро, полное блеска и яркихъ красокъ, могучія волны котораго яростно бросались на непріятельскіе эскадроны.

Игра цвѣтовъ, крики, пальба пушекъ, топотъ лошадей на зеленой равнинѣ, сливавшіеся и развертывавшіеся ряды людей со сверкающими штыками и съ яркими пестрѣющими перьями на каскахъ—все это наполняло Герикура разнообразными, сильными ощущеніями. Съ лѣваго кургана со стрѣлявшей тамъ батареи доносился рѣзкій запахъ пороха.

Бернардъ былъ весь поглощенъ созерцаніемъ картины борьбы, разыгравшейся на днѣ лежащей передъ нимъ долины. Съ расширенными глазами, нервно дыша, слѣдили за этимъ же зрѣлищемъ окружавшіе Герикура драгуны. Вся атмосфера, казалось, была воодушевлена: въ ней какъ-бы слились испарившіеся подъ огнемъ пушечныхъ канонадъ десятки тысячъ солдатскихъ душъ.

Драгуны, опьяненные происходящимъ, готовы были на все, что бы ни приказалъ подскакавшій къ нимъ въ полу-разстегнутомъ мундирѣ съ окровавленной саблей полковникъ. Послышался топотъ спускавшихся по склону горы семи эскадроновъ, и глыба людей, звеня оружіемъ, обрушилась на равнину. Герикуру казалось, что на днѣ долины билась вся нація. Отряды артиллеристовъ съ красными перьями заслонили собою ближайшую батарею, откуда стрѣляли двѣ пушки. По дорогѣ сквозь клубы пыли, поднимаемые лошадьми, блестя касками и саблями съ громкими

Художественное исполненіе рельефныхъ и гладкихъ **монограммъ, факсимиле гербовъ** и т. п., на всевозможныхъ бумагахъ и матеріяхъ для поздравительныхъ и пригласительныхъ **билетовъ, меню** и пр. золотомъ, серебромъ, эмалью и разными красками совмѣстно.

Къ услугамъ Гг. заказчиковъ имѣется всевозможныхъ рисунковъ въ большомъ выборѣ готовыя **модели монограммъ, гербовъ, украшеній, знаковъ** и пр.

Спеціальный отдѣлъ.

КЛИШЕ. Ксилографическія, гальванопластическія, цинкографическіе, тоновые и стереотипные.

Громадный выборъ готовыхъ и пріемъ заказовъ на **спеціально-рекламныя клише**, оригинальныя по мысли и для каждаго рекламирующаго предмета, а равно всевозможныя клише для газетныхъ **объявленій**, изданій, прейсъ-курантовъ, журналовъ и иллюстрацій въ видѣ отдѣльн. предметовъ, украшеній, медалей, орловъ и пр.

Для выбора къ изготовленію новыхъ имѣется къ услугамъ гг. заказчиковъ **болѣе 20000** новѣйшихъ рисунковъ.

Примѣчаніе: Спѣшные заказы на клише могутъ быть исполнены включительно съ изготовленіемъ рисунка **въ 24 часа**.

Для успѣшнаго и точнаго изготовленія клише гг. заказчики благоволятъ присылать ясные образцы, какъ, напр., для цинкографическихъ клише хорошіе печатные оттиски (черное на бѣломъ), для ксилографическихъ отчетливые рисунки, для гальванопластическихъ и стереотиповъ, хорошія, не бывшія въ употребленіи клише, для тоновыхъ хорошіе рисунки или фотографіи.

НОВѢЙШІЕ РОСКОШНАГО ИСПОЛНЕНІЯ
ПЛАКАТЫ ДЛЯ РЕКЛАМЪ.

Въ большомъ выборѣ **готовые**, примѣнимые для **всякихъ предметовъ** торгово-промышленности а также изготовленіе ихъ во всякомъ желаемомъ стилѣ размѣра и формы разнаго производства, а именно, **литографскіе, хромолитографскіе, золотопечатные, жестяные, прозрачные, гальванопластическіе, художественные, целлюлоидные** и др.

Заказы на **плакаты** принимаются по желанію гг. заказчиковъ включительно съ ихъ развѣской или распространеніемъ повсемѣстно.

Афиши для всевозможныхъ зрѣлищъ, **цирковыхъ и театральныхъ представленій, концертовъ** и т. п. имѣются въ богатѣйшемъ выборѣ готовыя и пріемъ заказовъ на срочное исполненіе ихъ. **Художественныя роскошныя бумаги** для **программъ, входныхъ** и др. **билетовъ**, а равно спеціально артистическія **клише** всегда имѣются на складѣ. Изготовленіе заказовъ въ самое непродолжительное время.

Лучшія гуммированныя и лакированныя **буквы и цифры** для наклейки и изготовленіе изъ нихъ во всякой желаемой формѣ всѣхъ цвѣтовъ, размѣровъ и на всѣхъ языкахъ.

Отдѣлъ переплетный.

Изготовленіе всѣхъ безъ исключенія **переплетныхъ и брошюровочныхъ** работъ, **линованіе и проколка бумагъ, нумеровка** и т. п.

ПЛАКАТОВЪ, АНШЛАГОВЪ, ЦѢНЪ, НАДПИСЕЙ И Т. П.

При заказѣ на таковые предметы фирмою **«К. В. Мернертъ»** взимается лишь стоимость **буквъ и цифръ**, а изготовленіе изъ нихъ и картонъ безплатно.

Въ большомъ выборѣ **ПАСПАРТУ** англійскихъ и французскихъ, форматовъ изящнаго исполненія разной величины, фасона и цвѣта, а также пріемъ заказовъ на оныя включительно съ вставленіемъ портретовъ, картинъ и пр.

Спѣшные заказы изготовляются въ теченіи **3 часовъ**.

Рекламы для подарковъ,

Изображающія въ миніатюрѣ всевозможные предметы торгово-промышленности съ помѣщеніемъ на нихъ художественнымъ печатнымъ и граверным способомъ наименованія фирмы, адресъ и проч., всевозможнаго рода портфели для бумагъ, виды въ разномъ исполненіи, подставки для лампъ, письменныхъ и др. приборовъ, градусники, спичечницы, блюда и щита для украшенія стѣнъ и пр. и пр. имѣются всегда въ громадномъ выборѣ: исполненіе заказовъ скорое и аккуратное.

КРОМѢ ТОГО ИЗГОТОВЛЯЮТСЯ:

Рекламы товаровъ, въ видѣ оригинала изображающія точную копію по величинѣ и укупорки какого угодно предмета.

Календари

Стѣнные, отрывные и карманные имѣются всегда въ богатомъ выборѣ разныхъ размѣровъ и исполненія. Также пріемъ заказовъ на спеціально фирменные т. е. съ помѣщеніемъ текста на спинкѣ календарей или внутри съ художественными обложками, служащіе рекламой какъ предметъ для раздачи своимъ покупателямъ удобный и хорошій

Движущіяся механическія рекламы въ громадномъ выборѣ.

Для выставки въ окнахъ и витринахъ оригинальные и типичные роскошнаго художественнаго исполненія, на которыхъ можетъ быть припечатываемо какое угодно объявленіе; всѣ рекламы снабжены механическимъ устройствомъ, дающимъ постоянное имъ движеніе и привлекающимъ этимъ вниманіе публики.

Новѣйшія **переводныя** рекламы и примѣнимыя какъ фабричныя марки и торговые знаки для швейныхъ машинъ, велосипедовъ, электрическихъ и техническихъ принадлежностей и т. п., а также какъ вставки и украшенія для зеркальнаго, столярнаго, мебельнаго, картонажнаго и фарфороваго производства, изготовляемыя во всякомъ желаемомъ стилѣ и формѣ отъ 1 до 40 красокъ совмѣстно.

Рекламныя Адресныя карты.

Постоянно богатый выборъ новѣйшихъ рисунковъ готовыхъ.

Спеціально рекламныхъ для каждаго рода торговли въ отдѣльности и др.; всевозможные художественные, прозрачные, раскладные съ изображеніемъ разнаго рода видовъ и типовъ и множество оригинальныхъ всякаго размѣра и формата картъ китайской и японской работы.

ПЕРЕВОДЫ и **ПЕРЕПИСКА** всякаго рода на и со всѣхъ европейскихъ языковъ.

РИСУНКИ. Эскизы и чертежи во всякомъ родѣ для всѣхъ безъ исключенія работъ исполняются лучшими художниками.

СОСТАВЛЕНІЕ всевозможныхъ печатныхъ и др. рекламныхъ работъ, газетныхъ и проч. объявленій, циркулярныхъ писемъ, прейсъ-курантовъ, брошюръ, описаній производства или промышленности какого-либо товара и т. п. исполняются на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ повсемѣстно всякаго рода рекламъ и рекламированія во всевозможныхъ способахъ фирма „К. В. Мерпертъ" принимаетъ на себя съ ручательствомъ за точное и аккуратное исполненіе.

АДРЕССА составленные въ отдѣлахъ и группахъ по раіонамъ всѣхъ безъ исключенія отраслей торгово-промышленныхъ всевозможныхъ предпріятій, казенныхъ и частныхъ учрежденій и лицъ спеціальныхъ сословій.

Адреса продаются готовые въ комплектахъ для наклейки съ надписаніемъ ихъ на конвертахъ, бандероляхъ и пр. а также включительно съ изготовленіемъ конвертовъ и бандеролей и печатаніемъ адресовъ.

жалѣть затратъ, увѣренно разсчитывая на ея несомнѣнную пользу; нѣкоторыя же торговыя фирмы, учрежденія и лица, не имѣя руководства или руководителя, пользуются шаблонными пріемами и услугами разныхъ лицъ, именующихъ себя агентами, задачи которыхъ заключаются несомнѣнно только въ томъ, чтобы получить заказъ на какую-либо рекламу безъ всякой нравственной и матеріальной отвѣтственности за то, что предлагаемая реклама и ея матеріалъ взамѣнъ пользы принесутъ положительный вредъ заказчику, въ виду того, что пріемъ заказовъ этими лицами основанъ не на серьезномъ отношеніи и пониманіи дѣла, а только въ силу личныхъ матеріальныхъ соображеній, пользуясь довѣрчивостью нѣкоторыхъ заказчиковъ; а потому, многіе изъ нихъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, недовѣрчиво относятся къ рекламѣ и, не сознавая пользы для себя въ рекламированіи предметовъ своей торговли, остаются глухими къ призыву этой безусловно великой силы, давшей міровую извѣстность многимъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ. Въ виду всего вышеизложеннаго я, ссылаясь на свою многолѣтнюю практику, которую имѣлъ благодаря большому количеству довѣрителей, и между ними такія крупныя предпріятія, какъ Берлинская-промышленная выставка въ 1896 году и художественно-промышленная выставка въ Стокгольмѣ въ 1897 году и др., а равно отъ многихъ торговыхъ фирмъ, отъ которыхъ за умѣлое и успѣшное распространеніе рекламъ и примѣненіе хорошаго матеріала имѣю письменныя благодарности, смѣю высказать, что реклама вполнѣ достигаетъ цѣли, если таковая производится опытнымъ лицомъ безъ посредства коммиссіонеровъ и снабженная хорошимъ матеріаломъ, такъ-то: изящные плакаты (оригинальные по мысли и рисунку), клише, циркуляры, каталоги, иллюстрированные прейсъ-куранты, изящные предметы для раздачи, умѣло, съ интересомъ для читающей публики составленныя газетныя и др. объявленія и проч. въ этомъ случаѣ реклама будетъ всегда служить честной и доброй цѣлью дѣйствовать неизмѣримо сильнѣе, и успѣхъ ихъ будетъ вѣроятнѣе, чѣмъ реклама неумѣстная, крикливая и безсодержательная.

Задавшись мыслію познакомить почтеннѣйшую публику съ различными матеріалами для рекламированія, которыми всегда готовъ служить, исключительно лучшаго исполненія и вполнѣ соотвѣтствующими своему назначенію, я считаю долгомъ замѣтить, что матеріалъ для рекламы слишкомъ разнообразенъ, такъ что руководствоваться какимъ-либо прейсъ-курантомъ трудно и намѣтить себѣ опредѣленный предметъ никогда не слѣдуетъ. При-

мѣромъ привожу желаніе заказчика указать выбранный по какому-либо прейсъ-куранту № плаката или тому подобное. Несмотря на то, что по размѣрамъ своимъ выбранный № ближе другихъ подходилъ бы къ желанію заказчика, но принимая во вниманіе цѣль распространенія его путемъ развѣски въ вагонахъ конно-желѣзныхъ дорогъ или на пароходныхъ пристаняхъ и т. п., то по необходимости придется выбрать плакатъ другого размѣра, потому что каждое учрежденіе, принимающее для развѣски разнаго рода распространенія, имѣетъ свои особыя правила и условія, и кромѣ того, обращая вниманіе на условную плату за опредѣленный размѣръ, можно достигнуть нѣкоторыхъ сбереженій въ расходѣ, перемѣнивъ его на другой, причемъ цѣль распространенія будетъ одинаково достигнута. Всѣ подобныя свѣдѣнія пріобрѣтаются опытомъ и большинству чужды. Кромѣ вышеприведеннаго примѣра, я долженъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что всякая реклама достигаетъ лишь цѣли, если при распространеніи ея будетъ принято въ соображеніе, что развѣска аншлаговъ, плакатъ, разсылка циркуляровъ, прейсъ-курантовъ и др. предметовъ должны быть распространяемы, смотря по предлагаемому товару, въ соотвѣтственно нужной мѣстности или раіонѣ, въ извѣстномъ количествѣ и въ теченіе того времени года, когда распространеніе рекламы можетъ принести извѣстную пользу, вообще въ выборѣ способа распространенія и распредѣленія зависитъ особый успѣхъ рекламы; безъ знанія точныхъ свѣдѣній затрачивается непроизводительно значительная сумма денегъ, какъ на матеріалъ, такъ равно и за распространеніе, въ силу чего и слѣдуетъ обращаться всегда къ лицамъ, знающимъ это дѣло, помня пословицу, что каждое дѣло мастера боится. Высказавъ нѣкоторый взглядъ на значеніе рекламы, я, въ особенности теперь, считаю необходимымъ коснуться нѣсколькихъ **способовъ** распространенія. Если для составленія и выбора матеріаловъ для рекламированія необходимы вкусъ и умѣнье, чтобы заставить обратить вниманіе на ея типичность, то для распространенія нужно много опыта, чтобы быть увѣреннымъ, что избранный способъ или форма дадутъ желаемые результаты. Начну съ газетныхъ и журнальныхъ объявленій, такъ какъ большинство пользуется ими и считаетъ или, вѣрнѣе сказать, предпочитаетъ ихъ всѣмъ другимъ видамъ; соглашаясь, что объявленія несомнѣнно приносятъ извѣстную пользу, я по личному опыту долженъ указать, (въ большихъ городахъ существуютъ конторы для пріема объявленій во всѣ газеты и журналы; эти, занимаясь передачей принятыхъ объявленій, заботятся о своевременномъ выходѣ въ свѣтъ и слу-

жать такимъ образомъ посредникомъ между заказчиками и редакціями, избавляя первыхъ отъ затраты времени на посѣщеніе и на переписку съ ними, а также въ силу особыхъ соглашеній дѣлаютъ своимъ крупнымъ заказчикамъ скидки съ редакціонныхъ цѣнъ, чѣмъ клiенты ихъ достигаютъ нѣкоторыхъ сбереженій. Въ этомъ заключается несомнѣнно заслуга этихъ учрежденій предъ рекламирующей публикой. Главное же значеніе при газетныхъ и журнальныхъ объявленіяхъ—это выборъ изданій и умѣлое составленіе ихъ, точныя указанія коего могутъ указывать лишь лица, знающія спеціально дѣло рекламы и мѣстность распространенія), наряду съ газетными и журнальными объявленіями на распространеніе путемъ развѣски плакатовъ внутри вагоновъ конно-желѣзныхъ дорогъ, помѣщеніе вывѣсокъ на тѣхъ же вагонахъ, развѣска ихъ на кіоскахъ, колоннахъ, въ общественныхъ мѣстахъ, на пароходныхъ пристаняхъ и желѣзно-дорожныхъ станціяхъ, въ каютахъ пароходовъ (разныхъ пароходныхъ обществъ) въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, а равно помѣщеніемъ объявленій въ спеціальныхъ изданіяхъ и предпріятіяхъ по рекламѣ. Такіе способы распространенія, обнимая большой раіонъ, также достигаютъ цѣли. Къ вышеприведеннымъ способамъ слѣдуетъ еще добавить изящно исполненные предметы для раздачи въ видѣ календарей, рекламныхъ картъ, разныхъ предметовъ торговли въ миніатюрѣ съ изображеніемъ на нихъ фирмы производителя или промышленника, хорошо составленные прейсъ-куранты, каталоги, циркулярныя письма и проч., которые распространяются путемъ приложенія къ разнымъ изданіямъ и разсылкою по почтѣ фирмамъ, лицамъ и учрежденіямъ по имѣющимся готовымъ адресамъ; сгруппированные въ отдѣлы по различнымъ отраслямъ торговли и промышленности, комплекты такихъ адресовъ даютъ возможность распространить всякую рекламу исключительно въ кругу желаемыхъ мѣстъ и лицъ и избавляютъ отъ лишней разсылки, т. е., вѣрнѣе сказать, затратъ. Кромѣ того, всякія печатныя рекламы могутъ быть раздаваемы на улицѣ или въ общественныхъ мѣстахъ, чрезъ конторы, артельщиковъ, имѣющихъ на то особенное право. чѣмъ также достигается несомнѣнный успѣхъ. Еще о многомъ по отношенію рекламы и ея распространенія я могъ бы указать, но, имѣя въ виду въ недалекомъ будущемъ выпустить въ свѣтъ полное руководство, въ заключеніе осмѣливаюсь предложить свои услуги по всѣмъ отраслямъ, относящимся для рекламы.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

К. В. Мерпертъ.

...ранія сочиненій Ив. Ив. Лажечникова, всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій Генриха Гейне и, вмѣсто 2-хъ, четыре изящно переплетенныя книги «Живописной Россіи», посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестепного пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, уплачиваютъ за годовое изданіе «Новаго Міра» со всѣми вышеперечисленными приложеніями, вмѣсто 14-ти руб.,—**26 рублей** (заграничные подписчики **36** рублей).

Кромѣ подписки на журналъ съ приложеніями за два года, редакція «Новаго Міра», по примѣру прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложеній прошлогодними, а именно, взамѣнъ второй половины соч. Лажечникова и Гейне, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ писателей; вмѣсто же двухъ книгъ «Живописной Россіи» за 1900 годъ,—двѣ книги того-же изданія, выпущенныя въ 1899 году, т.-е. посвященныя описанію Внутренняго Нестепного пространства и Донско-Каспійской области.

☛ Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, взамѣнъ объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе **по возможности** на отдѣльномъ листкѣ бумаги.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА «НОВОМУ МІРУ» со всѣми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи . . . . **14 р.**
Роскошное изданіе—**18** рублей. За границу—**24** руб., роскошное изданіе **28** руб.

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе **2 руб.**, остальныя же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ **14 руб.** При подпискѣ въ разсрочку безплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка на „НОВЫЙ МІРЪ" и объявленія принимаются въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ, въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, № 12, а также въ редакціи „НОВАГО МІРА", въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собственный домъ, №№ 5—7.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

НА

Общественно-политическую еженедѣльную газету

„НЕДѢЛЯ"

(ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

СЪ ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ЖУРНАЛОМЪ

„КНИЖКИ НЕДѢЛИ"

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ **В. П. ГАЙДЕБУРОВЪ.**

Въ 1900 году „НЕДѢЛЯ" будетъ выходить попрежнему **двумя** изданіями: въ формѣ еженедѣльной общественно-политической газеты „НЕДѢЛЯ" и ежемѣсячнаго литературнаго и критическаго журнала „КНИЖКИ НЕДѢЛИ".

„КНИЖКИ НЕДѢЛИ", составляя органическую часть „НЕДѢЛИ", въ то же время представляютъ собою **полный литературный журналъ**, съ критическимъ отдѣломъ, какъ-бы самостоятельное ежемѣсячное изданіе, посвященное тѣмъ сторонамъ жизни, которыя не входятъ въ область интересовъ дня.

Въ настоящемъ своемъ видѣ „НЕДѢЛЯ“ вмѣстѣ съ „КНИЖКАМИ НЕДѢЛИ“ охватываетъ всѣ вопросы и интересы текущей жизни, подлежащіе вѣдѣнію періодической печати. Выдѣляя и подбирая, среди безпорядочнаго хаоса текущихъ событій и вопросовъ, все самое важное, редакція „НЕДѢЛИ“ имѣетъ при этомъ въ виду потребности главнымъ образомъ трудящейся интеллигенціи всякаго рода, званія и положенія, съ серьезными умственными привычками и высокими требованіями къ литературѣ. Удовлетворять умственнымъ потребностямъ этой дѣятельной части русскаго общества, заброшенной иногда въ самые глухіе уголки Россіи, помогать ей разбираться въ сложныхъ явленіяхъ русской и иностранной жизни, извлекая изъ нихъ лучшіе просвѣтительные уроки,—и составляетъ главнѣйшую задачу „НЕДѢЛИ“.

„НЕДѢЛЯ“ сообщаетъ читателямъ всѣ тѣ извѣстія, какія заключаются въ ежедневныхъ газетахъ, но въ болѣе связномъ видѣ, провѣренномъ и обработанномъ. Все случайное и безсодержательное при этомъ отпадаетъ, все остающееся—существенное—образуетъ цѣльную и правдивую картину текущей жизни, освѣщаемую въ сжатыхъ, точныхъ, заботливо разъясненныхъ статьяхъ.

Кромѣ передовыхъ, руководящихъ статей принципіальнаго характера, „НЕДѢЛЯ“ въ каждомъ номерѣ даетъ руководящія-же статьи по практическимъ очереднымъ вопросамъ; затѣмъ—связную и обработанную хронику законодательной земской и общественной дѣятельности, политическихъ извѣстій и текущей заграничной жизни; обстоятельныя статьи обще-культурнаго, бытового, общественно-житейскаго и популярно-научнаго характера; отзывы о новыхъ книгахъ, корреспонденціи изъ провинціи, замѣтки объ искусствѣ и различныхъ болѣе мелкихъ злобахъ дня.

Въ „НЕДѢЛѢ“ и въ „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ“ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, В. П. Авенаріусъ, А. В. Амфитеатровъ, Н. П. Анненкова-Бернаръ, А. Н. Будищевъ, В. В., проф. Н. П. Вагнеръ, М. В. Ватсонъ, Б. Л. Величко, З. А. Венгерова, С. А. Венгеровъ, Н. Н. Вентцель, М. И. Венюковъ, проф. А. Н. Веселовскій, П. И. Вейнбергъ, В. М. Владиславлевъ, В. В. Водовозовъ, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, П. П. Гнѣдичъ, Н. Л. Гладкій, прив.-доц. В. М. Грибовскій, Яромиръ Грубый, В. Л. Дѣдловъ, А. Я. Ефименко, А. М. Жемчужниковъ, И. Н. Захарьинъ, Г. Р. Карргемъ, А. Г. Каррикъ, А. Ѳ. Кони, проф. П. И. Ковалевскій, А. А. Коринфскій, Д. А. Коропчевскій, Ѳ. Ѳ. Крыштофовичъ, А. Н. Котельниковъ, проф. А. Н. Красновъ, П. Н. Красновъ, М. В. Крестовская, Ц. А. Кюи, А. В. Лаврскій, В. П. Лебедевъ, М. Н. Мазаевъ, Н. В. Максимовъ, Евг. Л. Марковъ, М. О. Меньшиковъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, П. Е. Накрохинъ, Н. Н. Неплюевъ, Н. Н. Нечаевъ, И. Н. Потапенко, А. А. Потѣхинъ, С. Д. Протопоповъ, А. С. Пругавинъ, С. И. Раппопортъ, П. А. Ровинскій, Н. А. Рубакинъ, И. Е. Рѣпинъ, проф. Н. Д. Сергѣевскій, В. К. Случевскій, К. К. Случевскій, Вл. С. Соловьевъ, проф. Н. И. Стороженко, проф. В. Ѳ. Сумцовъ, С. Н. Сыромятниковъ, П. А. Тверской, А. А. Тихоновъ (Луговой), В. А. Тихоновъ, гр. Л. Н. Толстой, гр. Л. Л. Толстой, К. И. Туръ, А. П. Фаресовъ, В. Фирсовъ, Н. Н. Фирсовъ, К. М. Фофановъ, П. П. Червинскій, Ант. П. Чеховъ, Т. Л. Щепкина-Куперникъ, И. И. Щукинъ, акад. И. И. Янжулъ, Д. В. Ѳедоровъ и другіе.

ЦѢНА еженедѣльной общественно-политической газеты „НЕДѢЛЯ“ и ежемѣсячнаго литературнаго журнала „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“—**ДЕВЯТЬ** рублей въ годъ съ пересылкой и доставкой. Подписка принимается въ конторѣ редакціи **„Недѣли“** С.-Петербургъ, Литейный, 9.

Въ уплатѣ подписной суммы допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 рублей и къ 1 Іюня—остальные 4 рубля. Допускается разсрочка и на другихъ условіяхъ, по соглашенію подписчика съ конторой редакціи.

Въ 1900 году книжки журнала **„Новый Вѣкъ"** будутъ выходить 15 числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ 5—8 листовъ. Составленныя по образцу толстыхъ журналовъ, книжки будутъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. **Внутреннія извѣстія**. Хроника.
II. **Внѣшнія извѣстія**. Заграничныя мелочи.
III. **Статьи** по новымъ законоположеніямъ, городскому и земскому самоуправленію, сельскому хозяйству, техникѣ, финансамъ, искусству, спорту, военному дѣлу и т. п.
IV. **Литература**: романы, повѣсти, разсказы—оригинальные и переводные; стихотворенія, эпиграммы и т. п.
V. **Изъ прошлаго**: мемуары, воспоминанія, замѣтки о старинѣ и т. п.
VI. **Библіографія**. Новыя книги и изданія.
VII. **Письма и корреспонденціи**,—внутреннія и изъ иностранныхъ государствъ.
VIII. **Благотворительность и милосердіе**: статьи по дѣятельности разныхъ обществъ и учрежденій, преслѣдующихъ въ своей дѣятельности помощь ближнему.
IX. **За мѣсяцъ** (фельетонъ).
X. **Наша печать**.
XI. **Мелочи жизни**.
XII. **Почтовый ящикъ**. Вопросы и отвѣты.
XIII. **Объявленія**.

Всѣ **годовые** подписчики за 1900 годъ получатъ, безплатно, по желанію **одинъ** изъ слѣдующихъ художественно отпечатанныхъ портретовъ: **Е. И. В. ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА** (литограф. 10 вер. ширины и 14 вер. вышины); **Е. И. В. ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДМИТРІЯ КОНСТАНТИНОВИЧА** (11 вер. ширины и 15 вер. вышины, исполненъ **12 масляными красками** съ картины *С. В. Животовскаго*) и **А. С. ПУШКИНА** (шириною 10 вер., вышиною 14 вер.), роскошно литографированный заграничнымъ способомъ съ лучшаго оригинала; необходимое украшеніе школы, библіотеки, кабинета и т. д.

Въ годъ, считая и премію, съ доставкою и пересылкой **всего 3 руб.**; за 1/2 года—**2 руб**. Отдѣльные №№ по **50 коп.** За перемѣну адреса—**30 коп.** За излишне выписываемый портретъ **доплачивается 1 руб.** Доставившіе въ теченіе года подписку (хотя бы и разновременно) на 5 экзем., получаютъ **шестой безплатно**. Для облегченія подписки первый номеръ можетъ быть отправленъ наложеннымъ платежемъ (доплата 30 коп.), а остальные №№ обыкновеннымъ порядкомъ. Но они будутъ высланы только тогда, когда наложенный платежъ **будетъ оплаченъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: за 1 стр.—**10 р.**; за 1/2 стр.—**5 р.** и за 1/4 стр.—**3 руб.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи (*Спб., Гороховая ул., д. 9, кв. 12*), въ книжныхъ кіоскахъ *Пташникова*, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и складахъ, въ конторахъ для объявленій и т. п.

Редакторъ-издатель *Н. Г. Николаевъ*.

Мопассанъ. Ги. Наше сердце. Романъ. Перев. М. Н. Ремезова.

Додэ, **Альфонсъ**. Портъ Тарасконъ. Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена. Ц. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Его-же Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 20 коп.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, M-me Альфонсъ Додэ, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильвы, D. Meant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Кореливъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги. Вып. II. Средневѣковая церковная готика. Вып. III. Финикійскіе мореплаватели ихъ культура. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Ц. за I вып. 50 коп; за II и III вып. по 30 к. Вып. IV. Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ Тундрѣ и въ Тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I. Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к. Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 руб. 50 к. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 частяхъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

" Сильвекъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Ц. 2 р.

Ремезовъ, М. Н. (М. Анютинъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ Ц. 1 р.

Сенкевичъ, Генрихъ. Повѣсти и разсказы. Изд. 2-е, удешевленное. Та третья. Поѣздка въ Аѳины. Янко музыкантъ. Старый слуга. Ганя. У источника Идиллія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 руб. Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Безъ догмата. Ром. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е Ц. 1 р. 50 к.

" Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Особымъ отдѣломъ Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

" Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

" Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій романъ изъ временъ Нерона. Перев. В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е удешевленное изданіе. Ц. 1 р.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Юнеша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ „РУССКОЙ МЫСЛИ".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ: 3-е изд. Ц. 1 к. Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для безплатныхъ народныхъ читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. $1^1/_2$ к.

Сенкевичъ. Янко музыкантъ Ц. 1 к.

" Пойдемъ за нимъ. 2-е изд.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к.

Списокъ книгъ для народныхъ библіотекъ, на сумму отъ 5 до 500 руб. Ц. 10 к. А. Ш. Какъ произошло рабство и какой вредъ принесло оно людямъ. (Печатается).

Редакторъ-Издатель **В. М. Лавровъ.**

ГОДЪ ТРЕТІЙ 1900 г.
О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ
„ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ"
ИЗДАВАЕМЫЙ СОСТОЯЩИМЪ ПОДЪ АВГУСТѢЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ

Попечительствомъ о Домахъ Трудолюбія и Работныхъ Домахъ.

Журналъ имѣетъ своею задачею теоретическую и особенно практическую разработку вопросовъ трудовой помощи бѣднымъ въ различныхъ формахъ ея, а также и другихъ вопросовъ общественнаго призрѣнія и благотворительности въ широкомъ смыслѣ.

Программа журнала: 1) Узаконенія и распоряженія правительства по вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности.—2) Журналы Комитета Попечительства о Домахъ Трудолюбія, періодическія сообщенія о положеніи дѣлъ Попечительства, о новыхъ членахъ его, о пожертвованіяхъ и пр. Сообщенія о командировкахъ членовъ Попечительства для осмотра домовъ трудолюбія и результатахъ такихъ командировокъ.—3) Извлеченія изъ отчетовъ отдѣльныхъ домовъ трудолюбія. Сводныя данныя о дѣятельности домовъ трудолюбія.—4) Вопросы и отвѣты по различнымъ сторонамъ устройства и дѣятельности домовъ трудолюбія и другихъ учрежденій трудовой помощи.—5) Статьи и замѣтки по вопросамъ трудовой помощи.—6) Статьи и замѣтки по другимъ отраслямъ общественнаго призрѣнія и благотворительности.—7) Статьи и замѣтки по вопросамъ, соприкасающимся съ общественною благотворительностью.—8) Хроника. Обзоръ дѣятельности земствъ, городовъ, частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ въ сферѣ вспомоществованія бѣднымъ, преимущественно въ области трудовой помощи. Извѣстія о возникновеніи новыхъ благотворительныхъ предпріятій, о пожертвованіяхъ и т. д.—9) Иностранный отдѣлъ. Обзоръ иностраннаго законодательства по вопросамъ общественнаго призрѣнія и благотворительности. Хроника дѣятельности иностранныхъ учрежденій трудовой помощи и другихъ предпріятій въ области благотворительности.—10) Литературное обозрѣніе (русскія и иностранныя книги, брошюры и періодическія изданія).

Въ случаѣ надобности, въ видѣ особыхъ приложеній къ журналу, будутъ печататься оригинальные и переводные труды по предметамъ, входящимъ въ программу журнала.

Журналъ выходитъ, безъ предварительной цензуры, **ежемѣсячно**, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами около 7 листовъ.

Подписная плата—**три рубля въ годъ** съ доставкою и пересылкою. За границу—**пять рублей**.

Отдѣльныя книги журнала продаются по 50 к.

Для лицъ, состоящихъ на службѣ въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на журналъ черезъ казначеевъ, а для прочихъ подписчиковъ при подпискѣ чрезъ Контору журнала—допускается **разсрочка** на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 1 р. 50 к., остальная же сумма вносится ежемѣсячными платежами по 50 к. каждый разъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ С.-Петербургѣ—1) въ конторѣ журнала «Трудовая Помощь», при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Цинзерлинга, быв. Мелье и К° (Невскій, 20, у Полицейскаго Моста).—2) въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Невскій, 38), М. М. Стасюлевича (Вас. Остр. 5 лин., 28), Н. П. Карбасникова (Литейный, 46), фирмы «Издатель» (Невскій, 68).

Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Неглинный проѣздъ) и Н. П. Карбасникова (Моховая, противъ Университета).

Иногородние и заграничные подписчики благоволятъ обращаться въ Контору журнала (Книжный Магазинъ Цинзерлинга, Невскій, 20).

Редакторъ **В. Ѳ. Дерюжинскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1900 годъ
на ежедневную политическую и литературную газету
„Виленскій Вѣстникъ",

органъ Сѣверо-Западнаго края, отвѣчающій на запросы мѣстной жизни, разрабатывающій бытовые и экономическіе вопросы края.

Въ програму «ВИЛЕНСКАГО ВѢСТНИКА» входитъ, между прочимъ, обозрѣніе внутренней жизни Россіи на всемъ необъятномъ пространствѣ нашего отечества и иностранной политики государствъ всего міра. Въ газетѣ помѣщаются: Высочайшія повелѣнія и приказы, правительственныя распоряженія и сообщенія, назначенія и награды по всѣмъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ Сѣверо-Западнаго края, приказы главнаго начальника края и командующаго войсками виленскаго военнаго округа, распоряженія попечителя виленскаго учебнаго округа и всѣхъ правительственныхъ учрежденій края; телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства (днемъ раньше полученія на мѣстѣ столичныхъ газетъ) и спеціальныя; сообщенія корреспондентовъ «ВИЛЕНСКАГО ВѢСТНИКА» изъ городовъ и мѣстечекъ края, изъ столичныхъ и другихъ городовъ, а также изъ-за границы, главномъ образомъ изъ Парижа отъ постояннаго сотрудника корреспондента, прекрасно освѣдомленнаго съ положеніемъ дѣлъ во Франціи.

◇ Въ газетѣ «Виленскій Вѣстникъ» обязательно печатаются, на основаніи 11 п. прилож. къ 318 ст., т. 1-й, ч. 2-я учр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія казенныя объявленія по девяти губерніямъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ. Эти объявленія, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ».

◇ Годовые подписчики, подписавшіеся на газету въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника» съ 1 января, получатъ безплатно газету съ 1 декабря 1900 г.

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ Вильнѣ:		Съ перес. въ др. города:	
На годъ	6 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» 6 мѣс.	3 » — »	» 6 мѣс.	4 » — »
» 3 »	1 » 50 »	» 3 »	2 » — »
» 2 »	1 » — »	» 2 »	1 » 50 »
» 1 »	— » 60 »	» 1 »	1 » — »

Допускается разсрочка:

Годовымъ подписчикамъ: иногородн. при подпискѣ **3 р.**, 1 мая **3 р.** и 1 сентября **2 р.**, городскимъ—1 января **2 р.**, 1 апрѣля **3 р.** и 1 сентября **1 руб.**

НАРОДНЫМЪ УЧИТЕЛЯМЪ: на 1 годъ **6 р.**, 1 января **2 р.**, 1 мая **2 р.** и 1 сентября **2 рубля.**

Подписка принимается въ конторѣ „Вил. Вѣстн." на Большой ул., въ д. Флорентини, гдѣ редакція.

Въ Минскѣ у М. К. Шоффера, Полицейская улица, въ книжномъ магазинѣ Фрумкина и Френкеля, въ Ковнѣ—въ книжномъ магазинѣ Ососкаго, въ Гроднѣ—въ музыкал. магазинѣ Крейцера, въ Бѣлостокѣ—въ книжн. магаз. Кауфмана и Милаковскаго.

Редакторъ-Издатель **П. Бывалькевичъ.**

